B123
200

B123 200

Г. Г. Тельбергъ.

Приватъ-доцентъ Московскаго университета.

ОЧЕРКИ

политическаго суда

И

политическихъ преступленій

въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1912.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
ЛИЧНАЯ
733913

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Стр.

Отъ автора.

Политическій судъ, какъ историко-юридическая проблема..... 1— 14

§ 1. Исторія политическаго суда, какъ проблема уголовнаго и государственнаго права..... 1

§ 2. Политическій судъ, какъ проблема исторіи русскаго права..... 8

ГЛАВА II.

Развитіе идеи политическаго суда въ XVII вѣкѣ ..... 15— 49

§ 1. Политическая расправа въ эпоху Грознаго..... 15

§ 2. Идея закономѣрнаго политическаго суда въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени..... 19

§ 3. Политическій судъ въ Уложеніи царя Алексѣя. Основные моменты политическаго судопроизводства и связь между ними... 27

§ 4. Дозволенное самоуправство въ преслѣдованіи политическихъ преступленій..... 37

ГЛАВА III.

Система государственныхъ преступленій въ Уложеніи царя Алексѣя..... 50—115

§ 1. Общія замѣчанія..... 50

§ 2. Классификація государственныхъ преступленій во второй главѣ 56

§ 3. Умыселъ на государево здоровье..... 61

§ 4. Измѣна великому государю..... 69

§ 5. Скопъ и заговоръ..... 93

§ 6. Пробѣлы Уложенія..... 100

ГЛАВА IV.

Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ..... 116—162

§ 1. Общее понятіе объ извѣтѣ, какъ политическомъ обвиненіи.... 116

§ 2. Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ, какъ публично-правовая обязанность..... 121.

§ 3. Извѣтная челобитная и ея особенности... 134

§ 4. Извѣтчикъ въ сыскѣ..... 142

§ 5. Наказаніе и награда за извѣтъ..... 150

ГЛАВА V.

Сыскъ по государевымъ дѣламъ ..... 163—230

§ 1. Общія черты сыска, его предметы и задачи 163
§ 2. Распросы 179
§ 3. Очная ставка 190
§ 4. Пытка 198
§ 5. Повальный обыскъ 209
§ 6. Сыскъ по вещественнымъ доказательствамъ 216
§ 7. Мѣры пресѣченія въ сыскѣ 218

ГЛАВА VI.

Приговоръ и наказаніе ..... 231—277

§ 1. Приговоръ 231
§ 2. Принципъ индивидуальной отвѣтственности 239
§ 3. Карательныя мѣры 254

ГЛАВА VII.

Органы суда по дѣламъ государевымъ ..... 278—314

§ 1. Воевода 278
§ 2. Государь и дума боярская 293
§ 3. Приказы 306

Примѣчанія ..... 315—340

Указатель историко-юридическихъ статей и изслѣдованій ..... 341—342

ОТЪ АВТОРА.

Настоящіе очерки посвящены, главнымъ образомъ, изслѣдованію *судопроизводственныхъ* порядковъ по дѣламъ, возникавшимъ изъ извѣтовъ въ государственномъ преступленіи; задача эта, какъ увидитъ ниже читатель, тѣснѣйшимъ образомъ переплетается съ нѣкоторыми вопросами изъ исторіи политическихъ учрежденій Москвы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду совершенной неразработанности въ историко-юридической литературѣ вопроса о государственныхъ преступленіяхъ съ матеріальной его стороны, пришлось одинъ изъ очерковъ посвятить именно этому вопросу. Что касается вступительной главы, то на нее не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на попытку систематическаго и законченнаго изслѣдованія всѣхъ тѣхъ сложныхъ вопросовъ, которые переплетаются съ исторіей политическаго суда; въ ней заключается лишь постановка проблемы, а не самое рѣшеніе; ею освѣщается лишь тотъ путь, которымъ авторъ подошелъ къ захватившей его темѣ, тѣ мысли, которыя привели его къ занятію этой работой и очертили ея предѣлы и задачи.

Настоящая работа основана и на печатныхъ и на архивныхъ источникахъ. Важнѣйшимъ изъ печатныхъ было, разумѣется, Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которымъ мы пользовались въ изданіи историко-филологическаго факультета Московскаго университета; при необходимости тысячекратно обращаться къ самому кодексу малый форматъ изданія представлялъ

для насъ неоцѣнимое удобство. Но отъ печатныхъ страницъ Уложенія насъ потянуло къ его подлиннику, къ тому историческому столбцу, на которомъ этотъ послѣдній кодексъ московскаго государства два съ половиной вѣка тому назадъ закрѣпленъ былъ руками „всякаго чину выборныхъ людей“. При сличеніи факультетскаго изданія съ уложеннымъ столбцомъ мы не обнаружили никакихъ существенныхъ разночтеній; только въ ст. II, конецъ читается въ подлинникѣ такъ: „а прежнихъ помѣстій *ему* не отдавать“, между тѣмъ въ изданіи историко-филологическаго факультета слово „ему“ выпущено безъ ущерба, впрочемъ, для ясности мысли. Заглянули мы также и въ скромный придатокъ уложеннаго столбца—*столпикъ* поправокъ, въ которомъ оговорены всѣ „черненья“ уложеннаго подлинника; въ послѣдней статьѣ второй главы уложенный столбецъ содержитъ слѣдующую поправку: въ словахъ „воеводы изъ городовъ *и* изъ полковъ“ соединительное „и“ зачеркнуто и поставлено болѣе соотвѣтствующее смыслу раздѣлительное „или“; эта поправка объяснена въ прибавочномъ столпикѣ такъ: „*потому что та рѣчь такъ надобна*“. Всѣ архивные матеріалы почерпнуты изъ столбцовъ московскаго архива министерства юстиціи, почему въ текстѣ мы ограничиваемся лаконической ссылкой на „архивъ“.

Когда работа наша была уже въ значительной своей части напечатана, явились собранные проф. Новомбергскимъ матеріалы „Слово и дѣло государевы“ (Москва, 1911). Среди нихъ мы съ удовольствіемъ увидѣли многіе изъ тѣхъ самыхъ документовъ, съ которыми мы раньше непосредственно ознакомились въ архивныхъ подлинникахъ, и сознавая все преимущество ссылки на печатные источники, поспѣшили замѣнить, насколько намъ это дозволили условія печатанія, всѣ ссылки на

архивъ указаніемъ соотвѣтствующей страницы въ матеріалахъ проф. Новомбергскаго; только „дѣла измѣнныя", важнѣйшая и наиболѣе серьезная группа въ практикѣ московскихъ политическихъ дѣлъ, оказались совершенно отсутствующими въ изданіи проф. Новомбергскаго. Такая замѣна архивныхъ ссылокъ, само собой разумѣется, должна облегчить читателямъ знакомство съ нашей книгой и провѣрку ея выводовъ, въ особенности потому, что въ своемъ изложеніи мы старались по возможности избѣгать цитированія документовъ; по нашему мнѣнію, привычка къ многословному воспроизведенію подлинныхъ цитатъ составляетъ настоящій грѣхъ научнаго творчества нашихъ дней.

Въ указателѣ литературы, напечатанномъ въ концѣ книги и отнюдь не имѣющемъ сколько-нибудь исчерпывающаго значенія, отмѣчены звѣздочкой такія сочиненія по исторіи русскаго процесса, которые не попали ни въ библіографическій указатель Загоскина (Казань, 1891) ни въ позднѣйшій указатель Леонтовича (Варшава, 1902).

ГЛАВА I.

Политическій судъ, какъ историко-юридическая проблема.

§ 1.

Исторія политическаго суда, какъ проблема уголовнаго и государственнаго права.

I. О существѣ политическихъ преступленій и особенностяхъ политическаго суда.—II. Черты изъ исторіи политическаго суда на Западѣ.—III. Политическій судъ, какъ проблема государственнаго права.

Нѣкоторыя размышленія о существѣ политическихъ посягательствъ выяснили предъ нами важность той темы, которой посвящена эта книга.

I. Политическія преступленія, направлены ли они противъ цѣлости государства и внѣшней его безопасности или на внутреннюю смуту и внутренній переворотъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ затрогиваютъ близко и непосредственно интересы лицъ, правящихъ государствомъ, ихъ безопасность и власть, и напрягаютъ въ нихъ энергію и потребность самозащиты. Это свойство политическихъ преступленій проявляется при всякой организаціи государства; но тамъ, гдѣ организація эта построена на началахъ абсолютизма, т.-е. вся полнота верховной власти стягивается въ рукахъ одного физическаго лица, тамъ каждое политическое преступленіе воспринимается послѣднимъ, какъ личное посягательство противъ него, противъ его особы и правъ, ему принадлежащихъ. Это выражается съ внѣшней стороны въ томъ, что всѣ разнообразіе государственныхъ посягательствъ охватывается однимъ общимъ понятіемъ «оскорбленія величества» или нарушенія «государевой чести», какъ говорили въ Москвѣ. А такъ какъ честь всякаго человѣка можно оскорбить самыми разнообразными дѣйствіями, которыхъ нельзя за-

ранѣе ни предвидѣть ни исчислить съ исчерпывающей полнотой, то кодексы слишкомъ неопредѣленно и недостаточно регулируютъ объемъ политическихъ преступленій, какъ нарушенія государевой чести, и область, ими захватываемая, растягивается до такихъ широкихъ предѣловъ, что включаетъ въ себя не только преступленія противъ другихъ объектовъ, но и дѣянія самыя невинныя, преступность которыхъ непонятна кодексамъ нашихъ дней. Съ другой стороны, разъ государственныя преступленія отождествляются съ нарушеніемъ государевой чести, въ расправу надъ человѣкомъ, подозрѣваемымъ въ политическомъ преступленіи, естественно привступаетъ сильное и непреоборимое чувство личной мести. Такимъ образомъ, борьба съ политическими преступленіями ведется со всѣмъ напряженіемъ самозащиты и со всей страстностью оскорбленной чести. Подъ сильнымъ воздѣйствіемъ этихъ двухъ факторовъ у органовъ государственной власти складывается неукротимое стремленіе въ преслѣдованіи политическихъ преступленій избавиться отъ сложныхъ судебныхъ формъ или, по крайней мѣрѣ, упростить ихъ изгнаніемъ такихъ институтовъ, въ которыхъ заключается гарантія для обвиняемаго, которыми контролируется степень справедливости приговора, степень основательности и добросовѣстности обвиненія. А такъ какъ абсолютизмъ неразрывно переплетается съ деспотизмомъ, съ систематическимъ подавленіемъ общественныхъ силъ и общественнаго мнѣнія, то упраздняется сильнѣйшее препятствіе къ реализаціи такого стремленія; сюда присоединяется еще чисто правовое представленіе о всемогуществѣ государственной власти, а въ государствахъ, обвѣянныхъ духомъ полицейскихъ ученій—и совершенное забвеніе нѣкоторой области индивидуальныхъ правъ, недоступной и запретной для власти. Если при всѣхъ этихъ условіяхъ расправа за политическія преступленія не спускается всё-таки до уровня первобытной мести, ничѣмъ не прикрытой, а сохраняетъ видимость судебныхъ формъ,—причину этого нужно искать отчасти въ традиціяхъ законности, унаслѣдованныхъ западно-европейскимъ обсолютизмомъ отъ лучшихъ временъ римскаго принципата, а главнымъ образомъ въ сдерживающемъ вліяніи всей суммы общественно-культурныхъ условій, незамѣтно, но глубоко пропитывающихъ всякую политическую организацію. Гдѣ отсутствуютъ традиціи закона, гдѣ рабскимъ духомъ пропитывается

вся общественная среда и гдѣ политическая власть абсолютнаго повелителя подкрѣпляется несокрушимымъ устоемъ его же власти религіозной (какъ въ восточныхъ деспотіяхъ), тамъ преслѣдованіе человѣка, заподозрѣннаго въ политическомъ преступленіи, утрачиваетъ всякую видимость судебныхъ формъ и обращается въ неприкрашенную картину первобытной мести съ ея суровой и неумолимой простотой; различіе лишь въ томъ, что послѣдняя предполагаетъ борьбу мстителя съ жертвой, возможность защиты и побѣды, а въ первой рѣзкое неравенство силъ исключаетъ самую мысль о борьбѣ, и месть становится односторонней расправой, неминуемой, какъ судебный приговоръ, и потаенно-жестокой, какъ само́ преступленіе. Но въ этихъ же деспотіяхъ—любопытно отмѣтить эту черту —судъ гражданскій и судъ уголовный, не затрогивающій интересовъ власти, протекаетъ въ прочныхъ рамкахъ религіозныхъ нормъ и вѣкового обычая.

II. Оставляя въ сторонѣ восточныя деспотіи, мы хотимъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ жизни западно-европейскихъ странъ, пережившихъ если не абсолютизмъ, то потуги на абсолютизмъ, иллюстрировать эти размышленія о характерѣ политическаго суда.

Въ Англіи, въ эпоху Тюдоровъ, когда существованіе парламента плохо ограждало страну отъ пріемовъ деспотическаго управленія [1]), возникла печальной памяти «звѣздная палата»; по составу своему она есть избранный комитетъ королевскаго тайнаго совѣта, а въ случаяхъ важныхъ и значительныхъ она обращалась въ полное засѣданіе совѣта; по понятіямъ англійскаго государственнаго права, въ этомъ учрежденіи дѣйствуетъ «чрезвычайная уголовная власть короля въ совѣтѣ». По значенію своему звѣздная палата является исключительнымъ судилищемъ съ рѣзко выраженнымъ политическимъ характеромъ: первоначальная компетенція ея опредѣляется дѣлами о мятежахъ, о шумныхъ и опасныхъ сборищахъ, о запрещенныхъ сообществахъ и «партійныхъ союзахъ»; въ царствованіе Генриха VIII сюда присоединяются еще многочисленныя политическія дѣла, возникавшія изъ неопредѣленнаго, но грознаго обвиненія въ «недовольствѣ королемъ». Процессъ, примѣняемый въ звѣздной палатѣ, носитъ строго инквизиціонный характеръ и осложняется употребленіемъ пытки—черта, которой счастливо избѣжала Англія въ своихъ общихъ судахъ; дѣла начинаются по обвиненіямъ

совершенно бездоказательнымъ, и основательность обвиненій провѣряется слѣдствіемъ настолько плохо, что ложные доносы, вытекавшіе изъ самыхъ различныхъ побужденій, нашли себѣ въ этомъ учрежденіи надежный и безопасный пріютъ; это привело къ тому, что при тиранническихъ замашкахъ Генриха VIII звѣздная палата сдѣлалась ареной, на которой безпрепятственно сводились личные счеты королевской власти съ лицами, ей неугодными, и разыгрывалась борьба королевскихъ временщиковъ и придворныхъ фаворитовъ. Звѣздная палата была уничтожена въ царствованіе Карла I, когда намѣчавшіеся еще при послѣднихъ Тюдорахъ конфликты между королемъ и парламентомъ разгорѣлись въ многолѣтнюю и почти непрерывную войну; уничтоженіе это сопровождалось знаменательной оговоркой, что ни звѣздная палата ни всякое другое учрежденіе «съ подобной юрисдикціей» не должно впредь существовать въ англійскомъ королевствѣ (Гнейстъ, Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, 581—585, 690).

Франція имѣла свое учрежденіе со столь же печальной репутаціей, какъ звѣздная палата, и съ такимъ же спеціальнымъ назначеніемъ: это была «палата арсенала» (chambre de l'Arsenal), учрежденная во второй четверти XVII вѣка по желанію и мысли Ришелье; этому учрежденію принадлежалъ судъ по чрезвычайнымъ дѣламъ, въ суровомъ исходѣ которыхъ была заинтересована королевская власть; по словамъ одного изслѣдователя, цѣль палаты арсенала заключалась въ «чиненіи расправы съ противниками правительства» (Тарановскій, Догматика государственнаго права во Франціи, 1911, 381). Обыкновеннымъ судомъ по политическимъ дѣламъ былъ въ старой Франціи судъ королевскихъ комиссаровъ: они получали свои полномочія непосредственно отъ короля, кругъ этихъ полномочій точно опредѣлялся въ особыхъ «lettres du roi» и во всякомъ случаѣ не выходилъ за границы того дѣла, для котораго комиссары назначались; почти всѣ политическіе процессы при старомъ порядкѣ съ XVI по XVIII-й вѣкъ разбирались этимъ исключительнымъ судомъ[2]). По характеру своихъ приговоровъ и по пріемамъ слѣдствія, въ немъ практиковавшимся, этотъ судъ оставилъ самую печальную память и вдохновилъ автора «Духа законовъ» на слѣдующія строки: «обстоятельство, наименѣе полезное для государя, часто стѣсняло свободу въ монархіяхъ; это нарядъ

особыхъ комиссаровъ для сужденія частныхъ людей; комиссары всегда оправдываютъ себя повелѣніями короля, темной государственной пользой, выборомъ своимъ и самымъ страхомъ, питаемомъ ими къ особѣ государя» (Монтескье, кн. XII, гл. 22). Немудрено, что практика комиссарскаго суда вызывала энергичныя возраженія со стороны генеральныхъ штатовъ, также какъ противъ учрежденія палаты арсенала протестовалъ парижскій парламентъ; послѣдній, дѣлая королю представленіе по поводу этого суда, указывалъ вообще на тотъ вредъ, который причиняютъ государству чрезвычайныя юрисдикціи. Всѣ эти исключительные суды, даже по тяжкимъ обвиненіямъ, угрожавшимъ смертной казнью, примѣняли весьма несовершенную процедуру судебнаго разбирательства. Обвиненія вчинались по простому подозрѣнію безъ ссылокъ на улики и доказательства; сила акта, возбуждающаго процессъ, усваивалась не только обвиненіямъ явнымъ, гдѣ на личности самого доносителя, посредствомъ его распроса, очной ставки и пытки, могла быть провѣрена основательность и добросовѣстность обвиненія,—но и доносамъ тайнымъ и анонимнымъ, гдѣ вся суровость слѣдственныхъ пріемовъ обрушивалась непосредственно на обвиняемаго; доносы поощрялись обѣщаніемъ награды въ случаѣ подтвержденія, но доносы лживые и обвиненія неподтвержденныя не влекли за собой для доносителя никакого наказанія; «при собираніи доказательствъ не соблюдались общепринятыя правила опредѣленія достовѣрности: выслушивали самыхъ недостовѣрныхъ свидѣтелей, собирали самыя малодоказательныя улики, и на основаніи ихъ произносимъ былъ смертный приговоръ» (Кистяковскій, Изслѣдованіе о смертной казни, 164). Дѣла политическія признавались особенными по важности своей, а въ важныхъ дѣлахъ правосудіе этой эпохи считало возможнымъ игнорировать установившіяся формы судопроизводства: propter enormitatem delicti jura transgredi licet» (Богородскій, Исторія уголовнаго законодательства, I, 19). Наконецъ, всѣ эти черты осложнялись еще тѣмъ, что кругъ наказуемыхъ политическихъ посягательствъ или совсѣмъ не опредѣлялся въ законѣ или опредѣлялся лишь отчасти или опредѣлялся въ слишкомъ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ, допускавшихъ широкое толкованіе; благодаря этому отъ обвиненій, предъявлявшихся въ политическихъ дѣлахъ, не требовалось соотвѣтствіе ихъ закону, даже не требовалось указаній

на конкретное дѣяніе; «законы всѣхъ народовъ готовы были въ государственныхъ преступленіяхъ, если бы возможно было уловить, карать одну только мимолетную мысль, одно легкомысленное слово, относящееся до главы государства» (Кистяковскій, 163). Эта черта дала поводъ французскому мыслителю высказать пессимистическое, но правильное заключеніе, что «если въ какой державѣ преступленіе оскорбленія величества не въ точности опредѣлено, то одного сего довольно чтобы правленіе сдѣлалось деспотическимъ» (Монтескьe, тамъ же, гл. 7.).

Итакъ, исключительныя судилища и исключительный процессъ, въ нихъ примѣняемый—вотъ чѣмъ характеризуется *исторія политическаго суда.* Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ въ своемъ прошломъ политическій судъ имѣетъ всѣ основанія стать особенной и существенно-важной проблемой уголовнаго права; онъ настолько богатъ особенностями, своеобразными и характерными, что познаніе общихъ процессуальныхъ порядковъ, характеризующихъ уголовный судъ, никакъ не можетъ дать законченнаго представленія о порядкахъ суда политическаго. Но примѣрами, приведенными выше, подчеркивается еще одна сторона въ изслѣдуемомъ вопросѣ.

III. Если положеніемъ суда вообще характеризуется политическій строй, то тѣмъ ярче, тѣмъ сильнѣе характеризуется онъ положеніемъ суда политическаго. Цитированнымъ выше замѣчаніемъ французскаго мыслителя устанавливается одна изъ многообразныхъ связей, спаивающихъ эти два явленія государственной жизни—политическій судъ и политическій строй: если кругъ противогосударственныхъ посягательствъ не опредѣленъ съ точностью въ законѣ, то монархическій строй пріобрѣтаетъ всѣ черты законченной деспотіи, потому что политическимъ преступленіемъ признается тогда то, что въ каждую данную минуту кажется таковымъ представителю верховной власти; надъ любымъ обывателемъ виситъ, такимъ образомъ, постоянная угроза попасть въ положеніе обвиняемаго по такому дѣлу, преступность котораго заранѣе не опредѣлена, а такъ какъ процессъ, которымъ провѣряются эти обвиненія, почти не обезпечиваетъ подсудимому необходимыхъ гарантій противъ лживыхъ доносовъ, противъ пристрастія и произвола судей,—то въ цѣломъ складывается характерная и колоритная картина, рисую-

щая положеніе личности относительно государственной власти, ея необезпеченность отъ самыхъ суровыхъ формъ произвола, способы воздѣйствія власти на личность. Однимъ словомъ, такъ какъ судъ политическій при такихъ порядкахъ не столько служитъ цѣлямъ защиты общества и государства отъ опасностей, угрожающихъ интересамъ цѣлаго, сколько становится удобнымъ орудіемъ въ рукахъ государственной власти для осуществленія цѣлей весьма разнообразныхъ,—то проблема изученія этого орудія является проблемой изслѣдованія самой власти. Этотъ выводъ подкрѣпляется и расширяется еще другими соображеніями: организація политическаго суда характеризуется не только тѣсной зависимостью учрежденій, производящихъ этотъ судъ, отъ органовъ верховной власти, но и сильнѣйшимъ непосредственнымъ участіемъ этой послѣдней въ отправленіи самаго суда; участіе это проявлялось если не въ слѣдствіи, то въ приговорѣ, и если не въ произнесеніи приговора, то въ его утвержденіи; звѣздная палата въ Англіи, палата арсенала во Франціи, судъ королевскихъ комиссаровъ — всё это такія учрежденія, самымъ существомъ которыхъ рѣзко подчеркивается эта связь политической юстиціи съ органомъ верховной власти; а Франція стараго порядка выработала еще особенную форму непосредственной королевской юрисдикціи: король, какъ «источникъ всякаго правосудія», имѣлъ исключительную привилегію «располагать свободой» своихъ подданныхъ и посредствомъ lettres de cachet каралъ строптивыхъ ослушниковъ своей воли ссылкой и тюрьмой [3]). Благодаря этой характерной и важной особенности вопросъ о политическомъ судѣ становится вопросомъ о судебныхъ функціяхъ верховной власти; а извѣстно, что ничѣмъ такъ ярко не характеризуется гражданскій и политическій порядокъ, какъ степенью вмѣшательства или невмѣшательства власти въ отправленіе суда. Наконецъ, если мы вспомнимъ, что звѣздная палата въ Англіи пала при первомъ натискѣ оппозиціонныхъ силъ, а палата арсенала во Франціи и судъ королевскихъ комиссаровъ вызывали постоянные протесты учрежденій, прямо или косвенно ограничивавшихъ королевскую власть, — то предъ нами выяснится и еще одна сторона, которой вопросъ о судѣ политическомъ заходитъ въ область вопросовъ государственнаго права: исторія политическаго суда неразрывно переплетается съ исторіей политической борьбы; въ шумныхъ общественныхъ дви-

женіяхъ, направленныхъ противъ абсолютизма, мы всегда улавливаемъ голосъ протеста противъ всякихъ исключительныхъ судовъ: упраздненіе ихъ является лозунгомъ политической реформы и плодомъ ея побѣды.

Итакъ, исторія политическаго суда является въ такой же степени проблемой права государственнаго, какъ и права уголовнаго. Этотъ выводъ важенъ намъ, какъ показатель направленія, въ которомъ долженъ двигаться изслѣдователь, нащупывая матеріалъ для своихъ изысканій, очерчивая ихъ задачи и границы.

§ 2.

Политическій судъ, какъ проблема исторіи русскаго права.

1.—Значеніе XVII-го вѣка въ исторіи русскаго права. II.—Литература исторіи русскаго уголовнаго процесса, ея пробѣлы, ошибки и вытекающія отсюда задачи.

I. Съ такими размышленіями мы обратились къ исторіи политическаго суда въ Россіи и для перваго опыта остановились на XVII вѣкѣ.

Нетрудно угадать, почему эта эпоха привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя. Если бы мы захотѣли короче всего и ярче всего охарактеризовать значеніе XVII вѣка, мы бы сказали, что это былъ *вѣкъ Уложенія*, т.-е. такой работы, которую, по мѣткому слову одного изслѣдователя, «въ теченіе ста восьмидесяти лѣтъ повторить не могли». Этимъ обезпечено было Уложенію Алексѣя Михайловича, при всѣхъ его несовершенствахъ и пробѣлахъ, значеніе основного и дѣйствующаго кодекса Россійской имперіи, которое сохранилось за нимъ вплоть до изданія свода законовъ. Но и помимо этого московскій кодексъ XVII вѣка оказалъ глубокое и всестороннее вліяніе на развитіе русской правовой жизни позднѣйшихъ временъ: въ эпоху Уложенія сложились и на страницахъ его отразились въ основныхъ своихъ чертахъ всѣ тѣ общественно-политическіе порядки, которыми неизмѣнно характеризуются первые полтора вѣка нашей имперіи; начала, выраженныя въ Уложеніи, и институты, имъ очерченные, вошли, какъ прочный и жизненный факторъ, въ правовой строй XVIII вѣка и глубоко отразились

на новыхъ построеніяхъ, которыя вырабатывало подталкиваемое запросами времени законодательство этой эпохи. Еще въ самомъ концѣ XVIII вѣка высказывалось знаменательное мнѣніе, что Уложеніе для Россіи и русскихъ есть «родъ коренного закона» (Архивъ Воронцова, XII, 460).

Но для вопроса, которому посвящена эта книга, Уложеніе Алексѣя Михайловича представляетъ еще особенный интересъ: этотъ памятникъ есть первый изъ русскихъ кодексовъ, въ которомъ политическій судъ и политическія посягательства сдѣлались предметомъ законодательныхъ постановленій; ими занята вторая глава Уложенія подъ общимъ заголовкомъ—«о государьской чести и какъ его государьское здоровье оберегать». Правда, глава эта не свободна отъ многихъ пробѣловъ и неясностей; правда, заполнить эти пробѣлы и истолковать неясности можно только широкимъ использованіемъ приказной практики, сюда относящейся,—тѣмъ не менѣе глава эта, какъ первый и единственный въ XVII вѣкѣ законъ по предмету государственныхъ преступленій представляетъ собой неоцѣнимый и содержательный матеріалъ для историко-юридическаго изслѣдованія. А по своему глубокому и длительному вліянію на все позднѣйшее законодательство она едва ли не затмеваетъ всѣ остальныя части московскаго кодекса. Изслѣдователь, догматически изучавшій дѣйствующее въ Россіи законодательство о государственныхъ преступленіяхъ и лишь мимоходомъ обратившійся къ старому московскому кодексу [4]), пришелъ къ знаменательному выводу, что постановленія Уложенія о государственныхъ преступленіяхъ непосредственно отразились на нашемъ новомъ и новѣйшемъ законодательствѣ, что въ Уложеніи мы встрѣчаемъ все то, что двѣсти лѣтъ спустя почти въ неизмѣнномъ видѣ рецепировано Уложеніемъ 1845 года» (Право, 1907, № 9). А для оцѣнки процессуальныхъ постановленій второй главы достаточно отмѣтить, что знаменитое «слово и дѣло», грозное пугало русскаго обывателя въ теченіе всего XVIII вѣка, сложилось именно въ эпоху Уложенія и на страницахъ его получило впервые законодательное признаніе и нѣкоторый запасъ регулирующихъ нормъ.

Все это приводитъ насъ къ прочному убѣжденію, что было бы исторически непростительно начинать исторію политическаго суда, минуя эпоху Уложенія; а уходить назадъ отъ этой эпохи, искать

отвѣтовъ на поставленную задачу въ XV и XVI вѣкахъ, представляется намъ дѣломъ въ полной мѣрѣ невозможнымъ и относительно безполезнымъ: невозможность его зависитъ отъ неясности и скудости историческихъ матеріаловъ, представляющихъ эти вѣка, а безполезность—съ нашей точки зрѣнія—обусловливается отсутствіемъ прямыхъ связей и непосредственныхъ вліяній, которыя соединяли бы эту древнѣйшую эпоху съ законодательствомъ XVIII и XIX вѣковъ. Но поскольку матеріалъ, заключающійся въ этой эпохѣ, важенъ былъ намъ для истолкованія институтовъ, намѣченныхъ въ Уложеніи, и для выясненія особенностей, сложившихся въ практикѣ, постольку онъ вошелъ въ кругъ нашихъ изысканій и былъ нами использованъ въ настоящей работѣ.

Едва такимъ образомъ опредѣлились хронологическія рамки этого изслѣдованія, какъ передъ нами обрисовалась еще одна задача, которой должна послужить исторія политическаго суда въ XVII вѣкѣ, задача, потребовавшая настолько детальнаго изученія, что предварительный очеркъ, которымъ мы предполагали ограничиться относительно XVII вѣка, разросся на степень цѣлой книги.

II. Русскій уголовный процессъ эпохи Уложенія изслѣдовался до сихъ поръ почти исключительно, какъ процессъ «по разбойнымъ и татинымъ дѣламъ» или, еще точнѣе, какъ розыскной процессъ, примѣняемый губными учрежденіями. Это ограниченіе необходимо обусловливалось самымъ характеромъ источниковъ, которыми пользовались изслѣдователи: въ качествѣ таковыхъ выступала уставная книга разбойнаго приказа и ея ближайшее и прямое продолженіе—двадцать первая глава Соборнаго Уложенія «о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ»; къ этому матеріалу добавлялись еще губныя грамоты XVI вѣка, но ими разъяснялся, въ сущности, не столько самый строй розыскного процесса, сколько его происхожденіе и развитіе. Изъ этихъ источниковъ возсоздавалась картина московскаго «розыска«, какъ онъ сложился въ XVII вѣкѣ, со всѣми его характерными и существенными чертами. Эта форма процесса была точно ограничена *со стороны органовъ*, ее примѣнявшихъ, тѣснымъ кругомъ губныхъ учрежденій, а если примѣняли ее и воеводы, то только какъ замѣстители губныхъ органовъ; это убѣдительно доказывается исторіей возникновенія розыскного процесса и категорическимъ предписаніемъ Соборнаго Уложенія: «разбойныя, убійствен-

ныя и татиныя дѣла вѣдать въ городѣхъ губнымъ старостамъ, а воеводамъ вѣдать тѣ дѣла тамъ, гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ» (XXI, 3). *Относительно круга дѣлъ* эта форма розыскного процесса замыкалась немногими наиболѣе тяжкими уголовными посягательствами, направленными противъ тѣлесной и имущественной неприкосновенности частныхъ лицъ, благодаря чему весь процессъ окрашивался дѣятельнымъ и неутомимымъ участіемъ потерпѣвшаго. Наконецъ, со стороны субъекта преступленія эта форма розыска характеризуется тѣмъ, что расчитана, по преимуществу, на «лихого человѣка» и даже на «вѣдомаго лихого», который изъ учиненія тяжкихъ уголовныхъ преступленій сдѣлалъ себѣ рискованный промыселъ жизни, а эта черта повела и къ своеобразію задачъ разбойно-татебнаго розыска и къ подавляющему преобладанію въ немъ нѣкоторыхъ способовъ доказательства (напримѣръ, повальнаго обыска). Однимъ словомъ, процессъ, примѣняемый губными учрежденіями, замыкается во всѣхъ отношеніяхъ важными и основными особенностями.

Передъ изслѣдователями, дѣлавшими его предметомъ своихъ изысканій, естественно вставалъ неминуемый вопросъ: какимъ же порядкомъ разбирались всѣ иныя дѣла, возникавшія изъ иныхъ столь же тяжкихъ обвиненій, и въ частности примѣнялась ли въ полной мѣрѣ изучаемая ими форма розыскного процесса въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ? На этотъ вопросъ всѣ изслѣдователи давали однообразный отвѣтъ, значеніе котораго выражалось въ томъ, что выводы, извлекаемые ими изъ изученія разбойно-татебнаго судопроизводства, безъ существенныхъ оговорокъ распространялись на всю остальную область тяжкихъ правонарушеній. Такъ, одинъ изъ изслѣдователей, отчетливо сознающій всю ограниченность рамокъ, въ которыхъ замыкается онъ характеромъ изучаемаго матеріала, тѣмъ не менѣе выставляетъ слѣдующее положеніе: хотя «судопроизводство по сыскнымъ дѣламъ въ указной книгѣ разбойнаго приказа, въ губныхъ грамотахъ и въ другихъ актахъ примѣняется исключительно къ разбоямъ и татьбамъ, но безъ сомнѣнія такой же порядокъ суда соблюдался при разслѣдованіи и другихъ преступленій, подлежавшихъ сыску». Этотъ выводъ пріурочивается другими изслѣдователями непосредственно къ суду политическому: такъ, по мнѣнію Сокольскаго, «характеръ судопроизводства по преступленіямъ государственнымъ былъ строго слѣдственнымъ»;

а такъ какъ единственнымъ образцомъ слѣдственнаго процесса, хорошо ему извѣстнымъ, былъ процессъ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, то за этимъ утвержденіемъ скрывается стало-быть полное отождествленіе процесса политическаго съ процессомъ уголовно-розыскнымъ. Наконецъ, неизвѣстный авторъ, посвятившій журнальную статью вопросу о судѣ по преступленіямъ политическимъ, высказываетъ относительно XVII вѣка слѣдующее категорическое утвержденіе: «вся процедура политическаго преслѣдованія и суда ничѣмъ не отличалась ни отъ обычнаго порядка преслѣдованія всѣхъ вообще лихихъ людей ни отъ общаго производства губныхъ дѣлъ» [5]).

Съ этими утвержденіями, въ которыхъ выражается совершенное отождествленіе процесса политическаго съ процессомъ общеуголовнымъ, мы никакъ не можемъ согласиться. У изслѣдователей, замѣчанія которыхъ мы только-что цитировали, мы не нашли никакихъ соображеній, которыми подкрѣплялся бы этотъ существенный и обильный послѣдствіями выводъ, а тѣ соображенія, которыя намъ приходятъ въ голову, рѣшительно не позволяютъ принять на вѣру такія распространительныя утвержденія. Во-первыхъ, все то, что мы сказали выше о стремленіяхъ государственной власти вообще и абсолютизма въ частности къ упрощенію судебно-политической процедуры, всѣ примѣры и наблюденія, почерпнутые изъ исторіи политическаго суда на западѣ,—все это говоритъ противъ возможности полнаго совпаденія судопроизводства по «дѣламъ государевымъ», т.-е. по преступленіямъ политическимъ, съ судопроизводствомъ уголовно-розыскнымъ. Но если даже исходить изъ такой мысли, что московскій «розыскъ» XVII вѣка есть самъ по себѣ нѣкоторое *упрощеніе* сложныхъ обрядовъ «суда», вызванное необходимостью суровой и быстрой расправы въ борьбѣ съ самымъ грознымъ бичемъ тогдашней общественности, хроническимъ и организованнымъ разбоемъ,—то все-таки основныя условія и предпосылки, которыми опредѣляется строй уголовно-розыскного процесса, совершенно отпадаютъ въ процессѣ по дѣламъ государевымъ: послѣднія никогда не находятся въ завѣдываніи губныхъ учрежденій, а всегда и исключительно сосредоточены въ рукахъ воеводъ; эту черту единодушно удостовѣряютъ изслѣдователи губныхъ учрежденій, цитированные нами выше; въ дѣлахъ государевыхъ, за крайне рѣд-

кими исключеніями, немыслимо участіе потерпѣвшаго, каковое, наоборотъ, составляетъ неизмѣнную и богатую послѣдствіями черту процесса по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ; наконецъ, судопроизводство по дѣламъ государевымъ совсѣмъ не встрѣчается съ вѣдомымъ «лихимъ человѣкомъ», на котораго по преимуществу расчитанъ московскій розыскъ XVI и XVII вѣковъ; а эту черту различія слѣдуетъ признать въ высшей степени существенной: по мнѣнію Ланге, порядокъ судопроизводства, которымъ разбиралось уголовное обвиненіе, опредѣлялся въ зависимости отъ того, признавался обвиняемый «лихимъ человѣкомъ» или не «лихимъ»: передъ первымъ развертывались суровыя перспективы «сыска», а второй становился лишь отвѣтчикомъ въ состязательномъ процессѣ т. е. обвиненіе противъ него разбиралось «судомъ»; тѣмъ меньше основаній думать, что порядокъ суда политическаго, гдѣ относительно обвиняемаго даже не могло возникать предположенія, что онъ «лихой», въ полной мѣрѣ совпадалъ съ порядками процесса обще-уголовнаго, расчитаннаго какъ-разъ на подсудимаго «лихого».

Такимъ образомъ, приступая къ изслѣдованію политическаго процесса въ XVII вѣкѣ, мы ставимъ себѣ слѣдующій вопросъ: примѣнялась ли къ производству дѣлъ государевыхъ, т. е. обвиненій политическихъ, та самая форма розыскного процесса, которая развилась въ борьбѣ съ наиболѣе тяжкими уголовными посягательствами и регулировалась въ XVII вѣкѣ подробными наставленіями 21-ой главы Уложенія, и если судъ политическій, какъ мы думаемъ, уклонялся отъ схемы, очерченной въ этомъ источникѣ, то въ чемъ это уклоненіе выражалось? Установить своеобразныя черты судопроизводства по дѣламъ государевымъ и оцѣнить степень ихъ вліянія на общій строй политическаго процесса—такова задача настоящаго изслѣдованія; она обязываетъ насъ къ нѣкоторому методологическому пріему—систематическому и всестороннему сопоставленію судопроизводственныхъ обрядовъ, раскрываемыхъ при изученіи «государевыхъ дѣлъ», съ уголовно-процессуальными нормами, наполняющими XXI-ую главу Соборнаго Уложенія. Если, исполняя эту задачу, мы придемъ къ убѣжденію, что разбирательство политическихъ дѣлъ повторяетъ въ основныхъ очертаніяхъ порядки московскаго «розыска», то изъ особенностей, которыя съ необходимостью должны выясниться посредствомъ этихъ сопоставленій, сложится, какъ

мы думаемъ, *другая форма* розыскного процесса, и заполнится такимъ образомъ пробѣлъ, отмѣченный нами въ историко-юридической литературѣ, которая знаетъ лишь *одну форму* розыскного процесса—губное разбирательство по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, и потому безъ оговорокъ и сомнѣній распространяетъ наблюденія надъ этимъ исключительнымъ въ нѣкоторомъ смыслѣ процессомъ на *всю* массу уголовныхъ и политическихъ дѣлъ.

ГЛАВА II.

Развитіе идеи политическаго суда въ XVII вѣкѣ.

§ 1.

Политическая расправа въ эпоху Грознаго.

I. Внѣ-судебныя кары измѣнниковъ; казнь новгородцевъ; отдѣльные случаи жестокой расправы.—II. Чрезвычайная карательная власть Грознаго, выговоренная имъ послѣ отъѣзда въ Александровскую слободу; устраненіе суда боярской думы, запретъ печалованія.

Прежде чѣмъ обратиться къ непосредственному предмету нашего изслѣдованія—политическому судопроизводству XVII вѣка—приходится поставить одинъ предварительный вопросъ: примѣнялись ли въ эту эпоху какія-либо опредѣленныя судебныя формы въ дѣлахъ по политическимъ обвиненіямъ; не оставалось ли все дѣло политической расправы, стянутое въ сильныхъ рукахъ московскаго самодержца, за предѣлами всякихъ процессуальныхъ порядковъ, всякаго формально-судебнаго разбирательства, хотя бы несовершеннаго и зачаточнаго, но все-таки удовлетворяющаго основнымъ требованіямъ судебнаго процесса; не регулировалось ли оно простымъ и властнымъ усмотрѣніемъ верховной власти и не воспроизводятся ли въ немъ поэтому картины первобытной мести [6]) тѣмъ болѣе безудержной, что суровые удары ея направляются сильнѣйшимъ противъ слабаго? Если эти предположенія соотвѣтствуютъ исторической истинѣ, если преслѣдованіе и наказаніе за политическія преступленія практиковалось въ московскомъ государствѣ исключительно въ формахъ внѣ-судебныхъ, тогда историку-юристу не оставалось бы никакой работы около этого вопроса, и только историкъ-бытописатель могъ бы вырисовывать яркими мазками картину произвольной политической расправы, то умѣренной, то же-

стокой, картину истребленій и пощадъ, продиктованныхъ политическимъ гнѣвомъ или политической дальновидностью.

I. Этотъ скептическій вопросъ тѣмъ необходимѣе поставить на первую очередь, что стоитъ намъ отъ XVII вѣка, съ которымъ связывается основной интересъ нашей работы, сдѣлать шагъ назадъ и остановиться около эпохи Грознаго, какъ мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ такой именно картиной безудержной политической расправы, которая въ конецъ отрицаетъ всякую видимость суда и судебныхъ формъ.

Для иллюстраціи этого намъ нѣтъ нужды обращаться къ шумному и кровавому походу царя Ивана на Новгородъ Великій: тамъ нѣтъ на-лицо элементовъ судебнаго наказанія, а есть карательная экспедиція, которая, не разбирая праваго отъ виноватаго, задавалась единственной цѣлью истребить и обезсилить противника, представлявшаго въ массѣ своей опасную и подозрительную силу; да и причиной такой расправы было, въ сущности, не столько конкретное политическое обвиненіе, выдвинутое противъ новгородцевъ и по происхожденію своему слишкомъ сомнительное и недостовѣрное [7]) сколько неопредѣленная «шатость» новгородскаго населенія, что̀ на языкѣ московскихъ уловителей крамолы означало безпокойное состояніе умовъ, противоправительственное настроеніе, скрывающее возможность измѣнныхъ умысловъ и тревожныхъ смутъ. Такъ именно характеризуетъ и тогдашній лѣтописецъ это предпріятіе московскаго царя: по его словамъ, царь Иванъ Васильевичъ отправился въ походъ, чтобы непокорную отчину свою, Новгородъ Великій, «казнить войной».

Поучительнѣе, чѣмъ этотъ образецъ массовой расправы, такіе случаи изъ практики Грознаго, когда противъ опредѣленнаго лица или опредѣленной группы лицъ болѣзненная подозрительность царя вчинала опредѣленное политическое обвиненіе. Въ такихъ случаяхъ вся произвольность подчасъ очень суровой расправы, ея сверхъсудебный характеръ выступаетъ съ драматической ясностью. По разсказу Курбскаго, князь Воротынскій былъ поставленъ связанный передъ царемъ, и сказалъ ему царь: «свидѣтельствуетъ на тя слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровать»; Воротынскій отвергнулъ обвиненіе и объяснилъ, что «клеветникъ есть рабъ и утече, окравши»; вслѣдъ затѣмъ—никакого сыска и никакихъ доказательствъ, и на

основаніи непровѣреннаго и ничѣмъ не подтвержденнаго извѣта обвиняемаго пытаютъ жестокими пытками и ссылаютъ въ заточеніе на Бѣлоозеро (Устряловъ, Сказанія Курбскаго, 87). Противъ такой именно практики вооружается Уложеніе царя Алексѣя, запрещая отъ холопа и крестьянина принимать извѣтъ на господина, если извѣтъ этотъ не сопровождается ни ссылкой на свидѣтелей ни иными доказательствами. Ерлезунда, иностранный писатель XVII вѣка, разсказываетъ о такой расправѣ царя Ивана: однажды свыше сотни дворянъ и дѣтей боярскихъ задумали бѣжать въ Польшу, но были пойманы и умерщвлены; жены ихъ и дѣти и служители были также умерщвлены безъ всякаго милосердія, хотя вовсе не знали про замыселъ своихъ мужей и господъ (Ерлезунда, Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ, 144). Послѣ возвращенія изъ Александровской слободы были казнены князь Горбатый Шуйскій съ сыномъ, родственники ихъ Ховрины, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ; можно предполагать, что былъ противъ нихъ неопредѣленный извѣтъ, но не было во всякомъ случаѣ ни провѣрки этого извѣта, ни сыска, ни очной ставки, ни суда боярской думы; вся виновность казненныхъ опиралась на простую подозрительность или на политическую враждебность царя (Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 197). Въ 1567 году конюшій бояринъ Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ получилъ грамоту отъ польскаго короля Сигизмунда съ увѣщаніемъ измѣнить царю, и самъ представилъ эту грамоту на распоряженіе Грознаго съ просьбой указать ему содержаніе отвѣта; все поведеніе боярина свидѣтельствовало объ отсутствіи всякихъ измѣнныхъ умысловъ съ его стороны; тѣмъ не менѣе онъ былъ собственноручно и безъ предварительнаго сыска казненъ царемъ (Сергѣевичъ, лекціи, 1899, 121).

II. Отвлекаясь отъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ суровой политической расправы, важно отмѣтить тотъ общій «знакъ», подъ которымъ она протекаетъ и который превращаетъ эти отдѣльные акты изъ болѣзненныхъ и случайныхъ эксцессовъ испуганной власти въ проявленіе одной законченной системы, опирающейся почти-что на правовое основаніе: вся карательная дѣятельность царя Ивана совершалась подъ знаменемъ чрезвычайной карательной власти, которую онъ выговорилъ себѣ, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства [8]) послѣ демонстративнаго отъѣзда своего въ Александров-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

скую слободу. Это событіе, сильно всколыхнувшее умы современниковъ, изображается въ источникахъ слѣдующими чертами: 3-го декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское; выѣздъ этотъ не былъ похожъ на прежніе, когда царь отправлялся на богомолье или на какія-нибудь потѣхи; на этотъ разъ онъ взялъ съ собой иконы и кресты, деньги и всю казну, а боярамъ, дворянамъ и ближнимъ людямъ, которымъ велѣлъ ѣхать съ собой, приказалъ захватить женъ и дѣтей. Изъ Коломенскаго царь отправился въ село Тайнинское, изъ Тайнинскаго къ Троицѣ, а оттуда въ Александровскую слободу. Изъ слободы царь прислалъ митрополиту грамоту, въ которой объявилъ, что онъ гнѣвъ свой положилъ на духовенство, бояръ и на всѣхъ приказныхъ и служилыхъ людей за многія ихъ измѣны, лиходѣйства и расхищеніе казны; а къ гостямъ, купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ другую грамоту: въ ней онъ писалъ, чтобы «они себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ». Когда эти грамоты были прочтены, рѣшено было, послѣ «многихъ рыданій и воплей», просить царя умилостивиться, вернуться на прародительскій престолъ и править и владѣть народомъ, какъ ему угодно; «*а государскихъ лиходѣевъ, виноватыхъ въ измѣнѣ, вѣдаетъ Богъ да государь, въ животѣ ихъ и въ казни его государская воля*» (Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 195—196). Царь Иванъ Васильевичъ сдался на челобитье населенія и согласился вернуться къ власти, но при этомъ «приговорилъ», что ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему дѣлали и въ чемъ ему, государю, были непослушны, на тѣхъ опалы своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати, а архіепископы и епископы и архимандриты и игумны и освященный соборъ да и бояре и приказные люди *то все положити на его государской волѣ*» (Русская историческая библіотека, III, 258). Этотъ царскій приговоръ, какъ ни сдержанно передаетъ о немъ лѣтопись, есть, въ сущности, прокламація о той чрезвычайной карательной власти, которую царь намѣренъ впредь примѣнять въ борьбѣ съ окружающей его измѣной: своихъ измѣнниковъ и непослушниковъ онъ будетъ казнить и опалы на нихъ класть безъ всякаго вмѣшательства духовенства и бояръ, которые раньше, «сложась другъ съ другомъ, го-

сударю по нихъ покрывали»; это значитъ, что дума боярская устраняется отъ участія въ политической расправѣ царя, а у духовенства отнимается дрэвнее право печалованія за политическихъ осужденныхъ. Все это вмѣстѣ должно было обезпечить царю полную безконтрольность въ преслѣдованіи людей, заподозрѣнныхъ въ политическомъ преступленіи, полную свободу отъ судебныхъ формъ и судебныхъ учрежденій; однимъ словомъ, все дѣло политической расправы полагалось «въ его государской волѣ»; поэтому, выговаривая себѣ право «казнить и опалы класть», царь ничего не упоминаетъ о «судѣ и о сыскѣ».

§ 2.

Идея закономѣрнаго политическаго суда въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени.

Ограничительныя „записи“ выражаютъ требованіе закономѣрности въ сферѣ личнаго царскаго суда.—I. Запись Шуйскаго: ея отношеніе къ суду политическому; смыслъ требованія „истиннаго суда“; значеніе обязательства „судить съ бояры“; обще-сословный характеръ гарантій, даваемыхъ записью; согласіе требованія закономѣрности въ производствѣ царскаго суда съ ярко выраженнымъ предпочтеніемъ этого суда всѣмъ инымъ органамъ; запись Шуйскаго не ограничиваетъ объема царской юрисдикціи; параллель съ исторіей французскаго абсолютизма и со стремленіями шляхты въ Польшѣ и Литвѣ.—II Содержаніе другихъ записей Смутнаго времени: договорныя статьи Владислава, свѣдѣнія о записи Михаила; итоги параграфа.

Царь Иванъ Васильевичъ широко использовалъ свою чрезвычайную карательную власть, которую онъ посредствомъ ловкаго политическаго маневра обезпечилъ какъ бы всенароднымъ согласіемъ. Ближайшіе преемники его практиковали такую же суровую внѣ-судебную расправу уже какъ привычное злоупотребленіе своей власти. Но въ населеніи московскаго государства не угасала мысль, что личный царскій судъ (а такимъ именно былъ судъ политическій) долженъ протекать въ прочныхъ судебныхъ формахъ, издавна установившихся, издавна знакомыхъ населенію и потому кажущихся ему единственно законными и правильными. Въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени эта черта народнаго правосознанія сказывается съ выразительной ясностью.

I. Древнѣйшей изъ нихъ и наиболѣе опредѣленной по содержанію является крестоцѣловальная запись Василія Ивановича Шуйскаго, въ которой новоизбранный царь принимаетъ на себя слѣ-

дующее обязательство: »поволилъ есми язъ царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не *осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими*, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъкоторые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску доидетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимать, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится; на томъ на всемъ, что въ сей записи писано, язъ царь и великій князь цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, *судити истиннымъ праведнымъ судомъ* и безъ вины ни на кого опалы своей не класти» (Памятники исторіи Смутнаго времени, 1909, 18—19).

Вдумываясь въ содержаніе этой записи, нужно отмѣтить, прежде всего, что она, какъ это указалъ еще Ключевскій (Боярская дума, 377), относится именно къ суду по преступленіямъ политическимъ. Это подтверждается характеромъ наказаній, здѣсь упоминаемыхъ— смертная казнь и конфискація; послѣдняя, въ особенности, стала со временъ Грознаго неизмѣннымъ спутникомъ осужденія за политическую вину; да и вся запись есть несомнѣнная реакція противъ суровой практики Грознаго и Годунова [9]), а ихъ суровыя расправы почти цѣликомъ замыкались въ кругу политическихъ преступленій; важнѣйшія постановленія изъ записи повторены во второй главѣ Уложенія царя Алексѣя и тамъ прямо и опредѣленно пріурочены къ посягательствамъ государственнымъ. Какое же обязательство принимаетъ на себя въ этой записи царь по дѣламъ политическихъ обвиненій? оно заключается въ рядѣ процессуальныхъ правилъ, которыя запись возводитъ на степень обязательныхъ нормъ въ производствѣ личнаго царскаго суда: 1) не распространять прямыхъ послѣдствій обвинительнаго приговора на неповинную семью осужденнаго, т.-е. не карать членовъ семьи «безъ сыска» и «безъ вины»; 2) провѣрять извѣты всякими сысками накрѣпко; 3) устраивать очныя

ставки извѣтчика съ обвиняемымъ; 4) наказывать за ложный извѣтъ «по винѣ»; 5) опалы своей ни на кого «не класти безъ вины». Всѣ эти правила не есть какая-либо новизна, порожденная броженіемъ политической мысли: они выражаютъ собой издавна установившіяся нормы судебнаго разбирательства, цѣлью которыхъ является не столько успѣшное обличеніе виновныхъ, сколько гарантія и защита для невинныхъ; такъ именно запись и объясняетъ ихъ смыслъ: «сыскивать всякими сыски и ставить съ очей на очи, *чтобы православное христіанство безвинно не гибли*».

Изслѣдователи, подходившіе къ этой записи съ мѣркой современныхъ намъ конституціонныхъ и политическихъ понятій, характеризуютъ содержаніе ея, какъ «бѣдное и скудное» (Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя, 433). Съ такимъ мнѣніемъ мы никакъ не можемъ согласиться. Правда, нельзя въ полной мѣрѣ отрицать политическое значеніе записи: она есть обязательство, скрѣпленное публичной присягой представителя верховной власти; содержаніе ея обнародовано во всеобщее свѣдѣніе; въ ней упоминается о думѣ боярской, какъ обязательной участницѣ верховной власти. Но при всемъ томъ, основное значеніе записи Шуйскаго кроется не въ политической ея сторонѣ, *а въ судебно-процессуальной*. И съ этой точки зрѣнія ее нельзя упрекнуть ни въ неполнотѣ, ни въ отрывочности, ни въ «бѣдности» содержанія. Наоборотъ, запись имѣетъ принципіальную полноту, такъ какъ въ ней заключено указаніе на общій принципъ, придающій единство ея отдѣльнымъ постановленіямъ и заполняющій видимые пробѣлы, въ ней оставленные. Этотъ общій принципъ, мимо котораго изслѣдователи, разсматривавшіе запись, проходили до сихъ поръ безъ должнаго вниманія, выраженъ въ обязательствѣ царя—«всякаго человѣка судить *судомъ истиннымъ* съ бояры своими». Подъ «судомъ истиннымъ» отнюдь не слѣдуетъ разумѣть судъ, сообразный съ моральными и религіозными нормами: это было бы требованіе малоопредѣленное и потому неумѣстное и излишнее въ политико-юридическомъ документѣ, каковымъ является запись; слово «судъ» на языкѣ московскихъ всякаго чину людей имѣло вполнѣ опредѣленный юридическій смыслъ: имъ обозначалась совокупность процессуальныхъ правилъ, издавна установившихся и въ полной мѣрѣ знакомыхъ населенію, унаслѣдованныхъ московской судебной практикой отъ временъ безраздѣль-

наго господства состязательныхъ началъ въ процессѣ. Слѣдовательно, «судъ истинный» — это судъ, протекающій съ соблюденіемъ всей совокупности этихъ правилъ [10]). Такимъ образомъ, царь Василій Ивановичъ принялъ на себя опредѣленное и вполнѣ ясное обязательство—въ сферѣ своего личнаго царскаго суда соблюдать искони установившіяся судебныя формы. А такъ какъ формы эти были прочно укрѣплены обычаемъ, жили въ правосознаніи народа и въ судебной практикѣ, то не было нужды излагать ихъ въ подробности, и все, что содержится въ записи вслѣдъ за провозглашеніемъ принципа «истиннаго суда», есть лишь перечисленіе наиболѣе жгучихъ и важныхъ пунктовъ, которые систематически попирались суровыми расправами прежнихъ лѣтъ и о которыхъ поэтому казалось полезнымъ упомянуть особо.

Съ судебно-процессуальной же точки зрѣнія должно быть оцѣниваемо и упоминаніе о *судѣ съ боляры*. Какъ Грозный, желая обезпечить себѣ произволъ и безконтрольность въ дѣлахъ политической расправы, «приговорилъ» объ устраненіи думы боярской отъ участія въ политическомъ судѣ, — такъ царь Василій Ивановичъ, обѣщая, наоборотъ, судъ истинный и праведный, призываетъ думу быть участницей въ дѣлахъ его непосредственной юрисдикціи. Традиціи и привычки этого стараго учрежденія, извѣстная степень независимости отъ царской власти, коллегіальный строй его, наконецъ, меньшая заинтересованность въ суровости политической расправы—все обезпечивало думѣ боярской плодотворную роль хранительницы судебныхъ формъ, блюстительницы принциповъ «истиннаго суда» отъ княжескаго произвола и княжескаго гнѣва [11]).

Такъ какъ дума была издавна неизмѣнной участницей текущей дѣятельности государя, то упоминаніе записи о ней никакъ не можетъ служить доказательствомъ, что все предпріятіе, связанное съ этой записью, отразило на себѣ лишь узкіе интересы и классовые взгляды небольшой группы боярства, задавшагося цѣлью такимъ способомъ обезпечить за собой личную и имущественную неприкосновенность. Московское боярство—вообще говоря—не чуждо всѣхъ грѣховъ, свойственныхъ правящему и экономически сильному классу. Но если *его* вдохновеніемъ и руководствомъ направлялось дѣло записи Шуйскаго (а это естественно предположить, такъ какъ именно изъ среды боярства выхватывали суровыя расправы

Грознаго и Годунова наибольшее число жертвъ), то мы должны признать, что въ этомъ случаѣ боярство московское возвысилось надъ узкимъ кругомъ классовыхъ интересовъ и классовой охраны, такъ какъ въ запись царя Василія оказались включенными общенародныя, а не исключительно боярскія гарантіи. Новоизбранный царь цѣлуетъ крестъ «всѣмъ православнымъ крестьянамъ»; обязательства свои онъ принимаетъ на себя ради того, чтобы все «православное христіанство безвинно не гибло»; самыя обязательства эти формулированы такъ, что подъ охрану ихъ ставятся широкіе круги московскаго населенія: царь обязуется судить судомъ истиннымъ «всякаго человѣка»; не довольствуясь этой формулой, достаточно общей, запись упоминаетъ дальше особенно о гостяхъ, о торговыхъ и черныхъ людяхъ [12]). Однимъ словомъ, если ужъ сравнивать эту запись съ англійскимъ habeas corpus (Богословскій, Изъ исторіи верховной власти въ Россіи), то нельзя не отмѣтить, что широтой и безсословностью своихъ опредѣленій она ничуть не уступаетъ древнему англійскому образцу.

Итакъ, запись царя Василія выражаетъ здравую правовую идею, вскормленную народнымъ правосознаніемъ, что личный царскій судъ вообще и судъ политическій въ особенности, представляющій наибольшую сумму соблазновъ для торжества силы надъ правомъ, долженъ совершаться не въ видѣ произвольной расправы, суровость которой диктуется подчасъ духомъ гнѣва и подозрительности, а въ видѣ «истиннаго, праведнаго суда» съ соблюденіемъ всѣхъ выработанныхъ вѣковой практикой судебныхъ гарантій и формъ. Этой чертѣ народнаго правосознанія отнюдь не противорѣчитъ повально замѣчаемое у московскихъ всякаго чину людей тяготѣніе къ личному царскому суду, связанное съ обходомъ посредствующихъ учрежденій и приказныхъ людей [13]). И въ кругу политическихъ дѣлъ мы сталкиваемся съ такимъ же тяготѣніемъ: политическій обвиняемый и извѣтчикъ, замѣнявшій публичнаго обвинителя, съ одинаковой настойчивостью бьютъ челомъ, чтобы государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ дѣло взять къ Москвѣ и доложить себя, государя (Акты московскаго государства, III, 527). Это стремленіе запало въ душу московскаго обывателя отъ тѣхъ далекихъ временъ, когда древній князь-рюриковичъ, внукъ или правнукъ Ярослава, въ строгомъ согласіи съ народнымъ обычаемъ и

подъ бдительнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія творилъ судъ и расправу въ небольшой волости, отмежеванной ему счетами родового старшинства или призывомъ населенія. Сохранивъ въ своемъ правосознаніи эготъ пережитокъ старыхъ временъ, московскій обыватель не отрекся и отъ другого убѣжденія, тѣсно съ нимъ связаннаго, что судъ московскаго самодержца, по строгому соблюденію судебныхъ формъ и стародавнихъ обычаевъ, есть все тотъ же судъ древняго князя. Запись Шуйскаго иллюстрируетъ какъ нельзя лучше это согласіе двухъ правовыхъ устремленій народнаго духа: отъ царя не требуется отреченіе отъ его личной юрисдикціи, и ни въ какомъ отношеніи не ограничивается кругъ дѣлъ, на которыя она простирается; вся область непосредственнаго царскаго суда, опредѣляемая правительственными привычками или даже случайными соображеніями, остается по прежнему за московскимъ самодержцемъ, но «поволилъ» онъ всему православному христіанству крестъ цѣловать на томъ, что это личное правосудіе свое будетъ онъ творить въ строгомъ согласіи съ началами «суда истиннаго», т.-е. всѣхъ опытомъ выработанныхъ и обычаемъ укрѣпленныхъ стародавнихъ судебныхъ формъ. Если сопоставить эту черту записи съ нѣкоторыми явленіями изъ исторіи западно-европейскаго абсолютизма, то приходится констатировать не лишенный значенія контрастъ. Такъ, во Франціи, классической странѣ королевской justice retenue, еще въ XIV вѣкѣ отъ парламента исходятъ настойчивыя представленія королямъ, чтобы они воздерживались отъ личнаго участія въ судѣ, особенно по такимъ дѣламъ, гдѣ среди наказаній, угрожающихъ обвиняемому, фигурируетъ конфискація имущества (Фойницкій, Уголовное судопроизводство, I, 165). Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, начиная съ XVI вѣка, среди шляхты обнаруживается стремленіе сократить и ограничить точными запретами личную юрисдикцію государя; но это стремленіе встрѣчается съ постояннымъ противодѣйствіемъ королевской власти, которая смотритъ на свои судебныя функціи, какъ на право, неразрывно связанное съ существомъ верховной власти. Королямъ польскимъ также приходилось бороться съ попытками судебной реформы, цѣлью которой было сокращеніе непосредственной королевской юрисдикціи; они не возражали противъ этихъ сокращеній, когда ими урѣзывалась область второстепенныхъ и маловажныхъ дѣлъ

(даже сами выступали съ такой инициативой), но настойчиво противодѣйствовали всякому покушенію на изъятіе дѣлъ серьезныхъ и, въ особенности, процессовъ политическихъ (Ясинскій, Главный Литовскій трибуналъ, I, 243). Между тѣмъ, запись царя Василія Шуйскаго не обнаруживаетъ ни малѣйшаго поползновенія посягнуть на сокращеніе и ограниченіе царской юрисдикціи: даже дѣла, связанныя съ соблазнами конфискацій, дѣла, о которыхъ прежде всего позаботился французскій парламентъ,—и тѣ прямо указуются записью, какъ предметы непосредственнаго царскаго суда; и вся практическая забота московскихъ политическихъ дѣятелей XVII вѣка направлена на то, чтобы, оставляя неприкосновенной всю область царскаго правосудія, ввести ее въ кругъ законныхъ и прочныхъ судебныхъ формъ.

Въ основѣ такой политики лежитъ стародавнее народное убѣжденіе, что личный судъ государя долженъ быть судомъ по закону и обычаю. Слѣды этой правовой идеи не только отражаются въ записи Шуйскаго, но проблескиваютъ мелкими, однако яркими штрихами и въ практикѣ царскаго суда въ до-уложенную и послѣ-уложенную эпоху. Такъ, когда политическое дѣло, пройдя долгія стадіи «сыска», выписывается въ докладъ для государева разсмотрѣнія, то выписка изъ протоколовъ дѣла, изъ обыскныхъ, распросныхъ и пыточныхъ рѣчей, дополняется выпиской изъ Уложенія (Русская историческая библіотека, XI, 223); стало-быть предполагается, что и царскій приговоръ будетъ постановленъ въ согласіи съ нормами закона. И въ мѣстническихъ дѣлахъ, гдѣ царь выступаетъ, какъ рѣшающая инстанція, въ отвѣтъ на челобитье сторонъ (о безчестьи и объ оборони) онъ указываетъ «дать судъ и розыскать», предоставляя такимъ образомъ сторонамъ возможность вести судебный споръ въ предѣлахъ и формахъ, охватываемыхъ московскимъ понятіемъ «суда» [14]).

II. Что запись Шуйскаго не была плодомъ случайной интриги небольшой кучки лицъ, а выражала собой прочную черту народнаго правосознанія, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что основное содержаніе ея воспроизводится съ неизмѣннымъ постоянствомъ всѣми другими «записями» той же эпохи. Такъ, въ договорныхъ статьяхъ Сигизмунда III съ московскими боярами по поводу избранія сына его Владислава на московскій престолъ 14 февраля

1610 года повторяется существенное требованіе изъ записи Шуйскаго: «естли ся хто въ чемъ провинитъ зъ якого-кольвекъ стану и каранье заслужитъ въ господарскихъ и земскихъ дѣлѣхъ, того господаръ его милость водлугъ вины и выступку карати маетъ, *осудивши первьій справедливо съ бояры* и съ думными людьми; а жоны, дѣти, братья, которые того учинку не помогали и не вѣдали, альбо не призволяли, казнены быть не маютъ, и овшемъ при своихъ отчизнахъ и помѣстьяхъ и маетностяхъ зоставати маютъ; а не дошедши выступку и не осудивши судомъ съ бояры всими, никого не карати, чести зъ нихъ не брати, на вязенье не засылати, помѣстья и отчизны не отыймовати» (Памятники исторіи Смутнаго времени, 48). Здѣсь расширена только область наказаній, для примѣненія которыхъ требуется «справедливый судъ съ бояры»: смертная казнь и конфискація дополняется упоминаніемъ о ссылкѣ и объ отнятіи чести. Весь этотъ пунктъ повторяется съ буквальной точностью въ договорной записи, данной по этому же поводу съ россійской стороны (Памятники, 55). Наконецъ, среди извѣстій характеризующихъ содержаніе недошедшей до насъ записи царя Михаила, мы улавливаемъ отголосокъ все той же правовой идеи, что власть великаго государя, функціонируя какъ непосредственная власть судебнаго органа, должна осуществляться въ искони установившихся формахъ «истиннаго суда». «Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство,—и на нихъ были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и непальчивымъ, *безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что*»—разсказываетъ Котошихинъ, подчеркивая дальше, что изъ этого списка обранныхъ царей онъ не исключаетъ и Михаила Ѳеодоровича (Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, 145). Фокеродтъ утверждаетъ, что среди ограниченій, подписанныхъ Михаиломъ, фигурировало обязательство «никого ни судить и не осуждать высочайшей властью»; эти слова нужно понимать такъ, что царь Михаилъ далъ обязательство никого не наказывать единоличной властью, не осудивши первѣе съ боярами [15]).

Итакъ, все существенное, что сказано нами объ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: а) содержаніе записей и обстоятельства, имъ предшествовавшія (по крайней мѣрѣ, первой изъ нихъ) свидѣтельствуютъ о

томъ, что постановленія, въ нихъ занесенныя, имѣютъ прямое отношеніе къ суду политическому; б) всѣ записи выражаютъ потребность внести законность и твердость судебныхъ формъ въ сферу личной царской юрисдикціи; в) ради этого судъ царя осложняется участіемъ боярской думы, хранительницы судебныхъ формъ, блюстительницы началъ «истиннаго суда»; г) такъ какъ начала эти опирались на старый обычай и жили въ судебной практикѣ, то записи не нуждались въ многословномъ исчисленіи отдѣльныхъ обязательствъ, чѣмъ и объясняется ихъ видимая «бѣдность содержанія»; д) обще-сословный характеръ гарантій, представляемыхъ записями, и неизмѣнность ихъ основного содержанія указываютъ на то, что идеи, въ нихъ выражаемыя, занимали прочное мѣсто въ правосознаніи широкихъ круговъ московскаго населенія.

§ 3.

Политическій судъ въ Уложеніи царя Алексѣя. Основные моменты политическаго судопроизводства и связь между ними.

I. Связь Уложенія съ записями Смутнаго времени; содержаніе второй главы Уложенія, двойственный ея составъ, матеріальный и процессуальный; нормы общія съ записями.—II. Общая картина политическаго процесса во второй главѣ Уложенія: извѣтъ и его важнѣйшія черты, сыскъ и очная ставка, приговоръ; различіе „указа по сыску“ и „указа по разсмотрѣнію“; неопредѣленность послѣдняго; значеніе его; общая судопроизводственная схема во второй главѣ.—III. Общее значеніе второй главы, ея пробѣлы; необходимость дополнить изученіе ея обслѣдованіемъ практики; значеніе практики до-уложенной и практики послѣ Уложенія; вторая глава за весь XVII вѣкъ есть единственный общій законъ по предмету государственныхъ преступленій; причина этого кроется въ организаціи политическаго суда.

I. Тѣ правовыя требованія, которыя выразились въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича претворило въ положительный законъ. Это не значитъ, что, оно, хотя бы въ части своей, было основнымъ закономъ, формально связывавшимъ государеву власть: ни въ условіяхъ, при которыхъ складывалось Уложеніе, ни въ самой редакціи главы, посвященной политическимъ преступленіямъ (гл. II), нельзя уловить никакихъ указаній на то, чтобы глава эта была законодательнымъ выраженіемъ судебно-политическаго обязательства царя; соотвѣтственно этому, въ ней не содержится и прямого требованія

о «судѣ съ бояры», хотя между строчекъ можно прочитать косвенное указаніе, что этотъ именно порядокъ подразумѣвается, какъ нормальный и постоянный. Но при всемъ томъ глубокая внутренняя связь объединяетъ вторую главу Уложенія съ ограничительными записями Смутнаго времени.

Прежде всего, Уложеніе заполнило одинъ существенный пробѣлъ, оставленный записями: въ послѣднихъ содержалось обязательство царя «безъ суда и безъ вины никого не казнити», но если понятіе «суда» опредѣлялось при этомъ хотя бы указаніями на нѣкоторыя его нормы, чаще другихъ нарушаемыя, сильнѣе другихъ вопіявшія о защитѣ и охранѣ, то вопросъ о томъ, за какія же «вины» можно казнить, съ бояры осудя, оставался въ записяхъ совсѣмъ безъ опредѣленія. Уложеніе очертило во второй главѣ систему государственныхъ преступленій, описало ихъ юридическій составъ съ достаточной подробностью и точностью и этимъ отвѣтило на вопросъ, оставленный въ записяхъ безъ разъясненія. Правда, система второй главы не исчерпала всего разнообразія политическихъ посягательствъ, извѣстныхъ московской практикѣ: какъ бы сообразуясь съ «записями» начала XVII вѣка, московскій кодексъ предусмотрѣлъ лишь такія «вины», за которыя полагалось «смертію казнить, вотчины и животы отнимать», и не коснулся менѣе тяжелыхъ. Но и этимъ сдѣланъ былъ крупный шагъ на пути ограниченія суровостей и произвола въ политическихъ дѣлахъ, такъ какъ болѣе или менѣе точно опредѣлялась область законнаго примѣненія двухъ тягчайшихъ каръ за политическія преступленія—смертной казни и общей конфискаціи.

Но опредѣленіями матеріальнаго права не исчерпывается вторая глава Уложенія, и даже не въ нихъ скрывается ея важнѣйшее содержаніе, ея наиболѣе цѣнный историко-юридическій смыслъ. Уже изъ самаго заглавія—«о государьской чести и какъ его государьское здоровье оберегать»—можно сдѣлать безошибочный выводъ, что здѣсь законодатель предполагаетъ изложить не только систему государственныхъ преступленій, но и дать судебную инструкцію насчетъ порядка ихъ преслѣдованія и наказанія («какъ государьское здоровье оберегать»). При бѣгломъ же чтеніи самой главы отчетливо вскрывается преобладаніе въ ней нормъ процессуальнаго права: вслѣдъ за первыми шестью статьями, посвященными описа-

нію юридическаго состава государственныхъ преступленій и опредѣленію ихъ наказуемости, слѣдуетъ сплошной рядъ процессуальныхъ постановленій, которыя тянутся почти до самаго конца главы (ст. 7—17); даже въ двухъ послѣднихъ статьяхъ, описывая юридическій составъ преступленія скопа и заговора, законодатель опять-таки перемѣшиваетъ опредѣленія матеріальнаго права съ инструкціями и нормами права процессуальнаго (ст. 22: о производствѣ повальнаго обыска по извѣту въ скопѣ и заговорѣ). Такимъ образомъ, объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича никакъ нельзя сказать, что оно только «сгруппировало вмѣстѣ нѣкоторыя преступныя дѣянія политическаго характера, но не создало для нихъ ни особаго процесса ни особой юрисдикціи» (Юридическій вѣстникъ, 1880, XI, 335). Относительно юрисдикціи политическихъ дѣлъ Уложеніе, дѣйствительно, не даетъ прямыхъ указаній (оно не чуждо, однако же, указаній косвенныхъ); но зато нормы процессуальныя въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. съ исключеніемъ нормъ судоустройства, занимаютъ едва-ли не бо́льшую половину главы, спеціально посвященной государственнымъ преступленіямъ.

Среди процессуальныхъ постановленій этой главы мы улавливаемъ черты, знакомыя намъ изъ обзора ограничительныхъ записей Смутнаго времени: запрещается произвольная расправа съ родственниками политическаго преступника, если сыскомъ не подтверждена ихъ виновность хотя бы въ «вѣдѣніи» о преступленіи (ст. 7—10); повторяется изъ записи Шуйскаго постановленіе о необходимости «по извѣту сыскивать всякими сыски и того, на кого сдѣланъ извѣтъ, ставить съ извѣтчикомъ съ очей на очи (ст. 12 и 16); повторяется также суровая угроза извѣтчику за опровергнутый и злостный извѣтъ (ст. 17), угроза, построенная по принципу, провозглашенному въ записи Шуйскаго: «что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ и осудится самъ» [16]).

II. Обобщая всѣ указанія, которыя улавливаются въ этихъ и остальныхъ статьяхъ второй главы, можно уловить и общую картину политическаго процесса, какъ она рисовалась составителямъ Уложенія.

Политическое обвиненіе начинается всегда «извѣтомъ», т.-е. заявкой органу правительственной власти о противогосударственномъ умыслѣ или совершенномъ уже преступленіи: эта роль извѣта, какъ начальнаго момента въ процессѣ, представлялась законо-

дателю настолько исключительной, настолько естественной и необходимой, что во всѣхъ 22-хъ статьяхъ второй главы онъ ни словомъ не обмолвился о какихъ-либо другихъ способахъ возбужденія политическаго дѣла; и наоборотъ—почти въ каждой статьѣ, при описаніи политическаго преступленія, повторяется неизмѣнное указаніе на извѣтъ, какъ на исходный моментъ процедуры розыска и наказанія: «будетъ кто на кого извѣститъ и по извѣту сыщется». Больше, чѣмъ четвертая часть статей второй главы (6 изъ 22) прямо и исключительно посвящены регулированію извѣта, какъ своеобразнаго процессуальнаго института, какъ начальной и необходимой стадіи въ производствѣ политическаго суда. Изъ этихъ статей выясняются слѣдующія характерныя черты московскаго политическаго извѣта: а. основаніемъ его служитъ обязанность, за неисполненіе которой законодатель угрожаетъ тягчайшимъ изъ наказаній—смертной казнью (II, 19); б. исполненіемъ этой обязанности роль извѣтчика не кончается; въ процессѣ, который начинается по его извѣту, онъ «уличаетъ и доводитъ» (II, 12 и 17), т.-е. представляетъ доказательства органу розыскной власти и пользуется ими для обвиненія того, на кого онъ сдѣлалъ извѣтъ; такимъ образомъ, извѣтчикъ по Уложенію является не только доносителемъ, но и обвинителемъ въ процессѣ; в. и притомъ—обвинителемъ отвѣтственнымъ, такъ какъ если онъ не «доведетъ» своего извѣта, ему угрожаетъ наказаніе и именно то самое, что угрожало обвиняемому (II, 17).

За извѣтомъ слѣдуетъ второй фазисъ политическаго процесса—«сыскъ», границы и задачи котораго опредѣляются содержаніемъ извѣта; эту процессуальную связь извѣта съ сыскомъ вторая глава Уложенія выражаетъ словами: «сыскивать противъ извѣту» или «противъ извѣтной челобитной» (II, 16). Необходимость «сыска» всюду подчеркивается во второй главѣ Уложенія, а въ одной изъ статей узаконяется обязательное средство «сыска»—очная ставка извѣтчика съ обвиняемымъ, благодаря которой весь политическій розыскъ окрашивается чертами судебнаго состязанія сторонъ; изъ другихъ средствъ «сыска» Уложеніе упоминаетъ свидѣтелей (II, 12) и повальный обыскъ (II, 22), но совершенно умалчиваетъ о пыткѣ.

За сыскомъ слѣдуетъ приговоръ, основанный на результатахъ сыска, что на языкѣ Уложенія выражается словами: «учинить указъ по сыску»; содержаніе «указа» опредѣляется слѣдующей альтерна-

тивой: или онъ заключаетъ въ себѣ обвиненіе того, на кого сдѣланъ извѣтъ, если извѣтчику удалось «довести и уличить», или же, наоборотъ, указъ содержитъ обвиненіе самого извѣтчика, если «сыскалось допряма, что онъ извѣщалъ, затѣявъ напрасно» (II, 17).

Кромѣ «указа по сыску», вторая глава Уложенія упоминаетъ еще объ «указѣ по разсмотрѣнію»: «а будетъ кто на кого учнетъ извѣщати великое государево дѣло, а свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ никого не поставитъ, и ни чимъ не уличитъ, и сыскати про такое государево великое дѣло будетъ нѣчимъ,—и про такое великое дѣло *указъ учинить по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ*» (II, 12). Въ этой статьѣ содержится какъ бы уклоненіе отъ стройной послѣдовательности трехъ выше разсмотрѣнныхъ фазисовъ политическаго процесса: извѣта, сыска и приговора; изъ этой цѣпи выпадаетъ одно существенно-важное звено—«сыскъ противъ извѣту»: «сыскати нѣчимъ»—говоритъ законодатель—и потому «указъ учинить» не по «сыску», а «по разсмотрѣнію, что государь укажетъ». Эта статья расчитана на такое процессуальное положеніе, когда извѣтчикъ, заявивъ за собой государево слово, не подкрѣпилъ его никакими доказательствами; тѣмъ не менѣе, даже такой извѣтъ разсматривается, какъ поводъ къ возбужденію политическаго разбирательства, и провѣряется сначала «распросомъ» извѣтчика и обвиняемаго, а потомъ очной ставкой между ними; на очную ставку указываетъ сама статья 12-ая словами: «ни чимъ не уличитъ», такъ какъ «уличеніе» есть элементъ, характеризующій очную ставку; притомъ послѣдняя, какъ мы знаемъ, прямо предписана Уложеніемъ въ качествѣ обязательнаго средства розыска, неминуемаго при всякихъ процессуальныхъ положеніяхъ (II, 16). Такимъ образомъ, слова «сыскать нѣчимъ» не знаменуютъ совершеннаго отсутствія сыскныхъ дѣйствій, направленныхъ къ провѣркѣ извѣта, а указываютъ лишь на недостатокъ вещественныхъ доказательствъ по дѣлу и на невозможность обратиться къ повальному обыску и пыткѣ.

Но во всякомъ случаѣ «указъ по разсмотрѣнію» примѣняется, стало-быть, къ такому обвиняемому, который на очной ставкѣ не сознался въ преступленіи и противъ котораго нѣтъ никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ настойчивыхъ утвержденій извѣтчика. Самымъ естественнымъ выходомъ изъ такого положенія было-бы оправданіе обвиняемаго или, лучше сказать, прекращеніе судебнаго

преслѣдованія за отсутствіемъ уликъ. Такой именно исходъ предписываетъ Уложеніе нѣсколькими строчками ниже, предусматривая тотъ случай, когда субъектомъ бездоказательнаго извѣта выступаетъ крестьянинъ или холопъ противъ своего помѣщика или господина: «будетъ учнутъ извѣщати про государьское здоровье или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянехъ, а въ томъ дѣлѣ ничѣмъ ихъ не уличатъ,—и тому извѣту не вѣрить» (II, 13). Но если извѣтчикъ къ обвиняемому не находится въ такихъ зависимыхъ отношеніяхъ, законодатель воздерживается отъ этого яснаго и категорическаго предписанія и подъ неопредѣленной формулой—«учинить указъ по разсмотрѣнію» предпочитаетъ оставить просторъ для самыхъ разнообразныхъ послѣдствій, не исключая и сугубо-карательныхъ. Въ этой чертѣ—существенное отличіе «указа по разсмотрѣнію» отъ «указа по сыску»: возможное содержаніе послѣдняго, т.-е. приговора, основаннаго на сыскѣ, исчерпывается въ полной мѣрѣ альтернативой — или обвиненіе того, на кого заявленъ извѣтъ, или обвиненіе затѣйнаго извѣтчика; а содержаніе «указа по разсмотрѣнію» не поддается никакому предварительному опредѣленію, такъ какъ оно ставится въ зависимость отъ того, «что государь укажетъ». Только внимательнымъ изученіемъ практики политическихъ процессовъ, отнюдь не бѣдной «государевыми дѣлами» по извѣтамъ совершенно бездоказательнымъ, можно раскрыть измѣнчивое конкретное содержаніе этой туманной и вмѣстительной формулы; въ соотвѣтствующей главѣ нашей работы мы надѣемся выполнить эту задачу.

Съ точки зрѣнія законности и правильности политическаго суда статья 12-ая второй главы представляетъ собой несомнѣнный шагъ назадъ отъ началъ, провозглашенныхъ и охраняемыхъ ограничительными записями Смутнаго времени. Съ этой статьей въ Уложеніе какъ бы входитъ изъ XVI вѣка тотъ призракъ произвольной, лишь на подозрѣніяхъ основанной расправы, который подъ суровыми руками Грознаго получилъ реальную форму жестокихъ казней и безпощадныхъ истребленій. Правда, предвосхищая результаты нашего изслѣдованія практики, сюда относящейся, мы можемъ сказать, что XVII вѣкъ не являетъ намъ такихъ суровостей въ примѣненіи этой статьи: такъ, ни смертная казнь, ни тяжкія изувѣчивающія

наказанія обвиняемаго не скрывались подъ расплывчатой формой «указа по разсмотрѣнію»; однакоже, оцѣнивая статью 12-ую съ точки зрѣнія нормальнаго движенія политическаго суда, подмѣченнаго нами въ Уложеніи, мы въ правѣ смотрѣть на нее, какъ на существенное и важное исключеніе.

Но все-таки она есть только исключеніе, сила котораго парализуется, къ тому же, рядомъ условій, установленныхъ въ той же второй главѣ: во-первыхъ, бездоказательный извѣтъ провѣряется все-таки обязательной очной ставкой, процедура которой составляетъ весьма сильное испытаніе добросовѣстности и серьезности извѣта; во-вторыхъ, изъ сферы примѣненія статьи 12-ой исключается обширный разрядъ извѣтовъ холопьихъ, наиболѣе опасныхъ по соблазну на лживость и затѣйность, такъ какъ къ извѣту противъ господина холопъ подстрекался заманчивой надеждой заработать такимъ способомъ освобожденіе; въ-третьихъ, наконецъ, примѣненіе статьи 12-ой ограничивалось такимъ кругомъ дѣлъ, въ которыхъ извѣты не сопровождаются ссылкой на доказательства. Такимъ образомъ, для всѣхъ остальныхъ случаевъ остается неизмѣнной и правильной подмѣченная нами картина трехъ основныхъ и послѣдовательныхъ фазисовъ политическаго разбирательства: извѣта, сыска и приговора. Если мы вчитаемся въ статьи второй главы, посвященныя описанію состава политическихъ преступленій и опредѣленію мѣры ихъ наказуемости, то въ изложеніи ихъ откроемъ однообразный, неизмѣнно повторяющійся шаблонъ: «будетъ кто на кого *извѣститъ* государево великое дѣло, а по извѣту *сыщется* про то допряма, и по сыску о томъ *указъ учинить*». Въ этой схемѣ—точное отраженіе трехъ фазисовъ политическаго суда и процессуальной связи между ними.

III. Итакъ, вторую главу Уложенія можно отмѣтить, какъ знаменательный этапъ въ развитіи идеи политическаго суда: на страницахъ ея впервые въ исторіи русскаго законодательства дано было систематическое описаніе состава государственныхъ преступленій; она установила также существенныя условія и гарантіи праваго суда, навѣянныя записями начала XVII вѣка; въ ней, наконецъ, очертилась и цѣлостная картина нормальнаго движенія процесса по великимъ государевымъ дѣламъ. Все это даетъ намъ достаточный матеріалъ для разрѣшенія скептическаго вопроса, которымъ

подсказана вся эта глава нашей работы: можно ли говорить о нормахъ политическаго суда въ XVII вѣкѣ? существовалъ ли въ эту эпоху опредѣленный порядокъ преслѣдованія, сыска и наказанія по политическимъ преступленіямъ? Оглядываясь на тѣ выводы, къ которымъ насъ привело изученіе ограничительныхъ записей и второй главы Уложенія, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ: можно и должно изучать исторію русскаго политическаго суда, начиная съ XVII вѣка, потому что на зарѣ этого вѣка, послѣ неукротимыхъ расправъ Грознаго и Годунова, провозглашена была цѣнная правовая идея, что личный царскій судъ (а таковымъ, по преимуществу, былъ судъ политическій) долженъ протекать въ законныхъ, издавна установившихся формахъ «истиннаго суда»; а въ половинѣ этого вѣка, при первомъ же опытѣ систематическаго кодекса, эта правовая идея, утративъ свою политическую притязательность, претворилась въ положительный законъ...

Но если наблюденія надъ текстомъ второй главы Уложенія, въ связи съ изслѣдованіемъ ограничительныхъ записей, достаточны для разрѣшенія этого предварительнаго вопроса, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что такимъ же кругомъ матеріала замкнется и наша попытка изучить московскій политическій процессъ XVII вѣка. Ограничительныя записи важны намъ лишь какъ историческое освѣщеніе, лучами котораго озаряется истинный политико-юридическій смыслъ второй главы Уложенія. Сама вторая глава даетъ только общіе контуры, чуть-чуть очерченные въ трехъ фазисахъ политическаго суда. Даже если прибавить сюда немногія конкретныя опредѣленія насчетъ извѣта и сыска, то все-таки, пользуясь этимъ матеріаломъ, мы не могли бы нарисовать своеобразной и колоритной картины московскаго розыскного процесса по государевымъ великимъ дѣламъ. Характерное значеніе извѣта, сильнѣе другихъ моментовъ очерченнаго въ Уложеніи, останется намъ непонятнымъ, если къ изслѣдованію его мы не привлечемъ цѣнный матеріалъ крестоцѣловальныхъ записей и воеводскихъ наказовъ. Средства и пріемы сыска отмѣчены во второй главѣ неполно и отрывочно: не установлена ихъ доказательная сила, не опредѣлены условія ихъ примѣненія, не указанъ порядокъ, по которому они вступаютъ въ процессъ; нѣкоторыя средства сыска, наиболѣе суровыя по суще-

ству и сильнѣйшія по результатамъ, скрываются во второй главѣ подъ неясными и смутными намеками (пытка). Насчетъ приговора и карательныхъ мѣръ законодатель отдѣлывается лаконическимъ указаніемъ на смертную казнь и общую конфискацію; да и при назначеніи конфискаціи не опредѣляется судьба такихъ важныхъ частей въ составѣ тогдашняго имущества, какъ «дворъ» и холопы; не установленъ порядокъ исполненія приговора и—главное—во всей главѣ нѣтъ ни одного яснаго и прямого указанія на органы политическаго суда, на учрежденія, вѣдающія «сыскъ», и на инстанціи рѣшающія. Въ системѣ государственныхъ посягательствъ отсутствуетъ такая характерная и обильная группа, какъ «непристойныя рѣчи»... Однимъ словомъ, чтобы нарисовать полную и содержательную картину московскаго политическаго процесса въ эпоху Уложенія, необходимо дополнить лаконическій текстъ второй главы систематическимъ обслѣдованіемъ того матеріала, который заключаетъ въ себѣ московская практика политическихъ дѣлъ. Только съ помощью этого матеріала мы можемъ заполнить пробѣлы, оставленные Уложеніемъ, разъяснить истинный смыслъ нѣкоторыхъ важныхъ его постановленій, процессуальное значеніе которыхъ мы чуть-чуть угадываемъ изъ отрывочныхъ указаній законодателя; наконецъ, изъ практики же мы выловимъ многочисленныя подробности, которыхъ нельзя отыскать ни въ какомъ кодексѣ, будь онъ даже совершеннѣйшимъ продуктомъ нашихъ дней, а подробностями и мелкими, едва уловимыми штрихами характеризуется подчасъ ярче и выразительнѣе сложный правовой институтъ, чѣмъ общими и поневолѣ отвлеченными постановленіями закона. Для этихъ цѣлей намъ въ одинаковой степени важно изученіе практики, предшествовавшей Уложенію, какъ и практики, основанной на немъ: послѣдняя заполняетъ пробѣлы и помогаетъ толковать его постановленія, а первая разъясняетъ ихъ происхожденіе и обнаруживаетъ все то неустойчивое и забракованное, что было отброшено законодателемъ въ процессѣ кодификаціонной работы; сличеніемъ этой практики съ практикой, слѣдовавшей за Уложеніемъ, устанавливается эволюція, пережитая за сотню годовъ [17]).

Мы потому подчеркиваемъ такъ настойчиво необходимость изученія практики, относящейся къ политическому суду и политическимъ преступленіямъ, что въ этой именно сферѣ XVII вѣкъ ха-

рактеризуется рѣзко выраженной скудостью общихъ нормъ и недостаткомъ законодательныхъ постановленій. Нѣкоторыя свѣдѣнія о работѣ кодификаціонныхъ комиссій, ближайшихъ къ Уложенію, краснорѣчиво удостовѣряютъ этотъ печальный для изслѣдователя пробѣлъ. Первая комиссія 1700 года, которой поставлена была задача свести Уложеніе съ новоуказными статьями, напрасно повторяла приказамъ, чтобы они доставили ей «новосостоятельные указы» ко второй главѣ Уложенія, напрасно назначала имъ срокъ за срокомъ,—и въ то время какъ ко всѣмъ другимъ главамъ приказы доставили ей въ концѣ концовъ почти необозримый матеріалъ, одна вторая глава (да еще третья, отчасти съ ней связанная) оказались лишенными почти всякихъ дополнительныхъ матеріаловъ; дьяки мастерской палаты, куда также было адресовано требованіе доставить новосостоятельные указы, прямо отозвались, что «о государьской чести и о государевѣ дворѣ» у нихъ, сверхъ Уложенія, никакихъ новоуказныхъ статей нѣтъ, а всѣ дѣла у нихъ были дѣланы и вершены по Уложенію (Полѣновъ, Палата объ Уложеніи, 30 и 34). Такая же исторія повторилась и съ комиссіей 1720 года; на требованіе сената прислать указы, пополняющіе вторую главу, канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ — учрежденіе, сосредоточившее въ своемъ вѣдѣніи почти всю массу политическихъ процессовъ, отвѣтила: «по справкѣ имѣются въ оной канцеляріи только по тайнымъ суздальскому и кикинскому дѣламъ состоявшіеся указы съ оригиналами за его царскаго величества собственной печатью, а другія дѣла, касающіяся до его государевой чести, вершены по Уложенію и по военному артикулу» (Архивъ, книга сената № $^{10}/_{660}$, листъ 245). Итакъ, вплоть до воинскихъ артикуловъ вторая глава Уложенія была единственнымъ общимъ закономъ по предметамъ политическаго суда и политическихъ преступленій; это увеличиваетъ ея историческую цѣнность и ея политическое значеніе. Причина такого характернаго явленія кроется въ особенной организаціи политическаго суда: рѣшающей инстанціей по политическимъ дѣламъ выступаетъ сама верховная власть въ лицѣ государя и думы боярской; каждое рѣшеніе ея есть приговоръ по конкретному дѣлу; на нее нѣтъ апелляціи, она не нуждается въ разъясненіи закона, не стѣсняется его неясностями и пробѣлами; однимъ словомъ, разъ верховная власть функціонируетъ, какъ непо-

средственный судебный органъ, исчезаютъ всѣ тѣ поводы, которыми возбуждалось и двигалось московское законодательное творчество; и не только не ощущается нужды въ какихъ-либо общихъ нормахъ, но скорѣе всякая норма разсматривается, какъ лишнее стѣсненіе верховной власти въ отправленіи судебныхъ ея функцій.

Тѣмъ сильнѣе, тѣмъ неотложнѣе, стало-быть, необходимость дополнить матеріаломъ, представляемымъ практикой, познаніе этого единственнаго и въ нѣкоторомъ смыслѣ основного закона. Это мы и сдѣлаемъ при изслѣдованіи ближайшаго вопроса, стоящаго теперь на очереди въ нашемъ изложеніи,—вопроса о дозволенномъ самоуправствѣ въ преслѣдованіи политическихъ преступленій. Этимъ вопросомъ не характеризуется никакой новый этапъ въ развитіи идеи политическаго суда, но по легко угадываемому соображенію мы оставляемъ его въ этомъ отдѣлѣ нашей работы: разъ мы показали, что идея политическаго суда была ясно выражена въ XVII-омъ вѣкѣ, что она перешла въ положительный законъ, что закономъ были установлены три фазиса политическаго процесса,—мы должны сейчасъ же очертить и ту исключительную область, которая лежала за предѣлами этого процесса, указать такіе случаи, когда судебная функція государственной власти, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, отступала передъ самоуправнымъ вмѣшательствомъ частнаго лица...

§ 4.

Дозволенное самоуправство въ преслѣдованіи политическихъ преступленій.

Понятіе самоуправства.—I. Самоуправное задержаніе подозрѣваемаго въ политическомъ преступленіи; обязанность помѣщиковъ и вотчинниковъ „приводить“ людей и крестьянъ, ея основанія и причины; выводъ изъ этой обязанности; „поиманіе измѣнника“ въ подкрестныхъ записяхъ и въ Уложеніи; права малороссійской старшины въ случаѣ измѣны гетмана.—II. Захватъ имущества измѣнника въ до-уложенной практикѣ и реформа Уложенія.—III. Право убить измѣнника-бѣглеца; основанія этого права; различныя мнѣнія изслѣдователей; государственная необходимость, какъ истинное основаніе этого права; награда за убійство; условія, ограничивающія это право: убійство разрѣшается лишь въ погонѣ; противъ убитаго должно быть основательное подозрѣніе въ виновности; запретъ самоуправства въ приговорѣ 1611 года.—IV. Параллель съ Литовскимъ статутомъ и съ XXI-ой главой Уложенія.

Если судъ, регламентированный закономъ, ни въ какомъ кодексѣ не исключаетъ въ полной мѣрѣ самоуправства, то судъ по-

лититическій, для котораго Уложеніе царя Алексѣя было только первымъ опытомъ законодательной регламентаціи, не долженъ исключать его тѣмъ болѣе. Подъ самоуправствомъ мы понимаемъ вмѣшательство частныхъ лицъ въ розыскную и карательную дѣятельность власти надъ политическими обвиняемыми, при чемъ насъ интересуетъ, разумѣется, не самоуправство, какъ преступленіе, какъ дѣятельность наказуемая, а самоуправство, терпимое и поощряемое властью, самоуправство, дозволенное и регламентированное закономъ.

I. Наиболѣе слабой формой такого самоуправства является задержаніе человѣка, подозрѣваемаго въ политическомъ преступленіи, задержаніе, происходящее безъ участія органовъ власти и предшествующее, обыкновенно, всякимъ розыскнымъ дѣйствіямъ. Такое задержаніе, согласно подкрестнымъ записямъ XVII вѣка, составляло общую обязанность всѣхъ подданныхъ московскаго государя, присягавшихъ на томъ, что имъ «измѣнниковъ имать и приводить къ государю»; но Уложеніемъ оно санкціонируется лишь въ двухъ случаяхъ.

а. На помѣщикахъ и вотчинникахъ пограничныхъ городовъ лежитъ обязанность «людей своихъ и крестьянъ приводить» въ съѣзжую избу къ воеводамъ, если они «почаютъ въ нихъ какое дурно или измѣну» (VI, 6). Основаніемъ этой обязанности служитъ принадлежащая помѣщику господская власть надъ холопами и нѣкоторая полицейская власть надъ живущими за нимъ крестьянами; эта же власть обезпечиваетъ помѣщику и вотчиннику фактическую возможность во-время задержать и «привести» своего холопа или крестьянина. Почему законодатель пріурочиваетъ эту обязанность къ порубежнымъ городамъ? это объясняется слѣдующими соображеніями: а) близость границы обезпечивала всякому, кто задумалъ измѣну, быструю и легкую возможность скрыться отъ судебнаго преслѣдованія; поэтому въ случаѣ возникшихъ подозрѣній важенъ былъ не столько извѣтъ, сколько немедленное задержаніе; б) жителямъ пограничныхъ мѣстностей «для того, что они съ литовскими и нѣмецкими людьми живутъ смежно», разрѣшенъ былъ, по Уложенію, свободный, безъ проѣзжей грамоты, переходъ черезъ рубежъ [18]); заурядность и многочисленность такихъ переходовъ, облегчавшая исполненіе измѣнныхъ умысловъ, требовала поэтому

особеннаго наблюденія и немедленной провѣрки каждаго подозрительнаго случая; в) наконецъ, исполненіемъ этой обязанности— «приводить людей и крестьянъ» — пограничный помѣщикъ освобождалъ себя отъ тѣхъ подозрѣній, которыя неукоснительно обращало противъ него московское правительство въ такихъ случаяхъ, когда его холопъ или крестьянинъ благополучно отъѣзжалъ за рубежъ; такъ какъ среди служилыхъ людей пограничныхъ городовъ не рѣдкостью былъ отъѣздъ на службу въ Польшу и Литву и всякія «ссылки» съ государевыми недругами, то въ удачномъ бѣгствѣ холопа за рубежъ правительство московское всегда склонно было усматривать симптомы измѣнныхъ умысловъ самого господина. По этимъ соображеніямъ общая всѣмъ людямъ московскаго государства обязанность «извѣщать» властямъ объ измѣнѣ и о зломъ умыслѣ на царское величество осложнялась для пограничныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ обязанностью задерживать и передавать въ распоряженіе власти людей, отъ нихъ зависимыхъ, если они почаютъ въ нихъ измѣнный умыселъ (VI, 6). Съ этой статьей Уложенія въ точности совпадаетъ и практика, Уложенію предшествовавшая (Акты московскаго государства, I, 271). Между тѣмъ по общимъ уголовнымъ преступленіямъ на помѣщикахъ и вотчинникахъ не лежала такая обязанность: даже въ томъ случаѣ, если бы на ихъ «людей и дворниковъ языки говорили въ разбоѣ или татьбѣ», они обязаны были, не приводя ихъ въ губу, только дать на себя поручную запись, что имъ тѣхъ людей и дворниковъ поставить къ языкамъ на очную ставку [19]).

Если эта обязанность «приводить людей и крестьянъ» знаменуетъ собой извѣстную степень самоуправства по политическимъ дѣламъ, то съ другой стороны въ ней же заключено и цѣнное указаніе на границы самоуправства: разъ помѣщикъ обязанъ доставлять въ съѣзжую избу своихъ холоповъ, подозрѣваемыхъ въ государственномъ преступленіи, значитъ ему не принадлежитъ надъ ними ни розыскная ни карательная власть въ государевыхъ дѣлахъ.

б. Въ случаѣ бѣгства измѣнника Уложеніе предусматриваетъ возможность его «поиманія» частными лицами, но не для расправы по своему усмотрѣнію, а чтобы «привести къ государю». Впрочемъ, право «поиманія» не обращается Уложеніемъ въ обязанность, хотя поощряется наградой (II, 15). Поимка измѣнника предусматривалась

въ подкрестныхъ записяхъ первой половины XVII вѣка и обставлялась въ нихъ такими условіями: «У кого послышу какое лихое дѣло и умышленье и ссылку, чтобы иного государя хотѣти и обрати, и мнѣ такого лихого человѣка не покрыти и его *поимати* и приводити къ бояромъ и воеводамъ и къ приказнымъ людямъ, а не будетъ моей силы его поимати, на него извѣщать бояромъ и воеводамъ». (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 1). Въ этомъ пунктѣ обнаруживается знаменательная разница между Уложеніемъ и крестоцѣловальными записями: въ послѣднихъ выдвигается на первый планъ обязанность «поимать и приводить» измѣнниковъ и только при невозможности поимать наступаетъ обязанность «извѣщать»; а Уложеніе—наоборотъ—ставя вѣху предѣлы самоуправства, подчеркиваетъ и выдвигаетъ на первое мѣсто обязанность *извѣта* (распространяя ее на всѣ политическія преступленія, угрожая за неисполненіе ея суровымъ наказаніемъ), а «поиманію» измѣнника отводитъ лишь значеніе права поощряемаго, но не общей и непремѣнной обязанности.

Поощреніе поимки выражалось въ «государевомъ жалованьи», источникомъ котораго Уложеніе признаетъ «животы» захваченнаго измѣнника, а практика расточаетъ это «жалованье» въ весьма разнообразныхъ формахъ и размѣрахъ: такъ, встрѣчаемъ награду поимщикамъ — «изъ пошлиныхъ денегъ съ судныхъ дѣлъ два рубля» (Акты московскаго государства, I, 171); примѣнялось также назначеніе опредѣленной денежной суммы въ государевыхъ грамотахъ о бѣгствѣ важныхъ преступниковъ (Русская историч. библіотека, II, 981); а иногда, наоборотъ, эти грамоты ограничивались неопредѣленнымъ посуломъ «милости и жалованья великаго государя» (Акты археографической экспедиціи, III, 396). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ выдача награды обставлялась условіемъ не «поиманія» только, а «поиманія и привода», т.-е. отъ поимщиковъ требовалась немедленная передача задержаннаго въ распоряженіе правительственной власти.

в. Любопытно, наконецъ, отмѣтить права, выговоренныя малороссійской старшиной въ случаѣ политическаго преступленія гетмана: «буде гетманъ какую проступку учинитъ, *опричь измѣны*, и его безъ указа великаго государя не перемѣнять; а укажетъ великій государь сыскать, и по сыску указъ учинить по ихъ праву» (Полное собраніе законовъ, I, 815). Отсюда слѣдуетъ, что въ слу-

чаѣ измѣны гетмана или, лучше сказать, по подозрѣнію въ измѣнѣ онъ можетъ быть смѣщенъ съ должности самоуправнымъ дѣйствіемъ малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ, которымъ, однако же, не предоставлено ни право сыска ни право наказанія по преступленіямъ гетмана. Этотъ пунктъ повторенъ и въ Переяславскихъ статьяхъ 1674 года. Въ реальной обстановкѣ, при которой осуществляется это право, смѣщеніе съ должности дополняется немедленнымъ заарестованіемъ гетмана по произволу тѣхъ же чиновъ: въ 1672 году обозный и судьи генеральные войска запорожскаго, «остерегаючи своей присяги, абы за однимъ его измѣнникомъ не розливалася кровь, у середу средь полночи» взяли подъ стражу гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, который «до турецкаго султана хотѣлъ поддаться» [20]).

II. Болѣе рѣзкой формой самоуправства представляется внѣсудебный захватъ частными лицами движимаго имущества политическаго осужденнаго или политическаго обвиняемаго. Это захватное право было введено, по-видимому, какъ случайная мѣра, въ годы, предшествовавшіе Уложенію. Отъ 1639 года сохранилось слѣдующее любопытное дѣло, напечатанное въ Актахъ московскаго государства (II, 111): «привели двое дѣтей боярскихъ въ съѣзжую избу бѣглаго мужика»—пишетъ брянскій воевода въ разрядъ—«и сказали, что поймали его на литовскомъ рубежѣ съ женой и съ дѣтьми; и я велѣлъ мужика передъ собою распросить, какъ зовутъ, изъ-за кого бѣжитъ, куда идетъ; а мужикъ сказалъ, что онъ бѣглой, побѣжалъ-было за рубежъ, а близъ рубежа изымали его эти двое и ограбили; и я велѣлъ тѣхъ дѣтей боярскихъ съ очей на очи поставить и распросить, имали ль они тѣ его животы; дѣти боярскіе повинились, и я велѣлъ мужика вкинуть въ тюрьму до твоего государева указу... Помѣта: государь указалъ—мужика съ женой прислать къ Москвѣ, а что дѣти боярскіе, которые животы взяли, и въ томъ они не виноваты, *и впередъ кто побѣжитъ, а кто его поймаетъ, тому и животы*». Изъ этого отрывка можно усмотрѣть, 1) что произвольный захватъ животовъ человѣка, заподозрѣннаго въ измѣнѣ, не представлялся воеводѣ дѣломъ законнымъ, такъ какъ онъ началъ сыскъ по челобитью ограбленнаго мужика и допрашивалъ о томъ дѣтей боярскихъ съ очей на очи; 2) что, однако же, такой *захватъ былъ узаконенъ* общей нормой, высказанной въ госу-

царевомъ указѣ по этому дѣлу—«*впредь* кто побѣжитъ, а кто его поймаетъ, тому и животы». Эта захватная практика рѣзко противорѣчила интересамъ казны, въ пользу которой должны были поступать животы осужденнаго измѣнника, составлявшіе предметъ конфискаціи (II, 5); поэтому Уложеніе внесло въ эту практику существенныя измѣненія: захватъ измѣнническихъ животовъ оно преобразовало въ выдачу ихъ тому, кто измѣнника поймаетъ и приведетъ къ государю, а самый размѣръ выдачи поставило въ зависимость отъ «государева жалованья»; такимъ образомъ, въ переходѣ движимыхъ имуществъ отъ политическаго осужденнаго къ поимщику утратился характеръ произвола и самоуправства.

III. Но самымъ важнымъ и рѣзкимъ проявленіемъ самоуправства въ сферѣ преслѣдованія политическихъ преступленій представляется *право убить* бѣжавшаго измѣнника, устанавливаемое цитированной уже нами ст. 15-ой второй главы: «будетъ кто измѣнника, догнавъ на дорогѣ, убьетъ... тому дати государево жалованье изъ его животовъ, что государь укажетъ». На этой статьѣ не однажды останавливалось вниманіе изслѣдователей, подступавшихъ къ Уложенію съ проблемами уголовнаго права, и первый же вопросъ, который вставалъ передъ изслѣдователемъ, былъ *вопросъ объ основаніи*, на которомъ опирается это суровое право. Одни пытались объяснить его ссылкой на то, что «измѣнникъ лишался общаго покровительства законовъ» (Линовскій, Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича). Но московскому праву неизвѣстно такое состояніе—лишеніе покровительства законовъ, и въ источникахъ той эпохи нельзя отыскать слѣдовъ понятія, выражаемаго этими словами; къ тому же, Уложеніе оправдываетъ убійство измѣнника лишь въ томъ случаѣ, если оно происходитъ въ погонѣ, «на дорогѣ», а убійство измѣнника, уже захваченнаго, обсуждается и разсматривается, какъ преступленіе (см. ниже); слѣдовательно, личность измѣнника не безусловно «лишается покровительства законовъ». Другіе объясняютъ эту форму узаконеннаго самоуправства слѣдующимъ соображеніемъ: преступленіе измѣны, «по составу своему нарушая разомъ право цѣлаго общества, нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право каждаго отдѣльнаго гражданина... отсюда какъ для перваго, такъ чрезъ посредство его и для послѣднихъ образуется противъ преступника состояніе не-

обходимой обороны, гдѣ дозволяется отражать нападеніе всѣми средствами» (Колосовскій, Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію, въ Архивѣ Калачова, 1859, III, 97). Но оцѣнивая это разсужденіе опять-таки съ точки зрѣнія его соотвѣтствія духу и постановленіямъ московскаго права, приходится сопоставить его съ тѣмъ, что измѣна въ Уложеніи выступаетъ исключительно, какъ измѣна Великому государю, какъ нарушеніе государевыхъ интересовъ (сдача государевыхъ городовъ, помощь государеву недругу, отъѣздъ на службу къ иному государю); притомъ же, «состояніемъ необходимой обороны» оправдывается лишь убійство измѣнника нападающаго, а разбираемая статья Уложенія не содержитъ такой оговорки. Но сверхъ того оба эти предположенія не могутъ быть приняты потому, что ими оставляется безъ объясненія самая характерная и своеобразная черта, которую вплетаетъ въ этотъ видъ суроваго самоуправства московскій законодатель XVII вѣка: убійство измѣнника объявляется въ Уложеніи не только дѣяніемъ ненаказуемымъ, но и подвигомъ поощряемымъ, такъ какъ за исполненіе его выдается государево жалованье; притомъ, статья, узаконяющая это право, формулирована такъ, что моментъ поощренія выдвинутъ въ ней на первый планъ, а самое право на убійство задѣвается лишь вскользь и именно по поводу награды: «кто убьетъ, тому *дати* государево жалованье изъ животовъ». Ближе къ истинѣ можно считать такое объясненіе, которое связываетъ законность этой расправы съ отсутствіемъ «общественной власти» и съ наличностью «исключительныхъ обстоятельствъ»: частная расправа»—говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, уже однажды нами цитированный—«допускается въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, которые находятся внѣ круга общественной власти... въ настоящемъ случаѣ это можетъ произойти при бѣгствѣ измѣнника» (Колосовскій, тамъ же). Этимъ объясненіемъ, однако, не все еще сказано, такъ какъ непонятно, почему право лица, случайно замѣняющаго общественную власть, доходитъ до права убить. Поэтому, въ концѣ концовъ, наиболѣе пріемлемое объясненіе заключается въ мысли, высказанной Чебышевымъ-Дмитріевымъ: «право убивать измѣнника основывается на томъ же, на чемъ и право убивать вора», а послѣднее допускается Уложеніемъ по тому расчету, чтобы «воръ не скрылся и этимъ не избѣжалъ наказанія» (Ученыя записки Казанскаго уни-

верситета 1862, I, 236). Возводя это положеніе къ болѣе общему принципу, приходимъ къ выводу, что настоящимъ основаніемъ права убить измѣнника является *государственный интересъ или государственная необходимость*, обусловленная исключительными обстоятельствами: а) человѣкъ, за которымъ предполагаются или признаны враждебныя интересамъ государства намѣренія, находится въ такомъ состояніи, что легко можетъ ускользнуть отъ власти; б) отсюда возникаетъ необходимость, ради государственныхъ интересовъ, обезвредить его какимъ бы то ни было способомъ; в) между тѣмъ нѣтъ на-лицо органа власти, законно къ тому управомоченнаго. Такимъ образомъ, лицо, случайно замѣняющее власть, дѣйствуетъ въ государственномъ интересѣ, оказываетъ услугу государству, а не просто убиваетъ человѣка, «лишеннаго покровительства законовъ»; этимъ объясняется и награда, выдаваемая ему государственной властью [21]).

Любопытно сопоставить разбираемую статью Уложенія съ крестоцѣловальными записями начала XVII вѣка: въ нихъ содержалась обязанность «*биться съ измѣнники*» (Памятники исторіи смутнаго времени, 19; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 421 и 15); Уложеніе упоминаетъ о правѣ «*убить измѣнника*», но не превращаетъ это право въ обязанность. Однако историческая связь его съ обязанностью проявляется въ томъ, что осуществленіе этого права покровительствуется и поощряется властью.

Впрочемъ, это самоуправство надъ жизнью политическаго преступника санкціонируется Уложеніемъ не безусловно; въ самомъ кодексѣ и въ московской практикѣ, къ нему примыкавшей, можно уловить два основныхъ условія, ограничивавшихъ это суровое право: одно относится къ обстановкѣ убійства, другое—къ самой личности убиваемаго.

а) Разрѣшается лишь убійство измѣнника, находящагося въ состояніи бѣгства: въ погонѣ, на дорогѣ—какъ выражается Уложеніе (II, 15). Убійство же измѣнника, уже захваченнаго, разсматривается какъ преступленіе—правда, не какъ преступленіе противъ жизни, а скорѣе какъ проступокъ по должности: въ 1676 году якутскій воевода приговорилъ—«казака Стенку Лаврентьева бить кнутомъ на козлѣ за то, что онъ, будучи въ посылкѣ по измѣнниковъ, измѣнниковъ Байгу да Айгу, *поиманныхъ и связанныхъ*, безъ госу-

дарева указу самовольствомъ убилъ до смерти» (Дополненія къ актамъ историческимъ, VII, 24). Слѣдовательно, то, что было проявленіемъ дозволеннаго самоуправства во время преслѣдованія политическаго преступника, становится актомъ самоуправства наказуемаго, когда преслѣдованіе окончено. Впрочемъ, если грозила опасность упустить изъ рукъ важнаго политическаго преступника, уже благополучно захваченнаго, правительство московское не только не останавливалось передъ разрѣшеніемъ его убить, но прямо вмѣняло это въ обязанность: «Маринку съ сыномъ и Заруцкаго»—говорится въ наказной памяти 1614 года—«везти съ великимъ береженьемъ скованныхъ и остерегаться, чтобъ на нихъ воровскіе люди не пришли; а придутъ воровскіе люди, и будетъ не подъ силу противъ нихъ стоять, Маринку съ выблядкомъ и Заруцкаго побить до смерти» (Акты историческіе, III, 34). Впрочемъ этой инструкціей нестолько освѣщается самоуправная раздѣлка съ политическимъ преступникомъ, сколько дается низшимъ исполнительнымъ органамъ власти исключительное полномочіе, объясняемое важностью политическихъ преступниковъ, ими охраняемыхъ, и неспокойнымъ состояніемъ страны; исключительность этого полномочія слѣдуетъ изъ того, что, неоднократно повторяя въ позднѣйшіе годы и по самымъ различнымъ политическимъ дѣламъ инструкцію «везти съ великимъ береженьемъ», правительство ни разу однако, не упоминаетъ о правѣ «побить до смерти».

б) Кого же именно разумѣетъ Уложеніе подъ «измѣнникомъ» въ этой статьѣ: преступника ли уже изобличеннаго и осужденнаго или человѣка, лишь подозрѣваемаго въ измѣнѣ? ст. 15-я не даетъ прямого указанія на этотъ счетъ, но изъ сопоставленія ея со слѣдующей статьей той же главы можно сдѣлать такой выводъ: простое отсутствіе человѣка и неизвѣстность его пребыванія въ то время, когда противъ него заявленъ политическій извѣтъ, не должно, по мысли законодателя, служить оправданіемъ самоуправства, такъ какъ Уложеніе предписываетъ такого человѣка «сыскать и поставить съ извѣтчикомъ съ очей на очи» (II, 16); но неотысканіе его къ очной ставкѣ, нужно думать, разсматривалось, какъ укрывательство отъ суда и, стало-быть, какъ неопровержимое доказательство виновности. При такихъ условіяхъ едва ли въ московской практикѣ требовалось ожидать формальнаго осужденія для того, чтобы безнаказанно исполь-

зовать право, предоставленное 15-ой статьей. Аналогія съ убійствомъ вора, захваченнаго на мѣстѣ преступленія (XXI, 88), также подтверждаетъ этотъ выводъ: если по общимъ преступленіямъ Уложеніе столь рѣшительно допускаетъ расправу до приговора, то тѣмъ болѣе оно должно съ ней мириться въ сферѣ преступленій государственныхъ, гдѣ и полицейскія и политическія соображенія диктуютъ ему скорѣе снисходительность къ убійцѣ, чѣмъ строгую провѣрку его дѣйствій. Итакъ, объектомъ права, описаннаго въ ст. 15-й, слѣдуетъ считать не только преступника уже осужденнаго, но и человѣка, противъ котораго возникаетъ *основательное подозрѣніе* въ его виновности [22]). Въ какомъ именно порядкѣ легализировалось совершаемое такимъ образомъ убійство и обязанъ ли былъ убившій до приговора доказывать затѣмъ виновность убитаго — на эти вопросы Уложеніе не даетъ отвѣта ни прямого, ни косвеннаго, а въ практикѣ московской, поскольку слѣды ея сохранились до нашихъ дней, намъ не посчастливилось отыскать случаевъ примѣненія этой статьи.

Передъ нами имѣется, однако, документъ, на многіе годы предшествующій Уложенію Алексѣя Михайловича и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ рѣшительно и абсолютно запрещается всякое самоуправство до судебнаго рѣшенія. Это—приговоръ ляпуновскаго ополченія отъ 30 іюня 1611 года, содержащій слѣдующее постановленіе: «Смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора бояромъ не по винѣ не казнити и по городомъ не ссылати; а кто учнетъ ходити скопомъ и заговоромъ и кто кого убьетъ до смерти по недружбѣ или на кого кто скажетъ какое измѣнное земское дѣло,—и про то сыскивать въ правду, а по сыску наказанье и смертная казнь чинить бояромъ, поговоря со всей землей: *а кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, и того самого казнить смертью* (Памятники исторіи Смутнаго времени, 69). Итакъ, не только запрещается кровавое самоуправство до земскаго приговора, но и наказывается оно куда суровѣе, чѣмъ наказалъ якутскій воевода казака, прикончившаго съ измѣнниками. Это постановленіе, нужно думать, вызвано было бунтомъ, произволомъ и смутами, раздиравшими патріотическое ополченіе, — когда казачьи войска, входившія въ его составъ, подъ видомъ наказанія измѣнниковъ учиняли безпощадную расправу съ непопулярными начальными людьми.

IV. Установивъ приблизительно то, что заключается въ ст. 15 второй главы, мы считаемъ нужнымъ для исчерпывающей характеристики ея отмѣтить существеннѣйшее изъ того, чего въ ней не хватаетъ. Для этого полезно сопоставить ее, во-первыхъ, съ Литовскимъ статутомъ, гдѣ есть аналогичное постановленіе, и во-вторыхъ съ аналогичной же статьей Уложенія въ главѣ «о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ». И литовскій кодексъ санкціонируетъ право убить измѣнника—бѣглеца, но безнаказанное осуществленіе этого права обставляетъ рядомъ существенныхъ оговорокъ: «кто измѣнника ловить пустился, тотъ долженъ въ первовстрѣтившемся судѣ учинить объявленіе, что онъ за таковымъ бѣглецомъ гонится»; убійца обязанъ доказать передъ судомъ «измѣнничій побѣгъ»; а если не докажетъ, то самъ подвергается наказанію, какъ за ложный извѣтъ (Статутъ, 1811, раздѣлъ I, артикулъ 7). Къ чести Статута нужно также отмѣтить, что онъ не устанавливаетъ соблазнительной награды убійцѣ «изъ животовъ» убитаго, а ограничивается неопредѣленнымъ посуломъ «милости государевой». Изслѣдуемая нами статья Уложенія не усвоила ни одного изъ этихъ постановленій. Это, впрочемъ, не должно вызывать удивленія, такъ какъ составители второй главы не ввели въ нее даже и тѣхъ постановленій, которыя они могли заимствовать изъ источника ближайшаго—изъ XXI-ой главы Уложенія. Сравненіе этихъ двухъ частей московскаго кодекса, изъ которыхъ одна посвящена «государевой чести», а другая—«разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ», приводитъ къ очень поучительнымъ результатамъ. Прежде всего, въ XXI-ой главѣ провозглашается въ категорическихъ словахъ запретъ всякаго самосуда въ уголовныхъ дѣлахъ: кто сыщетъ у себя разбойниковъ, хотя бы они были его люди и крестьяне, и не представивъ ихъ къ сыску въ губу, *побьетъ*, тотъ лишается помѣстья, если онъ помѣстный человѣкъ, а если не помѣстный, подвергается наказанію кнутомъ, и въ обоихъ случаяхъ платитъ исцовы иски (XXI, 79). Но при опредѣленныхъ условіяхъ законъ допускаетъ возможность самоуправства надъ уголовнымъ преступникомъ, доходящаго до такихъ же предѣловъ, какъ и въ главѣ второй,—до права убійства. Уже внѣшнимъ сличеніемъ статьи, посвященной этому праву (XXI, 88), съ соотвѣтствующей статьей второй главы обнаруживается между ними знаменательное различіе: насколько послѣдняя лаконична и склонна отдѣлываться самыми общими опредѣленіями, настолько первая, наоборотъ, отли-

чается многословностью и подробностью своихъ постановленій; стало-быть, законодатель, формулировавшій эту статью, относится къ праву внѣ-судебнаго убійства куда съ бо́льшей осторожностью, чѣмъ онъ это дѣлаетъ во второй главѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ статьи это наблюденіе вполнѣ подтверждается. Разрѣшая внѣ-судебное или до-судебное убійство «татя съ поличнымъ», законъ устанавливаетъ при этомъ два ряда условій: одни относятся къ самой обстановкѣ самосуда, а другія — къ его судебной провѣркѣ. Можно убить татя съ поличнымъ «въ дому своемъ»; можно его убить и внѣ дома — «на дорогѣ или на полѣ или въ лѣсу», но только при томъ условіи, если это происходитъ «въ погонѣ», если въ погонѣ участвуютъ сторонніе люди и если, къ тому же, тать «изымати себя не дастъ и учнетъ дратися». Послѣ убійства нужно «тотчасъ объявити окольнымъ людямъ и убитаго привезти въ приказъ къ занискѣ съ погонщики вмѣстѣ»; туда же должно быть доставлено и поличное. Очевидно, и окольные люди и погонщики должны въ приказѣ удостовѣрить наличность обстоятельствъ, оправдывающихъ убійство. Съ такой заботливостью и осторожностью регулируется Уложеніемъ самосудъ надъ татемъ, который захваченъ съ поличнымъ и въ которомъ законодатель предполагаетъ «вѣдомого лихого»; а самосудъ надъ человѣкомъ, лишь заподозрѣннымъ въ измѣнѣ (обыкновенно — не «вѣдомымъ лихимъ»), регулируется неясными и полными пробѣловъ постановленіями второй главы. Неясность и пробѣлы закона всегда являются источникомъ злоупотребленій, а если сюда пристегивается еще соблазнъ унаслѣдовать «животы» убитаго, тогда злоупотребленія, при опредѣленныхъ культурныхъ и политическихъ условіяхъ, могутъ обратиться въ заурядное явленіе. Намъ, правда, не привелось среди документовъ, уже напечатанныхъ, и документовъ, только снятыхъ съ архивной полки, — натыкаться на случаи примѣненія ст. 15-ой второй главы; но это едва-ли можно объяснить тѣмъ, что такихъ случаевъ было немного или не было совсѣмъ; вѣрнѣе предположить, что изъ нихъ «дѣлъ» никакихъ не возникало, по которымъ историкъ могъ бы судить о послѣдствіяхъ этой законодательной мѣры. Выше мы разсказали о мужикѣ, у котораго дѣти боярскія ограбили животы, а потомъ привели къ воеводѣ, объяснивъ, что мужика они поймали на рубежѣ; воеводѣ такое объясненіе показалось подозрительнымъ, и онъ началъ сыскъ

противъ дѣтей боярскихъ; между тѣмъ, въ схваткѣ съ ними мужикъ могъ потерять не только «животы», но и жизнь, и съ нимъ бы исчезъ единственный свидѣтель грабежа и самоуправства; животы бы перешли благополучно во владѣніе дѣтей боярскихъ, а «дѣла» никакого не возникло бы... Такая легкость поживы становилась опаснымъ соблазномъ въ порубежныхъ городахъ: при московской подозрительности одно только намѣреніе переѣхать рубежъ разсматривалось если не всегда какъ измѣна, то всегда какъ убѣдительный симптомъ измѣны; поэтому тотъ, кто использовалъ право, предоставленное ст. 15-й, и поживился около чужихъ животовъ, могъ бы не тратить много труда на обличеніе измѣнныхъ умысловъ убитаго; стоило только сослаться просто на то, что «застигъ его на рубежѣ, а онъ поимати себя не давалъ»...

Таковы случаи дозволеннаго и поощряемаго самоуправства въ преслѣдованіи за политическія преступленія. За вычетомъ этихъ случаевъ вся остальная область политической расправы находится въ границахъ суда—можетъ быть весьма несовершеннаго и упрощеннаго, можетъ быть, далеко уходящаго отъ началъ «истинныхъ и праведныхъ», на которыхъ присягнулъ царь Василій Шуйскій,—но все-таки *суда* въ основномъ значеніи этого слова, т.-е. такой однообразной, напередъ установленной процедуры, гдѣ за обвиненіемъ, предъявленнымъ въ опредѣленныхъ условіяхъ, слѣдуетъ обязательная его провѣрка обязательными средствами «сыска», гдѣ обвиняемый ставится въ положеніе, допускающее защиту и борьбу, и гдѣ рѣшеніе государственной власти сообразуется съ результатами этой судебной процедуры. Къ изслѣдованію ея мы и переходимъ въ дальнѣйшихъ частяхъ нашей работы, но прежде нужно выполнить еще одну задачу: установить кругъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ наказуемыхъ посягательствъ, къ которымъ эта процедура примѣняется.

ГЛАВА III.

Система государственныхъ преступленій въ Уложеніи царя Алексѣя.

§ 1.

Общія замѣчанія.

I. Государственныя преступленія въ кодексахъ, предшествовавшихъ Уложенію; общія черты постановленій, сюда относящихся: ихъ нераздѣльность отъ постановленій уголовныхъ, лаконичность, неясность; споры и сомнѣнія, вызываемыя неясностью.— II. Преимущества второй главы Уложенія сравнительно съ постановленіями древнихъ кодексовъ: обособленіе государственныхъ посягательствъ въ системѣ изложенія, подробность въ ихъ описаніи, стремленіе установить систему.—Что привело кодификаторовъ Уложенія къ мысли предусмотрѣть и описать политическія преступленія?

I. Какъ намъ пришлось уже отмѣтить, Уложеніе царя Алексѣя является первымъ въ исторіи русскаго законодательства кодексомъ, въ которомъ дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственныхъ преступленій. Крупный шагъ, сдѣланный въ этомъ вопросѣ Уложеніемъ, станетъ намъ особенно яснымъ, если мы предпошлемъ обзору второй главы относящіяся къ этому же вопросу постановленія изъ кодексовъ, ему предшествовавшихъ. Русская правда ни въ одной изъ своихъ редакцій и ни въ одной статьѣ не упоминаетъ о преступленіяхъ политическихъ, и самое раннее указаніе на нихъ встрѣчаемъ только въ Псковской судной грамотѣ: «а кримскому татю и коневому и *перевѣтнику* и зажигалнику тѣмъ живота не дати». Это постановленіе послужило, въ свою очередь, источникомъ для слѣдующей статьи перваго московскаго судебника: «государскому убойцѣ и *коромолнику*, церковному татю и головному, и подметчику и зажигалнику, вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертной казнью» (ст. 9). Мѣсто «перевѣтника» вѣчевой гра-

моты занялъ, какъ видимъ, въ московскомъ кодексѣ еще менѣе намъ понятный «коромолникъ» [23]). Судебникъ царскій пополнилъ этотъ списокъ указаніемъ на «градского сдавца», а во всемъ остальномъ воспроизвелъ статью стараго судебника безъ какихъ-либо добавленій, разъясняющихъ ея смыслъ (ст. 61). Наконецъ, въ одномъ боярскомъ приговорѣ, состоявшемся на закатѣ царствованія Грознаго, по поводу ябедничества въ судѣ формулировано было слѣдующее постановленіе: « а назоветъ кого (холопъ или иного чину человѣкъ) воромъ, а убивства или *крамолы и рокоша на царя государя* не доведетъ, и того самого казнити смертью, для того, въ жалобницѣ и въ судѣ не лай» (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 36).

Этимъ и исчерпывается все, что по предмету государственныхъ преступленій сказано было въ русскомъ законодательствѣ, предшествовавшемъ Уложенію. Разсматривая эти немногія постановленія, главнымъ образомъ, со стороны внѣшней ихъ редакціи, можно отмѣтить за ними три общихъ черты: а) во-первыхъ, законодатель не отводитъ въ своемъ изложеніи самостоятельнаго мѣста для политическихъ преступленій, а смѣшиваетъ ихъ въ одну группу съ другими тягчайшими посягательствами—убійствомъ, поджогомъ и татьбой; эта близость свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, что онъ понимаетъ важность политическихъ посягательствъ, но съ другой стороны, въ этой же близости—вѣрный признакъ того, что законодателю остается непонятнымъ ни своеобразіе этихъ преступленій ни ихъ первенствующее значеніе въ государственной жизни; б) во-вторыхъ, цитированныя выше постановленія поражаютъ крайней лаконичностью выраженій, доходящей до того, что весь юридическій составъ преступленія характеризуется однимъ наименованіемъ преступнаго дѣятеля—коромольникъ, перевѣтникъ, градской сдавецъ; в) этимъ обусловливается, наконецъ, третья черта—крайняя неясность существа преступленія, крайняя трудность въ его пониманіи, питающая различіе мнѣній у изслѣдователей и полную гипотетичность ихъ выводовъ. Кого нужно разумѣть подъ «перевѣтникомъ», упоминаемымъ въ псковской грамотѣ: государственнаго ли измѣнника въ широкомъ смыслѣ слова или просто военнаго лазутчика, и если это—измѣнникъ, то уподобляется ли онъ «отъѣщику» позднѣйшихъ временъ, покидавшему московскаго великаго князя

для службы иному государю, или это — «тайный передатчикъ вѣстей», какъ характеризуетъ его Устряловъ? Значеніе «градского сдавца», упоминаемаго въ позднѣйшемъ судебникѣ, понятно намъ въ общихъ чертахъ, хотя остается все-таки неяснымъ, охватывается ли этимъ выраженіемъ сдача крѣпости по измѣнническому расчету или только неудачная защита ея, имѣвшая роковой исходъ; но зато «коромольникъ», выступающій въ обоихъ судебникахъ, запутываетъ въ неразрѣшимый узелъ сомнѣнія, возникшія насчетъ его существа. Было высказано мнѣніе, что подъ «крамолой» нужно разумѣть *всякій умыселъ*, направленный противъ личности и власти государя (Юридическій вѣстникъ, 1874, V, 27); но въ государевомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ, который мы цитировали выше, наряду съ крамолой упоминается еще и «рокошъ на царя государя»; слѣдовательно, ею не охватывается всё разнообразіе умысловъ противъ представителя верховной власти. Это привело къ мысли, что «крамола», по существу, совпадаетъ съ московскимъ понятіемъ «измѣны» (Владимірскій-Будановъ); но слова «измѣна, измѣнникъ, измѣнить» въ смыслѣ указанія на государственное преступленіе хорошо извѣстны XVI-ому вѣку, и мы ихъ встрѣчаемъ въ актахъ, предшествовавшихъ помянутому выше боярскому приговору; стало-быть, не было у московскихъ законодателей этой эпохи прямой необходимости покрывать твердо ими усвоенное понятіе «измѣны» другимъ выраженіемъ — «крамола». Но самое главное — въ томъ же боярскомъ приговорѣ можно найти рѣшительныя указанія противъ отождествленія крамолы и измѣны: нѣсколькими строчками выше приговоръ также упоминаетъ о крамольникѣ и ставитъ его на одну доску съ ябедниками и «составщиками» ложныхъ исковъ; въ этомъ сопоставленіи «крамола» пріобрѣтаетъ значеніе спеціальнаго вида ябеды, и подъ крамольникомъ приходится разумѣть человѣка, специализировавшагося на тягчайшемъ сортѣ ябеды — ложныхъ поклепахъ въ государственной измѣнѣ; при такомъ толкованіи «крамола» будетъ стоять близко къ понятію государственнаго преступленія, но сама не будетъ таковымъ. Въ концѣ концовъ, эти сомнѣнія привели къ такому выводу, что «крамолой» на языкѣ московскихъ кодексовъ обозначалось всякое нарушеніе довѣрія, направлено ли оно противъ государя или противъ частнаго лица. — Въ томъ же боярскомъ приговорѣ 1584 года упоминается еще объ одномъ преступ-

леніи, за которымъ долженъ быть признанъ неоспоримый политическій характеръ—«рокошъ на царя государя». Одинъ изъ изслѣдователей, переводя это темное для насъ слово на языкъ современныхъ понятій, пользуется выраженіемъ «бунтъ» (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 36). Но такъ какъ въ самомъ указѣ не прибавлено ни одного поясненія по существу этого вида наказуемой дѣятельности, а въ другихъ документахъ эпохи мы не встрѣчали такого выраженія, то противъ толкованія, даннаго почтеннымъ изслѣдователемъ и основаннаго въ лучшемъ случаѣ на какихъ-либо этимологическихъ сближеніяхъ, нельзя ничего сказать ни за ни противъ[24]).

II. Отъ этихъ грубыхъ неясностей, порожденныхъ лаконизмомъ выраженій и соединеніемъ различныхъ по существу группъ преступленій, свободно Уложеніе царя Алексѣя. Вчитываясь въ этотъ кодексъ, мы находимъ въ немъ всѣ признаки самаго внимательнаго и вдумчиваго отношенія законодателя къ разряду посягательствъ, направленныхъ противъ государственной власти. Въ системѣ изложенія они не только выдѣлены законодателемъ отъ общихъ уголовныхъ преступленій, какъ разбой, грабежъ, татьба,—но и отъ преступленій, направленныхъ противъ церкви, и даже отъ преступленій, задѣвающихъ «честь государева двора»: первымъ посвящена вступительная глава Уложенія («о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ»), а послѣднимъ—третья, въ которой Уложеніе сгруппировало менѣе тяжкія уголовныя и гражданскія правонарушенія, квалифицируя ихъ по мѣсту ихъ совершенія. Между этими двумя главами помѣщена глава «о государьской чести и какъ его государьское здоровье оберегать», цѣликомъ наполненная постановленіями о политическихъ преступленіяхъ. Она имѣетъ для нихъ значеніе почти исчерпывающее: все, что законодатель хотѣлъ сказать по этому вопросу, онъ сказалъ въ этой главѣ; сюда можно добавить только ст. 20 изъ главы седьмой, въ которой Уложеніе, излагая ратный уставъ московскаго государства, касается особаго вида государственной измѣны: передачи вѣстей въ непріятельскую армію.

Выдѣливъ, такимъ образомъ, государственныя преступленія въ особую главу, помѣстивъ эту главу на такомъ мѣстѣ, которымъ явственно подчеркивается первостепенная важность этихъ преступ-

леній, московскій кодексъ XVII вѣка стремится съ достаточной подробностью опредѣлить и юридическій составъ ихъ, не ограничиваясь на этомъ пути лаконическими названіями, удовлетворявшими древнихъ кодификаторовъ: онъ устанавливаетъ существо каждаго преступленія, опредѣляетъ содержаніе умысла, описываетъ способы и формы преступнаго дѣйствія; однимъ словомъ, съ достаточной обстоятельностью раскрываетъ и субъективную и объективную сторону противогосударственныхъ посягательствъ; даже не забываетъ объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость: единственная статья Уложенія, трактующая о помилованіи, помѣщена какъ—разъ въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ (II, 11).

Наконецъ, этотъ законодательный памятникъ имѣетъ еще одно преимущество сравнительно съ кодексами, ему предшествовавшими: онъ не смѣшиваетъ всѣхъ государственныхъ преступленій подъ однимъ общимъ и потому смутнымъ ярлыкомъ (измѣна, крамола), а пытается дать имъ, если не исчерпывающую, то все же достаточно развитую систему. Вторая глава, гдѣ сгруппированы относящіяся сюда постановленія, раздѣлена на 22 статьи, и если исключить рядъ статей съ процессуальнымъ содержаніемъ (ст. 6—17), то почти каждой изъ остальныхъ соотвѣтствуетъ особый видъ политическихъ преступленій. Такъ какъ всѣ они облагаются одинаковымъ наказаніемъ—смертной казнью, то ясно, что законодатель стремится различить преступленія не по наказуемости, а по ихъ юридическому составу. Отмѣчая среди политическихъ посягательствъ опредѣленныя группы съ однимъ общимъ признакомъ, законодатель обособляетъ ихъ по этому признаку, а внутри каждой группы различаетъ отдѣльныя посягательства, опираясь на подробное ихъ описаніе.

Если мы вспомнимъ, что всѣми этими чертами характеризуется первый опытъ систематическаго законодательства о государственныхъ преступленіяхъ, то должны будемъ признать, что составители второй главы Уложенія обнаружили много вниманія, вдумчивости и даже искусства въ своей кодификаціонной работѣ. Этимъ они сдѣлали её благодарнымъ и содержательнымъ предметомъ для самыхъ различныхъ историко-юридическихъ изслѣдованій.

III. Чѣмъ объясняется этотъ знаменательный фактъ, что нашъ кодексъ половины семнадцатаго вѣка занялся впервые постановленіями о политическихъ преступленіяхъ и, притомъ, сдѣлалъ это съ

такими чертами относительнаго совершенства? Причины этого кроются во многихъ обстоятельствахъ. Прежде всего, самая мысль предусмотрѣть въ кодексѣ политическія преступленія не чужда была, какъ мы знаемъ, и старымъ московскимъ судебникамъ: всё то смутное и примитивно-цѣльное, что успѣла выработать къ этому времени политическая мысль общества, только-что освобождавшагося отъ вѣковой коры удѣльныхъ и вотчинныхъ взглядовъ, судебники занесли на свои страницы въ видѣ неясныхъ и лаконичныхъ постановленій; немудрено, что кодификаторы XVII вѣка рѣшили продолжать эту работу. Передъ ними былъ, къ тому же, и еще одинъ кодексъ почти такъ же хорошо имъ извѣстный и богатый подробными опредѣленіями по предмету политическихъ посягательствъ: мы говоримъ о Литовскомъ статутѣ, первый раздѣлъ котораго служитъ однимъ изъ важныхъ источниковъ второй главы Уложенія; отсюда, впрочемъ, нельзя сдѣлать неопровержимаго вывода, что именно Статутомъ навѣяна была мысль предусмотрѣть политическія преступленія: скорѣе можно предположить, что къ Статуту обратились тогда, когда самая мысль объ этомъ сложилась у московскихъ кодификаторовъ. Наконецъ, къ опредѣленіямъ матеріальнаго права они были естественно приведены и основной, по-преимуществу, процессуальной задачей, поставленной передъ ними —начертать общее руководство для «суда и управы»: выполняя эту задачу, кодификаторы сосредоточили во второй главѣ рядъ процессуальныхъ постановленій, регулирующихъ порядокъ политическаго суда, а по тѣсной связи съ ними предусмотрѣли составъ и наказуемость важнѣйшихъ политическихъ преступленій.

Что касается внѣшнихъ достоинствъ, которыми характеризуется этотъ первый опытъ систематическаго законодательства о государственныхъ преступленіяхъ (выдѣленіе ихъ въ особую главу, подробности въ описаніи, попытка выдержать систему), то и на этомъ сказалось дѣйствіе многихъ причинъ. Сказался, прежде всего, вѣковой прогрессъ культурнаго и политико-юридическаго быта, что̀ отражалось и на развитіи юридическихъ понятій и на отчетливости юридическаго мышленія, а это, въ свою очередь, повело и къ большей ясности изложенія, и къ большей подробности описанія, и къ стремленію установить и выдержать систему; конечно, эти черты отразились не только на главѣ, посвященной государствен-

нымъ преступленіямъ, но и на всѣмъ кодексѣ въ цѣломъ съ его отчетливымъ и систематическимъ раздѣленіемъ на главы и статьи; сказалась, далѣе, суровая и шумная гроза недавняго Смутнаго времени, когда тяжкіе удары, испытанные государствомъ, пробудили въ населеніи всю остроту политическаго сознанія, и предъ населеніемъ, какъ и предъ новой властью, которую населеніе вынесло на плечахъ своихъ, встали воочію всѣ разнообразныя опасности, грозящія государственному организму; сказались, наконецъ, и совсѣмъ свѣжія воспоминанія о шумныхъ и кровавыхъ событіяхъ, развернувшихся на улицахъ столицы наканунѣ самыхъ работъ надъ Уложеніемъ: грозный потокъ массового народнаго движенія, промчавшійся передъ глазами законодателя, прямо вдохновилъ его на три послѣднихъ статьи второй главы (II, 20—22). Всё это, вмѣстѣ взятое—и Смутное время и недавній бунтъ—не только навѣяло законодателю мысль суровыми и опредѣленными нормами достигнуть устрашающаго впечатлѣнія, но прямо развертывало предъ его пониманіемъ все разнообразіе противогосударственныхъ посягательствъ, воплощало въ конкретныхъ образахъ отвлеченныя юридическія понятія, обостряло по опредѣленнымъ вопросамъ мысль, воображеніе и самую логику законодателя, давало ему перо въ руки и статья за статьей диктовало ему суровыя и ясныя постановленія... Ниже при обзорѣ отдѣльныхъ посягательствъ намъ не разъ придется отмѣчать какъ на юридическомъ ихъ составѣ отражалась память о политическихъ бѣдствіяхъ недавнихъ временъ.

§ 2.

Классификація государственныхъ преступленій во второй главѣ Уложенія.

Противоположеніе государева здоровья и государевой чести.—Широкое пониманіе чести въ московскую эпоху: оно захватываетъ не только область политическихъ преступленій, но и дѣйствія внѣшнихъ враговъ.—Группа преступленій, объединяемыхъ признакомъ „измѣны“.—Скопъ и заговоръ; обособленіе этого преступленія по системѣ изложенія, по различію источниковъ.—Значеніе этой классификаціи.

Но прежде чѣмъ изслѣдовать отдѣльные виды посягательствъ, предусмотрѣнныхъ во второй главѣ, мы хотимъ выполнить еще одну предварительную задачу: хотимъ попытаться уловить систему, по

которой ихъ располагаетъ и различаетъ самъ московскій законодатель. Слѣдовательно, это не будетъ система, основанная на признакахъ, выработанныхъ современной наукой: не отраженія современной системы государственныхъ преступленій будемъ мы искать на страницахъ соборнаго Уложенія, а постараемся расчленить содержаніе второй главы этого памятника, слѣдуя за ходомъ мысли самого законодателя тѣхъ временъ.

Изъ самаго заглавія второй главы: «о государьской чести и какъ его государьское здоровье оберегать»—слѣдуетъ, что вся сумма преступленій, предусмотрѣнныхъ въ этой главѣ, распадается, по мысли кодификатора семнадцатаго вѣка, на двѣ основныхъ группы: 1) посягательства противъ государева здоровья и 2) посягательства противъ государевой чести. Это противопоставленіе приводитъ насъ къ тому существенному выводу, что «государево здоровье», въ глазахъ составителей Уложенія, обособилось въ совершенно самостоятельный объектъ преступной дѣятельности, и посягательства, противъ него направленныя, занимая самостоятельное мѣсто въ системѣ государственныхъ преступленій, не смѣшивались ни съ посягательствами на власть государя, ни съ иными формами наказуемой противогосударственной дѣятельности. Этотъ выводъ подтверждается и текстомъ второй главы: умыслу на государево здоровье посвящена въ ней особая статья и притомъ заглавная, что свидѣтельствуетъ о взглядѣ законодателя на это преступленіе, какъ на тягчайшее изъ тяжкихъ. Если, за вычетомъ этого посягательства, остальная масса политическихъ преступленій характеризуется, какъ нарушеніе государевой чести, стало-быть въ этой области, гдѣ объектомъ наказуемой дѣятельности является личность представителя верховной власти, Уложеніе совершенно раздѣляетъ посягательства на здоровье отъ посягательствъ противъ чести; этой отчетливостью не характеризуются постановленія того же кодекса въ главѣ о посягательствахъ уголовныхъ: даже съ тяжкими побоями, угрожающими не здоровью только, но и жизни, Уложеніе соединяетъ тутъ платежъ безчестья пострадавшему (XXII, 11); значитъ, въ одномъ преступномъ дѣяніи смѣшиваются элементы посягательства на честь и посягательства на здоровье.

Итакъ, за вычетомъ «умысла на государево здоровье», всѣ остальныя преступленія, предусмотрѣнныя во второй главѣ, опредѣляются законодателемъ, какъ нарушеніе «государевой чести». Эта

характеристика не вызываетъ въ насъ никакихъ опасеній насчетъ узкаго круга посягательствъ, ограничиваемыхъ этимъ признакомъ. Извѣстно, какъ широко толковалось понятіе «чести» среди русскихъ людей XVII вѣка: съ одной стороны, даже въ преступленіе тяжкихъ побоевъ, какъ мы только-что указали, прокрадывается элементъ оскорбленія чести, а съ другой—даже пустая ошибка въ имени, безъ тѣни злого намѣренія, разсматривалась еще долго послѣ Уложенія, какъ поводъ къ вчинанію иска о безчестьѣ [25]); между этими крайними полюсами помѣщалась защищаемая закономъ «честь» московскихъ всякаго чину людей. Нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы «честь» великаго государя понималась менѣе широко, чѣмъ честь любого изъ его подданныхъ. Дѣйствительно, какъ объ этомъ можно заключить изъ обильныхъ источниковъ эпохи, честь московскаго государя могла нарушаться въ такой же степени словомъ, какъ и дѣйствіемъ, и не только словомъ прямо оскорбительнымъ, но и словомъ неосторожнымъ и легкомысленнымъ; и не только дѣйствіемъ, тяжкопреступнымъ и глубоко опаснымъ для государства, но и такимъ, серьезность котораго непонятна кодексамъ нашихъ дней (напримѣръ, прописка государева именованья). Больше того: даже такія дѣйствія, которыя ни съ нашей ни съ московской точки зрѣнія не могутъ уподобляться политическимъ преступленіямъ, также разсматривались въ XVII вѣкѣ, какъ нарушеніе государевой чести; умаляли-ли польскіе «паны рады» титулъ великаго государя, притязали-ли государевы недруги на государевы города, что́ «изстари за нашими прародителями бывали», нарушали-ли «окрестныя государства миръ и докончанье» съ великимъ государемъ,—Москва въ лицѣ своихъ официальныхъ и неофиціальныхъ сферъ воспринимала это, какъ нарушеніе государевой чести; самая война, по московскимъ воззрѣніямъ той эпохи, была «государевой местью его государевымъ недругамъ», т. е. расплатой обиженнаго съ оскорбителями его чести (Уложеніе, VII, 1). Такимъ образомъ дѣянія, обозначаемыя, какъ нарушеніе государевой чести, далеко выходятъ за кругъ наказуемыхъ посягательствъ на государство и власть.

Эти черты московскаго пониманія чести обнадеживаютъ насъ въ томъ отношеніи, что помимо умысла на государево здоровье мы можемъ расчитывать найти во второй главѣ не только широкій, но и весьма разнообразный кругъ политическихъ преступленій, и разно-

образіе ихъ не должно разсматриваться, какъ свидѣтельство о неправильности нашей гипотезы, какъ показатель противъ того объединяющаго признака, которымъ мы это разнообразіе охватываемъ. Но разнообразіе, при внимательности и ясности мысли кодификатора, ведетъ къ обособленію различныхъ группъ въ предѣлахъ одного общаго признака; эту черту мы можемъ отмѣтить во второй главѣ: не исчерпывая до конца широкаго и разнообразнаго содержанія, заполняющаго категорію «государевой чести», она выбираетъ изъ нея наиболѣе тяжкія посягательства и среди нихъ обособляетъ нѣсколько существенно различныхъ видовъ.

Преступленія противъ государева здоровья занимаютъ, какъ сказано, первое мѣсто въ разбираемой главѣ Уложенія. Вслѣдъ за единственной статьей, имъ посвященной (II, 1), идетъ во второй главѣ рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ статей, подробныхъ и содержательныхъ, въ которыхъ перечисляются и описываются такія политическія преступленія: приготовленія къ узурпаціи государевой верховной власти въ свою, преступника, пользу; помощь другимъ лицамъ, поставившимъ себѣ такую же цѣль; сдача города непріятелю; тайный впускъ непріятельскихъ войскъ въ осажденный городъ; поджогъ укрѣпленій; отъѣздъ на службу въ иное государство. Объединены ли чѣмъ-нибудь, въ глазахъ составителей Уложенія, всѣ эти разнообразные виды государственныхъ преступленій, кромѣ того признака, по которому всѣ они характеризуются, какъ преступленія противъ государевой чести? несомнѣнно, объединены. Прежде всего, изъ простого чтенія статей, имъ посвященныхъ, видно, что юридическій составъ всѣхъ этихъ преступленій имѣетъ одну общую черту— признакъ измѣны: «кто Царьскаго Величества недругу городъ сдастъ *измѣной;* кто умышленіемъ и *измѣной* городъ зажжетъ; кто съ государевы недруги учнетъ ссылаться и про тое его *измѣну* сыщется; кто *измѣнитъ*, выѣдетъ изъ московскаго государства въ иное господарьство». Далѣе, субъекты всѣхъ этихъ разнообразныхъ преступленій именуются въ Уложеніи «измѣнниками»; это прямо слѣдуетъ изъ ст. 5, II, гдѣ Уложеніе говоритъ: «а помѣстья, вотчины и животы *измѣнничьи* взять на государя»; по связи изложенія эта статья должна быть отнесена къ субъектамъ всѣхъ перечисленныхъ выше преступленій. Наконецъ, вслѣдъ за статьями, регулирующими порядокъ и объемъ конфискаціи за преступленія, характеризуемыя при-

знакомъ «измѣны», вторая глава помѣщаетъ рядъ статей съ процессуальнымъ содержаніемъ, и среди нихъ мы опять улавливаемъ мысль законодателя, что всѣ описанныя выше преступленія представляются ему объединенными въ одну группу по признаку «измѣны»: «будетъ учнутъ извѣщать про государьское здоровье или какое *измѣнное* дѣло»; «кто на кого учнетъ извѣщати государево великое дѣло или *измѣну*»; кто на кого не довелъ государева великаго дѣла или *измѣны*». Не вникая сейчасъ въ юридическую сущность признака, выражаемаго словомъ «измѣна»,—мы извлекаемъ изъ этого внѣшняго обзора статей Уложенія лишь одинъ выводъ: а) преступленія противъ государева здоровья не суть «измѣна», такъ какъ Уложеніе противопоставляетъ послѣднюю первымъ, б) всѣ исчисленныя выше преступленія, за вычетомъ умысла на государево здоровье, представляются московскому законодателю, какъ «измѣна».

Наконецъ, въ самомъ концѣ второй главы Уложеніе предусматриваетъ еще одинъ видъ государственныхъ посягательствъ—«скопъ и заговоръ на Царское Величество и на государевыхъ приказныхъ людей». Описывая юридическій составъ этого преступленія, Уложеніе ни словомъ не упоминаетъ объ «измѣнѣ»; угрожая за это преступленіе смертной казнью, Уложеніе не предусматриваетъ наряду съ этимъ конфискаціи, которую оно же назначаетъ въ предшествующихъ статьяхъ за измѣну. Въ самомъ изложеніи законодателя наблюдается какъ бы естественный разрывъ: послѣ исчисленія преступленій, характеризуемыхъ имъ, какъ измѣна, слѣдуетъ отдѣльная статья, узаконяющая конфискацію за всѣ эти преступленія и редакціей своей прямо свидѣтельствующая о томъ, что ею заканчивается нѣкоторый отдѣлъ въ изложеніи второй главы; вслѣдъ за этой статьей тянется сплошной рядъ постановленій, по-преимуществу, съ процессуальнымъ значеніемъ, и за ними только—подрядъ три статьи, посвященныя «скопу и заговору» (II, 20—22). Эти внѣшнія наблюденія можно дополнить еще указаніемъ на различіе источниковъ: статьи, предусматривающія «скопъ и заговоръ», обвѣяны живымъ вліяніемъ крестоприводныхъ записей, а статьи, описывающія «измѣну», хранятъ на своей редакціи слѣды позаимствованій изъ Статута. Все это даетъ намъ право заключить, что преступленіе «скопа—заговора», юридическій составъ котораго будетъ нами ниже выясненъ, не отождествляется составителями Уложенія

съ тѣми видами преступленій, которые ими характеризуются одной общей чертой—признакомъ «измѣны».

Итакъ, вся сумма государственныхъ преступленій, которыя счелъ нужнымъ предусмотрѣть московскій законодатель семнадцатаго вѣка, впервые регулировавшій этотъ вопросъ, распадается, по его собственнымъ воззрѣніямъ, на три большихъ группы: 1) умыселъ на государское здоровье; 2) измѣна въ различныхъ видахъ; 3) скопъ и заговоръ на Царское Величество и на государевыхъ приказныхъ людей.

Эта классификація государственныхъ преступленій, которую мы, основываясь на указанныхъ выше наблюденіяхъ текста второй главы Уложенія, предполагаемъ за самими ея составителями, должна быть, разумѣется, провѣрена въ дальнѣйшемъ — при анализѣ юридическаго состава отдѣльныхъ преступленій, предусматриваемыхъ во второй главѣ; анализомъ этимъ должны быть обнаружены существенныя сходства и существенныя различія, оправдывающія классификацію московскаго законодателя или, по крайней мѣрѣ, нашу гипотезу о таковой. Но, съ другой стороны, эта же классификація сама будетъ для насъ вспомогательнымъ средствомъ при выясненіи юридическаго состава отдѣльныхъ преступленій: разъ мы предполагаемъ у законодателя стремленіе обособить три указанныхъ выше группы государственныхъ преступленій, мы будемъ отыскивать между ними черты существенныхъ различій, а точность различій внесетъ ясность въ понятіе каждаго отдѣльнаго преступленія, — и будемъ остерегаться смѣшивать то, что разъединено по плану законодателя.

§ 3.

Умыселъ на государево здоровье.

Источникъ статьи, посвященной этому посягательству; различіе съ Литовскимъ статутомъ.—„Обереганіе здоровья государева“ въ подкрестныхъ записяхъ.—„Здоровье“, какъ объектъ посягательства.—Обнаруженіе умысла или приготовленіе? наказуемость злого умысла, какъ „непристойнаго слова“.—Мотивы и средства посягательства; „злой волшебный умыселъ“.

Посягательству на государево здоровье посвящена первая и единственная по этому вопросу статья во второй главѣ Уложенія: «будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское

здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертью».

На подлинномъ столбцѣ Уложенія противъ этой статьи помѣта, указывающая на заимствованіе изъ Литовскаго статута. Не имѣя никакихъ основаній подвергать сомнѣнію правильность такой помѣты, мы должны все-таки подчеркнуть существенное различіе въ конструкціи этого посягательства между статутомъ и Уложеніемъ. Въ статутѣ говорится о томъ, «когда бы кто учинилъ на здоровье наше господарьское заговоръ, скопъ или бунтъ», т.-е. соединяется въ одномъ постановленіи индивидуальный умыселъ на особу государя съ умысломъ коллективнымъ и даже массовымъ, умысломъ, созрѣвающимъ въ условіяхъ народнаго мятежа и противоправительственнаго движенія; а московскому законодателю, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ событій, массовой характеръ преступнаго дѣянія представлялся признакомъ настолько важнымъ, что, пользуясь имъ, онъ выдѣлилъ въ особую статью особое же посягательство, предусмотрѣвъ его подъ именемъ «скопа и заговора»; такая конструкція заставила его выбросить этотъ послѣдній признакъ изъ статьи, описывающей умыселъ на государево здоровье.

Какъ видимъ, московскій законодатель относился свободно къ тексту литовскаго кодекса, воздерживаясь отъ рабскаго усвоенія его конструкцій и нормъ. Эта черта, какъ отмѣтилъ одинъ изслѣдователь, мыслима лишь при томъ условіи, если кодификаторъ, обращаясь къ чужому законодательству, встрѣчается тамъ съ явленіемъ, хорошо ему извѣстнымъ; а таковымъ для московскаго законодателя несомнѣнно было преступленіе противъ государева здоровья, такъ какъ задолго до Уложенія его твердо усвоила московская практика во всѣхъ разнообразныхъ его формахъ и, разумѣется, относилась къ нему съ неменьшей суровостью, чѣмъ Литовскій статутъ. Объ этомъ преступленіи говорятъ всѣ подкрестныя записи, предшествовавшія Уложенію: ко всякому московскому обывателю «какого чину ни будь» онѣ предъявляютъ требованіе «государьскаго здоровья во всемъ оберегати и лиха ему государю никакого не мыслити и не хотѣти».

Какъ въ подкрестныхъ записяхъ, такъ и въ разбираемой статьѣ

Уложенія объектомъ посягательства признается не жизнь только представителя верховной власти, но его «здоровье» вообще; слѣдовательно, въ кругъ преступныхъ дѣяній, охватываемыхъ этой статьей, входятъ и такія посягательства, въ которыхъ умыселъ, не угрожая прямо жизни великаго государя, складывается изъ намѣренія причинить ущербъ его здоровью. Придавая такой общій характеръ этой формѣ политическаго посягательства, московскій законодатель, какъ намъ кажется, предвидѣлъ не увѣчья и побои, объектомъ которыхъ едва-ли могла стать личность великаго государя, а главнымъ образомъ умыселъ навести на него неизлѣчимую болѣзнь, «испортить его всякой злой порчей», какъ говорили и вѣрили въ Москвѣ, или же «приворожить и счаровать», т.-е. завладѣть его духовной самостоятельностью для разнообразныхъ и таинственныхъ расчетовъ. Такимъ образомъ, объектъ изслѣдуемаго посягательства, характеризуемый во второй главѣ общимъ терминомъ «государева здоровья», распадается при ближайшемъ разсмотрѣніи на три различныхъ вида: а) жизнь великаго государя, б) физическое его здоровье и в) духовное здоровье.

Въ сферѣ обще-уголовнаго законодательства это различіе повело къ обособленію посягательствъ противъ жизни отъ посягательствъ на здоровье въ тѣсномъ смыслѣ слова: увѣчье и побои не отождествляются съ убійствомъ, не сливаются съ нимъ въ изложеніи законодателя, не приравниваются ему по наказуемости. А въ системѣ преступленій государственныхъ всѣ эти виды посягательства на личность охватываются общимъ понятіемъ «умысла на государево здоровье»; въ этой сферѣ сохраняется древнее начало, отчетливо выраженное въ постановленіяхъ Русской правды: увѣчье свободнаго человѣка обсуждается въ ней съ такой же суровостью, какъ и убійство, и облагается одинаковой вирой [26]).

Съ разбираемой статьей Уложенія связывается одинъ спорный и весьма трудный для рѣшенія вопросъ. Въ ней говорится о такомъ преступномъ дѣятелѣ, который «*мыслилъ* и дѣлать хотѣлъ на государское здоровье злое дѣло», и за это статья угрожаетъ ему тягчайшимъ изъ наказаній—смертной казнью. Спрашивается, имѣлъ ли въ виду законодатель обложить столь суровой наказуемостью голый умыселъ, когда преступникъ его обнаруживалъ, или подъ словами «мыслилъ и дѣлать хотѣлъ» (II, 1) слѣдуетъ разумѣть такой

умыселъ, для осуществленія котораго совершены уже нѣкоторыя приготовительныя дѣйствія? Оба мнѣнія нашли себѣ защитниковъ среди русскихъ историковъ-юристовъ, останавливавшихся на этой статьѣ. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что здѣсь предусматривается наказуемость «голаго умысла»; въ пользу такого толкованія онъ приводитъ аналогію со средневѣковымъ правомъ Западной Европы, гдѣ «голый умыселъ противъ жизни государя велъ къ совершенно такимъ же послѣдствіямъ, какъ и самое совершеніе»,—и аналогію съ постановленіемъ самого Уложенія, предусматривающаго въ ст. 8, XXII суровую наказуемость простого умысла раба на жизнь господина (Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 1899, 288). Однако ни одна изъ этихъ аналогій не кажется намъ убѣдительной. По поводу первой мы вспоминаемъ, что разбираемая статья Уложенія сама указываетъ своимъ источникомъ Литовскій статутъ, а въ соотвѣтствующемъ параграфѣ статута предусматривается отнюдь не голый умыселъ, а по меньшей мѣрѣ умыселъ, реализованный уже въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ: «когда бы кто *учинилъ* на здоровье наше государево *заговоръ, скопъ или бунтъ*». А аналогія со статьей объ умыслѣ раба говоритъ скорѣе противъ мнѣнія проф. Сергѣевича, чѣмъ за него: въ ней рабъ, «помыслившій смертное убійство на того, кому онъ служитъ», наказывается отсѣченіемъ руки; а такъ какъ убійство, согласно общей нормѣ, карается смертью, то ясно, что законодатель къ простому изъявленію умысла относится мягче, чѣмъ къ умыслу, вступившему на путь реализаціи; если допустить аналогію законодательныхъ постановленій относительно этихъ двухъ тяжкихъ видовъ преступнаго умысла—умысла раба на жизнь господина и умысла подданнаго на «здоровье государево»—то мы должны прійти къ заключенію, что въ разбираемой нами статьѣ второй главы Уложенія предусматривается во всякомъ случаѣ не голый умыселъ, а непремѣнно умыселъ, уже осложнившійся какими-либо подготовительными дѣйствіями, ибо здѣсь законодатель обставляетъ его самой суровой угрозой—смертной казнью. Самая редакція статьи говоритъ въ пользу такого толкованія: статья упоминаетъ о «сыскѣ», который нужно произвести для примѣненія наказанія, и характеризуя составъ преступленія, не ограничивается словомъ «мыслилъ», а добавляетъ: «мыслилъ и дѣлать хотѣлъ». Впрочемъ, даже подъ однимъ словомъ «умыселъ», безъ всякихъ

иныхъ добавленій, Уложеніе объединяетъ иногда и намѣреніе и подготовительныя къ осуществленію его дѣйствія; такъ, въ ст. 18, II говорится: «кто услышитъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной злой умыселъ»[27]).

Но если въ разсматриваемой статьѣ второй главы имѣется въ виду умыселъ, уже осложнившійся приготовительными къ осуществленію его дѣйствіями, то какъ относится московское законодательство или московская судебная практика къ простому обнаруженію умысла, за которымъ никакой сыскъ не открылъ конкретныхъ мѣръ, направленныхъ къ его реализаціи? Въ преступленіяхъ противъ частныхъ лицъ Уложеніе объявляетъ умыселъ, отлившійся въ форму словесной угрозы, ненаказуемымъ и только присваиваетъ тому, противъ котораго угроза направлена, право требовать опасной грамоты: «будетъ кто прожиточный человѣкъ какого чину учнетъ похвалятца на кого смертнымъ убивствомъ, и тому, на кого онъ похвалитца, дать опасную грамоту съ большою заповѣдью тысячъ въ пять рублевъ, и будетъ тотъ, кто похвалялся, убьетъ того, кто на него объ опасной грамотѣ билъ челомъ, и его казнить смертью да изъ животовъ его и съ вотчинъ взять заповѣдь сполна, половину въ государеву казну, а половину—убитого женѣ и дѣтямъ» (X, 133).

Въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ государя, ни московское законодательство ни московская судебная практика не могли, разумѣется, допустить безнаказанности голаго умысла. Можно думать, что умыселъ, выразившійся на письмѣ, практика приравнивала къ приготовительнымъ дѣйствіямъ, а умыселъ, обнаруженный въ словахъ, составлялъ особый видъ государственныхъ преступленій, характеризуемый московской терминологіей, какъ «непристойная рѣчь». Подъ эту широкую категорію подходили и слова, выражавшія непочтеніе къ особѣ государя, и слова, заключавшія въ себѣ неумѣстныя сужденія о государѣ и государственныхъ дѣлахъ и даже простыя обмолвки рѣчи, въ которыхъ упоминалось имя или титулъ государя. Въ эту же категорію, какъ мы думаемъ, относились и такія слова, въ которыхъ заключалась прямая угроза противъ личности государя или умыселъ на государево здоровье. По крайней мѣрѣ, въ воеводскихъ отпискахъ такіе случаи изъявленія умысла противъ государя характеризуются, какъ «неподобное или непригожее слово»; да и наказуемость ихъ, какъ о томъ свидѣтельству-

етъ приводимый дальше примѣръ, сильно отличалась отъ суровой нормы, установленной въ ст. 1, 1 Уложенія: въ 1634 году присланъ былъ въ Москву одинъ казакъ по обвиненію въ томъ, что онъ на пиру въ перебранкѣ «сказалъ непригожее слово про государя царя и великаго князя—онъ-де царю горло перерѣжетъ»; по дѣлу состоялся указъ—«посадить его въ тюрьму, а потомъ отправить въ ссылку въ Сибирь съ женой и съ дѣтьми» [28]). Въ пользу такого толкованія говоритъ и аналогія съ другими тяжкими преступленіями, предусмотрѣнными во второй главѣ: измѣна, напримѣръ, есть политическое посягательство, обложенное смертной казнью, а словесное обнаруженіе умысла къ измѣнѣ, ничѣмъ не реализованнаго, обсуждается практикой, какъ «непристойное слово», и наказывается ссылкой и урѣзаніемъ языка; въ такомъ же точно отношеніи находятся «бунтовскія слова» и «бунтъ» (Акты московскаго государства, III, 527). Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что голый умыселъ на государево здоровье, не перешагнувшій за предѣлы словесной угрозы, обособился въ московской практикѣ отъ умысла, уже вступившаго на путь реализаціи, умысла дѣйственнаго, болѣе опаснаго и потому неизмѣримо строже наказуемаго; но обособившись отъ *дѣянія*, умыселъ, трактуемый, какъ преступленіе «*слова*», слился съ той разнообразной и вмѣстительной категоріей, которая расцвѣла въ практикѣ XVII вѣка подъ именемъ «непристойныхъ или непригожихъ рѣчей».

Итакъ, въ разбираемой статьѣ Уложенія слѣдуетъ скорѣе видѣть умыселъ, для котораго преступникъ совершилъ уже нѣкоторыя приготовительныя дѣйствія [29]). Любопытно отмѣтить, что московскій кодексъ такъ и не идетъ дальше въ развитіи этого посягательства и не предусматриваетъ ни покушенія на жизнь государеву ни случая совершеннаго осуществленія умысла. Въ этомъ умолчаніи, впрочемъ, не содержится никакой неясности или недоговоренности: если объявляется наказуемымъ умыселъ на государево здоровье, то тѣмъ болѣе наказуемо успѣшное осуществленіе умысла, а такъ какъ даже умыселъ карается смертной казнью, то нѣтъ нужды предусматривать особо его успѣшное осуществленіе, ибо нельзя уже усугубить наказуемость.

О мотивахъ посягательства на государьское здоровье Уложеніе не упоминаетъ, такъ какъ и для состава преступленія и для нака-

зуемости мотивы были безразличны. Но предметомъ «сыска», производимаго по поводу обнаруженнаго посягательства, бывало всегда и изслѣдованіе мотивовъ, такъ какъ этимъ путемъ власть, производящая розыскъ, старалась открыть сообщниковъ изобличеннаго преступника или его вдохновителей и предупредить такимъ образомъ опасности, угрожающія впредь. По свидѣтельству Котошихина, человѣка, заподозрѣннаго въ умыслѣ на государево здоровье, пытаютъ, «не по наученію-ли котораго иного потентата» задумано имъ это преступленіе, чтобъ «учиниться у него въ подданствѣ или сами хотя государствомъ завладѣть» (Котошихинъ, О Россіи, 1840, 24). Въ 1639 году производилось розыскное дѣло о нѣкоей «женкѣ Настькѣ»: не было-ли мужу ея «литвину Янкѣ присылки или заказу отъ польскаго и отъ литовскаго короля, чтобы ей государя испортить» (Новомбергскій, Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи, III, 120). Такимъ образомъ, за посягательствомъ на государево здоровье предполагались, главнымъ образомъ, политическіе мотивы, но разумѣется не исключена возможность и всякихъ иныхъ расчетовъ: напримѣръ, можно «приворожить» государя, чтобы заставить его выбрать себѣ въ невѣсты опредѣленную дѣвушку; можно «затѣять на него лихое дѣло», чтобы добиться отъ него удовлетворенія челобитья (Новомбергскій, тамъ же, 121).

Не останавливается Уложеніе и на средствахъ, которыми преступникъ умышляетъ на жизнь и здоровье государево,—опять-таки потому, очевидно, что для однообразно-суровой санкціи, сопровождающей это преступленіе, безразличенъ характеръ средствъ. Но изъ сопоставленія подкрестныхъ записей, которыми, несомнѣнно, навѣяна первая статья второй главы, и дошедшихъ до насъ слѣдовъ судебной практики по этимъ дѣламъ мы можемъ возстановить колоритную бытовую черту посягательствъ на государево здоровье въ московскія времена: умыселъ въ этомъ преступленіи былъ по преимуществу умысломъ «волшебнымъ», и средствомъ для реализаціи его, по взгляду дѣйствующаго субъекта, должны были служить зелья, коренья, волхвованія и иные способы «порчи». Такъ, въ крестоцѣловальной записи, по которой московскіе люди присягали царю Василію Шуйскому, содержалось такое обѣщаніе: «лиха мнѣ государю никакого не хотѣти ни мыслити... и въ ѣствѣ и въ питьѣ ни въ платьѣ, ни въ иномъ чемъ лиха не учинити и не испортити

ни зелья лихого, ни коренья не давати» (Памятники исторіи смутнаго времени, 19). Если подъ «зельемъ лихимъ» можно разумѣть отравленіе, которое по неуловимости слѣдовъ внушало почти суевѣрный ужасъ людямъ XVII вѣка, то обязательство «не испортить» прямо указываетъ на средства «волшебныя». Еще яснѣе это подчеркивается въ крестоцѣловальной записи, по которой присягали бѣлозерцы на вѣрность царю Михаилу Ѳеодоровичу: «на государя никакой порчи не заводить и тѣмъ злымъ дѣломъ не умышлять и о томъ ни съ кѣмъ не думати» (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 3). Процессы, дошедшіе до нашихъ дней, имѣютъ своимъ предметомъ «злой волшебный умыселъ на государьское здоровье». Въ 1647 году Семенъ Стрѣшневъ былъ обвиненъ въ томъ, что «государева здоровья не остерегалъ, государю про злыхъ вѣдуновъ не извѣстилъ и самъ съ ними знался» (Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 9). Въ 1689 году Ивашка Щербачевъ былъ приговоренъ къ смертной казни «по уложенію за злой волшебный умыселъ на ихъ государьское здоровье» (Полное Собраніе Законовъ, III, 52). Изъ стрѣлецкихъ дѣлъ этого же года, возникшихъ по связи со стрѣлецкими мятежами, любопытно дѣло о «волхвѣ Дорошкѣ» и его сообщникахъ, которые обвинялись въ томъ, что хотѣли «пустить заговорныя слова по вѣтру на государя Петра Алексѣевича и на мать его Наталью Кирилловну», въ каковомъ намѣреніи выразился ихъ «злой, волшебный, богоотмѣтный умыселъ на его государево здоровье» (Полное Собраніе Законовъ, III, 49). Соучастница помянутой выше женки Настьки «золотная мастерица Дашка Ламанова» обвинялась въ томъ, что «сыпала она вѣдовскій рубашечный пепелъ на слѣдъ государыни царицы, и послѣ того учала государыня недомогать и быти печальна да послѣ того жъ вскорѣ государя царевича Ивана Михайловича не стало, и нынѣ государыня царица передъ прежнимъ скорбна жъ. и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попрежнему, и до сихъ лѣтъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка» (Новомбергскій, тамъ же).

Такимъ образомъ, посягательства на тѣлесную неприкосновенность представителя верховной власти характеризуются чаще всего въ московскую эпоху такимъ признакомъ, который съ нашей точки зрѣнія дѣлаетъ ихъ покушеніемъ съ негодными средствами.

§ 4.

Измѣна великому государю.

I. Общее понятіе объ „измѣнѣ“; измѣна въ записяхъ XV вѣка, ея виды, ея формальный признакъ; измѣна въ крестоцѣловальныхъ записяхъ XVII вѣка; измѣна въ практикѣ; объективное разнообразіе преступленій, подводимыхъ подъ понятіе „измѣны“; единство—въ признакѣ субъективномъ: измѣна есть умыселъ противъ власти государя; виды умысла; тайный переходъ черезъ рубежъ не есть измѣна.—II. Захватъ государевой власти: a) самозванство, b) подысканіе подъ государство; насильственный характеръ средствъ.—III. Помощь государеву недругу; виды помощи.—IV. Сказываніе вѣстей; квалифицированный характеръ этого преступленія; его особенные признаки и условія; „переѣздъ“ не есть побѣгъ,—V. Сдача города; двѣ формы передачи города въ Уложеніи; распространительное толкованіе практики; обстоятельства, освобождавшія отъ отвѣтственности.—VI. Измѣнный поджогъ.—VII. Отъѣздъ; онъ есть менѣе тяжелый видъ измѣны; отъѣздъ на службу; измѣнный умыселъ въ отъѣздѣ; зарубежное бѣгство, какъ перемѣна подданства; мотивы отъѣзда.

I. Преступленіе «измѣны» упоминается въ нашихъ источникахъ не «со времени самозванцевъ», какъ высказалъ это Ланге (Древне-русское судопроизводство, 105), а по крайней мѣрѣ на полвѣка раньше,—и именно въ клятвенныхъ записяхъ на вѣрность, которыми связывали московскіе государи служившихъ имъ князей и бояръ. Записи эти тянутся черезъ весь XVI вѣкъ, но хотя содержаніе ихъ почти одинаково, однако слова «измѣна, измѣнить», какъ характеристика дѣйствій, въ нихъ предусмотрѣнныхъ, попадаются лишь со второй половины этого вѣка и именно съ царствованія Грознаго. Первое упоминаніе объ «измѣнѣ» содержится въ записи князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, данной въ 1562 году: «забывъ жалованье государя своего и преступивъ крестное цѣлованье, *измѣнилъ* есми царю и великому князю Ивану Васильевичу, съ Жигимонтомъ королемъ ссылался и грамоту отъ него опасную взялъ, что мнѣ къ нему ѣхати; и государь царь Иванъ Васильевичъ за мою *измѣну* и крестное преступленье опалу на меня положилъ». И еще въ нѣкоторыхъ записяхъ XVI вѣка встрѣчаемъ выраженіе «измѣна», и изъ сочетаній, въ которыхъ оно тамъ употребляется, можемъ уловить четыре ряда дѣйствій, характеризуемыхъ, какъ «измѣна»: отъѣздъ къ государеву недругу; ссылка съ нимъ на государево лихо; помощь внѣшнему врагу московскаго государства; сдача города [30]). Такъ какъ эти дѣйствія исчерпывающе со-

отвѣтствуютъ основнымъ обязательствамъ, предусмотрѣннымъ въ записяхъ, и въ обязательствахъ этихъ—весь смыслъ и значеніе любой изъ нихъ,—то можно согласиться съ Суховымъ (Юридич. Вѣстникъ, 1874, V, 27), что понятіе «измѣны» въ эту эпоху имѣло точный формальный признакъ: измѣнникомъ назывался нарушитель записи, какъ «личнаго обѣщанія вѣрности московскому государю»; всякое нарушеніе записи разсматривалось, какъ измѣна. Правда, въ одной изъ записей князь Иванъ Мстиславскій приноситъ повинную въ томъ, что «государю и *его землямъ и всему православному крестьянству измѣнилъ*, навелъ крымскаго царя на святыя православныя церкви»; такъ какъ записью и «личнымъ обѣщаніемъ вѣрности» провинившійся князь обязанъ былъ только передъ государемъ московскимъ, а не передъ «русской землей», то цитированное мѣсто записи свидѣтельствуетъ какъ-бы противъ нашего предположенія о формальномъ признакѣ въ понятіи «измѣны»; но проглядывая все содержаніе этой записи, какъ и другихъ, мы читаемъ въ нихъ, что присягающій обязывается «добра хотѣти государю *и его государевымъ землямъ*»; такимъ образомъ, приведенное возраженіе отпадаетъ.

На такой же приблизительно кругъ дѣйствій распространяется понятіе «измѣны» и въ крестоцѣловальныхъ записяхъ XVII вѣка, которыя, въ противоположность записямъ предшествующаго вѣка, представляютъ собой не индивидуальное обѣщаніе вѣрности, а общую формулу вѣрноподданнической присяги. «Государю ни въчемъ не *измѣнити*, въ иное государство не отъѣхати, съ инымъ государствомъ не ссылаться ни письмомъ, ни словами и безъ государева указу города не сдати»—такое обязательство фигурируетъ во всѣхъ безъ исключенія крестоприводныхъ записяхъ, на которыхъ присягало московское населеніе въ XVII вѣкѣ вступающему на престолъ государю. Но такъ какъ содержаніе этихъ записей значительно расширилось сравнительно съ записями XVI вѣка, и въ нихъ стали включаться обязательства, совершенно лишенныя политическаго значенія (вродѣ обѣщанія показывать правду на повальномъ обыскѣ),—то нарушилось прежнее соотвѣтствіе между содержаніемъ записи и кругомъ дѣяній, характеризуемыхъ, какъ «измѣна»; такимъ образомъ, изъ понятія «измѣны» выпалъ точный формальный признакъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, практика XVII вѣка такъ широко раздвинула кругъ дѣяній, обозначаемыхъ словомъ «измѣна», и такимъ разнообразіемъ объективной картины характеризуются эти дѣянія, что съ утратой формальнаго признака становится дѣломъ весьма труднымъ отыскать какую-либо другую черту, объединяющую это разнообразіе. Значеніе «измѣны» усваивается не только дѣяніямъ, поименованнымъ въ крестоцѣловальныхъ записяхъ и перешедшихъ затѣмъ во вторую главу Уложенія, но и другимъ, отдаленную связь которыхъ съ первыми уловить подчасъ бываетъ очень не легко. Такъ, сибирскихъ инородцевъ правительство называетъ «измѣнниками», если они «ясаку платить не учнутъ»; «измѣной» также называется: «возмущеніе народа», нападеніе на служилыхъ людей, убійство казаками начальныхъ людей [31]); двое астраханскихъ дьяковъ не вернули крымскому царю «отгонныхъ его лошадей», а взяли ихъ себѣ—«и то они учинили воровствомъ, *измѣной*, и тѣмъ межъ насъ, великаго государя, и крымскаго царя учинили ссору (Дворцовые разряды, I, 835); даже къ мѣстничеству въ одномъ случаѣ прилагается понятіе измѣны: когда князь Иванъ Голицынъ въ 1624 году не захотѣлъ на государевой свадьбѣ сидѣть ниже Шуйскаго и не послушалъ государевыхъ увѣщаній, «государь велѣлъ про то сказать бояромъ, и бояре говорили, что князь Иванъ учинилъ то *измѣной*, что на государевѣ радости быть не хочетъ, и въ его непослушаньѣ и измѣнѣ ихъ государьская воля»; у строптиваго князя отняты были вотчины и помѣстья, а самъ онъ отправленъ былъ въ ссылку (тамъ же, 640). Если всѣ эти разнообразные факты покрываются однимъ наименованіемъ «измѣны», то съ другой стороны къ дѣяніямъ, совершенно тождественнымъ по своему объективному составу, прилагается то наименованіе «измѣны» то другое обозначеніе. Такъ, массовое нападеніе на государевыхъ воеводъ и приказныхъ людей именуется въ Уложеніи «скопомъ и заговоромъ», а такое же нападеніе въ далекой Сибири квалифицируется правительствомъ, какъ «измѣна». Это приводитъ насъ къ убѣжденію, что существо признака, выражаемаго словомъ «измѣна», слѣдуетъ искать не въ объективномъ составѣ преступленія, а въ субъективной его сторонѣ—въ содержаніи умысла, которымъ вдохновляется преступникъ. Если мы предположимъ, что «измѣна» есть умыселъ на самую власть московскаго государя, а не на его лич-

ность и не на отдѣльное распоряженіе власти, и умыселъ этотъ складывается изъ стремленія или упразднить власть, или сократить ее, или ослабить,—то приведенные выше образцы словоупотребленія, принятаго въ московской практикѣ, станутъ намъ вполнѣ понятны. Если сибирскіе инородцы, недавно замиренные, не хотятъ платить ясака, значитъ у нихъ есть умыселъ отложиться отъ московскаго государя; если казаки убили полковниковъ, преданныхъ московскому государю, стало-быть въ перемѣнчивой Малороссіи подулъ вѣтеръ въ сторону Польши или «турскаго солтана»; дьяки вызвали недовольство крымскаго царя, потому что хотятъ вызвать войну противъ московскаго государя. Даже мѣстничанье князя Голицына при такой точкѣ зрѣнія можетъ быть истолковано не какъ натяжка, которой бояре хотѣли угодить разгнѣванному царю, а какъ подлинное проявленіе «измѣны»: былъ государевъ указъ, чтобы на государевой свадьбѣ быть всѣмъ безъ мѣстъ, а князь Иванъ государева указу не послушалъ; значитъ, строптивость его не есть простое мѣстничанье, а свидѣтельствуетъ объ отрицаніи исторически признаваемаго за московскими государями права ограничивать мѣстничество напередъ даваемыми указами. Наконецъ, съ этой же точки зрѣнія объясняется и распространеніе «измѣны» на «скопъ и заговоръ» сибирскихъ инородцевъ: какъ и неплатежъ ясака, это ихъ дѣйствіе свидѣтельствуетъ объ умыслѣ отпасть отъ подданства московскому государю; такъ именно и толковало ихъ намѣренія московское правительство и мѣстные воеводы: «была въ вогуличахъ шатость и измѣна, хотѣли государевыхъ служилыхъ людей побить, а умыслили, чтобы имъ быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучюмѣ-царѣ» (Акты историческіе, III, 1); этотъ случай относится къ 1613 году, когда отъ временъ Кучюма-царя сибиряковъ отдѣляло немногимъ болѣе четверти вѣка; но такими же намѣреніями вдохновляются они и во второй половинѣ XVII вѣка: въ 1662 году «шатость и измѣна объявилась во всемъ Березовскомъ уѣздѣ, что хотѣли городъ Березовъ взять и служилыхъ людей побить и ссылались съ царевичемъ Кучюмовымъ внукомъ, чтобы ему быть въ Тобольскѣ, а имъ бы на него ясакъ сбирать» (Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 307).

Умыселъ на власть государеву толковался въ XVII вѣкѣ очень широко; по содержанію своему онъ представляется въ четырехъ

основныхъ видахъ: а) преступникъ имѣетъ намѣреніе совсѣмъ изъять власть изъ рукъ царствующаго государя, б) или онъ хочетъ только сократить ее въ территоріальномъ отношеніи передачей государева города или области въ подданство иному государю, в) или онъ умаляетъ эту власть въ личномъ отношеніи, отъѣзжая къ государеву недругу на службу или перемѣняя подданство; д) наконецъ, умыселъ его выражается въ непризнаваніи и борьбѣ съ нѣкоторыми правами въ составѣ власти московскаго государя. Послѣдній видъ умысла иллюстрируется приведенной выше «измѣной» князя Голицына; въ этомъ же смыслѣ и царь Иванъ Грозный называетъ измѣнниками «бояръ, которые ему, государю, чинятся непослушны» (Русская историческая библіотека, III, 254); это—не тѣ бояре, которые «встрѣчу» ему дѣлаютъ въ думѣ, а тѣ, которые, подобно Курбскому, протестуютъ и отрицаютъ новыя права, присваиваемыя московскимъ государемъ (напримѣръ, право запрещать отъѣздъ, право конфисковать имущество отъѣхавшихъ [32]).

Установивъ существо «измѣны», мы можемъ выдѣлить изъ круга измѣнныхъ посягательствъ такія преступныя дѣянія, которыя неправильно съ измѣной отождествляются. Обильную категорію государевыхъ дѣлъ въ практикѣ XVII вѣка составляли дѣла, возникавшія изъ тайнаго перехода черезъ рубежъ; захваченнаго на рубежѣ московское правительство всегда распоряжалось «въ измѣнѣ пытать»; отсюда, однако, никакъ не слѣдуетъ, что тайный переходъ черезъ рубежъ можно подводить подъ общее понятіе измѣны (Рожковъ, Происхожденіе самодержавія въ Россіи, 139). Изъ шестой главы Уложенія это слѣдуетъ съ совершенной ясностью: въ ст. 3-ей этой главы предусматривается тайный переходъ черезъ рубежъ съ измѣнической цѣлью и облагается тягчайшимъ изъ наказаній—смертной казнью, а въ ст. 4-ой предусматривается тайный же переходъ черезъ границу, за которымъ не открыто признаковъ «измѣны» и который наказуется кнутомъ; слѣдовательно, самовольный или «воровской» переходъ черезъ рубежъ не есть еще самъ по себѣ «измѣна». Чтобы квалифицировать его, какъ таковую, нужно изслѣдовать намѣренія бѣглеца, не направлены ли они въ какомъ-нибудь отношеніи противъ власти великаго государя. Ради этого и производился всякій разъ «сыскъ» по поводу самовольнаго перехода черезъ границу, цѣлью котораго было изслѣдовать, нѣтъ ли у чело-

вѣка, пойманнаго на рубежѣ, «письма» заграницу или «не приказаны ли съ нимъ вѣсти къ кому», или не ѣхалъ ли онъ «служить» къ королю или крымскому хану, или не умыслилъ ли онъ вообще «крестъ цѣловать иному государю» (Акты московскаго государства, I, 170, 171, 173, 271; II, 111).

Если въ результатѣ «сыска» не открывалось ни то ни другое, то переходъ черезъ рубежъ разсматривался, какъ преступленіе противъ порядка управленія или какъ проступокъ по должности, если виновнымъ въ немъ оказывался служилый человѣкъ, отлучившійся за рубежъ безъ отпуска. Вотъ примѣръ, почерпнутый изъ приказной практики въ до-уложенную эпоху: пришелъ въ Карачевъ изъ-за литовскаго рубежа сынъ боярскій Игнашка и сказалъ, что ѣздилъ за рубежъ сыскивать полоненныхъ братьевъ; а ходилъ онъ безъ отпуску и безъ государева указу; воевода велѣлъ посадить его въ тюрьму; по государевой грамотѣ изъ Москвы велѣно «бить Игнашку батогомъ за то, что безъ отпуску и государева указу за рубежъ ходилъ, и выпустить его на поруки съ записью, чтобъ ему въ Литву не бѣжать (Архивъ, приказнаго стола столбецъ 91, листы 361—365). Иногда правительство не ограничивалось поруками, а требовало, какъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, повторенія присяги: въ 1680 году пришла государева грамота во Ржеву пустую, а въ ней велѣно—«которые стрѣльцы и иныхъ чиновъ люди придутъ изъ-за литовскаго рубежа, ихъ принимать, къ вѣрѣ приводить и селить въ Заволочьѣ» (тамъ же, новгородскаго стола столбецъ 150, листъ 407).

Итакъ, не всякій тайный переходъ черезъ рубежъ разсматривался въ московскомъ государствѣ какъ измѣна, и обрушивалъ на виновнаго всю роковую тяжесть послѣдствій, связанныхъ съ этимъ преступленіемъ. Для существа «измѣны» остается рѣшающимъ установленный выше признакъ—умыселъ *противъ власти* великаго государя, намѣреніе содѣйствовать ея полному изъятію изъ рукъ правящаго государя или сокращенію въ какомъ-либо отношеніи.

Такое пониманіе «измѣны» московскихъ временъ подтверждается, какъ нельзя лучше, анализомъ тѣхъ формъ этого преступленія, которыя предусмотрѣны второй главой Уложенія.

II. Непосредственно за статьей, описывающей преступленіе противъ «государева здоровья», помѣщена въ этой главѣ слѣду-

ющая статья: «будетъ кто при державѣ царьского величества, хотя московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злого умышленія начнетъ рать сбирать, или кто съ царьского величества недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатца и помочь имъ всячески чинить, чтобы тѣмъ государевымъ недругомъ, по его ссылкѣ, московскимъ государствомъ завладѣть или какое дурно учинить, и про то на него кто извѣститъ, и по тому извѣту про ту его измѣну сыщется допряма: и такова измѣнника казнити смертью».

Въ этой статьѣ предусмотрѣны два существенно различныхъ вида государственнаго преступленія: а) узурпація верховной власти законнаго московскаго государя въ свою, преступника, пользу, б) помощь внѣшнимъ врагамъ московскаго государства, посягающимъ на его политическую самостоятельность или на цѣлость его территоріи.

Общимъ объектомъ этихъ двухъ преступленій является совокупность верховныхъ правъ, принадлежащихъ законному и общепризнанному московскому государю. Это, по нашему мнѣнію, и выражается словами: «при державѣ царьского величества». Держава есть объектъ преступнаго посягательства, здѣсь предусмотрѣннаго, и въ этомъ отношеніи можетъ быть противопоставлена «государеву здоровью»—объекту преступленія, описаннаго въ предшествовавшей статьѣ. Что московское право отчетливо различало эти два понятія и что оно помѣщало «державу царьского величества» въ числѣ объектовъ преступной дѣятельности, это мы можемъ уловить изъ политическихъ процессовъ того времени. Въ 1682 году былъ осужденъ на смерть кн. Иванъ Хованскій, вдохновитель стрѣлецкихъ мятежей, и преступленіе, вмѣнявшееся ему въ вину, характеризовалось въ приговорѣ, какъ «злохитрый умыселъ на державу великихъ государей и на ихъ государьское здоровье» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 459). Поэтому на слова, занесенныя въ цитированную выше статью Уложенія: «при державѣ царьского величества»—нельзя смотрѣть, какъ на «излишнюю и непонятную фразу», навѣянную «неясными словами Литовскаго статута» [33]). Фразой этой опредѣляется — и скажемъ даже: удачно опредѣляется—самый объектъ преступнаго посягательства; въ ней же, какъ увидимъ дальше, содержится указаніе на необходи-

мѣйшее условіе одного изъ преступленій, предусмотрѣнныхъ въ этой статьѣ.

Итакъ, общимъ объектомъ преступленій, въ ней описанныхъ, является держава царскаго величества, т.-е. не верховная государственная власть вообще, а верховная власть, сосредоточенная въ рукахъ законнаго монарха. Слѣдовательно, иная форма государственнаго устройства не предусматривается составителями Уложенія, хотя изъ памяти ихъ еще не должна была стереться эпоха, когда государственная власть принадлежала думѣ боярской, какъ это было послѣ низверженія Шуйскаго, или земскому собору, правившему государствомъ до избранія на царство Михаила. Но давно отмѣчено историками Смутнаго времени, что безгосударное состояніе чувствовалось общественнымъ мнѣніемъ той эпохи, какъ явленіе болѣзненное и ненормальное; земля сознавала себя осиротѣвшей и судорожно напрягала силы, чтобы разрѣшить скорѣе кризисъ и добыть себѣ «государя». Идея монархическаго устройства (но не монархическаго абсолютизма) прочно засѣла въ глубинахъ общественнаго правосознанія... Поэтому вполнѣ естественно, что московскіе кодификаторы XVII вѣка не предусмотрѣли и не имѣли намѣренія предусмотрѣть иную не монархическую форму политическаго устройства: всякій кодексъ создается въ предположеніи нормальныхъ условій государственной жизни, а отсутствіе государя на престолѣ представлялось монархически настроенному общественному мнѣнію той эпохи, какъ явленіе ненормальное; кодексъ приспособляется и считается съ прочными и постоянными условіями государственнаго быта, а безгосударность, какъ явленіе ненормальное, могла быть въ московскомъ государствѣ только временной и скоротечной случайностью.

Общностью объекта—державы царскаго величества—исчерпывается сходство двухъ преступленій, описанныхъ въ ст. 2, II; затѣмъ начинается рядъ различій, настолько существенныхъ, что составъ каждаго изъ этихъ преступленій долженъ быть разъясненъ въ отдѣльности.

Первая половина статьи говоритъ о субъектѣ преступленія, который «хочетъ московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть». Слѣдовательно, преступное намѣреніе его складывается изъ двухъ элементовъ: а) изъ стремленія отнять власть у законнаго

государя и б) изъ расчета сосредоточить ее потомъ въ своихъ рукахъ. Для бытія такого преступленія необходимо, чтобы на-лицо былъ законный и общепризнанный государь на московскомъ престолѣ, противъ котораго и обращаются намѣренія узурпатора. Этотъ именно признакъ подчеркивается словами Уложенія: «при державѣ царьскаго величества», — каковыя пріобрѣтаютъ такимъ образомъ сугубую важность и знаменательное содержаніе. Намъ представляется даже, что въ понятіи «державы» заключено указаніе на государя, который не только по праву, никѣмъ не оспариваемому, притязаетъ на верховную власть, но и подлинно ее осуществляетъ, подлинно «держитъ» землю русскую, какъ признанный и добившійся повиновенія властелинъ. Въ этомъ отношеніи можно бы провести рѣзкую грань между положеніемъ Владислава, королевича польскаго, и положеніемъ Михаила Ѳеодоровича: оба были одинаково законными государями на московскомъ престолѣ; но власть перваго не шла дальше безплодныхъ притязаній, наполнявшихъ его грамоты къ московскому населенію, а власть послѣдняго съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности сложилась въ прочную и подлинную «державу».

Такимъ образомъ, вставка, которая Владимірскому-Буданову кажется «излишней и непонятной», намъ представляется и вполнѣ понятной по смыслу и къ тому же отнюдь не «излишней», такъ какъ введеніе ея оправдывается тѣми политическими условіями, которыя недавно пережило московское государство: вѣдь немногимъ болѣе четверти вѣка отдѣляло составителей Уложенія отъ эпохи, когда въ странѣ не было законнаго и общепризнаннаго государя, а было нѣсколько претендентовъ, одинаково недостовѣрныхъ или одинаково непризнанныхъ.

Стремленіе отнять власть осложняется у преступника желаніемъ сосредоточить ее въ своихъ рукахъ, самому «государемъ быть», какъ выражается Уложеніе. Это очень важная и своеобразная черта, подсказанная опять-таки всей совокупностью историческихъ обстоятельствъ, характеризующихъ эпоху, непосредственно предшествовавшую Уложенію. Раскрывая содержаніе, вложенное въ эти слова: самому государемъ быть,—мы угадываемъ, что въ нихъ составители Уложенія хотѣли, во-первыхъ, предусмотрѣть самозванство, окрашивающее въ такой своеобразный цвѣтъ русскую смуту начала

XVII вѣка. Подъ самозванцемъ, сообразно историческимъ условіямъ той эпохи, нужно разумѣть человѣка, который свои стремленія захватить верховную власть оправдываетъ ссылкой на какое-нибудь правовое основаніе, напр., на родство, дающее ему наслѣдственное право на престолъ, и ради этого присваиваетъ себѣ имя человѣка, дѣйствительно обладающаго такимъ правомъ. Таковы были оба Лжедимитрія, наполняющіе шумомъ своихъ именъ первые годы семнадцатаго вѣка; таковы же были ихъ блѣдные имитаторы въ эпоху двухъ первыхъ Романовыхъ. Въ 1653 году въ Москву былъ привезенъ Тимошка Анкидиновъ, котораго «государь указалъ роспрашивать и пытать, а у пытки быть бояромъ всѣмъ»; Тимошка обвинялся въ томъ, что «государю измѣнилъ, съ Москвы сбѣжалъ въ Литву и тамъ княземъ Иваномъ Шуйскимъ назывался», т. е. выдавалъ себя за сына царя Василія Ивановича. Въ 1674 году былъ судимъ и осужденъ на смертную казнь посредствомъ четвертованія «измѣнникъ, называвшій себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ». Оба эти процесса протекали при дѣятельномъ участіи самого царя, а въ качествѣ органа, уполномоченнаго на сыскъ, выступала боярская дума.

Помимо самозванства, могла быть еще иная форма наказуемаго посягательства на державу государеву съ расчетомъ захватить эту державу въ свои руки. За плечами составителей Уложенія стояла эпоха, когда власти верховной добивались, не прибѣгая къ самозванству, а обезпечивая за собой народное расположеніе, пропагандируя идею своего всенароднаго избранія на престолъ, подготовляя и сплачивая около себя ряды людей, готовыхъ въ удобную минуту «выкрикнуть» новаго царя, какъ выкрикнутъ былъ Василій Шуйскій. Эта совокупность политическихъ интригъ и противо-династической агитаціи характеризуется на московскомъ языкѣ, какъ «подъ государство московское подысканіе». Въ этомъ своеобразномъ выраженіи слышится отголосокъ тѣхъ первоначальныхъ вѣковъ русской государственности, когда многочисленные князья Рюрикова дома, въ неугомонномъ стремленіи къ лучшей волости, «подыскивали столы» другъ подъ другомъ. Смутныя политическія условія XVII вѣка оправдывали сохраненіе въ немъ этой древней категоріи. Смѣна династій въ долгіе годы московскихъ бѣдствій стала явленіемъ почти заурядным; за угасшимъ племенемъ князей москов-

скихъ послѣдовали Годуновы, за ними опять призраки угасшей династіи, за ними Шуйскіе, а за Шуйскими, наконецъ, Романовы, торжество которыхъ было у всѣхъ на глазахъ, но не всѣмъ представлялось окончательнымъ и безповоротнымъ. Престолъ новой династіи не опирался на самый прочный устой всякой власти—старину и привычку населенія; торжествомъ своимъ она была обязана народному избранію, т. е. тому самому голосу, къ которому аппеллировали и иныя династіи, быстротечно ей предшествовавшія; самое избраніе это не представлялось, впрочемъ, актомъ окончательнымъ и утверждавшимъ наслѣдственное право, и переходъ власти отъ отца къ сыну требовалъ новаго земскаго утвержденія, какъ бы повторнаго акта народнаго избранія. Около государей новой династіи стояли родовитые представители московскаго правящаго класса, потомки династій низложенныхъ или недавніе конкуренты династіи торжествующей. Въ такой атмосферѣ могли кружиться головы у политическихъ честолюбцевъ: имъ открывалась смутная, но не вполнѣ ничтожная возможность добиваться смѣны династій, искать популярности, волновать умы и въ смутѣ этой готовить «подъ государство московское злохитрое подысканіе». Поэтому въ подкрестныхъ записяхъ начала XVII вѣка выступаетъ обязательство: «опричь его, государя, никого изъ русскихъ родовъ на московское государство не хотѣти и государства подъ нимъ, государемъ, не подыскивати» (Собраніе государственныхъ грамотъ, III, 15); такая же форма преступнаго посягательства мерещилась, какъ возможная, и кодификаторомъ Уложенія въ половинѣ XVII вѣка, а изъ эпохи, послѣдовавшей за Уложеніемъ, до насъ сохранился слѣдъ судебнаго процесса, предметомъ котораго было обвиненіе властнаго московскаго боярина въ «подысканіи подъ государство московское». Мы разумѣемъ кн. Ивана Хованскаго, осужденнаго на смерть въ 1682 году за измѣну и «подысканіе подъ государство московское», а сущность этого «подысканія» становится ясна изъ слѣдственнаго матеріала, доложеннаго великимъ государямъ и думѣ боярской: онъ, князь Иванъ, умыслилъ царевенъ и великихъ государей убить и вызвать тѣмъ «смущеніе» московскаго государства и, «какъ государство замутится, на московское бы царство выбрать царемъ его, князя Ивана» (Соловьевъ, XIII, 351.

Итакъ, раскрывая смыслъ лаконическаго выраженія, употреб-

ленная въ изслѣдуемой статьѣ Уложенія: «кто хочетъ московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть»,— мы угадываемъ подъ нимъ тѣ конкретныя формы преступнаго посягательства, которыя представляются мыслимыми и возможными по исключительнымъ условіямъ тѣхъ временъ и противъ которыхъ, слѣдовательно, направлялъ свои угрозы московскій законодатель. Это были: а) самозванство, оправдывающее свои притязанія ссылкой на наслѣдственное право, и б) «подъ государство московское подысканіе»—политическая интрига, уповающая на смуту и расчитывающая среди смуты подготовить себѣ торжество народнаго или quasi-народнаго избранія. Въ своеобразіи этихъ формъ—отраженіе своеобразныхъ условій вѣка. Законодателю нашихъ временъ не пришла бы мысль предусмотрѣть такія именно формы посягательства на верховную монархическую власть.

Для исчерпывающей характеристики этихъ видовъ преступнаго посягательства на «державу царскаго величества» слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ признакахъ, изъ которыхъ одинъ косвенно, а другой—прямо, вытекаютъ изъ текста Уложенія: а) изъ того, что у преступника есть намѣреніе самому «государемъ быть», слѣдуетъ заключить, что онъ не посягаетъ на политическую самостоятельность московскаго государства; успѣшное осуществленіе его замысла ведетъ лишь къ смѣнѣ династій или къ смѣнѣ правящаго государя, если преступникъ самъ принадлежитъ къ составу царствующаго дома,—однимъ словомъ, къ переходу верховной власти въ его, преступника, руки; впрочемъ, Уложеніе не предусматриваетъ случая полной реализаціи преступнаго умысла, а останавливается лишь на приготовительныхъ къ нему дѣйствіяхъ; причины такого умолчанія совершенно понятны: преступленіе, здѣсь описываемое, характеризуется такимъ намѣреніемъ, удачное осуществленіе котораго обезпечиваетъ преступнику всю полноту безнаказанности; б) къ признаку субъективному—умыслу «государемъ быть»—Уложеніе добавляетъ и признакъ объективный: «и для тово своего злого умышленія начнетъ рать сбирать»; слѣдовательно, для наказуемости посягательства требуется насильственный образъ дѣйствій или, вѣрнѣе, приготовленія къ нему. Это значитъ: подъ какимъ бы флагомъ ни выступалъ претендующій на верховную власть, подъ флагомъ ли своихъ мнимыхъ наслѣдственныхъ правъ или подъ флагомъ народ-

наго провозглашенія,—въ программу его дѣйствій должно входить насильственное и, притомъ, вооруженное отнятіе власти. Подъ сборомъ «рати» нужно понимать не только собираніе охочихъ воровскихъ людей внутри государства или агитацію среди регулярныхъ войскъ (стрѣльцы), но и обращеніе за помощью къ иностранному государству. Поэтому одинъ отъѣздъ за рубежъ, связанный съ присвоеніемъ царскаго имени, подводился московской практикой подъ эту статью Уложенія.

Итакъ, юридическій составъ преступленія, изображеннаго въ первой половинѣ ст. 2, II Уложенія, заключаетъ въ себѣ два основныхъ признака: 1) намѣреніе узурпировать въ свою пользу верховную власть царствующаго государя; 2) вооруженный образъ дѣйствій для осуществленія такого намѣренія. Ни однимъ изъ этихъ признаковъ не характеризуется преступленіе, описанное во второй половинѣ этой статьи, и съ ними отпадаютъ и признаки вторичные, обусловленные основными.

III. «Кто царьского величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатца и помочь имъ всячески чинить, чтобы тѣмъ государевымъ недругамъ, по его ссылкѣ, московскимъ государствомъ завладѣть или какое дурно учинить»—такъ описываетъ Уложеніе другую форму преступнаго посягательства на державу великаго государя. Сущность его не нуждается ни въ историческихъ ни въ юридическихъ истолкованіяхъ: это—помощь «государеву недругу», подъ которымъ можно разумѣть не только внѣшняго врага, но и внутренняго претендента на престолъ; умыселъ преступника направленъ противъ государевой верховной власти, но у него нѣтъ намѣренія захватить эту власть въ свои руки, такъ какъ онъ работаетъ на пользу другого, который поставилъ себѣ именно эту же цѣль; впрочемъ, цѣлью преступной дѣятельности можетъ быть не только совершенное отнятіе власти, но и умаленіе ея въ какомъ-нибудь отношеніи, напримѣръ, отторженіе части территоріи («иное дурно учинить»); помощь, оказываемая государеву недругу, предусматривается Уложеніемъ въ трехъ различныхъ формахъ: а) «кто съ нимъ учнетъ дружитися», подъ чѣмъ нужно разумѣть и подстрекательство къ походу и обнадеживаніе въ успѣхѣ и вообще всю сумму дѣйствій, въ которыхъ выражается нравственная поддержка предпріятія; б) «кто съ нимъ совѣтными грамотами учнетъ ссылатца»,

т.-е. будетъ сообщать непріятелю полезныя для него свѣдѣнія и, основываясь на своемъ знаніи мѣстныхъ условій, направлять его дѣйствія; в) «помощь всяческую чинить»— подъ этой общей формулой остается разумѣть, по преимуществу, подготовку насильственныхъ и вооруженныхъ средствъ для достиженія цѣлей, поставленныхъ государевымъ недругомъ; такимъ образомъ, подготовка насильственныхъ средствъ не есть единственная форма «помощи», предусматриваемой въ Уложеніи, и потому признакъ этотъ не является существеннымъ для преступленія, здѣсь описаннаго. Наконецъ, вполнѣ законченный результатъ этой формы преступнаго посягательства можетъ выразиться въ уничтоженіи политической самостоятельности московскаго государства, каковая возможность отнюдь не характеризуетъ преступленія, описаннаго въ первой половинѣ этой статьи.

IV. Квалифицированный видъ этой формы противогосударственнаго посягательства предусмотрѣнъ Уложеніемъ въ главѣ седьмой, въ уставѣ о службѣ всякихъ ратныхъ людей: «А будетъ кто, будучи на государевѣ службѣ въ полкѣхъ, учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжати въ непріятельскіе полки и въ непріятельскихъ полкѣхъ сказывати про вѣсти и про государевыхъ ратныхъ людей, и въ томъ на него кто извѣститъ, и сыщется про то допряма: и такова переѣзъщика казнити смертію, повѣсити противъ непріятельскихъ полковъ, а помѣстья его и вотчины и животы взяти на государя» (VII, 20).

Преступленіе, описанное въ текстѣ этой статьи, вполнѣ подходитъ подъ общіе признаки, указанные въ разобранной нами выше ст. 2, II: а) на-лицо и прямое намѣреніе принести пользу врагамъ московскаго государя въ ущербъ его власти, и б) «помощь» врагамъ, т.-е. объективная дѣятельность, въ которой это намѣреніе реализуется. А что здѣсь предусматривается именно квалифицированный видъ посягательства, описаннаго въ главѣ второй,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, то, что Уложеніе предусмотрѣло его въ отдѣльномъ постановленіи; объ этомъ же свидѣтельствуетъ и квалификація наказанія: Уложеніе не просто требуетъ «казнить смертью», а добавляетъ сюда и постановленіе о способѣ совершенія казни— «повѣсити противъ непріятельскихъ полковъ»; въ такія подробности московскій кодексъ, очень лаконичный относительно способовъ исполненія наказаній, вдается лишь тогда, когда хочетъ подчеркнуть всю

жестокость или позорность наказанія. На квалификацію же, наконецъ, прямо указываетъ то обстоятельство, что московское правительство и московское общественное мнѣніе смотрѣли на «переѣзщика», какъ на измѣнника по преимуществу, какъ на измѣнника тягчайшаго. Въ 1634 году одинъ изъ участниковъ шеинскаго процесса, Василій Измайловъ, осужденъ былъ на смерть за то, что «государю, будучи подъ Смоленскомъ, *измѣнялъ больше всѣхъ: съѣзжался съ литовскими людьми* и съ государевыми измѣнниками и съ ними пировалъ и *разговаривалъ съ ними о томъ, что годно было литовскому королю*» [34]).

Признаки, по которымъ это преступленіе квалифицируется, суть въ то же время его особенности, выдѣляющія его изъ общей формы этого посягательства, предусмотрѣнной въ главѣ второй Уложенія. 1) Субъектомъ этого преступленія можетъ быть только служилый человѣкъ, къ тому же призванный на дѣйствительную военную службу или, какъ говоритъ Уложеніе, «на государеву службу въ полки». 2) Для бытія преступленія необходимо состояніе открытой войны между московскимъ государствомъ и «окрестнымъ»; на это указываютъ условія, среди которыхъ, по смыслу Уложенія, совершается такое преступленіе: преступникъ переѣзжаетъ изъ государевыхъ полковъ въ полки непріятельскіе; казнь его совершается «противъ непріятельскихъ полковъ»; слѣдовательно, оба государства сосредоточиваютъ свои арміи въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи и, стало-быть, въ полной боевой готовности. 3) Самая дѣятельность преступника заключается въ сообщеніи непріятелю свѣдѣній, для него полезныхъ; въ этомъ пунктѣ можно уловить рядъ характерныхъ отличій измѣны, здѣсь предусмотрѣнной, отъ измѣны, описанной во второй главѣ: а) тамъ перечисляются весьма различныя средства «помощи», оказываемой государеву недругу: и нравственная поддержка, и сообщеніе свѣдѣній, и руководство совѣтами, и «всякая иная помощь»; здѣсь—только сообщеніе свѣдѣній; б) тамъ самыя свѣдѣнія могутъ быть весьма разнообразнаго содержанія: и политическаго, и финансоваго, и военнаго; здѣсь—исключительно военнаго: преступникъ «сказываетъ про вѣсти и про государевыхъ ратныхъ людей», т. е. сообщаетъ непріятелю о стратегическихъ планахъ государевыхъ воеводъ и о численности и составѣ государевыхъ ратныхъ силъ; тамъ имѣется въ виду передача свѣдѣній посредствомъ писемъ и посланныхъ, стало-быть,—не личная; здѣсь,

благодаря особенному условію—близости непріятельской арміи,— Уложеніе предвидитъ передачу личную, для чего преступникъ «переѣзжаетъ изъ государевыхъ полковъ въ непріятельскіе полки».

Таковы особенности этого преступленія; ими же объясняются и соображенія, заставившія московскаго законодателя квалифицировать этотъ видъ государственной измѣны: состояніе объявленной войны давало непріятелю возможность использовать полученныя отъ «переѣзщика» свѣдѣнія для ближайшихъ же военныхъ операцій; а близость двухъ армій, облегчавшая выполненіе стратегическихъ плановъ, создавала изъ этихъ операцій прямую угрозу цѣлости государева войска; слѣдовательно, эта форма «помощи государеву недругу» скрывала въ себѣ особенную опасность для интересовъ московскаго государства.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній, характеризующихъ составъ преступленія «переѣзда», становится ясна ошибка тѣхъ изслѣдователей, которые, останавливаясь (мимоходомъ, правда) на содержаніи разбираемой сейчасъ статьи Уложенія, обозначаютъ преступленіе, въ ней предусмотрѣнное, какъ «побѣгъ въ непріятельскую землю или армію» (Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, 354; Тиктинъ, Византійское право, какъ источникъ Уложенія, 51). Это не есть побѣгъ, потому что побѣгъ есть дѣйствіе однократное, а статья описываетъ многократное совершеніе преступнаго дѣйствія: «кто учнетъ измѣной *переѣзжати* въ непріятельскіе полки и въ непріятельскихъ полкѣхъ *сказывати* про вѣсти и про государевыхъ ратныхъ людей»; побѣгъ не предполагаетъ у преступника намѣренія вернуться, между тѣмъ здѣсь преступникъ, совершивъ однажды переѣздъ, возвращается въ полки, чтобы, заручившись новыми «вѣстями», повторить этотъ переѣздъ при удобныхъ условіяхъ; отсюда—новая черта различія: побѣгъ предполагается обнаруженнымъ тотчасъ послѣ своего совершенія, а «переѣздъ» характеризуется тайной, длительно сохраняемой до тѣхъ поръ, пока тайна не сдѣлается извѣстна третьему лицу, которое выступаетъ какъ «извѣтчикъ». Такой именно исходъ рисуется и въ Уложеніи: «и въ томъ на него кто извѣститъ»— говорится въ этой статьѣ; между тѣмъ побѣгъ служилаго человѣка изъ полковъ, обнаруживаемый съ естественной необходимостью, не нуждается въ извѣтѣ. Наконецъ, самая картина расправы съ переѣзщикомъ, рисуемая въ Уложеніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что пре-

ступника захватываютъ послѣ его возвращенія въ государевы полки изъ благополучно совершеннаго «переѣзда»: статья не упоминаетъ ни о розыскахъ преступника ни о его поимкѣ, а предполагаетъ, что вслѣдъ за «извѣтомъ» наступаетъ арестъ, затѣмъ—сыскъ, затѣмъ —казнь; самая обстановка казни—повѣшеніе противъ непріятельскихъ полковъ—заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что преступникъ наказывается въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ онъ совершилъ свое преступленіе: въ условіяхъ начавшейся войны и близости непріятельскихъ армій; слѣдовательно, моментъ наказанія не отдѣленъ сколько-нибудь длительнымъ промежуткомъ времени отъ момента преступленія, что, однако же, почти неизбѣжно наступаетъ въ преступленіи побѣга.

Итакъ, это не есть побѣгъ, а есть *тайная передача военныхъ свѣдѣній въ непріятельскую армію.*

V. Отъ этого квалифицированнаго вида измѣны, предусмотрѣнной законодателемъ, по связи изложенія, въ седьмой главѣ Уложенія, вернемся къ постановленіямъ второй главы, гдѣ, вслѣдъ за описаннымъ выше посягательствомъ на державу царскаго величества, Уложеніе упоминаетъ о слѣдующихъ двухъ видахъ измѣны: 1) передача города непріятелю и 2) поджогъ укрѣпленій и укрѣпленнаго населенія.

Первому изъ этихъ преступленій посвящена статья 3-я второй главы: «будетъ кто царьского величества недругу городъ сдастъ измѣной или кто царьского величества въ городы приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны же, а сыщется про то допряма,—и такихъ измѣнниковъ казнити смертію же». Изъ текста статьи видно, что передача города въ руки непріятеля, составляющая сущность преступленія, въ ней описаннаго, изображается законодателемъ въ двухъ различныхъ видахъ: а) какъ результатъ явнаго открытаго соглашенія съ непріятельской арміей, по силѣ котораго осажденный городъ уступается «государеву недругу»; б) какъ тайный впускъ отряда непріятельской арміи въ стѣны осажденнаго города. Въ первомъ случаѣ субъектомъ преступленія выступаютъ, обыкновенно, воеводы и начальствующія лица, отъ которыхъ зависитъ иниціатива и принятіе соглашенія; во второмъ—населеніе или часть населенія или даже небольшая его группа, сочувствующая непріятелю или подкупленная имъ, или просто не

желающая дальше терпѣть стѣсненій осады. Самая обстановка, въ которой совершается передача города, различна въ этихъ двухъ случаяхъ: когда городъ уступается властью на основѣ предварительнаго соглашенія, то нѣтъ ни битвы ни кровопролитія, такъ какъ всѣ вопросы предрѣшены соглашеніемъ и обезпечено непротивленіе гарнизона; въ случаѣ же тайнаго впуска въ городъ отряда непріятельскихъ войскъ почти неминуема схватка проникшаго въ городъ отряда съ защищающимъ ее гарнизономъ. Примѣромъ такой тайной передачи города въ руки непріятеля можетъ служить слѣдующее извѣстіе, почерпнутое нами изъ архивнаго документа: «латыши, Юрьева ливонскаго жители, хотятъ великому государю измѣнить, городъ сдать графу Магнусу обманомъ отъ государевыхъ ратныхъ людей» [35]).

Но въ практикѣ начала XVII вѣка понятіе «измѣны» распространялось и на такіе случаи перехода города въ руки непріятеля, которые стоятъ лишь въ очень отдаленной связи со «сдачей города», предусмотрѣнной въ Уложеніи: какъ «измѣна», квалифицировались неудачныя стратегическія операціи государевыхъ воеводъ, ихъ отступленіе или медлительность, благодаря чему непріятелю удавалось завоевать государевы города и области. Такъ, въ 1615 году князь Барятинскій по государеву указу и боярскому приговору «привоженъ былъ къ висѣлицѣ, а отъ висѣлицы посланъ былъ въ тюрьму за то, что онъ воровствомъ и измѣной на литовскихъ людей шелъ мѣшкотно, и Лисовскій многіе городы повоевалъ» (Дворцовые разряды, I, 200). Въ томъ же году бояре приговорили многихъ государевыхъ воеводъ «бить кнутомъ по торгомъ и казнить смертью за ихъ воровство и измѣну, что они города покинули, забывъ крестное цѣлованіе, и дружа литовскому королю изъ городовъ бѣжали». Такое распространительное толкованіе «сдачи города», которое нельзя было основать даже на обязательствѣ подкрестныхъ записей, представлялось настолько явной натяжкой, что смертный приговоръ обвиняемымъ въ обоихъ случаяхъ не былъ приведенъ въ исполненіе: князя Барятинскаго государь велѣлъ только «водить къ висѣлицѣ», а воеводы «къ плахѣ приведены, вина ихъ чтена, кнутомъ биты», но по упрошенію матери своей «государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ казнить, а велѣлъ свободить».

Были ли какія-нибудь обстоятельства, освобождающія отъ су-

ровой отвѣтственности за сдачу города? въ Литовскомъ статутѣ, откуда, по-видимому, заимствована внѣшняя редакція этой статьи Уложенія, предусматривалось одно такое обстоятельство: «кто крѣпость нашу сдастъ непріятелю, *кромѣ случая нестерпимаго голода*» (Статутъ, разд. 1, арт. III, § 4). Редакторы Уложенія, имѣя передъ собой такой образецъ, сознательно выкинули эту оговорку. Слѣдовательно, по ихъ мысли, никакая крайность положенія не должна была освобождать отъ отвѣтственности за сдачу города; это вполнѣ согласно съ той общей строгостью, которой проникнутъ московскій ратный уставъ, — и если въ приговорѣ все-таки указывалось, что «сидѣти въ тѣхъ городѣхъ было мочно, потому что въ нихъ и зелья и свинца достаточно», то въ этомъ содержалось лишь указаніе на отягчающее вину обстоятельство. Только сдача города «по государеву указу» освобождала, разумѣется, отъ наказанія и преслѣдованія, что̀ и предусматривалось въ одной изъ подкрестныхъ записей въ эпоху, предшествовавшую Уложенію: «безъ государева указу мнѣ города не сдати» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 422).

VI. Наконецъ, въ ст. 4 Уложенія описывается преступленіе измѣническаго поджога: «будетъ кто умышленіемъ и измѣной городъ зажжетъ или дворы, и въ то время или послѣ того зажигальщикъ изыманъ будетъ, и сыщется про то его воровство до-пряма: и его самого сжечь безъ всякаго милосердія». Признакомъ «измѣны», т.-е. наличностью противогосударственнаго умысла, это преступленіе обособляется отъ поджога, какъ преступленія общеуголовнаго, предусмотрѣннаго въ десятой главѣ Уложенія[36]). Объективные моменты этихъ двухъ преступленій совершенно одинаковы; различіе — только въ субъективномъ состояніи преступника: въ главѣ десятой умыселъ направленъ противъ частнаго лица, и мотивомъ преступленія является желаніе отомстить недружбу или разграбить имущество; а во второй главѣ — умыселъ направленъ противъ государства и государственной власти, и въ основѣ преступленія лежитъ измѣнническій расчетъ. Во всѣхъ остальныхъ признакахъ составъ обоихъ преступленій полностью совпадаетъ: а) объектомъ ихъ является обитаемое жилище; въ ст. 4-й нѣтъ указанія на то, что это обитаемое жилище должно быть непремѣнно укрѣпленнымъ пунктомъ; поджогъ села, гдѣ расположенъ отрядъ государева войска, можетъ скрывать въ себѣ столь же

опасный измѣнническій умыселъ, какъ и поджогъ любой крѣпости; б) для состава преступленія не нужно совершеннаго истребленія жилища огнемъ, а довольно появленія огня, что Уложеніе выражаетъ словомъ «зажжетъ». Квалификація смертной казни по способу ея совершенія въ обоихъ случаяхъ одинаковая, построенная на принципѣ матеріальнаго возмездія; и не имѣя возможности усугубить наказуемость поджога измѣннического, такъ какъ уже въ поджогѣ уголовномъ она доведена до своего естественнаго предѣла, законодатель хочетъ все-таки сдѣлать болѣе внушительной, болѣе категорической свою угрозу въ случаѣ преступленія политическаго: въ главѣ X-й онъ выражается лаконично «и такого зажигальщика казнити — зжечь», а въ главѣ второй онъ добавляетъ «*зжечь безъ всякаго милосердія*». Въ этихъ словахъ—и расчетъ отнять у преступника надежду на помилованіе, полное или частичное, и, можетъ быть, смутный намекъ на какую-нибудь особенную сверхъ-квалификацію вродѣ «сожженія на медленномъ огнѣ», о которой дошли до насъ указанія отъ начала XVIII вѣка.

VII. Таковы тягчайшіе виды измѣны, которые предусматриваются Уложеніемъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, облагаются одинаковымъ наказаніемъ—смертной казнью и конфискаціей и описываются съ нѣкоторой подробностью. Помимо нихъ, Уложеніе въ цѣломъ рядѣ статей упоминаетъ еще объ одномъ преступленіи, но не характеризуетъ его составъ сколько-нибудь ясными и отчетливыми признаками, а ограничивается мимолетными и весьма лаконичными указаніями. Сущность ихъ выражается всегда въ одинаковыхъ словахъ: «кто государю измѣнитъ, изъ московскаго государства отъѣдетъ въ иное государство» (II, 11; X, 203; XVII, 38—40; XX, 33, 35). Такъ какъ Уложеніе всюду характеризуетъ это преступленіе какъ «измѣну» и среди послѣдствій его неизмѣнно предусматриваетъ конфискацію, то «отъѣздъ», стало-быть, не есть простая поѣздка за предѣлы государства: послѣдняя дозволяется Уложеніемъ подъ условіемъ выборки «проѣзжей грамоты», и если облагается наказаніемъ, притомъ не тяжелымъ, то только при несоблюденіи этого условія [37]). Но съ другой стороны «отъѣздъ» не можетъ быть отождествляемъ съ тѣми видами «измѣны», которые предусмотрѣны и описаны въ разобранныхъ выше статьяхъ Уложенія; онъ представляется московскому законодателю преступленіемъ менѣе тяжелымъ: чело-

вѣка, заподозрѣннаго въ намѣреніи отъѣхать, правительство отпускаетъ иногда на поруки (Уложеніе, X, 203); между тѣмъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ измѣны мѣрой пресѣченія является тюрьма до государева указу или содержаніе за приставомъ; по поводу «отъѣзда», и только по поводу него, Уложеніе предусматриваетъ помилованіе, регулируетъ его объемъ и послѣдствія, считаясь, очевидно, съ помилованіемъ, какъ съ явленіемъ обычнымъ и частымъ. Конечно, отъѣздъ въ иное государство могъ осложниться любымъ изъ тѣхъ признаковъ, которые составляютъ сущность разсмотрѣнныхъ выше тяжкихъ видовъ измѣны: при отъѣзжающемъ могло быть захвачено «письмо», изобличающее ссылку его съ государевымъ недругомъ; у него, по сыску, могло быть усмотрѣно намѣреніе «сказывать про московскія вѣсти въ иномъ государствѣ», наконецъ, къ «отъѣзду» же, какъ къ естественному способу избѣжать суровой отвѣтственности, могъ прибѣгнуть воевода, сдавшій городъ государеву недругу. Но «отъѣздъ» въ чистомъ своемъ видѣ, не осложненный ни однимъ изъ этихъ отягчающихъ признаковъ, есть преступленіе, отличное отъ прочихъ видовъ московской «измѣны» и притомъ не столь тяжелое.

Однако отъѣздъ есть все-таки «измѣна»; поэтому мы должны отыскать въ немъ слѣды такого признака, которымъ характеризуется, по московскимъ понятіямъ, измѣна вообще, т.-е. установить наличность умысла, направленнаго къ ущербу власти московскаго государя. Вглядываясь въ московскія постановленія по этому предмету и въ судебную практику тѣхъ временъ, мы улавливаемъ, что «отъѣздъ» въ эту эпоху понимался чаще всего какъ *отъѣздъ на службу* въ иное государство. Такое пониманіе отъѣзда подтверждается какъ нельзя лучше историческимъ его объясненіемъ: въ до-московскую эпоху «отъѣздомъ» назывался переходъ вольнаго слуги отъ одного князя къ другому; когда московскіе великіе князья стали ограничивать эту древнюю вольность, то «отъѣздъ» сталъ фигурировать въ клятвенныхъ записяхъ на вѣрность, даваемыхъ боярами и служилыми князьями, и здѣсь онъ понимается исключительно, какъ отъѣздъ на службу; съ «отъѣздомъ» древнѣйшихъ временъ онъ имѣетъ ту общую черту, что не является еще преступленіемъ, т.-е. нарушеніемъ законодательнаго запрета, а есть только нарушеніе личнаго обѣщанія вѣрности; различіе же между «отъѣздомъ» въ

эпоху древнѣйшую и «отъѣздомъ» въ первые вѣка московскаго объединенія сводится къ тому, что тамъ отъѣздъ не выходилъ за предѣлы русской земли, а здѣсь онъ становится почти исключительно отъѣздомъ въ «иное государство»; но въ ту и другую эпоху онъ характеризуется одинаковой цѣлью: отъѣздъ совершается *ради службы иному государю*. Изъ клятвенныхъ обѣщаній XV и XVI вѣковъ «отъѣздъ» переходитъ въ крестоцѣловальныя записи XVII вѣка, а оттуда попадаетъ въ Уложеніе, сохраняя по преимуществу свое старое значеніе, какъ отъѣзда на службу. Это сказывается въ Уложеніи тѣмъ, что упоминая объ отъѣздѣ, законодатель предполагаетъ субъектомъ этого преступленія, главнымъ образомъ, служилаго человѣка. Эту форму отъѣзда можно иллюстрировать рядомъ примѣровъ изъ практики въ эпоху Уложенія. Изъ многихъ свидѣтельствъ, дошедшихъ до насъ, приведемъ здѣсь два, въ которыхъ съ совершенной ясностью сказывается особенная природа этого преступленія: въ 1695 году *измѣнилъ* изъ московскаго государства Ѳедоръ Дашковъ, *поѣхалъ было служить польскому королю*, и поиманъ на рубежѣ, и въ распросѣ въ томъ *отъѣздѣ* винился (Записки Желябужскаго). Въ 1684 году извѣщалъ на Данилку Хрѣнова боярина Морозова человѣкъ *въ измѣнѣ*, будто онъ подзывалъ *отъѣхать* изъ государевыхъ полковъ къ Черкасскому гетману Богдану Хмѣльницкому, и по тому извѣту Данилко послѣ очной ставки и пытки сосланъ въ Якуцкой (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 205). Въ послѣднемъ примѣрѣ ясно выступаетъ значеніе отъѣзда, какъ совершенно самостоятельнаго вида «измѣны»: Данилко Хрѣновъ подзывалъ ѣхать изъ государевыхъ полковъ къ Черкасскому гетману, но ѣхать не съ «вѣстями» и не съ иными отягчающими измѣну цѣлями, а ради службы новому господину; поэтому наказаніе его не идетъ дальше ссылки. Въ 1667 году, сержанты, урядники и рядовые солдаты (всего 123 человѣка), переведенные на житье въ г. Красный, «принесли въ съѣзжей избѣ воеводѣ на себя утвержденную крѣпость въ томъ, что если кто изъ нихъ великому государю *измѣнитъ*, въ Крымъ, въ Литву или въ нѣмцы или въ иныя земли *отъѣдетъ*, то на всѣхъ на нихъ, которые въ лицахъ будутъ, великаго государя пеня, а пеню, что великій государь укажетъ» (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 315). Здѣсь и безъ дальнѣйшихъ разъясненій понятно, что «отъѣздъ» на московскомъ языкѣ

есть,по преимуществу, отъѣздъ на службу. Въ 1634 году изъ войска, бывшаго съ бояринымъ Шеинымъ въ осадѣ подъ Смоленскомъ многіе служилые иноземцы «*государю измѣнили, къ польскому королю отъѣхали на службу*», воспользовавшись для этого выговореннымъ при капитуляціи условіемъ: «любо имъ на службу королю удати любо до отчизны своей отойти» (Акты Археографической экспедиціи, III, 374).

Итакъ, «отъѣздъ», какъ особенный видъ измѣны, есть, главнымъ образомъ, отъѣздъ на службу въ иное государство. Слѣдовательно, въ субъектѣ этого преступленія московское правительство всегда имѣло право видѣть человѣка, который при опредѣленныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ случаѣ войны, обратитъ свое оружіе противъ московскаго государя; но преступный его умыселъ не направленъ особенно и исключительно противъ интересовъ московскаго государя, такъ какъ отъѣзжающій принимаетъ на себя вообще обязательство службы своему новому господину («иному государю») противъ всѣхъ его враговъ, а не спеціально противъ государя московскаго, который можетъ въ данную минуту находиться въ мирѣ съ этимъ государствомъ. Этой чертой умыселъ въ преступленіи «отъѣзда» отличается отъ умысла, предусмотрѣннаго въ ст. 2, II и направленнаго прямо и исключительно противъ интересовъ московскаго государства. Но такъ какъ «отъѣзжающій» ставитъ себя въ такое положеніе, при которомъ изъ субъективнаго состоянія его нельзя исключить намѣренія служить противъ московскаго государства, то законодательство московское разсматриваетъ его какъ измѣнника и сурово наказываетъ за «отъѣздъ» даже въ томъ случаѣ, когда новая служба отъѣхавшаго не направлена была противъ интересовъ Москвы.

Но какъ относилось московское право къ «отъѣзду» *неслужилаго человѣка*, къ оставленію отечества, не связанному съ поступленіемъ на службу, однимъ словомъ — къ простой перемѣнѣ подданства? по-видимому, и это дѣяніе разсматривалось въ московскомъ правѣ, какъ «измѣна»; вѣдь перемѣнившій подданство не только освобождалъ свою собственную особу изъ-подъ власти великаго государя, но подобно отъѣхавшему на службу давалъ на себя крестное цѣлованіе—вѣрноподданническую присягу своему новому государю, и въ присягѣ этой обѣщался «добра ему хотѣти» и «биться

съ его государевыми недругами; слѣдовательно, и въ его дѣяніи правительство могло видѣть умыселъ противъ державы великаго государя. Уложеніе въ одной изъ статей называетъ зарубежное бѣгство холопа «измѣной» (XX, 35), а изъ наблюденій надъ судебной практикой XVII вѣка мы почерпаемъ тотъ выводъ, что холопъ или крестьянинъ, захваченный при попыткѣ скрыться за рубежъ, наказывался смертной казнью (Акты московскаго государства, I, 170). Очевидно, зарубежное бѣгство этихъ разрядовъ населенія было не «отъѣздомъ на службу», а подсказывалось желаніемъ найти себѣ мѣсто новой осѣдлости и болѣе сносныя условія жизни.

Отъѣздъ за рубежъ былъ весьма распространеннымъ явленіемъ въ московскомъ государствѣ. Онъ направлялся обычно изъ порубежныхъ московскихъ городовъ въ литовскую и нѣмецкую сторону; отъѣзжали за рубежъ и холопы и крестьяне, избывая побоевъ и въ поискахъ лучшей жизни вообще; бѣжали служилые люди, дворяне и дѣти боярскія, подстрекаемые мотивами самыми разнообразными: и соображеніями о денежныхъ и помѣстныхъ выгодахъ, и желаніемъ укрыться отъ суда, и даже семейными раздорами; въ разнообразіи этихъ мотивовъ отражается бытовая сторона этого преступленія. Такъ, очень распространеннымъ явленіемъ было бѣгство отъ имущественнаго разоренія, отъ преслѣдованія кредиторовъ, настолько распространеннымъ, что эти мотивы предвидѣлъ и учелъ московскій законодатель (Уложеніе, X, 203). Служилые люди бѣжали отъ скудости помѣстнаго жалованья или отъ того, что считали себя несправедливо обиженными: одинъ новокрещеный князь въ 1653 году хотѣлъ «въ Литву отъѣхать», такъ какъ «ему съ сыновьями кормиться не чѣмъ, а помѣстья у него безъ вины отняли» (Архивъ, прик. стола столбецъ № 199, листы 58—64). Кормовые иноземцы отъѣзжали, потому что имъ «казны и серебряныхъ денегъ мало, и они великому государю служить не хотятъ» (тамъ же, столбецъ № 249, листъ 56). Нѣкоторые мотивы, вдохновлявшіе на отъѣздъ, очень любопытны: нѣкій сынъ боярскій Ивашка Козловъ бѣжалъ въ Литву потому, что былъ тамъ долгое время въ полону и «въ государевыхъ городѣхъ жить не привыкъ, а привыкъ жить въ литовскихъ городѣхъ» (тамъ же, № 88, листы 1—87); очевидно, познакомившись съ «вольностями» польско-литовской шляхты, московскій служилый человѣкъ не захотѣлъ оставаться въ положеніи безправнаго «холопа государева».

Въ 1622 году захваченъ былъ на рубежѣ сынъ боярскій Михайло Таптыковъ съ племянникомъ своимъ и жонкой человѣка своего; въ распросѣ и съ пытки онъ такъ объяснилъ свой отъѣздъ: «по грѣхамъ своимъ свалялся онъ съ жонкой человѣка своего Степанидой и протоѣ его плутню довѣдались мать его и братья и хотѣли ему поученье учинить»; убоясь поученья, и задумалъ онъ бѣжать въ Литву и подговорилъ къ тому племянника (тамъ же, № 9).

§ 5.

Скопъ и заговоръ.

Скопъ и заговоръ въ подкрестныхъ записяхъ.—I. Объектъ скопа и заговора: государь и приказные люди; Уложеніе не упоминаетъ о земскихъ людяхъ.—II. Субъектъ: толпа, предварительное соглашеніе.—III. Преступное дѣйствіе; прихаживаніе; его цѣль, незаконная формально и по существу.—IV. Черты отличія скопа и заговора отъ умысла на государево здоровье и отъ измѣны.

Исчерпавъ въ ст. 2—11 важнѣйшіе виды измѣны, Уложеніе даетъ затѣмъ рядъ процессуальныхъ постановленій (объ извѣтахъ пріемлемыхъ и непріемлемыхъ, о наказаніи за ложный извѣтъ, объ очной ставкѣ) и, наконецъ, въ заключительныхъ статьяхъ этой главы переходитъ къ послѣдней группѣ извѣстныхъ ему политическихъ преступленій—скопу и заговору на царское величество и на государевыхъ приказныхъ людей. Этотъ видъ противогосударственной наказуемой дѣятельности Уложеніе описываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Самовольствомъ, скопомъ и заговоромъ къ царьскому величеству и на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и на думныхъ и ближнихъ людей, и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей, и ни на кого никому не приходити, и ни кого не грабити и не побивати; а кто учнетъ къ царскому величеству или на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ людей и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей или на кого ни буди приходити скопомъ и заговоромъ, учнутъ кого грабити или побивати: и тѣхъ людей, кто такъ учинитъ, за то казнити смертію безо всякія пощады» (II, 20—21).

Въ текстѣ этихъ статей нельзя уловить ни малѣйшаго слѣда позаимствованій изъ Литовскаго статута. На подлинномъ столбцѣ

Уложенія противъ этихъ статей нѣтъ никакихъ отмѣтокъ, которыя могли бы быть приняты, какъ достовѣрныя указанія на ихъ источникъ. Поэтому, безъ дальнѣйшихъ сомнѣній, можно считать единственнымъ ихъ источникомъ крестоцѣловальныя записи первой половины XVII вѣка; самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу такой гипотезы является почти буквальное тождество содержанія: «будучи на государевѣ службѣ въ полкѣхъ... и въ городѣхъ на государя и на государевыхъ бояръ и воеводъ самовольствомъ скопомъ и заговоромъ не приходити и никого не грабити и не убивати»— такое обязательство содержится во всѣхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ и, какъ видимъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ воспроизводится разбираемыми статьями Уложенія. Такимъ образомъ, публично-правовая обязанность, основанная на вѣрноподданнической присягѣ, перешла въ законодательный кодексъ и, основавшись на законѣ, получила иную санкцію: раньше она была простымъ обѣщаніемъ, подкрѣпленнымъ присягой; теперь она стала велѣніемъ закона, соблюденіе котораго обезпечивается угрозой тягчайшаго изъ наказаній—смертной казнью.

Итакъ, со времени Уложенія «скопъ и заговоръ» становится дѣяніемъ, воспрещеннымъ въ законѣ подъ страхомъ наказанія; слѣдовательно, дѣяніе это вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ признакамъ, изъ которыхъ, по современному воззрѣнію, складывается понятіе преступленія. Въ дальнѣйшемъ мы выяснимъ юридическій составъ этого преступленія и черты его отличія отъ «измѣны» съ одной стороны и отъ посягательства на «государево здоровье»—съ другой.

I. Объектомъ «скопа и заговора» являются государь и назначаемыя имъ должностныя лица. Хотя статьи 20-ая и 21-ая, перечисляя разряды должностныхъ лицъ, добавляютъ еще: «*и ни на кого* не приходити»,—однако можно съ достовѣрностью утверждать, что содержащимся въ этихъ статьяхъ запретомъ «скопа и заговора» законодатель стремился охранить, помимо царскаго величества, только лицъ, представляющихъ органы центральнаго и мѣстнаго управленія, а не всѣхъ вообще гражданъ московскаго государства. На это указываетъ прежде всего слѣдующая за разбираемой статья Уложенія, въ которой описывается случай ложнаго извѣта въ такомъ преступленіи и предусматривается только и исключительно «скопъ и заговоръ» противъ приказныхъ людей; на это же указываютъ и ст. 198

и 199 въ десятой главѣ Уложенія: «будетъ кто пріѣдетъ къ кому нибудь на дворъ насильствомъ, скопомъ и заговоромъ, умысля воровски, и учинитъ надъ тѣмъ, къ кому пріѣдетъ, или надъ его женой, или надъ дѣтьми, или надъ людьми смертное убойство, а сыщется про то допряма: и того самого казнить смертью, а товарыщевъ его всѣхъ бити кнутомъ и сослати, куда государь укажетъ; а будетъ они смертнаго убоства не учинятъ, только его чѣмъ обезчестятъ или убытки какіе учинятъ: и на нихъ велѣть убытки и безчестье доправити вдвое да имъ же за тотъ воровской пріѣздъ учинить жестокое наказаніе, бити кнутомъ». Преступленіе, здѣсь предусмотрѣнное, по существу тождественно съ преступленіемъ, описаннымъ во второй главѣ, и характеризуется законодателемъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ (насильство, скопъ и заговоръ); все различіе сводится только къ различію объектовъ: въ десятой главѣ скопъ и заговоръ направленъ противъ частнаго лица, а во второй —противъ органовъ управленія. Отсюда и существенное различіе въ суровости карательной санкціи: въ одномъ случаѣ—ссылка и кнутъ, замѣняемые лишь для главнаго виновнаго смертной казнью, если скопъ и заговоръ осложнился убійствомъ; въ другомъ—смертная казнь выступаетъ, какъ единственное наказаніе, безъ различія степени виновности и безъ учета смягчающихъ обстоятельствъ.

Итакъ, скопъ и заговоръ, предусмотрѣнный во второй главѣ, есть преступленіе политическое: объектомъ его являются царское величество и государевы приказные люди. А такъ какъ среди «приказныхъ людей» Уложеніе различаетъ отдѣльныя группы, то объектъ, противъ котораго можетъ быть направлено преступленіе скопа и заговора, распадается на три основныхъ разряда: 1) царское величество, представленное царствующимъ государемъ, 2) государевы думные и ближніе люди, т.-е. органы центральнаго управленія по преимуществу, 3) воеводы и приказные люди, т.-е. должностныя лица управленія мѣстнаго. Среди послѣднихъ Уложеніе различаетъ воеводъ въ городахъ и воеводъ въ полкахъ, но одинаково охраняетъ своимъ запретомъ и тѣхъ и другихъ.

Сопоставляя эту статью московскаго кодекса съ нѣкоторыми изъ крестоцѣловальныхъ записей, мы замѣчаемъ, что разряды лицъ, охраняемыхъ суровой санкціей отъ скопа и заговора, не совпадаютъ въ Уложеніи и въ записяхъ: во всѣхъ записяхъ безъ исключенія

перечислены тѣ три разряда лицъ, о которыхъ упоминаетъ Уложеніе, но въ одной изъ записей (къ сожалѣнію, не дошедшей до насъ въ полномъ своемъ видѣ) къ нимъ добавлены еще два: а) государевы дѣти и б) земскіе люди (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 3: крестоцѣловальная запись бѣлозерцевъ). Послѣдніе поставлены въ этой записи на ряду съ приказными людьми: «на государя и его царьскихъ дѣтей и на бояръ и воеводъ и *на приказныхъ и на земскихъ людей скопомъ и заговоромъ*»—на этомъ запись обрывается. Уложеніе же выпускаетъ изъ своего перечня земскихъ людей, хотя въ его эпоху были и губные старосты и иныя выборныя власти; своимъ суровымъ уголовнымъ запретомъ оно стремится охранить только неприкосновенность приказныхъ людей. Если добавить сюда, что въ той же второй главѣ, перечисляя разряды лицъ, уполномоченныхъ къ принятію политическаго извѣта, Уложеніе пропускаетъ органы земскаго управленія, а въ главѣ десятой оно повторяетъ этотъ пропускъ въ перечнѣ органовъ, призванныхъ «давать судъ и управу всѣмъ чинамъ московскаго государства»,—то картина игнорированія земскихъ людей становится весьма колоритнымъ и послѣдовательнымъ штрихомъ московскаго кодекса.

II. Субъектомъ преступленія, именуемаго въ Уложеніи «скопомъ и заговоромъ», является совокупность лицъ, объединенная предварительнымъ соглашеніемъ. Этотъ именно признакъ обозначается характерными словами «приходити скопомъ и заговоромъ». «Заговоръ» указываетъ на предварительное соглашеніе, а «скопомъ» характеризуется многочисленность дѣйствующихъ лицъ. Что для состава преступленія нужна именно многочисленность, нужна толпа или скопленіе, это доказывается текстомъ статьи 22-ой, гдѣ преступленію «скопа и заговора» противопоставляется такой случай, когда «служилые и иныхъ чиновъ люди» приходятъ къ воеводѣ «немногими людьми».

III. Преступное дѣйствіе выражается въ разбираемой статьѣ словами: «приходити, грабити и побивати». Два послѣднія слова указываютъ на дѣйствія, преступный характеръ которыхъ ясенъ безъ дальнѣйшихъ поясненій: убійство въ различной обстановкѣ и съ различными цѣлями описывается Уложеніемъ въ цѣломъ рядѣ статей XXI и XXII главъ, а грабежъ, представляющійся московскому законодателю правонарушеніемъ, по преимуществу, граждан-

скимъ, предусмотрѣнъ въ главѣ X-ой: «кто на комъ учнетъ искать бою и грабежу»,—и обложенъ «пеней, что государь укажетъ» (X, 136). Это—грабежъ простой, не квалифицированный, отъ котораго грабежъ, упоминаемый во второй главѣ, отличается двумя признаками: а) множественностью участниковъ и б) противоправительственнымъ характеромъ.

Но ни грабежъ ни убійство, какъ результаты скопа и заговора, не существенны для состава этого преступленія. Они могутъ входить въ намѣренія дѣйствующихъ лицъ [38]), могутъ быть случайными и непредвидѣнными эпизодами въ развитіи массовыхъ безпорядковъ, но могутъ и совсѣмъ отсутствовать. Если бы эти результаты представлялись законодателю существенными для преступленія, описаннаго въ ст. 20 и 21, то ему пришлось бы въ особомъ постановленіи предусмотрѣть наказуемость такихъ случаевъ скопа и заговора, которые не осложняются ни убійствомъ ни грабежомъ. Однако же Уложеніе этого не дѣлаетъ; значитъ, результаты скопа и заговора представляются ему безразличными или, вѣрнѣе, несущественными, и для бытія преступленія достаточно, чтобы «многіе люди скопомъ и заговоромъ прихаживали» на царское величество или на государевыхъ думныхъ и приказныхъ людей.

Въ цѣли, ради которой совершается это «прихаживаніе», и слѣдуетъ искать тотъ признакъ, по которому законодатель считаетъ это дѣяніе опаснымъ и сурово наказуемымъ. а) Цѣль эта, несомнѣнно, враждебная относительно тѣхъ лицъ, противъ которыхъ «прихаживаніе скопомъ и заговоромъ» направляется; объ этомъ говоритъ съ достаточной ясностью предусматриваемая Уложеніемъ возможность убійства и грабежа, какъ результатовъ такого «прихаживанія»; слѣдовательно, цѣль эта незаконная по существу, что Уложеніемъ характеризуется въ ст. 22-ой словами: «*приходить для воровства*»; прихаживанію для воровства противопоставляется прихаживаніе «для челобитья», т.-е. для цѣлей, законныхъ по существу; б) наконецъ, цѣль «прихаживанія»—незаконная и съ формальной стороны; на это указываетъ употребляемое въ разбираемыхъ статьяхъ выраженіе: «*приходить самовольствомъ*»; на московскомъ языкѣ этимъ словомъ обозначался всякій поступокъ и дѣйствіе, учиненные вопреки запрету государственной власти: «указу великаго государя противнымъ не быть и самовольствомъ не жить» (Памятники сибирской исторіи, I, 541).

IV. Изъ сказаннаго могутъ быть уяснены черты отличія «скопа и заговора», какъ самостоятельнаго политическаго преступленія, отъ посягательствъ на государево здоровье съ одной стороны и отъ измѣны великому государю—съ другой. Въ посягательствѣ на «здоровье государево», описанномъ въ началѣ второй главы Уложенія, преступный умыселъ направленъ прямо и непосредственно противъ тѣлесной неприкосновенности представителя верховной власти, а въ преступленіи «скопа и заговора», когда оно направлено противъ царскаго величества, умыселъ дѣйствующихъ субъектовъ не имѣетъ такого опредѣленнаго содержанія: толпа стремится воздѣйствовать на верховную власть, чтобы навязать ей свои требованія или воспрепятствовать ея распоряженіямъ, но не питаетъ прямыхъ намѣреній противъ жизни и здоровья государя. Для иллюстраціи этой черты приведемъ разсказъ Котошихина о народномъ мятежѣ 1663 года, когда народъ въ формѣ «скопа и заговора» пришелъ въ непосредственное столкновеніе съ царской властью: «собралося къ лобному мѣсту всякаго чину людей множество и умыслили итти къ царю, а въ то время царь былъ у обѣдни, праздновали день рожденія дочери его царской, и увидѣлъ царь изъ церкви, идутъ къ нему на дворъ многіе люди безъ ружья, съ крикомъ и съ шумомъ; и какъ тѣ люди пришли и били челомъ царю о сыску измѣнниковъ, просили у него бояръ на убіеніе, а царь ихъ уговаривалъ тихимъ обычаемъ, чтобъ они возвратилися къ Москвѣ, а онъ, царь, въ томъ дѣлѣ учинитъ сыскъ и указъ; и тѣ люди говорили царю и держали его за платье за пугвицы: чему-де вѣрить? — и царь обѣщался имъ Богомъ и далъ на своемъ словѣ руку, и одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ»; потомъ толпа снова подступила къ царю, «и почали у царя просить бояръ для убійства, и царь отговаривался, что онъ для сыску того дѣла ѣдетъ къ Москвѣ самъ, и они учали царю говорить сердито и невѣжливо, съ грозами: будетъ онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, и у него учнутъ имать сами, по своему обычаю» (Котошихинъ, О Россіи, 1840, 80—81). Отмѣтимъ нѣкоторые знаменательные штрихи въ этомъ разсказѣ: толпа приходитъ къ царю безъ оружія; царь выходитъ къ толпѣ одинъ; значитъ, не предполагаетъ въ ней злого умысла, направленнаго непосредственно противъ его особы; толпа готова къ насилію, говоритъ «сердито и невѣжливо», хо-

четъ «имать сама» бояръ, но въ насиліи этомъ не затрогивается особа царя.

Труднѣе провести границу, отдѣляющую «скопъ и заговоръ» отъ измѣны. Въ литературѣ мы встрѣчаемъ даже мнѣніе, что преступленіе «скопа и заговора» есть ни что иное, какъ «верховная измѣна», понятіе которой «распространено на возстаніе противъ провинціальныхъ органовъ власти» (Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, 354). Мы, однако же, возражаемъ рѣшительно противъ этого мнѣнія: въ измѣнѣ умыселъ складывается изъ намѣренія совершить такое дѣйствіе, которымъ умалялась бы въ какомъ-либо отношеніи власть московскаго государя, а въ «скопѣ и заговорѣ» умыселъ не идетъ дальше стремленія воздѣйствовать на власть, чтобы добиться отъ нея опредѣленнаго рѣшенія. Поэтому скопъ и заговоръ, удачно доведенный до конца, оставляетъ въ неприкосновенности всю полноту верховной власти, не ведетъ ни къ смѣнѣ династіи ни къ умаленію территоріи; можно было бы сказать, что въ «измѣнѣ» объектомъ является «держава царскаго величества», т.-е. самое бытіе и объемъ его власти, а въ «скопѣ и заговорѣ»—«указъ государевъ», т.-е. опредѣленное предписаніе государственной власти, ничуть не затрогивающее вопроса о ея бытіи и о ея правахъ.

Московская судебно-политическая практика отчетливо различала измѣну отъ «скопа и заговора». Это сказывается хотя бы въ томъ, что для послѣдняго московскій приказный языкъ, не довольствуясь терминами Уложенія (характеризующими скорѣе способъ дѣйствія, чѣмъ существо преступленія), создалъ особое выраженіе—«бунтъ противъ великаго государя [39]). Подъ «бунтомъ» разумѣлось именно то, что въ Уложеніи именуется «скопомъ и заговоромъ»: въ 1713 году приказчикъ верхняго камчадальскаго острога со служилыми и промышленными людьми пришли въ нижній камчадальскій острогъ, напали на его приказчика, ограбили, мучили и завладѣли острогомъ; послѣ поимки и сыска главные виновники были казнены, другихъ кнутомъ били и батогами, «чтобы инымъ такъ *бунтовать, скопы и заговоры и круги заводить* было неповадно»; и по всѣхъ были собраны поручныя записи, «чтобы имъ впредь не бунтовать, указу великаго государя противнымъ не быть, самовольствомъ не жить» (Памятники сибирской исторіи, I, 541).

Въ заключеніе приведемъ выдержку изъ архивнаго документа,

рисующаго намъ картину заурядnаго московскаго «бунта», какими, вѣроятно, окрашивалась отъ времени до времени областная жизнь страны, наполненная произволомъ, притѣсненіями и злоупотребленіями воеводъ. Въ 1669 году воевода коротоякскій доносилъ въ Москву: «велѣно мнѣ всякихъ чиновъ людьми запасы въ городъ возить къ осадному времени и ровъ въ ширину и въ глубину прибавить и городъ укрѣпить, а коротоячане, всякихъ чиновъ люди, ровъ почали копать, а потомъ покинули: начали собираться по улицамъ, *бунтовать*, кричать и бить и боемъ грозить тѣмъ, кто копалъ; а потомъ *къ воеводѣ приходили къ* съѣзжей избѣ *съ гилемъ, съ великимъ шумомъ*, и, вышедши отъ нихъ, сынъ боярской говорилъ ему, воеводѣ, съ великимъ невѣжествомъ, а распопъ Ивашка плевалъ; и съ тѣхъ мѣстъ ровъ копать покинули и чинятся непослушны; а на него, воеводу, написали воровскую составную челобитную ото всего города, а многіе городскіе люди про то ихъ воровство не вѣдаютъ». По этой отпискѣ государь указалъ «сыскать» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ 380, листы 154—158).

§ 6.

Пробѣлы Уложенія.

Чѣмъ обусловливается возможность пробѣловъ?—I. Преступленія противъ членовъ царствующаго дома въ подкрестныхъ записяхъ; молчаніе Уложенія; преступленія эти суть преступленія политическія.—II. Преступленіе „непристойнаго слова“; различіе наименованій; четыре группы непристойнаго слова: изъявленіе въ словѣ умысла къ тяжкому политическому преступленію, брань по адресу царя, неумѣстныя сужденія о государственныхъ дѣлахъ, обмолвки и легкомысленныя шутки съ упоминаніемъ имени царя; причины этого пробѣла въ Уложеніи.

Къ современнымъ кодексамъ мы обращаемся съ требованіемъ исчерпывающаго перечисленія всѣхъ наказуемыхъ правонарушеній, такъ какъ въ правосознаніи нашего времени твердо укоренился принципъ: nullum crimen sine lege или, какъ его формулируетъ наше уголовное уложеніе: «преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія» (уголовное уложеніе 22 марта 1903 года, ст. I). Но такъ какъ и наши кодексы, по ограниченности человѣческихъ силъ, оставляютъ

все-таки пробѣлы, обнаруживаемые тогда, когда кодексъ сталкивается съ безконечнымъ разнообразіемъ жизни, то на помощь имъ приходитъ свободная дѣятельность судьи въ толкованіи закона, пробѣлы заполняются, и основной принципъ остается ненарушеннымъ.

Московскіе судьи XVII вѣка не пользовались никакой свободой въ толкованіи закона или, вѣрнѣе, свободу они ощущали лишь какъ бремя отвѣтственности, и потому въ случаяхъ чуть-чуть сомнительныхъ и даже вовсе несомнительныхъ торопились «взносить» дѣла въ докладъ государю и его государевымъ боярамъ и думнымъ людямъ. Такимъ образомъ, сама верховная власть призывалась къ заполненію пробѣловъ кодекса, и ея опредѣленія по такимъ дѣламъ были, въ сущности, новыми нормами или сепаратными законами. Поэтому московскій обыватель «какого чину нибудь» могъ быть иногда сурово наказанъ за такое дѣяніе, которое «во время его учиненія» не было воспрещено закономъ «подъ страхомъ наказанія», и едва-ли даже онъ сознавалъ несправедливость такой расправы, потому что, за рѣдкими исключеніями, правительство, практиковавшее, по-видимому, такую безграничную свободу въ опредѣленіи преступленій и наказаній, на самомъ дѣлѣ стояло въ трудно улавливаемой, но отчетливо чувствуемой связи со всѣми моральными и обычно-правовыми представленіями своей эпохи.

Поэтому московскимъ кодификаторамъ XVII вѣка чужда была идея о томъ, что необходимо въ Уложеніи предусмотрѣть *всѣ* случаи наказуемыхъ правонарушеній; они знали, что посягательства, даже не предусмотрѣнныя ими, не останутся и впредь не будутъ оставаться безнаказанными. Исходя изъ такой мысли, они дѣлали выборъ среди преступленій, имъ извѣстныхъ. Этимъ общимъ соображеніемъ объясняется наличность пробѣловъ въ уголовномъ законодательствѣ Уложенія. Но какими именно условіями и соображеніями выборъ ихъ опредѣлялся и почему одни преступленія оказывались внесенными въ кодексъ, а другія, столь же хорошо кодификаторамъ извѣстныя и иногда болѣе распространенныя, не вошли въ кругъ ихъ кодификаціонной работы,—это стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ характеромъ самыхъ преступленій и съ особенностями процессуальной практики тѣхъ временъ. Поэтому мы укажемъ сначала важнѣйшіе виды политическихъ преступленій, опущенныхъ въ Уложеніи, а затѣмъ попробуемъ объяснить причины, обусловившія этотъ пропускъ.

I. Уложеніе ни однимъ словомъ не упоминаетъ о членахъ царствующаго дома, какъ объектахъ преступнаго умысла. Между тѣмъ, и московской практикѣ XVII вѣка и подкрестнымъ записямъ, не оставшимся безъ вліянія на формулировку второй главы Уложенія, этотъ видъ политическихъ преступленій извѣстенъ какъ нельзя лучше. Подкрестныя записи не забываютъ членовъ царствующаго дома, какъ объектовъ преступнаго умысла, во всѣхъ трехъ видахъ преступной дѣятельности, которые имъ извѣстны и которые отъ нихъ восприняты второй главой Уложенія: а) умыселъ на государево здоровье, б) измѣна, в) скопъ и заговоръ. Такъ, въ подкрестной записи бѣлозерцевъ отъ 1613 года присягающіе даютъ обѣщаніе: «на государя и на царицу и на царьскихъ дѣтей дурна никакого, порчи, зелья и злого коренія не заводить и тѣмъ злымъ дѣломъ не промышлять и о томъ ни съ кѣмъ не думати» (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 3); такое же обязательство повторяется въ крестоцѣловальной записи 1645 года: «государского здоровья, государя и матери его царицы, мнѣ во всемъ оберегати и никакого лиха имъ, государемъ, не мыслити» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 421); наконецъ, въ шертной записи мусульманскихъ подданныхъ 1648 года воспроизводится буквально то же самое со включеніемъ только въ кругъ лицъ, здоровье которыхъ присягающій обязуется «оберегать», недавно родившагося царевича, государева сына (тамъ же, III, 440). Въ записи 1613 года упоминается и «измѣна» относительно царскихъ дѣтей: «государю и его царьскимъ дѣтемъ, которыхъ ему государю впередъ Богъ дасть, *не измѣнити*, ни въ которыя государства не отъѣхати». А въ записи бѣлозерцевъ, цитированной выше, содержится обязательство: «будучи на государевыхъ службахъ въ городѣхъ и полкѣхъ, на государя и его царскихъ дѣтей, на ихъ государевыхъ воеводъ и на бояръ... *скопомъ и заговоромъ*»... (на этомъ запись обрывается; тамъ же, II, 3).

Между тѣмъ Уложеніе, излагая систему политическихъ преступленій, почти тождественную съ обязательствами подкрестныхъ записей, совершенно игнорируетъ членовъ царскаго дома и пріурочиваетъ всѣ формы наказуемой противогосударственной дѣятельности единственно къ особѣ правящаго государя: объектомъ преступнаго умысла являются государево здоровье, государева держава, государевы думные и приказные люди. Впрочемъ, можно думать,

что статьей, предусматривающей «скопъ и заговоръ» противъ государевыхъ «*думныхъ и ближнихъ людей*», охватываются и члены царствующаго рода, тѣмъ болѣе, что они всегда бывали членами боярской думы. Но чѣмъ объясняется игнорированіе ихъ въ преступленіи «измѣны» и въ умыслѣ на «здоровье?» Относительно измѣны намъ этотъ пропускъ представляется симптомомъ прогресса политической мысли, ея очищенія отъ засоренности частно-вотчинными взглядами. «Измѣна государевымъ дѣтямъ», какъ особенное политическое преступленіе, могла быть понятной и пріемлемой въ эпоху, когда вся политическая жизнь была проникнута вотчиннымъ взглядомъ на государство и государственную власть, когда правящая династія разсматривала эту власть, какъ свое наслѣдственное достояніе, и каждому члену рода во власти, осуществляемой царствующимъ его представителемъ, мерещилась нѣкоторая трудно опредѣлимая, но безспорная наслѣдственная часть. Среди такихъ условій могло сложиться понятіе «измѣны» настолько широкое, что объектомъ ея становились всѣ члены царствующаго рода. Но великія потрясенія начала XVII вѣка принесли русскому обществу рѣшительное обновленіе политическихъ идей; изъ смуты Россія выходила истерзанная и измученная, но съ просвѣтленнымъ государственнымъ сознаніемъ, въ которомъ не оставалось мѣста обветшавшей идеологіи вотчиннаго государства. На престолѣ сидѣлъ не государь-вотчинникъ, а государь, избранный земскимъ соборомъ; авторитетъ всенароднаго избранія былъ единственнымъ основаніемъ его власти; власть эта была вручена только ему и именно ему; поэтому всѣ иные члены вновь воцарившагося рода не имѣли къ этой власти никакого правового отношенія и не могли заявлять на нее ни личныхъ ни родовыхъ притязаній; даже прямое потомство царствующаго государя не казалось еще окончательно пріобщеннымъ къ его власти, и переходъ ея отъ отца къ сыну требовалъ каждый разъ новаго земскаго утвержденія. Правда, этотъ новый порядокъ вещей прятался еще подъ старыми словами: языкъ въ своемъ медлительномъ развитіи не поспѣвалъ за движеніемъ политическихъ идей, подхлестываемыхъ бурями недавней смуты, но общественное сознаніе справлялось съ препятствіями языка и воспринимало и глубоко усваивало новизну политическихъ мыслей, порожденныхъ обновленіемъ политическаго бытія...

Въ такихъ условіяхъ «измѣна», какъ одна изъ формъ нарушенія обязанностей противъ власти, становилась мыслимой только относительно особы царствующаго государя: онъ былъ единственнымъ реальнымъ представителемъ государственнаго единства, противъ интересовъ котораго шла всякая измѣна; онъ былъ единственнымъ обладателемъ верховной власти, не раздѣляемой имъ съ иными членами династіи, и потому только онъ могъ, по неоспоримому праву, притязать на политическую вѣрность московскаго человѣка «какого чину ни будь».

Менѣе понятно, почему составители Уложенія, описывая во второй главѣ злой умыселъ на государево здоровье, не предусмотрѣли подобнаго же посягательства противъ членовъ государевой семьи или царствующаго рода; это тѣмъ болѣе непонятно, что умыселъ на здоровье «государыни царицы и сына его государева» упоминается въ подкрестныхъ записяхъ, ближайшихъ къ году составленія Уложенія; такова, напримѣръ, шертная запись мусульманъ, относящаяся къ 1648 году. Но Уложеніе не усвоило этихъ указаній и въ ст. 1-ой предусмотрѣло съ отчетливой ясностью лишь злой умыселъ «на царское величество».

Чѣмъ объясняется этотъ пробѣлъ? по-видимому, только вліяніемъ Литовскаго статута: статья Уложенія, предусматривающая умыселъ на государево здоровье, сама отмѣчаетъ своимъ источникомъ этотъ кодексъ литовско-русскаго права, а въ соотвѣтствующемъ артикулѣ статута говорится лишь о покушеніи на жизнь «нашу государеву» и игнорируется защита членовъ великокняжеской династіи. Уложеніе усвоило эту статью, въ которой предусматривается преступленіе, въ московскую эпоху хорошо извѣстное, но усвоило вмѣстѣ съ тѣмъ и ея пробѣлы.

Можно ли, однако же, на этомъ пропускѣ Уложенія построить такой выводъ, что къ посягательствамъ на жизнь государевыхъ родственниковъ московская практика примѣняла общія постановленія объ умыслѣ на жизнь, сосредоточенныя въ главахъ XXI и XXII Уложенія? Намъ думается, что едва-ли. Правда, мы не знаемъ ни одного судебнаго дѣла, въ которомъ предметомъ розыска было бы такое посягательство; стрѣлецкія дѣла конца XVII вѣка, упоминающія объ умыслѣ на царицу Наталью Кирилловну, не даютъ возможности построить на ихъ изученіи какой-либо выводъ, такъ какъ въ

нихъ обвиненіе всюду осложняется умысломъ на здоровье государя Петра Алексѣевича (Полное Собраніе Законовъ, III, 49; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 611). Все-таки мы рѣшаемся утверждать, что посягательство на здоровье члена царствующаго дома разсматривалось въ Москвѣ, какъ политическое преступленіе, и преслѣдовалось и наказывалось въ порядкѣ и со строгостью «государева дѣла». Въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что даже «непристойная рѣчь» по адресу государева родственника облагалась такимъ же суровымъ наказаніемъ, какъ и непристойное слово, затрогивающее особу царя. Вотъ одинъ примѣръ изъ практики до-уложенной эпохи: въ 1622 году тульскій воевода прислалъ въ разрядъ извѣтную челобитную на Ивана Ратаева, что назвалъ онъ боярина Ивана Никитича Романова «пономаревымъ сыномъ», а подъ извѣтной челобитной—и распросныя рѣчи свидѣтелей, которые всѣ показали, что такого непристойнаго слова они не слыхали; на воеводской отпискѣ — дьячья помѣта: отписать, чтобъ допросили свидѣтелей еще разъ, чтобъ однолично не покрывали, да и извѣтчика допросить, не затѣялъ-ли напрасно, а не скажетъ правду, и ему быть пытану. Воевода исполнилъ по дьячьей «отпискѣ» и въ свою очередь «отписалъ» обо всемъ въ Москву; на этомъ второмъ его донесеніи—помѣта: выписать въ докладъ тотчасъ (Акты московскаго государства, I, 178), Итакъ, дѣло это поступаетъ на рѣшеніе верховной власти (государя и думы), т.-е. разбирается въ порядкѣ, установленномъ для политическихъ преступленій; но изъ него мы не узнаемъ важной для насъ черты: какому наказанію подвергается виновный въ такомъ преступленіи? На это намъ даетъ отвѣтъ другое дѣло, относящееся къ практикѣ въ послѣ-уложенную эпоху: въ 1651 году по царской грамотѣ въ Псковъ велѣно посадскому Гришѣ Трясисоломину, что говорилъ про царицу непристойныя рѣчи и съ пытокъ въ томъ винился, вырѣзать языкъ и сослать въ Великій Новгородъ (Акты археографической экспедиціи, IV, 70). Итакъ, за непристойное слово противъ царицы—то самое наказаніе, которое, по свидѣтельству Котошихина и по даннымъ московской практики, было заурядной карой за «безчестныя рѣчи» о царѣ [40]).

II. Тутъ мы подходимъ къ другому пробѣлу Уложенія, еще болѣе знаменательному и труднѣе объяснимому: Уложеніе совершенно не упоминаетъ о преступленіи, заключающемся въ «непри-

стойныхъ словахъ», хотя московская практика XVII вѣка хорошо была знакома съ этимъ видомъ политическихъ преступленій. Подъ «непристойнымъ словомъ» понималось вообще словесное оскорбленіе государевой чести; слѣдовательно, преступленіе этого типа должно разсматриваться, какъ естественное дополненіе той системы государственныхъ преступленій, которую строитъ вторая глава Уложенія: ей извѣстно оскорбленіе государевой чести дѣломъ, выражающееся въ измѣнѣ и въ «скопѣ и заговорѣ» и въ иныхъ болѣе мелочныхъ проступкахъ, которымъ Уложеніе отводитъ третью главу и которые оно съ благоразумной умѣренностью пріурочиваетъ не къ личной чести государя, а только къ «чести государева двора»; но о *словесныхъ* оскорбленіяхъ государевой чести Уложеніе не упоминаетъ ни въ одной изъ этихъ главъ, какъ не упоминаетъ и въ главѣ X-ой, гдѣ оно, въ цѣломъ рядѣ статей, даетъ точную и подробную оцѣнку «чести» различныхъ московскихъ чиновъ на случай ея оскорбленія «непригожимъ словомъ»; эта оцѣнка, спускаясь отъ высшихъ чиновъ къ нисшимъ, начинается, однако же, прямо съ патріарха, ни словомъ не упоминая о царѣ.

Между тѣмъ московская практика той эпохи щедрой рукой разсыпала самыя суровыя наказанія за непристойныя слова противъ царскаго величества и, соотвѣтственно широкому толкованію государевой чести, подводила подъ это преступленіе разнообразнѣйшіе виды словесной невоздержности, затрогивающей особу царя,—отъ самыхъ тяжкихъ до самыхъ невинныхъ, преступность которыхъ остается непонятной современному изслѣдователю.

Разбираясь въ слѣдахъ московской судебной практики по этимъ дѣламъ, обойденнымъ въ Уложеніи, можно установить четыре важнѣйшихъ группы этой формы политическихъ преступленій; всѣ четыре одинаково характеризуются въ источникахъ выраженіемъ «непристойное слово» или «непристойная рѣчь»; къ нимъ же, повидимому, съ полнымъ безразличіемъ, прилагаются названія: «непригожія слова» и «неподобныя слова»; впрочемъ, подъ «неподобнымъ словомъ» разумѣлась, кажется, высшая степень «непригожихъ словъ», изобличающая особенную злостность умысла; для большей выразительности въ такихъ случаяхъ московскій приказный языкъ пользовался еще выраженіемъ «невмѣстимое слово», которое пояснялось такъ: «чего не только сказать, а и помыслить невозможно». Наконецъ,

въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ «неистовое слово», которое опять-таки покрывается общимъ понятіемъ «непристойныхъ словъ».

а. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести «непристойныя слова», въ которыхъ обнаруживается или за которыми предполагается умыселъ къ одному изъ тяжкихъ преступленій, предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ: къ измѣнѣ, къ бунту и къ «злому дѣлу» на государево здоровье. Напримѣръ, въ 1634 году сказалъ казакъ непригожее слово на пиру въ перебранкѣ: «я-де царю горло перерѣжу»; въ 1608 году томскій воевода доносилъ царю, что «говорилъ на тебя, государя, казакъ Осокинъ невмѣстимое слово, чего въ умъ нельзя взять, будто тебѣ не многолѣтствовать, а быть недолго на царствѣ»; за такимъ невмѣстимымъ словомъ воевода заподозрилъ *умыселъ на государево здоровье* или, по крайней мѣрѣ, знаніе о таковомъ умыслѣ; дѣло это онъ называетъ «государевымъ великимъ дѣломъ» и въ розыскѣ проявляетъ усердіе и жестокость непомѣрныя: «и мы»—отписываетъ онъ въ Москву—«тѣхъ казаковъ, розводя порознь, роспрашивали и пыткой стращали и съ ума ихъ выводили, чтобъ сказали» (Русская историческая библіотека, II, 176).

Вотъ два дѣла, въ которыхъ непристойное слово разсматривается, какъ обнаруженіе *умысла къ измѣнѣ*. Въ 1631 году извѣщали воеводѣ въ съѣзжей избѣ на нѣмчина государево слово: сказалъ-де онъ, что станетъ пить за здоровье королевской мамки; воевода посадилъ его за пристава до государева указу (Архивъ, новгородскій столъ, столбецъ 18, листъ 143); въ словахъ нѣмчина нельзя усмотрѣть ни непочтенія къ личности государя ни оскорбительныхъ сужденій о немъ; слѣдовательно, преступность такого «непристойнаго слова» обусловливалась единственно предположеніемъ, что нѣмчинъ находится въ какихъ-нибудь измѣнническихъ ссылкахъ съ приближенными короля. Въ другомъ случаѣ отождествленіе «непристойнаго слова» съ обнаруженіемъ измѣннаго умысла сказывается гораздо яснѣе: въ 1634 году Гаврила Бакинъ, голова стрѣлецкій, какъ изъ-подъ Смоленска пришелъ въ Можайскъ, «похвалялъ за ужиномъ у Юшкова литовскаго короля во всемъ: какъ-де противъ такого монарха стоять и биться, за тѣ непристойныя рѣчи государь указалъ и бояре приговорили: бить его кнутомъ и сослать въ тюрьму въ Сибирь, а помѣстья и вотчины взять на государя и отдать въ роздачу» (Акты археографической экспедиціи, III, 384);

конфискація, постоянное дополнительное наказаніе за измѣну, отчетливо указываетъ, какой характеръ московская подозрительность придала «непристойнымъ словамъ» стрѣлецкаго головы [41]). Наконецъ, въ дѣлѣ Шакловитова и товарищей его упоминаются «многія воровскія и непристойныя слова къ возмущенію бунта» (Полное собраніе законовъ, III, 35 и 40), т. е. такія непристойныя слова, которыя разсматриваются, какъ признакъ умысла или подстрекательства къ бунту.

Эта группа представляетъ квалифицированную форму «непристойныхъ словъ» и облагается весьма суровой, хотя и разнообразной наказуемостью: нещадное битье кнутомъ, ссылка въ дальніе сибирскіе города и урѣзаніе языка; иногда въ приговорѣ фигурируетъ даже смертная казнь, но никогда не примѣняется въ дѣйствительности, такъ какъ въ приговорѣ же предрѣшается и ея замѣна, облекаемая обычно въ форму помилованія: «положить ихъ (приговоренныхъ) на плаху и, поднявъ, сказать великаго государя указъ, что онъ ихъ пожаловалъ, смертной казнью казнить не указалъ» (тамъ же, 31; Архивъ, записная книга приказнаго стола № 30, листъ 211 и слѣд.). Этой чертой, постояннымъ смягченіемъ смертнаго приговора, и отличается наказуемость помянутой группы «непристойныхъ словъ» отъ наказуемости тѣхъ тяжкихъ политическихъ преступленій, относительно которыхъ эти «непристойныя слова» разсматриваются, какъ изъявленіе умысла, ничѣмъ не реализованнаго.

б. Во вторую группу слѣдуетъ помѣстить «непристойныя рѣчи» въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. бранныя и оскорбительныя сужденія, пріуроченныя непосредственно къ личности царя. О нихъ именно поминаетъ Котошихинъ, разсказывая, что «за царское безчестье, кто говоритъ противъ него за очи безчестныя или поносныя слова, бивъ кнутомъ, вырѣзываютъ языкъ, и женскому полу указъ бываетъ таковъ же» (Котошихинъ, о Россіи, 92). Сюда же входитъ и распространеніе слуховъ, порочащихъ честь царя, и несдержанныя пожеланія ему всякихъ золъ и бѣдствій. Вотъ наиболѣе колоритные образцы московской политической злоязычности: въ 1645 году въ приказъ большого дворца, гдѣ сидѣло трое подъячихъ, пришелъ старецъ-колодникъ и говорилъ про царя непристойное слово, что онъ не прямой царевичъ, а *рожденъ отъ сѣнной дѣвушки;*

по извѣту подъячихъ, государь указалъ про тѣ непристойныя слова распросить и розыскать; такой же слухъ распространяла про Алексѣя Михайловича, когда онъ былъ еще царевичемъ и наслѣдникомъ престола, нѣкая «старица» Марѳа Жилина: «государь-де онъ царевичъ подмѣнный» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 60, листъ 426). Отъ раскольниковъ исходили иногда очень сильныя выраженія по адресу царей-никоніанъ: въ 1687 году нѣкій «Кирюшка» говорилъ про великихъ государей «неподобныя слова, чего и говорить невозможно, *называлъ ихъ иродами;* старецъ Ларіонъ въ 1689 году называлъ великихъ государей «неистово»—какіе-де цари у насъ? крестъ отнимаютъ, *они-де сущіе еретики* (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 193 и 273). Обычнымъ наказаніемъ за такія непристойныя рѣчи было урѣзаніе языка, но когда въ основѣ ихъ открывалось раскольничье отрицаніе власти, то наказаніемъ было сожженіе (въ срубѣ), предусматриваемое первой главой Уложенія (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II).

в) Третью группу «непристойныхъ словъ» составляютъ такія проявленія словесной невоздержности московскаго обывателя, которыя, не заключая въ себѣ ни умысла къ тяжкому политическому преступленію ни явнаго оскорбленія государя, содержали, однако же, либо *неумѣстныя сужденія о государственныхъ дѣлахъ* либо распространеніе слуховъ о близости политическихъ перемѣнъ. Любопытный примѣръ такого рода «непристойныхъ словъ» содержится въ извѣтѣ одного холопа, относящемся къ году воцаренія Алексѣя Михайловича: привели въ стрѣлецкій приказъ караульные стрѣльцы человѣка Пушкина Ивашку Ушакова, который пришелъ къ нимъ пьяный и сказалъ за собой государево великое дѣло, а въ распросѣ предъ бояриномъ Морозовымъ объяснилъ, что говорилъ-де бояринъ его Пушкинъ про великаго государя, будто *учинился онъ на московскомъ государствѣ не по ихъ выбору*, и то непристойное слово онъ съ нимъ, Ивашкой, говорилъ наединѣ; но на вторичномъ допросѣ Ивашка сознался, что такое государево слово затѣялъ онъ на Пушкина пьянымъ обычаемъ, и декабря 18-го государь указалъ: человѣка Пушкина Ивашку Ушакова бить кнутомъ, а Пушкина самого, буде креста не цѣловалъ, вывести ко кресту (Акты московскаго государства, II, 167). Этотъ извѣтъ, хотя

и взятый холопомъ обратно, указываетъ, что въ моментъ воцаренія второго государя новой династіи бродили по Москвѣ какіе-то волнующіе слухи, связанные съ обстоятельствами, при которыхъ царь Алексѣй взошелъ на престолъ. Вотъ еще примѣръ «непристойнаго слова», отражавшаго политическую сплетню или политическій слухъ: въ 1629 году черный дьяконъ Мартирій, присланный въ Казань въ Спасскій монастырь, чтобы быть ему въ монастырѣ въ рядовой братьи, подалъ въ съѣзжей избѣ на стрѣльца Осипка извѣтное письмо въ непригожихъ словахъ, будто говорилъ онъ, Осипка, про государя Михайла Ѳедоровича, что «упросилъ государь у бояръ сроку на семь недѣль осударствовать и выходилъ упрашивать на лобное мѣсто, а патріархъ Филаретъ государю не отецъ»; казанскій воевода отослалъ извѣтное письмо въ Москву, а Мартирія посадилъ за пристава; изъ Москвы пришла государева грамота, чтобы извѣтчика и свидѣтелей, на которыхъ онъ слался, прислать въ Москву «съ великимъ береженьемъ» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1887, II). Въ 1684 году ямщикъ Акинка Фроловъ говорилъ въ Воронежѣ «непристойное слово, будто донскіе казаки хотятъ на весну итти на Русь»; по государевой грамотѣ велѣно его пытать (Акты воронежскіе, I, 137).

Къ этой же группѣ должны быть отнесены «непригожія ссорныя рѣчи», подъ которыми московское правительство разумѣло политическія сужденія, касавшіяся международныхъ отношеній Москвы и, притомъ, способныя нарушить миръ съ сосѣдними государствами. Въ 1639 году пріѣзжій изъ Полоцка литвинъ, побранясь въ Опочкѣ съ посадскимъ человѣкомъ на литовскомъ гостиномъ дворѣ, говорилъ «межъ государствы ссорныя и непригожія многія рѣчи», за что былъ взятъ подъ стражу на гостиномъ же дворѣ и, находясь подъ стражей, зарѣзалъ самъ себя; изъ дѣла, къ сожалѣнію, не видно, въ чемъ состояли ссорныя рѣчи несчастнаго литвина (Архивъ, новгор. столъ, столбецъ 72, листъ 324). Въ 1636 году другой иноземецъ, изъ Юрьева ливонскаго нѣмчинъ, также провинился въ «ссорныхъ рѣчахъ»: на обѣдѣ въ Печерскомъ монастырѣ не пилъ за государево здоровье и шляпы не снялъ, когда пили, а на брань и упреки отвѣтилъ, что «имъ, свеичамъ, противъ государева имени не всгавати, потому что имъ всчинати съ государемъ войну»; на слѣдствіи, начатомъ противъ этого нѣмчина, московскіе судьи ста-

рались допытаться, молвилъ ли онъ вправду такое непригожее слово, что черезъ крестное цѣлованье и мирный посольскій договоръ у нихъ, свеичей, съ государемъ война начнется, и отъ кого онъ это слышалъ (тамъ же, столбецъ 68, листъ 246).

г. Наконецъ, послѣдняя группа словъ, характеризуемыхъ какъ «непристойныя», составляетъ, пожалуй, самую любопытную и самую колоритную черту московской общественной жизни и московской приказной практики по «государевымъ дѣламъ«. Эта группа вмѣщаетъ въ себѣ элементы настолько разнообразные, что трудно дать имъ какую-либо общую характеристику. Во всякомъ случаѣ, это— такія «слова», въ которыхъ московская щепетильность усматривала оскорбленіе государевой чести; но, съ другой стороны, всѣ они характеризуются отсутствіемъ прямого умысла, направленнаго на такое преступленіе. Такъ, простая обмолвка или неловкій оборотъ рѣчи, въ которыхъ упоминалось имя государя, трактовались иногда московскими блюстителями величества, какъ «непристойное слово», и вызывали соотвѣтствующія мѣры: въ 1623 году по государеву указу и боярскому приговору битъ кнутомъ нещадно стрѣлецъ Ивашка за «непригожее слово», что онъ сказалъ — «здоровъ бы былъ воевода Никита Дмитріевичъ Воробинъ да осударь, а государя назвалъ послѣ Никиты, отечества государева и величества не узвышилъ и государское величество унизилъ» (Акты московскаго государства, I, 185); въ 1677 году нѣкій Филатовъ въ перебранкѣ со становымъ головой хотѣлъ молвить: «ты мнѣ легча великаго государя», — а спроста въ словѣ ошибся и молвилъ: «государь мнѣ тебя легча»; свидѣтели подтвердили этотъ разсказъ, но Филатовъ все же «поставленъ у пытки и пытанъ, по какому умыслу онъ такое непристойное слово молвилъ и не научилъ ли его кто; а съ пытки говорилъ тѣ же рѣчи, что молвилъ такое слово безъ хитрости» (Архивъ, новгородскій столъ, столбецъ 272, листы 13—15). «Безъ хитрости, спроста ума своего» — это было самое естественное и понятное оправданіе такихъ обвиняемыхъ; но оно, какъ видимъ, плохо имъ помогало: одного били кнутомъ нещадно, другого пытали [42]). Къ еще болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ вела вольная шутка или легкомысленная похвальба, въ которой — безъ тѣни, однако же, оскорбительнаго умысла — упоминалось имя царя. Въ 1664 году великій государь указалъ «про неистовое слово тюремныхъ сидѣльцевъ

распросить и пытать, впрямь ли Пронька Козулинъ молвилъ Ивашкѣ Татарину, что Ивашкѣ царь—Демка Прокофьевъ; да будетъ Пронька въ томъ словѣ повинится, и за то указалъ великій государь *ему урѣзать языка* (Полное Собраніе Завоновъ, I, 592). Вотъ нѣсколько примѣровъ московской вольной шутки или легкомысленной похвальбы, которая, въ глазахъ московскаго правительства, обращалась въ сурово наказуемое политическое преступленіе. Въ 1625 году по государеву указу велѣно было курскаго стрѣльца Томилку Бѣлаго бить батоги нещадно и вкинуть въ тюрьму за то, что онъ въ разговорѣ съ сыномъ боярскимъ Якушкой Щуровымъ похвалялся: «взялъ-де онъ лошадь и ѣхалъ на ней въ Курскомъ уѣздѣ, *что великій князь*» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 14, листы 315—316). Въ 1631 году тюремный сидѣлецъ извѣщалъ губному старостѣ на другого тюремнаго же сидѣльца, что тотъ про государя сказалъ *неподобное слово:* «жалованьемъ-де государя лежу я теперь въ покрытѣ сытъ и пьянъ»; воевода тотчасъ началъ сыскъ по извѣту. Въ 1635 году наказанъ былъ батогами крестьянинъ Ивашка Григорьевъ за «непригожее слово, что, напився пьянъ, взялъ къ себѣ на руки сына своего только нынѣ году и называлъ его царскими сѣмяны» (Архивъ, приказнаго стола № 143, листы 155—157). Въ 1677 году нѣкій Сазонъ Титовъ въ перебранкѣ съ зятемъ молвилъ непристойное слово: «какой ты мнѣ сябръ, я великому государю сябръ»; въ сыскѣ обвиняемый сознался и объяснилъ, что такое слово молвилъ онъ спроста ума своего, а умысла и воровства за нимъ никакого нѣтъ; тѣмъ не менѣе его пытали (Архивъ, новгородскій столъ, столбецъ 272, листы 16—18). Въ 1655 году въ съѣзжей избѣ извѣщалъ новгородскому воеводѣ казакъ на одного крестьянина, что кричалъ онъ у кабака непригожее слово: «ты-де государевъ слуга, а я государевъ другъ»; воевода посадилъ крестьянина за пристава и отписалъ въ Москву объ указѣ. Въ 1626 году указалъ великій государь бить кнутомъ въ проводку и въ тюрьму вкинуть нѣкоего Рѣпина за непригожія слова, будто онъ-де, Рѣпинъ, «въ Ростовѣ не боится никого да и на Москвѣ государю укажетъ» (Архивъ, бѣлгородскій столъ, столбецъ 21, листы 401 — 407). Въ 1693 году было возбуждено преслѣдованіе противъ человѣка, сказавшаго при народѣ: «я-де тебѣ не братъ, я царямъ братъ»; воевода произвелъ по этому дѣлу усердный сыскъ и всѣхъ участни-

ковъ—обвиняемаго, свидѣтелей и извѣтчика—посадилъ за караулъ; но разрядъ, куда онъ отослалъ все производство, предписалъ воеводѣ произвести дополнительный сыскъ: настолько дѣло представлялось важнымъ и заслуживающимъ вниманія (Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 16); по-видимому, въ приказѣ заподозрили подъ этимъ непристойнымъ словомъ опасный и тревожный умыселъ къ самозванству.

Таковы разнообразные виды непристойныхъ или непригожихъ словъ, которые съ неукоснительной энергіей преслѣдовало московское правительство. Широкая распространенность этого преступленія прямо пропорціональна безудержному стремленію московскаго правительства разсматривать, какъ проявленіе политической «непристойности», самую невинную словесную невоздержность московскаго обывателя. Архивные столбцы переполнены такими «государевыми дѣлами», колоритные образцы которыхъ мы привели въ предшествующемъ изложеніи.

И при всемъ томъ, это преступленіе, поставляющее самый обильный матеріалъ для практики московскаго политическаго суда не нашло себѣ мѣста въ системѣ государственныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ второй главой Уложенія царя Алексѣя. Этотъ капитальный пробѣлъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что Литовскій статутъ, одинъ изъ источниковъ второй главы Уложенія, знаетъ словесное оскорбленіе особы великаго князя, характеризуя это преступленіе, какъ «заочную дерзость на словахъ или поношеніе на письмѣ», и предусматриваетъ его какъ-разъ въ томъ раздѣлѣ, который несомнѣнно повліялъ на кодификаторовъ второй главы Уложенія и съ содержаніемъ котораго они, стало-быть, основательно познакомились [43]).

Отсюда, кажется, мы имѣемъ право заключить, что пробѣлъ, допущенный составителями Уложенія, основанъ не на ихъ ошибкѣ или неопытности, а на прямомъ намѣреніи и сознательномъ расчетѣ. Попробуемъ проникнуть въ этотъ секретъ и разгадать тайну невысказанныхъ намѣреній.

Вглядываясь въ постановленія второй главы Уложенія, мы замѣчаемъ въ нихъ одну важную черту: всѣ преступныя посягательства, тамъ предусмотрѣнныя, обложены однообразнымъ наказаніемъ—смертной казнью. Эта тягчайшая кара, неизмѣнно сопровож-

даемая конфискаціей, есть единственное наказаніе, *фигурирующее* во второй главѣ. Это позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе, что одна изъ задачъ, вдохновлявшихъ московскаго законодателя при кодификаціи второй главы, заключалась въ расчетѣ достигнуть устрашающаго впечатлѣнія, а для этой цѣли ему достаточно было предусмотрѣть такія посягательства, за которыя онъ, безъ рѣзкаго уклоненія отъ правосознанія своей эпохи, могъ назначить тягчайшую изъ каръ—смертную казнь. Эту задачу—достигнуть устрашающаго впечатлѣнія—мы съ тѣмъ бо́льшимъ основаніемъ можемъ предполагать за составителями Уложенія, что самое дѣло созиданія кодекса совершалось подъ свѣжей памятью недавнихъ грозныхъ смутъ.

Къ этому *уголовному* расчету присоединяется и *чисто-политическая* причина. Съ правосознаніемъ эпохи уже не мирился произволъ въ назначеніи двухъ тягчайшихъ и безповоротныхъ каръ: смертной казни и общей конфискаціи; это какъ нельзя лучше доказывается разсмотрѣннымъ нами выше содержаніемъ ограничительныхъ записей Смутнаго времени. Такимъ образомъ, предъ составителями Уложенія была нѣкоторая политическая необходимость легализировать въ кодексѣ примѣненіе смертной казни и общей конфискаціи. Предусматривая съ опредѣленностью всѣ случаи политическихъ преступленій, обложенные этими тягчайшими наказаніями, они замѣняли ничѣмъ не регулированный произволъ въ наиболѣе жгучихъ его формахъ прямой ссылкой на законъ, подкрѣпленный рукоприкладствомъ выборныхъ людей.

Наконецъ, было по-видимому и еще одно соображеніе, направлявшее работу московскихъ кодификаторовъ. Правительство московское проявляло сильную тенденцію разсматривать всякое «непристойное слово», какъ обнаруженіе умысла къ одному изъ тяжкихъ политическихъ посягательствъ, обложенныхъ смертной казнью; это доказывается тѣмъ, что даже по поводу простыхъ обмолвокъ и легкомысленныхъ шутокъ, примѣры которыхъ мы привели выше, воеводы производили сыскъ, *по какому умыслу* обвиняемый «такое непригожее слово говорилъ». Но, руководясь этимъ стремленіемъ, ввести въ кодексъ общую норму о назначеніи смертной казни за непристойное слово—это значило бы для московскаго законодателя пойти въ разрѣзъ съ установившейся практикой, которая въ наказуемости непристойнаго слова не шла дальше урѣзанія языка. Съ другой стороны,

предусмотрѣть въ кодексѣ преступленіе «непристойнаго слова» и обложить его наказуемостью, соотвѣтствовавшей нормамъ практики, —значило бы стѣснить правительство отнятіемъ у него легальной возможности угрожать, по крайней мѣрѣ, за нѣкоторые разряды непристойныхъ словъ смертной казнью.

По этимъ-то соображеніямъ, какъ мы думаемъ, московскіе кодификаторы XVII вѣка прошли мимо соотвѣтствующихъ постановленій Литовскаго Статута, мимо хорошо имъ извѣстныхъ образцовъ приказной практики того времени и не предусмотрѣли во второй главѣ Уложенія преступленія «непристойнаго слова».

Очертивъ кругъ важнѣйшихъ политическихъ посягательствъ, извѣстныхъ Уложенію и практикѣ XVII вѣка, мы переходимъ къ изслѣдованію процессуальныхъ порядковъ, по которымъ эти посягательства преслѣдовались и наказывались. Общій обзоръ второй главы Уложенія, изъ котораго мы уяснили основные моменты политическаго судопроизводства (извѣтъ, сыскъ и приговоръ), даетъ намъ и систему изложенія: сначала мы разсмотримъ «извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ», затѣмъ «сыскъ» по извѣту и, наконецъ, различные виды и содержаніе «указа», т.-е. приговора.

ГЛАВА IV.

Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ.

§ 1.

Общее понятіе объ извѣтѣ, какъ политическомъ обвиненіи.

I. Извѣтъ, какъ начальный моментъ процесса; извѣтъ въ Уложеніи, скрытіе извѣта; извѣтъ въ практикѣ; случаи безъ-извѣтнаго возникновенія политическаго дѣла; два общихъ признака извѣта; извѣтъ и извѣщеніе о замыслахъ внѣшнихъ враговъ; извѣтъ и бранный попрекъ политическимъ преступленіемъ; процессуальныя послѣдствія такой брани.—II. Игнорированіе извѣта въ гл. I—III и IV-ой Уложенія; способы возбужденія обще-уголовнаго процесса и ихъ отличія отъ извѣта: язычная молка и челобитье потерпѣвшаго; облихованіе на обыскѣ.

I. «Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ» представляетъ собой такой институтъ московскаго права, который по своему политическому и процессуальному значенію заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія. Порожденный всей совокупностью культурныхъ и политическихъ условій до-петровской Россіи, онъ впиталъ въ себя такое богатство колоритныхъ и своеобразныхъ чертъ, что изучить его даже со стороны его юридическихъ особенностей, не затрогивая его разнообразнаго бытового значенія, значитъ все-таки прочитать небезынтересную страницу въ безконечной книгѣ родной старины.

Значеніе извѣта заключается, прежде всего, въ томъ, что онъ представляетъ собой начальный моментъ политическаго судопроизводства. Это сказывается въ Уложеніи не только тѣмъ, что каждая статья второй главы повторяетъ формулу «по извѣту сыщется», но и тѣмъ въ особенности, что во всей этой главѣ законодатель не предвидитъ и не упоминаетъ ни о какомъ другомъ способѣ возбужденія политическаго дѣла. Самый строй политическаго процесса, какъ онъ очерченъ во второй главѣ, предполагаетъ непремѣнное участіе извѣтчика: узаконяется очная ставка извѣтчика съ обвиняемымъ, из-

вѣтчикъ же выступаетъ въ роли дѣятельнаго обвинителя и собирателя доказательствъ; наконецъ, извѣтчику же законодатель угрожаетъ суровой отвѣтственностью за недобросовѣстное обвиненіе.—Разъ заявленный органу власти, извѣтъ не можетъ быть оставленъ безъ послѣдствій, а съ необходимостью ведетъ къ возбужденію политическаго дѣла: скрытіе извѣта должностнымъ лицомъ разсматривается, какъ тяжкое преступленіе по службѣ [44]).—Въ практикѣ XVII вѣка наличностью извѣта характеризуется подавляющее большинство государевыхъ дѣлъ, хотя, заполняя пробѣлы Уложенія, практика представляетъ намъ и примѣры безъ-извѣтнаго возникновенія политическихъ дѣлъ; такъ, при захватѣ бѣглаго на рубежѣ противъ него неизмѣнно возникало обвиненіе въ измѣнѣ, хотя бы не было налицо извѣтчика, поддерживавшаго такое обвиненіе; человѣкъ, захваченный на царскомъ дворѣ съ оружіемъ въ рукахъ, вызывалъ противъ себя подозрѣнія въ умыслѣ на государево здоровье, и подозрѣнія эти дѣлались предметомъ изслѣдованія въ «розыскѣ» (см. главу о сыскѣ). Но во всякомъ случаѣ извѣтъ былъ настолько преобладающей чертой въ практикѣ политическихъ дѣлъ, что самыя дѣла, въ зависимости отъ этого признака, назывались часто «дѣлами извѣтными».

Общее понятіе извѣта, какъ начальнаго момента въ политическомъ процессѣ, складывается изъ двухъ основныхъ признаковъ: а) извѣтъ есть заявка о противогосударственномъ умыслѣ или совершонномъ уже преступленіи; б) заявка эта дѣлается органамъ правительственной власти. Оба эти признака отчетливо выражены во второй главѣ Уложенія: «кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество какой злой умыслъ, и ему про то извѣщати государю и его государевымъ думнымъ и приказнымъ людямъ» (II, 18). По отсутствію перваго признака отъ извѣта слѣдуетъ отличать такое сообщеніе власти, предметомъ котораго служитъ не противогосударственный умыселъ, какъ наказуемое дѣяніе, а враждебные московскому государству замыслы внѣшнихъ его враговъ, государевыхъ недруговъ. Это различіе слѣдуетъ отмѣтить потому, что какъ та, такъ и другая форма извѣта подъ одинаковымъ именемъ упоминается въ нѣкоторыхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ, и обѣ выступаютъ тамъ съ характеромъ публично-правовой обязанности. Такъ, гетманъ запорожскій по крестной записи принималъ на себя обя-

занность «извѣщать царскому величеству» насчетъ «собранья и умысла» противъ Москвы со стороны сосѣднихъ государствъ (Полное собраніе законовъ, I, 508); на сибирскихъ инородцевъ возлагалась иногда обязанность «извѣщать воеводамъ» о походѣ воинскихъ людей на государевы города. Но такой извѣтъ, хотя по содержанію своему также можетъ быть охарактеризованъ, какъ извѣтъ политическій, однако же рѣшительно отметается отъ нашего изслѣдованія, такъ какъ лишенъ всякаго судебно-процессуальнаго значенія: эта разновидность московскаго извѣта есть только политическое средство для предупрежденія внѣшней опасности.

Отсутствіемъ второго признака (заявка правительственнымъ органамъ) отъ извѣта отличалось такое указаніе на политическое преступленіе, которое отливалось въ форму словесной брани или оскорбительнаго попрека. При московской невоздержности на языкъ брань была въ большомъ ходу у людей XVII вѣка, а бранный попрекъ «измѣной» тѣмъ чаще срывался съ разгнѣванныхъ устъ, что этимъ сильнымъ выраженіемъ обидчикъ сразу позорилъ весь родъ того, кто вызвалъ его гнѣвъ, такъ какъ преступленіе одного сородича ложилось пятномъ и укоромъ на всѣхъ представителей этой фамиліи. Если обиженный вчиналъ искъ о безчестьи, то такая брань имѣла судебно-процессуальныя послѣдствія, характеръ которыхъ опредѣлялся позиціей отвѣтчика, способомъ его защиты въ процессѣ: а) если онъ утверждалъ, что такого слова не говаривалъ, или просто ссылался на взаимность обиды, то все дѣло разбиралось въ порядкѣ «суда»; напримѣръ, «билъ челомъ чернавецъ Якушка на чернавца же приказной избы подъячаго Василья, что бранилъ его Василій непотребной бранью, называлъ измѣнникомъ, а онъ на государевѣ службѣ былъ и никогда государю не измѣнялъ», и просилъ «въ томъ дѣлѣ дать ему сыскъ и очную ставку»; а отвѣтчикъ сказалъ, что онъ Якова не бранилъ и измѣнникомъ не называлъ; «истецъ отвѣтчика уличалъ Божьей милостью и крестнымъ цѣлованьемъ и подалъ роспись, кто ту брань слышалъ; а отвѣтчикъ на тѣхъ людей не слался, потому что они въ прошлыхъ годѣхъ у Якова въ помѣстьяхъ были, а иные съ нимъ въ роднѣ»[45]); б) если же отвѣтчикъ передъ судьями повторялъ свой бранный попрекъ, утверждая его истинность, тогда брань обращалась въ извѣтъ, отвѣтчикъ становился обвинителемъ, а весь процессъ получалъ рѣзко выраженную окраску «розыска по государеву дѣлу».

II. Извѣтъ составляетъ характерную и почти исключительную черту процесса по политическимъ обвиненіямъ. Къ этой мысли приводитъ даже поверхностное сличеніе второй главы Уложенія съ ближайшими къ ней главами московскаго кодекса, въ которыхъ описываются преступленія, если не по составу, то по значенію своему близко подходящія къ посягательствамъ государственнымъ: ни въ главѣ первой, «о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ», ни въ главѣ третьей, «о чести государева двора», ни въ слѣдующей за ней главѣ о поддѣлкѣ государевыхъ печатей законодатель ни въ одной статьѣ не предусматриваетъ извѣта, какъ способа возбужденія дѣла, и даже ни разу не поминаетъ самыхъ словъ «извѣтъ, извѣщать, извѣтчикъ»; между тѣмъ, вторая глава, какъ мы знаемъ, не только въ каждой почти статьѣ считается съ извѣтомъ, какъ съ началомъ «розыска», но больше, чѣмъ четвертую часть своихъ опредѣленій посвящаетъ прямо регулированію извѣта, какъ процессуальнаго института.

Если мы отъ этихъ частей московскаго кодекса обратимся на самый конецъ его, гдѣ въ одной изъ наиболѣе содержательныхъ главъ законодатель описываетъ процессъ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ,—то и тутъ мы встрѣчаемся съ совершеннымъ игнорированіемъ извѣта; глава XXI-ая Уложенія совсѣмъ не предусматриваетъ извѣта, какъ акта, вчинающаго уголовное обвиненіе, хотя съ точностью перечисляетъ всѣ другіе акты, которымъ усваивается такая процессуальная сила (XXI, 49); среди этихъ актовъ мы встрѣчаемъ и такіе, которыхъ не чуждъ политическій процессъ, и такіе, которые совершенно къ нему непримѣнимы, но и тѣ и другіе рѣзко обособляются отъ извѣта опредѣленными и существенными чертами. Такъ, оговоръ, сдѣланный подъ пыткой, или «язычная молка» фигурируетъ и въ практикѣ государевыхъ дѣлъ, хотя не имѣетъ здѣсь самостоятельнаго значенія, такъ какъ предполагаетъ первоначальное производство по извѣту [46]); отъ послѣдняго оговоръ отличается слѣдующими признаками: а) тотъ, кто оговариваетъ, всегда является обвиняемымъ или уже осужденнымъ политическимъ преступникомъ, а для извѣтчика, хотя въ этой роли можетъ выступить и уголовный преступникъ, этотъ признакъ рѣшительно несущественъ; б) оговаривающій выдаетъ своихъ соучастниковъ по преступленію, а извѣтчикъ, кѣмъ бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ не замѣшанъ въ

томъ преступленіи, къ которому относится его извѣтъ; 3) наконецъ, оговоръ вынуждается физическими истязаніями, а извѣтчикъ выступаетъ со своимъ извѣтомъ по собственной иниціативѣ, хотя, какъ увидимъ ниже, извѣтъ есть выполненіе публично-правовой обязанности. Челобитье потерпѣвшаго, которое въ связи съ поличнымъ разсматривается въ обще-уголовномъ процессѣ, какъ наиболѣе заурядный возбудитель розыскного производства, почти не фигурируетъ въ процессѣ политическомъ; мы говоримъ «почти», такъ какъ вторая глава предусматриваетъ такой случай, когда воевода, противъ котораго направленъ былъ «скопъ и заговоръ», бьетъ царю челомъ о сыскѣ (II, 22); но и тутъ воевода-челобитчикъ, по своему процессуальному положенію, скорѣе уподобляется извѣтчику въ государевомъ дѣлѣ, чѣмъ потерпѣвшему отъ преступленія: во-первыхъ, онъ *обязанъ* государю бить челомъ и извѣщать о скопѣ и заговорѣ, обязанъ и по служебному своему положенію и по общей, на всѣхъ подданныхъ лежащей обязанности политическаго извѣта; во-вторыхъ, при недоказанности обвиненія, онъ подвергается *наказанію* «за ложное челобитье». Наконецъ, повальный обыскъ, играющій такую выдающуюся роль въ процессѣ по разбойно-татебнымъ дѣламъ, совсѣмъ не примѣняется въ процессѣ политическомъ, какъ способъ вчинанія дѣла, а только фигурируетъ въ дѣлѣ, уже начатомъ, какъ одно изъ доказательствъ.

Итакъ, политическое судопроизводство характеризуется такимъ исходнымъ моментомъ, какого не предусматриваетъ московскій законодатель въ процессѣ по всѣмъ инымъ тяжкимъ преступленіямъ; съ другой стороны, всѣ поводы вчинанія дѣла, предусмотрѣнные имъ относительно этого послѣдняго процесса, различаются существенными и отчетливыми признаками отъ единственнаго повода, извѣстнаго законодателю въ дѣлахъ политическихъ; такимъ образомъ, извѣтъ есть въ полномъ смыслѣ слова и характерная и исключительная черта процесса по государевымъ дѣламъ. Чтобы объяснить причину этой исключительности, нужно изслѣдовать особенныя и знаменательныя черты, которыми богатъ этотъ своеобразный московскій институтъ.

§ 2.

Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ, какъ публично-правовая обязанность.

I. Происхожденіе извѣта, какъ обязанности; извѣтъ въ записяхъ на служебную вѣрность XVI вѣка; его частно-правовыя черты; извѣтъ въ подкрестныхъ записяхъ; извѣтъ въ Уложеніи, новыя его основанія: законъ и международный договоръ.—II. Кругъ лицъ, охватываемыхъ обязанностью извѣта: только подданные, а не иностранцы; но всѣ подданные безъ различія общественныхъ, семейныхъ и родственныхъ отношеній; оцѣнка этихъ постановленій въ русской литературѣ; такую конструкцію извѣта Уложеніе раздѣляетъ съ кодексами Западной Европы; родственный извѣтъ и индивидуальность наказанія; политическій расчетъ при возложеніи на родственниковъ обязанности извѣта; неизвѣщеніе, какъ признакъ пособничества.—III. Кругъ преступленій, охватываемыхъ обязанностью извѣта: а) въ подкрестныхъ записяхъ, б) въ Уложеніи; распространяется ли обязанность извѣта на „непристойное слово“; расширеніе извѣта на практикѣ.—IV. Извѣтъ, какъ обязанность, не существуетъ въ общеуголовномъ процессѣ; причины этого различія связаны съ системой преступленій, съ слабостью полицейскихъ силъ государства, съ восполняющимъ эту слабость участіемъ частныхъ лицъ.

I. Какъ выше мы сказали, извѣтъ представляется по Уложенію необходимымъ начальнымъ моментомъ судопроизводства по государевымъ дѣламъ, и не только необходимымъ, но даже единственнымъ, такъ какъ московскій законодатель не предусмотрѣлъ никакого иного способа возбужденія политическаго дѣла. Такое процессуальное значеніе извѣта и такое отношеніе къ нему законодателя мыслимо было лишь благодаря тому, что по смыслу московскаго законодательства, по духу судебной практики и по всѣмъ политическимъ традиціямъ московскаго государства извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ былъ не актомъ свободнаго усмотрѣнія частныхъ лицъ, не проявленіемъ случайнаго усердія обывателя къ интересамъ государя и государства, а *публично-правовой обязанностью* первостепеннаго значенія, неисполненіе которой разсматривалось, какъ нарушеніе вѣрноподданническаго долга, и вызывало тягчайшія кары. *Въ историческомъ пути*, которымъ слагалось такое значеніе московскаго политическаго извѣта, можно различить три основныхъ момента.

а) Впервые обязанность политическаго извѣта упоминается въ тѣхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ, которыми московскіе государи, охваченные неутомимой заботой объ укрѣпленіи за собой служилыхъ

силъ, опутывали отъѣзжавшихъ къ нимъ или уже служившихъ имъ князей и бояръ, политическая вѣрность которыхъ вызывала въ нихъ болѣе или менѣе серьезныя подозрѣнія. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ записей этого типа относятся къ исходу XV вѣка и затѣмъ тянутся сплошной цѣпью черезъ весь почти XVI вѣкъ. Среди обѣщаній «служить великому князю до живота своего», не отъѣзжать отъ него ни къ кому и «не ссылаться ни съ кѣмъ на его государево лихо» выступаетъ и обязанность «извѣщать въ правду», если какое лихо или измѣну свѣдаетъ присягающій противъ своего сюзерена. «А кто мнѣ учнетъ говорити какія рѣчи на государьское лихо и мнѣ ко государьскому лиходѣю не пристать никоторыми дѣлы, никоторою хитростью; а который рѣчи учнетъ мнѣ говорити, и мнѣ рѣчи его сказати своему государю великому князю и его дѣтемъ въ правду; или гдѣ которого лиходѣя государя своего взвѣдаю или услышу на государя своего лихо или отъ кого ни буди что взвѣдаю или услышу, и мнѣ то сказати своему государю великому князю безо всякіе хитрости по сей укрѣпленной грамотѣ»—такія обѣщанія повторяются чуть не съ буквальной точностью въ клятвенныхъ записяхъ служилой вѣрности, даваемыхъ отдѣльными князьями и боярами до послѣдней четверти XVI вѣка (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 402, 414, 429 и другія). Въ этой первичной своей формѣ извѣтъ выступаетъ, какъ обязанность индивидуальная, источникомъ которой является индивидуальное же обязательство — договоръ личной службы; средствами обезпеченія этого обязательства были крестное цѣлованіе и личное и денежное поручительство духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Такимъ образомъ, все юридическое отношеніе, изъ котораго возникаетъ обязанность извѣта, носитъ въ эту эпоху рѣзко выраженный частно-правовой характеръ.

б) Когда традиціи вольной службы и свободнаго отъѣзда, послѣ упорной борьбы съ ними московскихъ государей, оказались схороненными навсегда, индивидуальныя записи на служебную вѣрность обратились въ общую формулу вѣрноподданнической присяги, на которой крестъ цѣловали царю и великому князю всѣ люди московскаго государства. Въ эту формулу перешла и обязанность извѣщать объ измѣнѣ и лихѣ, но здѣсь она выступаетъ съ чертами принципіальнаго различія сравнительно съ древнѣйшей своей формой: тамъ она была обязанностью индивидуальной, здѣсь она становится общей

обязанностью всѣхъ подданныхъ московскаго государя; тамъ основаніемъ ея служилъ договоръ о личной службѣ, здѣсь она основывается на внѣ-договорной обязанности общаго вѣрноподданническаго долга. Вообще перейдя въ крестоцѣловальныя записи XVII вѣка, политическій извѣтъ утратилъ свою частно-правовую оболочку, усвоивъ всѣ черты обязанности публично-правовой.

в) Наконецъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича дополнило эту обязанность какъ-разъ тѣмъ существеннымъ элементомъ, котораго ей не хватало: уголовной угрозой за неисполненіе ея. Установивъ во второй главѣ, что каждый обязанъ извѣщать государю и государевымъ думнымъ и приказнымъ людямъ о всякомъ зломъ умыслѣ на царское величество (II, 18), Уложеніе въ слѣдующей за этимъ статьѣ формулируетъ карательную угрозу: «а будетъ кто свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыслъ, а государю и его государевымъ бояромъ и ближнимъ людямъ и въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ... и его за то казнити смертію безо всякія пощады». Слѣдуетъ отмѣтить, что Уложеніе, подкрѣпивъ обязанность извѣта суровой карательной угрозой, измѣнило отчасти и основаніе, на которое эта обязанность опиралась: если раньше она основывалась исключительно на «государевомъ крестномъ цѣлованіи» и подкрестной записи, вкладывавшей въ это цѣлованье опредѣленныя обязательства,—то теперь основаніе обязанности извѣта осложнилось прямымъ требованіемъ закона, такъ какъ Уложеніе въ отдѣльной статьѣ провозгласило сначала обязанность «извѣщать», а потомъ уже формулировало карательную угрозу за неисполненіе этой обязанности (II, 18, 19). Но въ сознаніи населенія, среди котораго крестоцѣловальныя записи были, разумѣется, болѣе популярны, чѣмъ текстъ Уложенія,—источникомъ этой обязанности по-прежнему оставалось государево крестное цѣлованіе, и извѣтчики въ государевыхъ дѣлахъ, обращаясь къ власти съ извѣтными челобитными, ссылались постоянно на то, что не могутъ «умолчать о такомъ государевомъ дѣлѣ, памятуя и исполняя твое государево крестное цѣлованье»[47]). Впрочемъ, въ эту же эпоху встрѣчаемся и съ третьимъ основаніемъ обязанности извѣта: присоединяя пядь за пядью къ владѣніямъ московскаго государства громадныя земли въ Сибири и въ азіатскихъ степяхъ, правительство

московское облекало эти присоединенія въ форму договоровъ съ племенами, населявшими эти земли, и провидя опасность измѣнныхъ умысловъ среди новыхъ своихъ подданныхъ, включало иногда въ эти договоры обязательство «объявлять» государевымъ воеводамъ объ измѣнѣ и «скопѣ»; такъ, обязанность извѣта по договору о присоединеніи къ Москвѣ приняли на себя табунуцкіе саиты, шуленги и улусные люди, заключившіе въ 1689 году договоръ о подданствѣ московскому царю съ русскимъ полномочнымъ посломъ Головинымъ: по этому договору они обязались, если «увѣдаютъ въ подданныхъ царскаго величества какой измѣнный умыслъ, тѣхъ людей хватать и привозить къ воеводамъ» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 598).

Итакъ, въ эпоху Уложенія политическій извѣтъ усвоилъ всѣ черты публично-правовой обязанности. Чтобы охарактеризовать эту обязанность съ большей опредѣленностью и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить ея практическую важность, нужно разсмотрѣть два главнѣйшихъ вопроса: какіе разряды лицъ являются носителями этой обязанности и на какой кругъ преступленій она простирается. Это будутъ ея предѣлы въ субъективномъ и объективномъ отношеніи.

II. Такъ какъ первичнымъ основаніемъ обязанности политическаго извѣта является вѣрноподданническій долгъ, подкрѣпленный «государевымъ крестнымъ цѣлованіемъ», то обязанность эта должна падать *только на подданныхъ* московскаго государя. Такимъ именно кругомъ лицъ ограничиваетъ ее и Уложеніе, требуя, чтобы про злой умыселъ на царское величество извѣщали «московскаго государства всякихъ чиновъ люди»; слѣдовательно, на иностранцевъ, пребывающихъ въ Москвѣ, обязанность политическаго извѣта не простирается. Этотъ выводъ, основанный на текстѣ Уложенія, подтверждается также свидѣтельствомъ другихъ источниковъ: въ присягѣ, которую потребовали въ 1682 году отъ иноземныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей, не содержится ни присущаго московскимъ крестоцѣловальнымъ записямъ перечисленія противогосударственныхъ умысловъ ни обязанности извѣщать о нихъ государю (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 441); даже въ крестоприводной записи иностранцевъ, поступавшихъ на временную службу въ московскомъ государствѣ, не упоминается объ обязанности извѣта. Трудно уловить, въ какой степени московское правительство руководилось

тутъ политико-юридическими соображеніями о неподданствѣ; вѣрнѣе думать, что оно просто сознавало полную непрактичность этой мѣры въ отношеніи иностранцевъ, которые, оставаясь чужими людьми въ московскомъ государствѣ, не имѣли здѣсь прочныхъ связей, плохо вникали въ духъ и строй московской жизни, а потому едва-ли могли съ пользой для власти осуществлять обязанность политическаго извѣта. И среди богатой и разнообразной практики «государевыхъ дѣлъ» намъ не приходилось встрѣчать указаній на извѣтъ, сдѣланный иноземцемъ.—Въ крестоцѣловальной записи, по которой присягала Малороссія московскому государю, также не упоминается объ обязанности политическаго извѣта, хотя все «войско», отъ гетмана до рядового казака, называло себя «подданными царскаго величества»; это можно объяснить тѣмъ, что Малороссія присягала по своей исторически сложившейся формѣ крестнаго цѣлованія, въ которой, вѣроятно, не упоминалось объ извѣтѣ; едва-ли, впрочемъ, можно допустить, чтобы обязанность эта не признавалась «войсковымъ правомъ».

Итакъ, только на «людяхъ московскаго государства» лежала обязанность извѣщать о лихѣ и измѣнѣ Царскому величеству; но зато въ этихъ границахъ московскій законодатель не допускалъ никакихъ исключеній. Уложеніе въ самыхъ категорическихъ словахъ постановляетъ, что «*всякаго чину* люди» обязаны извѣщать о зломъ умыслѣ на царское величество, а кто не извѣститъ, того казнить смертью (II, 18); это общее постановленіе дополняется и разъясняется въ другихъ статьяхъ той же главы, изъ которыхъ видно, что предъ лицомъ этой обязанности разрушаются всѣ степени и всѣ виды зависимыхъ отношеній: помѣщики и вотчинники обязаны «извѣщать и приводить» своихъ людей и крестьянъ (VI, 6); а люди и крестьяне обязаны извѣщать на своихъ господъ и помѣщиковъ; только для исполненія этой обязанности имъ и открывается право челобитья на господъ (II, 13), по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ законодатель запрещаетъ «такимъ извѣтчикамъ вѣрить». Родственныя, семейныя и супружескія связи также не избавляютъ отъ обязанности политическаго извѣта: «а жены будетъ и дѣти тѣхъ измѣнниковъ про тое ихъ измѣну вѣдали, и ихъ по тому же казнити смертью; а будетъ кто измѣнитъ, а послѣ его въ московскомъ государствѣ останутся отецъ или мати или братья родные или неродные или дядья или

иной кто въ роду, а жилъ онъ съ ними вмѣстѣ и животы и вотчины у нихъ были вопчѣ,—и про такого измѣнника сыскивать всякими сыски накрѣпко, отецъ и мати и родъ его про ту его измѣну вѣдали ли; да будетъ сыщется допряма, что они про измѣну вѣдали, и ихъ казнити смертію и вотчины ихъ и помѣстья и животы взяти на государя» (II, 6 и 9). Изъ этихъ постановленій слѣдуетъ, что а) родственники—въ самой близкой и отдаленной степени—связаны были обязанностью взаимнаго извѣта; б) что отецъ и мать должны были извѣщать про измѣнные умыслы дѣтей своихъ; в) что дѣти, которыя, подобно холопамъ, лишены были по всѣмъ дѣламъ права челобитья противъ родителей, по государевымъ великимъ дѣламъ не только могли, но и обязаны были бить на нихъ челомъ. При этомъ возрастъ, съ котораго начинается эта обязанность дѣтей, не вызываетъ со стороны законодателя никакихъ опредѣленій; въ Литовскомъ статутѣ, гдѣ встрѣчаемъ аналогичную же статью, содержится прямое указаніе на «совершеннолѣтіе» дѣтей, какъ на условіе ихъ отвѣтственности за недонесеніе [48]). Можно предполагать, что московская практика руководилась въ этомъ вопросѣ не какими-либо возрастными нормами и даже не изслѣдованіемъ степени дѣтскаго разумѣнія, а представленіемъ о возможности пособничества: отвѣтственность дѣтей за неисполненіе обязанности извѣта начиналась—можно думать—съ такого возраста, когда съ ихъ стороны мыслимо было сознательное и дѣятельное пособничество измѣннымъ умысламъ отца; во всякомъ случаѣ законодатель возлагаетъ обязанность извѣта какъ на дѣтей, живущихъ «въ роздѣлѣ» съ отцомъ (II, 8), такъ и на дѣтей, еще не покинувшихъ отцовскій домъ. Изъ разсмотрѣнныхъ выше статей Уложенія также усматривается, что сыновья и дочери несли одинаковую обязанность извѣта на родителей («дѣти»), въ противоположность Литовскому статуту, гдѣ обязанность эта лежала только на сыновьяхъ.

Эти суровыя постановленія московскаго кодекса вызвали не менѣе суровую оцѣнку со стороны изслѣдователей, останавливавшихъ свое вниманіе на второй главѣ Уложенія. Любопытно отмѣтить, что объектомъ оцѣнки этой является исключительно обязанность извѣта дѣтей противъ родителей, а обратная обязанность, косвенно вытекающая изъ ст. 8, II, обязанность *родителей* извѣщать на дѣтей ускользнула, по-видимому, отъ вниманія русскихъ изслѣдователей.

Къ московскому законодателю адресуются съ суровымъ упрекомъ, что «для истребленія и открытія измѣнниковъ онъ не останавливается ни предъ чѣмъ»; что узаконяя доносъ, какъ обязанность, не знающую исключеній, онъ «не обращаетъ вниманія на узы семейства, брака» (Неклюдовъ, переводъ учебника Бернера, 212). Эти слова бросаютъ какъ бы тѣнь исключительной суровости на нашъ отечественный кодексъ XVII вѣка. Для правильной оцѣнки такого взгляда нужно принять во вниманіе слѣдующее. а) Во-первыхъ, столь же суровыми постановленіями пестрятъ и западно-европейскіе кодексы соотвѣтствующей эпохи: и въ нихъ за простое недонесеніе по государственнымъ преступленіямъ законодатель угрожаетъ смертной казнью, причемъ отъ этой угрозы «во всей Европѣ не были изъяты дѣти противъ родителей и обратно, супруги и ближайшіе родственники (Кистяковскій, о смертной казни, 164). Само Уложеніе Алексѣя Михайловича, давая суровыя постановленія насчетъ обязанности родственнаго извѣта, отнюдь не вводило какой-либо существенной новизны, а узаконяло порядки, намѣчавшіеся еще въ предшествующемъ вѣкѣ: обязанность извѣщать на родныхъ братьевъ (объ ихъ умыслахъ на отъѣздъ и ссылку съ государевымъ недругомъ) встрѣчается въ древнѣйшихъ записяхъ на служебную вѣрность [49]), а царь Иванъ Васильевичъ Грозный возложилъ на своего двоюроднаго брата на князя Владимира Андреевича обязанность «пересказывать» царю рѣчи матери князя княгини Ефросиньи, если она станетъ подучать сына своего на царя и царевича или станетъ сама на нихъ умышлять какое-нибудь зло [50]). б) Во-вторыхъ, узаконяя обязанность извѣта, правительство московское ставило себя въ необходимость производить каждый разъ «сыскъ» насчетъ того, «вѣдали» или «не вѣдали» родственники политическаго преступника про его умыселъ; тотъ, кому удавалось доказать свое невѣдѣніе, долженъ былъ, естественно, избавляться отъ суровой отвѣтственности; слѣдовательно, узаконеніе обязанности извѣта оказывается въ тѣсной связи съ ограниченіемъ произвольной расправы надъ родственниками политическаго осужденнаго, расправы, которая безудержно практиковалась въ долгіе годы царствованія Грознаго и противъ которой настойчиво протестовало русское общество въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени; такимъ образомъ, какъ ни печально вторженіе суровой обязанности извѣта въ святая-святыхъ семьи,

оно было все-таки шагомъ впередъ на пути къ закономѣрному политическому суду и къ установленію индивидуальной отвѣтственности: наказаніе, обрушивавшееся раньше за одну *принадлежность* къ роду измѣнника, теперь требовало установленія «вѣдѣнія». в) Отсюда слѣдуетъ, что взваливая на семейныхъ и родственниковъ обязанность политическаго извѣта, московскій законодатель не столько расчитывалъ отъ нихъ на услугу правительству, на дѣйствительное выполненіе обязанности извѣта, сколько стремился обезпечить за правительствомъ возможность законной расправы съ семьей и родомъ его политическаго врага; слѣдовательно, въ суровыхъ нормахъ второй главы содержалось, въ сущности, не столько подстрекательство родственниковъ къ извѣту, сколько напоминаніе имъ объ ихъ общей отвѣтственности; но, разумѣется, эти нормы не оставались всё-же безъ вліянія на укладъ московскихъ родственныхъ отношеній (особенно, въ семьѣ служилаго человѣка), и въ практикѣ государевыхъ дѣлъ не былъ совершенной рѣдкостью извѣтъ братьевъ, супруговъ, родителей и дѣтей [51]). г) Наконецъ, ставя родственниковъ политическаго преступника подъ угрозу смертной казни за недонесеніе, правительство на самомъ дѣлѣ карало ихъ за предполагаемое пособничество: если дѣти вѣдали про измѣнный умыселъ отца и не извѣстили, значитъ они ему сочувствовали и помогали, и обратно— родители, вѣдающіе о преступномъ умыслѣ дѣтей и имъ не воспрепятствовавшіе, вызывали противъ себя подозрѣнія въ согласіи, въ потворствѣ и пособничествѣ; такъ разсуждало московское правительство, и нужно признать, что выводы его подкрѣплялись для той эпохи весьма солидными основаніями: за справедливость ихъ говорили и остатки родовыхъ традицій и бо́льшая прочность семейныхъ связей и бо́льшая общность семейныхъ настроеній.

Итакъ, обязанность политическаго извѣта захватывала *всѣхъ* подданныхъ царскаго величества. Ни различіе общественныхъ положеній ни разнаго рода зависимыя отношенія ни даже семейныя и брачныя узы не избавляли отъ обязанности извѣта.

III. Кругъ преступленій, охватываемыхъ этой обязанностью, неодинаковъ въ Уложеніи и въ крестоцѣловальныхъ записяхъ XVII вѣка. И въ послѣднихъ онъ имѣетъ различные варіанты: а) въ записи на вѣрность Шуйскому упоминается вообще о «лихѣ на государя», а въ записи Владиславу говорится только объ измѣнѣ;

б) послѣ 1613 года въ крестоцѣловальныхъ записяхъ встрѣчаемъ указаніе на «скопъ и заговоръ»; въ этомъ сказался, очевидно, опытъ Смутнаго времени, когда всѣ части московскаго государства сдѣлались ареной большихъ и малыхъ «сколовъ и заговоровъ»; в) наконецъ, въ записяхъ сибирскихъ инородцевъ и въ шертныхъ записяхъ мусульманъ обязанность извѣта распространяется и на «шатость». По свойству объектовъ, противъ которыхъ направлены преступныя умыслы, предупреждаемые обязанностью извѣта, записи также неодинаковы: въ однихъ обязанность извѣта распространяется только на умыселъ противъ государя, въ другихъ—и на умыселъ противъ «матери его государевой» и даже противъ «дѣтей», которыхъ «ему государю Богъ дастъ»; а въ записи, на которой присягнули новгородцы шведскому королю, содержится обязательство «извѣщать о всякомъ лихѣ на государя короля и на его государевыхъ бояръ и воеводъ» [52]).

Уложеніе остановилось на варіантѣ, содержащемся въ подкрестной записи 1645 года на вѣрность Алексѣю Михайловичу, но преобразовало его въ согласіи съ той системой государственныхъ преступленій, которую оно построило во второй главѣ. Такъ какъ послѣдняя совсѣмъ не упоминаетъ о преступленіяхъ противъ членовъ государевой семьи, то и обязанность извѣта пріурочивается въ Уложеніи только къ «злымъ умысламъ на царское величество». Въ этомъ отношеніи законодатель остается настолько послѣдовательнымъ, что исключаетъ изъ круга преступленій, охватываемыхъ обязанностью извѣта, предусматриваемый имъ скопъ и заговоръ на государевыхъ думныхъ и приказныхъ людей, ограничивая эту обязанность лишь скопомъ и заговоромъ, направленнымъ противъ представителя верховной власти [53]): «кто свѣдаетъ *на царское величество* въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ, и имъ про то *извѣщати*» (II, 18). Подъ «инымъ умысломъ» остается разумѣть два другихъ тяжкихъ преступленія, предусмотрѣнныхъ во второй же главѣ: 1) измѣну и 2) посягательство на государево здоровье. Можно ли понимать подъ этими словами и указаніе на преступленіе «непригожихъ словъ»? я думаю, что нѣтъ; статья, устанавливающая обязанность извѣта, можетъ относиться лишь къ преступнымъ дѣяніямъ, исчисленнымъ въ предшествующихъ статьяхъ той же главы, а среди нихъ, какъ мы знаемъ, не предусмотрѣно преступленіе

непригожихъ словъ; устанавливая обязанность извѣта, Уложеніе пріурочиваетъ её къ умыслу, а эта стадія совершенно неуловима въ преступленіи непригожихъ словъ и, слѣдовательно, не можетъ служить предметомъ «извѣта; наконецъ, за неисполненіе обязанности извѣта вторая глава угрожаетъ смертной казнью, а «непристойныя слова» — сами по себѣ — наказываются не суровѣе, чѣмъ ссылкой и урѣзаніемъ языка. Такимъ образомъ, по буквальному смыслу ст. 18 и по связи ея со всей этой главой Уложенія, суровая обязанность политическаго извѣта не распространялась на преступленіе, выражающееся въ «непристойныхъ словахъ». Но сила этого вывода ограничивается двумя соображеніями: 1) во-первыхъ, среди «непристойныхъ словъ» была, какъ мы знаемъ, такая обильная ихъ группа, которую практика московская разсматривала, какъ нереализованный умыселъ къ болѣе тяжкому политическому преступленію — измѣнѣ, бунту и посягательству на государево здоровье; въ такихъ дѣлахъ обязанность извѣта признавалась, и неисполненіе ея каралось, какъ тяжкое преступленіе; такъ, единомышленниковъ Шакловитаго великіе государи указали бить кнутомъ и сослать въ ссылку за то, что они, «слыша воровскія непристойныя слова и къ смутѣ затѣйныя, государю про то не извѣстили»; стольника князя Юсупова въ 1648 году постигла еще болѣе печальная участь: онъ былъ присужденъ къ конфискаціи всѣхъ помѣстій, вотчинъ и животовъ и къ ссылкѣ въ дальніе сибирскіе города за то, что услышавъ отъ своего человѣка непристойное слово, будто царь Алексѣй Михайловичъ — не прямой государь, «таилъ то четыре мѣсяца невѣдомо для какой причины»[45]); 2) во-вторыхъ, по практическому своему дѣйствію на извѣтное усердіе современниковъ ст. 18-ая захватывала, несомнѣнно, и всѣ остальныя категоріи непристойныхъ словъ, такъ какъ московскому обывателю, знающему суровую угрозу, надъ нимъ тяготѣвшую, едва-ли приходила въ голову мысль о предварительной оцѣнкѣ услышаннаго имъ непристойнаго слова; тѣмъ болѣе, что московская практика такъ далеко заходила въ своей подозрительности, что легкомысленную политическую сплетню склонна была подчасъ толковать, какъ словесное проявленіе тяжкаго политическаго умысла.

Вообще, на практикѣ извѣтъ далеко выходилъ за предѣлы, очерченные суровой статьей Уложенія: политическіе процессы этой эпохи пестрятъ извѣтами по самымъ разнообразнымъ государевымъ дѣ-

ламъ до прописки государева именованья включительно [55]); но это уже есть осуществленіе права на извѣтъ или злоупотребленіе правомъ, а не выполненіе закономъ установленной обязанности [56]). Извѣтъ, какъ обязанность, подкрѣпленная, къ тому же, страхомъ суроваго наказанія, замыкается кругомъ трехъ тягчайшихъ политическихъ преступленій: измѣной, скопомъ и заговоромъ и умысломъ на государево здоровье.

IV. Существовала ли *обязанность извѣта въ сферѣ преступленій не-политическихъ?* Въ подкрестныхъ записяхъ о ней не упоминается, въ Уложеніи также; единственная статья, устанавливающая обязанность извѣта, помѣщена во второй главѣ Уложенія и формулирована такъ, что распространеніе ея на умыслы не-политическіе представляется рѣшительно невозможнымъ. Даже главы, посвященныя такимъ посягательствамъ, которыя по составу своему близко подходятъ къ характеру политическихъ, не только не узаконяютъ обязанности извѣта, но, какъ мы уже видѣли, совершенно игнорируютъ его, какъ способъ возбужденія дѣла; съ такимъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ главѣ XXI-ой [57]). Эту черту законодательства можно объяснить только тѣмъ, что не существовала и не была установлена въ ту эпоху обязанность извѣта по преступленіямъ религіознымъ и общеуголовнымъ: гдѣ такая обязанность точно и ясно установлена и подкрѣплена страхомъ суроваго наказанія, тамъ законодатель предвидитъ въ извѣтѣ самаго частаго и заурядnаго возбудителя обвиненій, и это отражается въ его постановленіяхъ (напримѣръ, во второй главѣ); если же извѣтъ не узаконенъ, какъ обязанность, то законодатель можетъ считаться съ нимъ только какъ съ явленіемъ случайнымъ и непостояннымъ и не рискуетъ ставить его въ основу уголовнаго преслѣдованія. Косвенныя указанія, которыя можно выловить изъ Уложенія, также не мирятся съ узаконенной обязанностью извѣта. Если въ чьемъ дому поличное вынули, а жена и дѣти про то поличное вѣдали, на нихъ—говоритъ Уложеніе —«имать выть по указу» (XXI, 88), но наказанію никакому они не подвергаются; значитъ, на членахъ семьи уголовнаго преступника безусловно не лежала обязанность извѣта; этотъ выводъ, впрочемъ, прямо слѣдуетъ изъ того, что дѣти не имѣли по уголовнымъ дѣламъ права челобитья на родителей. Въ этой же главѣ законодатель предусматриваетъ укрывательство воровъ, которые,

ходя по улицамъ, людей «рѣжутъ и грабятъ»; затѣмъ укрывательство завѣдомыхъ разбойниковъ «съ рѣзаными ушами» и укрывательство подозрѣваемыхъ въ разбоѣ «тутошними людьми» въ мѣстѣ ихъ постояннаго жительства (XXI, 15, 19, 20, 62),—и всѣ эти правонарушенія облагаются денежной пеней отъ полтины до десяти рублей. При такой мѣрѣ взысканій, для простого неизвѣщенія, свободнаго отъ этихъ отягчающихъ элементовъ, не остается, въ сущности, такой кары, которая могла бы служить сколько-нибудь серьезной санкціей обязанности извѣта [58]).—Въ главѣ X-ой предусматривается такой случай, когда кѣмъ-либо взятъ посулъ на судью и по судьину велѣнью и по тому посулу судья неправильно вершилъ дѣло (X, 7),; за такое преступленіе судья наказывается отнятіемъ чести и торговой казнью, а о наказаніи взявшаго посулъ статья не упоминаетъ, хотя онъ виновенъ не только въ неизвѣщеніи о замышляемомъ преступленіи, но и въ прямомъ и дѣятельномъ пособничествѣ.

Такимъ образомъ, извѣтъ, какъ обязанность, подкрѣпляемая самой суровой санкціей, составлялъ въ эпоху Уложенія исключительную черту посягательствъ противогосударственныхъ. Наше представленіе объ извѣтѣ, какъ публично-правовой обязанности, оставалось бы неполнымъ, если бы мы не попытались разъяснить, какія основанія заставили московскаго законодателя ограничить эту обязанность такими опредѣленными предѣлами и по какимъ соображеніямъ онъ мирился съ отсутствіемъ ея въ кругу преступленій неполитическихъ. Ближайшій отвѣтъ на это заключается уже въ указаніи историческаго пути, по которому обязанность эта дошла до московскаго законодателя половины XVII вѣка: обязанность «извѣщать» содержалась, какъ мы знаемъ, въ подкрестныхъ записяхъ, предшествовавшихъ Уложенію, и оттуда перешла въ Уложеніе, если не путемъ прямого позаимствованія, то въ видѣ вліяній, испытанныхъ кодификаторомъ; а въ подкрестныхъ записяхъ ея границы очерчивались кругомъ преступныхъ умысловъ на государя, и въ этихъ же границахъ восприняло ее и Уложеніе. Но помимо этого историческаго объясненія, можно указать еще глубокія практическія основанія, по которымъ кодификаторы Уложенія сочли возможнымъ замкнуть обязанность извѣта кругомъ преступленій политическихъ, а не распространили ее на остальныя. Вчитываясь въ постановленія второй главы Уложенія, мы замѣчаемъ, что законодатель предусма-

триваетъ въ нихъ собственно не преступныя дѣянія, уже законченныя, а преступные «умыслы» и подготовительныя дѣйствія, и въ этихъ случаяхъ онъ непремѣнно упоминаетъ объ «извѣтѣ» (II, 1, 2); если же онъ предусматриваетъ посягательство въ фазисѣ его успѣшнаго осуществленія, то «извѣтъ» въ статьѣ не фигурируетъ (II, 3, 4); слѣдовательно, извѣтъ въ представленіи московскаго законодателя есть главнымъ образомъ предупредительное средство къ заблаговременному раскрытію противогосударственныхъ посягательствъ. Поэтому, когда Уложеніе описываетъ преступныя дѣянія, въ которыхъ приготовительныя дѣйствія почти отсутствуютъ, а обнаруженіе умысла совпадаетъ съ его реализаціей,—извѣтъ утрачиваетъ въ глазахъ московскаго законодателя львиную долю своего значенія и упраздняется необходимость возводить его на степень сурово-охраняемой обязанности. Таковы, напримѣръ, преступленія, предусмотрѣнныя въ главѣ первой Уложенія: возложеніе хулы на Господа Бога, на честный крестъ и на святыхъ угодниковъ; непристойныя рѣчи священнослужителямъ во время литургіи (I, 3); челобитье царю и патріарху въ церкви во время церковнаго пѣнія (I, 8—9).

Но это объясненіе не затрогиваетъ всей остальной массы преступленій не-политическихъ, и остается непонятнымъ, почему для измѣны, напримѣръ, и для скопа и заговора обязанность извѣта казалась законодателю настолько неотвратимой, настолько насущной, что онъ узаконилъ ее подъ страхомъ смертной казни, а для преступленій не менѣе тяжкихъ, какъ разбой, поджогъ, татьба и душегубство, онъ обошелся безъ такихъ сильныхъ средствъ. Разгадка этого кроется, прежде всего, въ слабости полицейско-розыскной организаціи тогдашняго государства, въ недостаточности органовъ, въ несовершенствѣ пріемовъ, въ трудностяхъ полицейскаго надзора. А слабостью этой обусловливается то, что въ дѣлѣ предупрежденія преступленій, въ дѣлѣ розысканія и преслѣдованія преступниковъ государственная власть той эпохи не могла обходиться безъ содѣйствія частныхъ лицъ. Въ сферѣ преступленій общеуголовныхъ такое содѣйствіе, даже при отсутствіи прямыхъ требованій закона, повелительно диктовалось московскому обывателю живымъ пониманіемъ своихъ собственныхъ интересовъ: прежде всего, непосредственно потерпѣвшій былъ естественнымъ пособникомъ власти, добровольнымъ, но бдительнымъ и постояннымъ извѣтчикомъ,—а за нимъ и

тотъ общественный мірокъ, безопасности и спокойствію котораго угрожали преступные умыслы и преступная дѣятельность «лихихъ людей» [59]). Между тѣмъ, въ кругу преступныхъ умысловъ, направленныхъ противъ государства и власти, почти никогда не было налицо ни непосредственно потерпѣвшихъ ни близко-заинтересованныхъ; отвлеченная идея государства не могла, разумѣется, служить надежнымъ и постояннымъ возбудителемъ извѣта и частнаго обвиненія: только въ минуты роковыхъ государственныхъ бѣдствій она захватываетъ душу народа и превращаетъ отвлеченный образъ государства въ прямой и насущный интересъ, который нужно защищать всѣми силами и средствами. Въ эпохи спокойнаго теченія политической жизни государственный интѳресъ заслоняется отъ обывателя тысячью житейскихъ нуждъ, безконечнымъ разнообразіемъ мелкихъ и крупныхъ интересовъ, изъ которыхъ соткана жизнь. Поэтому въ сферѣ преступленій политическихъ, угрожающихъ только государственному, а не личному интересу, нельзя основать «извѣтъ», какъ восполняющее слабость власти средство къ предупрежденію и раскрытію преступныхъ умысловъ, на добровольныхъ услугахъ населенія. Предъ московскимъ законодателемъ оставалось, стало-быть, два пути: обезпечить за собой насущную для власти помощь «извѣта» соблазномъ «государева жалованья» или взвалить ее на плечи московскаго обывателя, какъ суровую и непремѣнную обязанность. Подъ прямымъ воздѣйствіемъ крестоцѣловальныхъ записей Уложеніе избрало послѣдній путь.

§ 3.

Извѣтная челобитная и ея особенности.

Извѣтная челобитная есть форма извѣта письменнаго и устнаго.—I. Содержаніе извѣтной челобитной; указаніе на личность извѣтчика; извѣты анонимные въ видѣ подметныхъ писемъ; отношеніе къ нимъ практики; просительный пунктъ извѣтнаго челобитья; отсутствіе ссылокъ на доказательства.—II. Порядокъ подачи извѣтной челобитной; ст. 20, X Уложенія; она не относится къ челобитнымъ по государевымъ дѣламъ; послѣднія подаются государю, воеводамъ, не подаются губнымъ старостамъ. —III. Кому принадлежитъ право выступать съ извѣтными челобитьями: даже холопамъ на господъ, дѣтямъ на родителей, уголовнымъ преступникамъ; ограниченіе права на извѣтъ.

Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ, заявленный органамъ власти, облекался въ форму извѣтной челобитной; извѣтъ, сдѣланный устно,

тотчасъ же записывался и, слѣдовательно, также принималъ форму извѣтнаго челобитья. Это правило неупустительно соблюдалось московской практикой по двумъ соображеніямъ: 1) извѣтная челобитная вычитывалась обвиняемому по пунктамъ, «противъ извѣтной челобитной» онъ допрашивался; стало-быть, содержаніемъ ея опредѣлялся его отвѣтъ и возраженія; 2) при опредѣленныхъ условіяхъ извѣтъ могъ превратиться изъ выполненія обязанности въ сурово наказуемое дѣяніе—напримѣръ, когда онъ оказывался ложнымъ; въ такихъ случаяхъ извѣтная челобитная пріобрѣтала значеніе самаго полнаго и неоспоримаго доказательства виновности извѣтчика.

I. По содержанію своему извѣтная челобитная въ государевомъ дѣлѣ характеризовалась слѣдующими чертами. Въ ней должно было заключаться точное указаніе на *личность извѣтчика*. Къ чести Уложенія нужно отмѣтить, что оно совершенно не предусматриваетъ извѣта анонимнаго; да и весь строй политическаго процесса, какъ онъ намѣченъ во второй главѣ, никакъ не мирится съ анонимностью извѣтчика: извѣтъ есть выполненіе публично-правовой обязанности; извѣтчикъ долженъ быть поставленъ на очную ставку съ жертвой извѣта. Въ воеводскихъ наказахъ встрѣчаемъ наставленіе «сыскивать по *явнымъ* подлиннымъ извѣтамъ»; слѣдовательно, извѣты не явные, т.-е. анонимные, не имѣли силы возбуждать розыскное производство по государевымъ дѣламъ (Полное собраніе законовъ, III, 286). Тѣмъ не менѣе въ московскую практику политическихъ дѣлъ проникла все-таки и анонимная форма извѣта въ видѣ такъ называемыхъ «подметныхъ писемъ». Пріютомъ ихъ служили чаще всего различныя помѣщенія дворца; тотъ, кто нашелъ такое письмо, обязанъ былъ передать его органамъ власти: скрытіе подметнаго письма разсматривалось, какъ недоносительство въ государственномъ преступленіи (Гурляндъ, приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, 93). Такимъ путемъ анонимный извѣтъ становился законнымъ поводомъ къ возбужденію дѣла; а въ государевыхъ грамотахъ по такимъ дѣламъ вмѣсто обычной ссылки на извѣтъ употреблялось неопредѣленное указаніе: «вѣдомо намъ, великому государю, учинилось». Иногда подметному письму усвапвалось даже значеніе вещественнаго доказательства противъ обвиняемаго; такъ, въ приговорѣ князю Хованскому отъ 1682 года говорилось: «да сентября во второмъ числѣ на дворцѣ у переднихъ воротъ письмо явися,

и твои воровскія дѣла и измѣна твоя съ тѣмъ письмомъ сходны и злохитрый твой вымыселъ на державу государеву обличился, и противъ того письма въ тѣхъ дѣлахъ ты означился и во всемъ измѣна твоя стала явна» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 459). Но вообще московское правительство относилось къ подметному письму неодобрительно. Вслѣдъ за нахожденіемъ письма начинался сыскъ, цѣлью котораго было обнаружить его автора. Желаніе извѣтчика остаться неизвѣстнымъ всегда вызывало подозрѣнія, не затѣялъ ли онъ такое дѣло «напрасно», для учиненія «смуты». Между тѣмъ у извѣтчиковъ московской эпохи были очень серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы оставаться неизвѣстными; положеніе извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ было тяжелое и даже опасное: на протяженіи судебнаго разбирательства ему грозило и личное задержаніе и пытка и очная ставка, а въ результатѣ, можетъ-быть, и суровое наказаніе. Въ одномъ подметномъ письмѣ царствованія Алексѣя Михайловича неизвѣстный авторъ такъ и объясняетъ царю, что «извѣщать тебѣ твоихъ великаго государя дѣлъ не мочно, потому что многіе за такіе истинные извѣты и нынѣ напрасно стражютъ» (Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго археологическаго общества, 1861, II, 683).

Въ просительномъ пунктѣ извѣтной челобитной обнаруживается ея особенная природа сравнительно съ челобитными иного содержанія. Авторы извѣтнаго челобитья, сообщая о какомъ лихѣ на царское величество, просятъ только о томъ, чтобы «велѣлъ государь то ихъ челобитье принять и по извѣту розыскать»; иногда сюда присоединяется просьба—«вели, государь, доложить о томъ себя, государя» (Акты московскаго государства, III, 527). Между тѣмъ въ челобитныхъ по другимъ судебнымъ дѣламъ челобитчики добиваются всегда возстановленія своего права, присужденія убытковъ, платежа безчестья, наказанія виноватыхъ; однимъ словомъ, просятъ «учинить имъ управу» или «дать имъ судъ», а въ челобитныхъ не-судебныхъ просительный пунктъ разнообразится до безконечности смотря по предмету самаго челобитья и по цѣли, которую преслѣдуетъ челобитчикъ.

Наконецъ, характерную черту извѣтной челобитной по ея содержанію составляетъ допускаемое *въ ней отсутствіе всякихъ ссылокъ на доказательства*. Это объясняется двумя соображеніями: а)

вслѣдъ за принятіемъ извѣтной челобитной московская практика непремѣнно требуетъ «распроса» извѣтчика, а въ распросѣ извѣтчикъ могъ привести и доказательства; б) но и извѣтъ, совершенно не сопровождаемый доказательствами, вызывалъ все-таки нѣкоторую упрощенную судебную процедуру, на основаніи ст. 12, II, Уложенія, и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ «указъ по разсмотрѣнію». Что Уложеніе допускаетъ и считается съ извѣтомъ въ полной мѣрѣ бездоказательнымъ, это отчетливо проглядываетъ въ послѣдней статьѣ главы шестой: помѣщики и вотчинники, едва только «*почаютъ*» въ своихъ людяхъ и крестьянахъ какое дурно или измѣну, обязаны на нихъ «извѣщать воеводамъ». Узаконяя извѣтъ, какъ обязанность, подъ страхомъ суроваго наказанія, Уложеніе, разумѣется, не могло воспретить принятіе извѣтныхъ челобитенъ, даже совершенно бездоказательныхъ [60]).

II. Въ порядкѣ своего принятія, движенія и подачи извѣтная челобитная также представляетъ существенныя особенности сравнительно съ челобитными по всѣмъ инымъ дѣламъ. Для послѣднихъ Уложеніе устанавливаетъ такой порядокъ: «а которымъ людемъ доведется о судныхъ своихъ и о иныхъ какихъ дѣлахъ бити челомъ государю, и тѣмъ людемъ о тѣхъ своихъ дѣлахъ челобитныя свои подавати въ приказѣхъ, кто въ которомъ приказѣ вѣдомъ; а будетъ кто учнетъ челобитныя подавати государю, въ приказѣ не бивъ челомъ, и такимъ челобитчикомъ за то чинити наказаніе» (X, 20). Однако, это постановленіе не должно быть относимо къ челобитнымъ, содержащимъ политическій извѣтъ, такъ какъ а) статья говоритъ о челобитныхъ по «своимъ» дѣламъ, а извѣтъ политическій относится къ дѣламъ государевымъ; б) статья имѣетъ въ виду дѣла, подвѣдомственныя приказамъ, а дѣла политическія выходятъ изъ компетенціи приказовъ [61]). Такое толкованіе подтверждается и текстомъ ст. 18-ой въ главѣ второй Уложенія: кто свѣдаетъ о скопѣ и заговорѣ и объ иномъ зломъ умыслѣ на царское величество, тому «*извѣстити про то государю* или государевымъ думнымъ людямъ». Наконецъ, въ указѣ 1699 года опредѣленно подчеркивается исключительность этой черты извѣтныхъ въ государевомъ дѣлѣ челобитенъ: «опричь великихъ государственныхъ дѣлъ ни съ какимъ челобитьемъ къ самому великому государю никто не ходили бы, чтобы въ томъ бездѣльной докуки не было» (Полное собраніе за-

коновъ, III, 654). Въ практикѣ государевыхъ дѣлъ извѣтъ, принесенный непосредственно царю, какъ устный, такъ и письменный, былъ самымъ заурядным явленіемъ; извѣтчики въ государевомъ дѣлѣ смотрѣли на такой порядокъ, какъ на свое неотъемлемое право, и иногда настойчиво добивались его осуществленія. «Есть за мной государево дѣло, а какое дѣло, про то скажу на Москвѣ государю самому или кому онъ укажетъ»—такой отвѣтъ нерѣдко давали извѣтчики въ распросѣ передъ воеводой (Архивъ, столбцы новгородскаго стола № 12, 61, 96). Эта черта политическаго извѣта стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ широкимъ и рѣшающимъ участіемъ, которое принимала верховная власть въ производствѣ политическихъ дѣлъ; выясненію этого участія посвящается въ дальнѣйшемъ особая глава.

Кромѣ государя, къ принятію политическаго извѣта уполномочиваются, по ст. 18, II, слѣдующіе разряды лицъ: а) государевы бояре и ближніе люди и б) воеводы и приказные люди. Любопытно отмѣтить, что въ этомъ перечисленіи не указаны ни губные старосты ни другіе выборные органы земскаго самоуправленія. Такимъ же кругомъ лицъ ограничивается право принятія извѣта и въ подкрестныхъ записяхъ XVII вѣка. Только въ одной изъ нихъ, крестоцѣловальной записи бѣлозерцевъ отъ 1613 года, содержится указаніе на «земскихъ старостъ и лутчихъ людей», которымъ нужно извѣщать о всякомъ лихѣ на государя въ волостяхъ и селахъ (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 1). Въ этой черточкѣ сказался характеръ эпохи: охрана законной власти и государственнаго порядка, въ конецъ потрясеннаго смутой, переходила въ руки земскихъ силъ и оставалась за ними до тѣхъ поръ, пока окрѣпшая правительственная организація, на вершинѣ которой стояла новая династія, не вернула себѣ утраченной силы и прежняго авторитета. Этотъ процессъ благополучно завершился къ половинѣ XVII вѣка, и Уложеніе, безсознательно, можетъ-быть, учитывая его результаты, сочло нужнымъ вычеркнуть земскихъ людей изъ списка органовъ, уполномоченныхъ къ принятію извѣта въ государственномъ преступленіи. Такимъ образомъ, губные старосты въ эпоху Уложенія не имѣютъ права принимать политическій извѣтъ; такъ какъ они не уполномочены, къ тому же, ни къ какимъ сыскнымъ дѣйствіямъ по производству политическихъ дѣлъ, то человѣка, объявившаго за-

собой государево слово или дѣло, губной староста долженъ былъ тотъ же часъ направить къ воеводѣ. Только въ одномъ случаѣ Уложеніе уполномочиваетъ губного старосту къ «распросу» извѣтчика: «а котораго татя или разбойника приведутъ въ которомъ городѣ въ губу и доведется того вора пытать, а тотъ воръ, избывая пытки, скажетъ за собой государево великое дѣло,—и ему не вѣрить и пытать его въ разбоѣ или въ татьбѣ вскорѣ; а что за собой скажетъ государево дѣло, и его про то *распрашивати* послѣ того, какъ будетъ пытанъ въ татьбѣ или разбоѣ» (XXI, 103). Но роль губного старосты ограничивалась въ всякомъ случаѣ только передачей распросныхъ рѣчей воеводѣ; «молвилъ» тюремный сидѣлецъ губному старостѣ на другого тюремнаго сидѣльца, что тотъ про государя сказалъ неподобное слово: жалованьемъ-де государя лежу я теперь въ покрытѣ сытъ и пьянъ»; губной староста «извѣщаетъ» объ этомъ воеводѣ, и воевода начинаетъ слѣдствіе (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 18, листъ 363); такимъ образомъ, заявка государева дѣла губному старостѣ переходила въ «извѣтъ» самого старосты, съ которымъ онъ обращался къ воеводѣ. Вообще воевода былъ главнымъ органомъ по принятію политическихъ извѣтовъ; на немъ же лежали обязанности по производству первоначальныхъ сыскныхъ дѣйствій въ государевыхъ дѣлахъ. Извѣты были въ большинствѣ случаевъ устные и приносились въ съѣзжей избѣ воеводѣ или товарищу воеводы. «Приходилъ ко мнѣ въ съѣзжую избу и извѣщалъ государево дѣло словесно»—такъ начинаются обычно воеводскія отписки по государевымъ дѣламъ.

III. Такъ какъ извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ составлялъ общую политическую обязанность московскихъ «всякаго чину» людей, то право подавать извѣтныя челобитныя распространялось и на такіе разряды населенія, которые по всѣмъ остальнымъ дѣламъ или, по крайней мѣрѣ, по всѣмъ дѣламъ уголовнымъ не могли выступать съ челобитьями. а) Отъ холоповъ и крестьянъ, какъ мы знаемъ, Уложеніе разрѣшаетъ принимать извѣты съ политическими обвиненіями противъ ихъ помѣщиковъ и господъ и тутъ же оговариваетъ совершенную исключительность этого права: «а опричь тѣхъ великихъ дѣлъ ни въ какихъ дѣлехъ такимъ извѣтчикомъ не вѣрить» (II, 13). Единственное уклоненіе отъ этого суроваго правила допускается Уложеніемъ по поводу «беззаконія», т.-е. внѣ-брачнаго

сожительства господина съ рабой: женка или дѣвка, прижившая съ господиномъ дѣтей, можетъ бить на него челомъ, и челобитье ея принимается къ разбору духовнымъ судомъ (XX, 80). Нужно замѣтить, впрочемъ, что московскій законодатель, провозгласивъ запретъ «людямъ и крестьянамъ» бить челомъ на помѣщиковъ и господъ, не подкрѣпилъ этого запрета никакой карательной угрозой. б) На дѣтяхъ, какъ намъ извѣстно, также лежала обязанность политическаго извѣта въ случаѣ измѣнныхъ умысловъ ихъ отцовъ и матерей; обязанности этой соотвѣтствовало, разумѣется, право подавать извѣтныя челобитныя на родителей. Между тѣмъ, внѣ круга государственныхъ преступленій Уложеніе не только не узаконяетъ обязанности извѣта дѣтей (XXI, 88), но въ двухъ послѣдовательныхъ статьяхъ отнимаетъ у нихъ право челобитья на родителей и по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ: «будетъ который сынъ или дочь у отца или у матери животы пограбятъ насильствомъ или не почитаючи отца и матерь и избываючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщати какія злыя дѣла, — и такимъ дѣтемъ за такія ихъ дѣла чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно и приказать имъ быти у отца и у матери во всякомъ послушаніи, а *извѣту ихъ не вѣрить;* а будетъ который сынъ или дочь учнутъ бити челомъ о судѣ на отца или матерь, и имъ на отца и на матерь ни въ чемъ *суда не давать* да ихъ же за такое челобитье бить кнутомъ и отдати ихъ отцу и матери» (XXII, 5—6). Послѣдняя статья относится къ челобитьямъ объ управѣ, къ челобитнымъ по гражданскимъ дѣламъ, а первая опредѣленно формулируетъ запретъ челобитенъ извѣтныхъ [62]); въ обоихъ случаяхъ, какъ это видно изъ текста статей, законодатель имѣетъ въ виду дѣтей совершеннолѣтнихъ, такъ какъ упоминаетъ объ отцѣ и матери «въ старости». Такъ какъ челобитье дѣтей разсматривается законодателемъ, какъ признакъ непочтительности къ родителямъ, какъ ослушаніе родительской власти, то къ дѣтямъ-челобитчикамъ Уложеніе относится суровѣе, чѣмъ къ рабамъ: послѣдніе за подачу челобитной на господъ не наказываются, а первымъ угрожаетъ наказаніе кнутомъ. в) Наконецъ, отъ вѣдомыхъ лихихъ людей, разбойниковъ и татей, Уложеніе также разрѣшаетъ принимать извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ (XXI, 103), а въ практикѣ политическихъ дѣлъ извѣтъ всякихъ тюремныхъ сидѣльцевъ есть самая заурядная черта. Между тѣмъ, въ сферѣ преступленій общеуголовныхъ мы

встрѣчаемся съ рѣшительной тенденціей законодателя ограничить эти разряды лицъ въ пользованіи правомъ извѣта: будетъ кого доведется казнить, а они, идучи на казнь, станутъ сговаривать съ тѣхъ, на кого раньше говорили (значитъ, будутъ извѣщать на другихъ),—и тому ихъ сговору не вѣрить (XXI, 93); а которые люди приведуть въ губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и крестьянъ, которые ихъ въ губу приведутъ, говорити разбой или татьбу или иное воровство,—и тому не вѣрить, для того, чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имая въ губу приводить (XXI, 8); наконецъ, тюремные сидѣльцы, просидѣвшіе въ тюрьмѣ полгода и больше, совсѣмъ утрачиваютъ право выступать съ извѣтными челобитными по общимъ уголовнымъ преступленіямъ: «которые воры, тати и разбойники учнутъ сидѣти въ тюрьмѣ до полугода и учнутъ говорити, затѣвая воровствомъ, какую татиную и разбойную молку на иныхъ людей, а сперва въ распросѣ и съ пытокъ на нихъ не говорили, — и тѣмъ ихъ язычнымъ молкамъ не вѣрити, чтобъ въ томъ неповиннымъ людямъ тягости и убытка не чинилось» (XXI, 33). Между тѣмъ, въ практикѣ политическихъ дѣлъ именно такіе тюремные сидѣльцы, истомившись долгимъ заключеніемъ, выступали зачастую съ плохо обоснованными или прямо затѣйными извѣтами въ государевомъ дѣлѣ, и извѣты ихъ выслушивались, записывались и вели къ продолжительному и трудному сыску.

Только однажды за весь XVII вѣкъ мы встрѣтили, какъ случайную мѣру, запретъ принимать даже политическіе извѣты отъ тюремныхъ сидѣльцевъ: ссыльныхъ, которые присланы въ Кириллобѣлозерскій монастырь подъ началъ—говорится въ государевой грамотѣ 1663 года—«если будутъ они сказывать за собой наши великаго государя дѣла, чтобы отъ начала свободиться, не слушать и въ дѣло того не ставить, потому что какъ велимъ ихъ для распросу взять къ Москвѣ, и они въ тѣхъ затѣйныхъ словахъ подаютъ намъ повинныя челобитныя» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, IV, 1885).

§ 4.

Извѣтчикъ въ сыскѣ.

I. Указанія Уложенія и воеводскихъ наказовъ относительно роли извѣтчика въ процессѣ; практика государевыхъ дѣлъ, иллюстрирующая дѣятельную роль извѣтчика.— II. Пытка извѣтчика; свидѣтельство Олеарія; пытка извѣтчика—заурядная черта сыска; условія примѣненія пытки: запамятованіе, признаніе, опроверженіе извѣта свидѣтелями, извѣтъ тюремнаго сидѣльца, извѣтъ анонимный; общій принципъ.—III. Мѣры пресѣченія противъ извѣтчика; ихъ необходимость, ихъ виды, ихъ суровость; передвиженія извѣтчика.—IV. Выводы: извѣтчикъ есть не доноситель, а обвинитель и притомъ обвинитель отвѣтственный; трудностью положенія извѣтчика въ сыскѣ обусловливается институтъ извѣта, какъ обязанности.

I. Подачей извѣтной челобитной роль извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ не кончается... Насчетъ дальнѣйшаго его участія въ производствѣ политическаго дѣла Уложеніе даетъ такія общія указанія: извѣтчика ставить съ обвиняемымъ на очную ставку, а если обвиняемаго во время извѣта не окажется въ лицахъ, его сыскать и все-таки поставить съ очей на очи; «сыскъ» и «распросъ» обвиняемаго производится «противъ извѣту» или противъ извѣтной челобитной; кто на кого учнетъ извѣщати государево великое дѣло, долженъ поставить свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ и всячески «уличать»; извѣтчикъ «доводитъ» на обвиняемаго, а если не «доведетъ», ему быть въ казни или въ наказаньи (Уложеніе, II, 12, 16, 17; VI, 1, 6). Въ наказахъ воеводамъ конца XVII вѣка законодатель также подчеркиваетъ, что извѣтчикъ въ государевомъ дѣлѣ «доводитъ прямо» и «уличаетъ» (Полное собраніе законовъ, III, 535). Смыслъ этихъ общихъ указаній разъясняется московской практикой, изъ которой шагъ за шагомъ вырисовывается дѣятельная и подчасъ прямо руководящая роль извѣтчика въ производствѣ государева дѣла.

Вслѣдъ за принятіемъ челобитной извѣтчикъ подвергается «распросу»; на этой стадіи онъ остается еще въ пассивномъ положеніи: воевода его «распрашиваетъ» и распросныя рѣчи записываетъ для отсылки въ Москву. Но уже въ распросѣ, если это не сдѣлано еще раньше — въ извѣтной челобитной, извѣтчикъ указываетъ свидѣтелей, шлется на нихъ поименно и проситъ ихъ «распросить» (Акты московскаго государства, II, 274). На очной ставкѣ

съ обвиняемымъ извѣтчикъ «уличаетъ» его, т.-е. повторяетъ свой извѣтъ въ конкретныхъ и точныхъ указаніяхъ, а на отвѣтъ обвиняемаго представляетъ свои возраженія. Впрочемъ, требованіе очной ставки, изложенное въ Уложеніи лишь относительно обвиняемаго, перерабатывается практикой въ очную ставку извѣтчика съ каждымъ изъ свидѣтелей, вызванныхъ имъ, но отрицающихъ его извѣтъ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II; 1890, III, 150 и 159). Извѣтчикъ указываетъ вещественныя доказательства и даже самъ ихъ представляетъ органамъ розыскной власти: на подьячаго Перфильева былъ извѣтъ воеводѣ въ прописке государева именованья, и *положилъ извѣтчикъ предъ воеводой* тѣ письма, гдѣ прописка (Акты московскаго государства, III, 331). Извѣтчикъ возбуждаетъ ходатайства о повальномъ обыскѣ и самъ указываетъ способы его производства: «сыскать про то сторонними людьми» — проситъ одинъ извѣтчикъ, а другой добивается, чтобы по извѣту его сыскали «короткимъ сыскомъ» (тамъ же, II, 274; III, 527). «Для полнаго обличенія» обвиняемаго одинъ извѣтчикъ, опасавшійся дурного для себя исхода процесса, устанавливаетъ условія, при которыхъ можно захватить обвиняемаго на мѣстѣ преступленія, и самъ принимаетъ участіе въ этой процедурѣ [63]). Отъ извѣтчика же иногда исходитъ ходатайство о пыткѣ въ политическомъ розыскѣ: либо онъ бьетъ челомъ, чтобы обвиняемаго и свидѣтелей, опровергающихъ его извѣтъ, подпять на пытку либо же самъ «дается на пытку», заявляетъ желаніе «раздѣлаться кровью въ своемъ извѣтѣ», съ обвиняемымъ «смѣняться кожей на кожу» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 148).

II. Пытка извѣтчика была вообще не рѣдкостью въ московскомъ политическомъ процессѣ. Добивались ея, кажется, всѣ участники политическаго дѣла: свидѣтели, не поддерживавшіе его извѣта, хотѣли съ нимъ «раздѣлаться кровью», обвиняемый, упорно стоявшій на своей невиновности, «слался на его спину» и хотѣлъ «его кожей правъ быть»; наконецъ, при опредѣленныхъ условіяхъ органы розыскной власти по собственной иниціативѣ ставили извѣтчика на пытку. Олеарій даже считаетъ пытку извѣтчика постоянной и необходимой чертой розыскного процесса: по его словамъ, «чтобы искоренить ложные доносы, правительство приказало, чтобы челобитчики въ уголовныхъ дѣлахъ для подтвержденія истины своихъ доносовъ

подвергались пыткѣ; если доносчикъ выносилъ пытку, оставаясь при своихъ показаніяхъ, то обвиненный въ такомъ случаѣ, а также когда дѣло было ясно, подвергался наказанію безъ слѣдствія и процесса» (Архивъ Калачова, 1859, III, 31). Тутъ же Олеарій приводитъ и случай, подтверждающій общность такого порядка: «конюхъ Его Величества былъ обвиненъ своей женой въ намѣреніи отравить лошадей великаго князя, а при удобномъ случаѣ и его самого; жена была предана пыткѣ, и когда выдержала всѣ мученія, оставаясь неизмѣнной въ своемъ показаніи, то мужъ ея былъ сосланъ въ Сибирь». Но случай этотъ, если онъ правильно переданъ иностранцемъ-наблюдателемъ, можно объяснить тѣмъ, что извѣтчица сама «далась на пытку», т.-е. пыткой захотѣла подтвердить истину своего, по-видимому, бездоказательнаго извѣта. Уложеніе ничего не говоритъ о пыткѣ извѣтчика, такъ какъ оно вообще не упоминаетъ о пыткѣ въ политическомъ судѣ. Но примѣрами изъ московской практики въ эпоху Уложенія можно опровергнуть утвержденіе Олеарія, что пытка извѣтчика была первымъ же и необходимымъ розыскнымъ дѣйствіемъ въ политическомъ судѣ. Она, правда, была не исключеніемъ, она была чертой заурядной въ практикѣ государевыхъ дѣлъ; о ней именно писалъ авторъ подметнаго письма, цитированнаго выше,—что «въ розыскахъ неповинная кровь многая проливается и великихъ государевыхъ дѣлъ извѣщать тебѣ, государю, потому не мочно»; она была серьезной угрозой для политическаго извѣтчика и внушала ему осторожность и опасливость въ исполненіи обязанности извѣта: «есть за мной великое государево дѣло» — говорилъ воеводѣ одинъ извѣтчикъ — «а сказать не смѣю, такъ какъ свидѣтелей нѣтъ, а меня за то пытать будутъ; и воевода его обнадеживалъ, чтобъ онъ сказалъ, не бояся» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 199, листъ 58). Тѣмъ не менѣе, пытка извѣтчика не была постоянной и необходимой чертой политическаго процесса: много государевыхъ дѣлъ протекало безъ этого сильнаго средства; да и не въ интересахъ правительства было расточать его слишкомъ щедро, такъ какъ этимъ подрывалось бы значеніе извѣта, какъ обязанности. Насколько можно уловить изъ отрывочныхъ слѣдовъ московской практики государевыхъ дѣлъ, пытка извѣтчика допускалась и примѣнялась въ слѣдующихъ процессуальныхъ положеніяхъ: 1) если извѣтчикъ, объявивъ за собой государево дѣло или слово «имянно»

т.-е. съ точнымъ указаніемъ на лицо и фактъ, въ распросѣ передъ воеводой не поддерживалъ своего извѣта, ссылаясь ли на то, что пьянъ былъ, или приводя другое объясненіе, — но при этомъ онъ не сознавался все-таки, что «затѣялъ напрасно»; тогда его пытали, чтобъ онъ «государева слова не таилъ», а сказалъ въ правду; по такому же соображенію подвергали пыткѣ извѣтчика, который, объявивъ за собой государево слово или дѣло, отказывался объяснить передъ воеводой его сущность; это обыкновеніе было закрѣплено, какъ общая норма, государевой грамотой 1638 года козловскому воеводѣ (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 116); 2) если извѣтчикъ въ распросѣ или позднѣе—на очной ставкѣ—самъ опровергнулъ свой извѣтъ, повинившись, что затѣялъ напрасно; такъ какъ затѣйный извѣтъ есть тяжкое преступленіе, то самъ извѣтчикъ превращался такимъ образомъ въ обвиняемаго, противъ котораго притомъ были такія неоспоримыя доказательства, какъ текстъ извѣтной челобитной и собственное признаніе; въ этомъ случаѣ его пытали, чтобы онъ сказалъ, кто его на такое дѣло научилъ или не по засылкѣ ли сговариваетъ; 3) когда свидѣтели, вызванные самимъ извѣтчикомъ, опровергли его извѣтъ и на очной съ нимъ ставкѣ поддержали свое опроверженіе; впрочемъ, въ такихъ случаяхъ дѣло ограничивалось чаще только угрозами пытки, такъ какъ извѣтчикъ, передъ неминуемой пыткой, спѣшилъ принести повинную, или въ случаяхъ маловажныхъ дѣло рѣшалось безъ дальнѣйшаго розыска; 4) когда извѣтъ исходилъ отъ тюремнаго сидѣльца, тогда пытка извѣтчика могла быть первымъ же сыскнымъ дѣйствіемъ, примѣнявшимся ранѣе пытки обвиняемаго; 5) такое же правило примѣнялось и къ извѣтчикамъ анонимнымъ, т.-е. людямъ, изобличеннымъ въ составленіи или разбрасываніи подметныхъ писемъ [64]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ улавливается одно общее основаніе, по которому московская практика склонялась къ примѣненію пытки извѣтчика: извѣтъ утрачивалъ свою достовѣрность и вѣроятность и пріобрѣталъ, наоборотъ, признаки ложности и затѣйности. Справедливость этого вывода вполнѣ понятна для первыхъ трехъ случаевъ—когда извѣтчикъ отмалчивается отъ своего извѣта, когда онъ самъ удостовѣряетъ его затѣйность или когда свидѣтели наводятъ на такую мысль. Но и въ двухъ послѣднихъ случаяхъ извѣты характеризуются симптомами подозрительности и недостовѣрности:

относительно извѣтовъ тюремныхъ сидѣльцевъ московской практикѣ слишкомъ часто приходилось констатировать ихъ ложность и вздорность, а извѣтчикъ анонимный, авторъ подметнаго письма, уже потому вызывалъ противъ себя подозрѣнія, что, прибѣгая къ такому потаенному способу извѣщенія, обнаруживалъ явное желаніе обезпечить себѣ неизвѣстность и безнаказанность. Такимъ образомъ, извѣтчикъ въ политическомъ процессѣ подвергался пыткѣ тогда, когда онъ изъ обвиняющаго и уличающаго превращался въ подозрѣваемаго или прямо въ подсудимаго.

III. Положеніемъ извѣтчика въ сыскѣ опредѣляются принимаемыя противъ него мѣры пресѣченія. Такъ какъ, смотря по ходу розыска, извѣтчикъ въ любую минуту могъ превратиться изъ обвинителя въ обвиняемаго, такъ какъ и безъ такой перспективы одна угроза пытки могла спугнуть слабаго духомъ извѣтчика, и — самое главное—такъ какъ извѣтчикъ въ каждый моментъ движенія процесса былъ нуженъ органамъ розыска, какъ дѣятельный обличитель и неутомимый, хотя и подневольный собиратель доказательствъ,— задержаніе его составляло одну изъ первыхъ задачъ розыскной власти. Оно ничуть не обусловливалось какимъ-либо особеннымъ, неблагопріятнымъ для извѣтчика ходомъ процесса, а было заурядной чертой въ его обычномъ и нормальномъ теченіи. Задержаніемъ извѣтчика воевода распоряжался прежде всякаго другого сыскного дѣйствія: прежде распроса свидѣтелей, прежде очной ставки, прежде задержанія обвиняемаго (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 208; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II); даже «распросу» самого извѣтчика, т.-е. выясненію сущности его извѣта, предшествовало заключеніе его подъ стражу (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 12, листъ 99); такимъ образомъ, человѣкъ, только объявившій за собой государево слово или дѣло, уже ставился подъ охрану власти, такъ какъ подлежалъ задержанію. Это приказное обыкновеніе отразилось однимъ любопытнымъ штрихомъ въ бытовой обстановкѣ московскаго извѣта: человѣкъ, объявлявшій государево дѣло, начиналъ иногда съ того, что кричалъ «караулъ», т.-е. требовалъ, чтобы его задержали. Задержаніе извѣтчика принимало обыкновенно форму одиночнаго тюремнаго заключенія, притомъ въ очень строгихъ условіяхъ: «держать за крѣпкими сторожи, держать на-одинѣ, никого не припускать, разговаривать съ нимъ никому

не велѣть» — такими наставленіями пестрятъ государевы грамоты въ политическихъ дѣлахъ (Акты московскаго государства, II, 167; Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 208); однажды даже встрѣчаемъ извѣтчика, ведомаго на мѣсто сыска «въ цѣпи». Тюрьма была наиболѣе частой формой лишенія свободы извѣтчика; иногда фигурируетъ содержаніе подъ началомъ въ монастырѣ, когда въ роли извѣтчика выступаетъ чернецъ; иногда извѣтчикъ отдается «за приставы до указу». Наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ мѣрой пресѣченія избирается отдача на поруки: «билъ намъ челомъ дорогобужскій подъячій Матвѣевъ на стольника Ѳеофилатьева, что онъ мимо государева указу ѣздилъ по пиромъ ночью къ шляхтѣ, и вы бы противъ того челобитья Ѳеофилатьева велѣли распросить и съ подъячимъ учинить очную ставку, а послѣ распросу и очной ставки стольника Ѳеофилатьева отпустить къ Москвѣ, а подъячаго выслать туда же за поруками» (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 85). Этотъ примѣръ иллюстрируетъ намъ еще одну черточку въ положеніи московскаго извѣтчика: его «высылаютъ въ Москву за поруками», а обвиняемаго туда же «отпускаютъ», стало-быть, безъ всякой мѣры пресѣченія. Такая разница едва-ли обусловливается различіемъ служебнаго и общественнаго положенія извѣтчика и обвиняемаго, такъ какъ предъ нами есть другой случай, когда въ условіяхъ приблизительной одинаковости служебнаго положенія былъ примѣненъ, однако, такой же порядокъ: извѣтчикъ-стрѣлецъ былъ взятъ «за караулъ», а цѣловальникъ кружечнаго двора, на кого онъ извѣщалъ, оставленъ при своей должности (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 463, листъ 94); скорѣе нужно думать, что эта разница обусловливалась степенью достовѣрности извѣта; это подтверждается тѣмъ, что если достовѣрность извѣта, по ходу розыска, становилась внѣ сомнѣнія (напримѣръ, обвиняемый приносилъ повинную), то принятая противъ извѣтчика мѣра пресѣченія отмѣнялась, и онъ отпускался на свободу (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 143, листъ 157). Съ другой стороны, если извѣтчикъ былъ оставленъ на свободѣ въ началѣ розыска, то первое же уклоненіе его отъ слѣдствія, первая неявка къ распросу вызывала его задержаніе: «побранясь на пирушкѣ, сказалъ за собой сынъ боярской государево великое дѣло, а на допросъ къ воеводѣ не пошелъ, учинился силенъ; на отписку воеводы пришла государева грамота — послать

по него пушкарей, взять въ съѣзжую и распросить, распросныя рѣчи прислать къ Москвѣ, а его держать въ тюрьмѣ до указу» (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 121, листъ 3).

Необходимостью имѣть извѣтчика подъ руками, какъ постояннаго обличителя, обусловливались и его передвиженія: куда направлялось все дѣло, туда отправляли и извѣтчика; если Москва требовала присылки обвиняемаго и свидѣтелей «для подлиннаго сыску», то съ ними посылался и извѣтчикъ, посылался притомъ «съ великимъ береженьемъ» (Акты московскаго государства, III, 41; Гурляндъ, Приказъ тайныхъ дѣлъ, 304; Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина, 5—9).

IV. Такими чертами характеризуется положеніе извѣтчиковъ въ политическомъ розыскѣ. Обобщая всѣ указанія, изложенныя выше, мы приходимъ по этому вопросу къ такимъ заключеніямъ: 1) извѣтчику въ государевомъ дѣлѣ принадлежала активная, дѣятельная и подчасъ руководящая роль въ трудныхъ перипетіяхъ политическаго розыска; активность его выражалась въ томъ, что отъ него именно исходила иниціатива почти всѣхъ розыскныхъ дѣйствій, дѣятельность его заключалась въ собираніи и представленіи доказательствъ, а руководство выражалось въ томъ, что этой его иниціативой и дѣятельностью опредѣлялись задачи и направленіе сыска; 2) благодаря участію извѣтчика, особенно благодаря его очной ставкѣ съ обвиняемымъ, процессъ по государеву дѣлу усваивалъ формы процесса состязательнаго; въ политическій розыскъ вводились элементы «суда»; вотъ почему обязательство Шуйскаго «про доводы сыскивать и ставить съ очей на очи» толковалось въ записи, какъ обѣщаніе «судить *судомъ* истиннымъ и праведнымъ»; 3) такимъ образомъ, политическій извѣтчикъ въ эпоху Уложенія отнюдь не напоминалъ собой анонимнаго, подъ покровомъ неизвѣстности скрывающагося доносителя позднѣйшихъ временъ, темнаго участника административно-розыскныхъ производствъ: извѣтчикъ московской эпохи похожъ скорѣе на публичнаго обвинителя нашихъ дней; 4) однако, онъ отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что наравнѣ съ обвиняемымъ несетъ на себѣ всѣ тяготы и опасности политическаго процесса, рискуетъ длительнымъ сидѣніемъ «за крѣпкими сторожи» и подвергается, наконецъ, суровой отвѣтственности за несправедливость своего обвиненія.

Выяснивъ эти характерныя черты въ положеніи московскаго извѣтчика, мы въ состояніи теперь дополнить объясненія, данныя нами выше,—почему московскій законодатель увидѣлъ себя въ необходимости возвести политическій извѣтъ на степень общей и неизбывной обязанности, подкрѣпленной, къ тому же, угрозами тягчайшаго изъ наказаній. Не будь такой обязанности, непріятныя «сыскныя» перспективы, развертывавшіяся передъ извѣтчикомъ (отсылка въ Москву, пытки, тюрьма) могли отпугнуть самаго благонамѣреннаго обывателя отъ добровольнаго содѣйствія власти въ раскрытіи и изобличеніи противогосударственныхъ умысловъ. Не висѣ надъ московскимъ «всякаго чину человѣкомъ» дамокловъ мечъ угрозы за недонесеніе, онъ не только не докучалъ-бы правительству затѣйными или вздорными извѣтами, но и отъ извѣтовъ правдивыхъ и полезныхъ удерживался-бы изъ боязни томительной судебной процедуры, неудобствъ и опасностей, связанныхъ съ участіемъ въ политическомъ дѣлѣ. «Такихъ великаго государя дѣлъ извѣщать тебѣ, великому государю, не мочно»—пишетъ анонимный извѣтчикъ—«потому что напрасно кровь многая проливается, и многіе въ такихъ дѣлахъ за такіе истинные извѣты и нынѣ напрасно стражютъ, сидятъ въ заключеньѣ многое время и съ домами разорились»; «знаю я великаго государя дѣло, измѣну»—сообщаетъ воеводѣ другой извѣтчикъ—«а извѣщать боюсь, потому что меня пытать будутъ», и воевода его «обнадеживалъ». Въ 1715 году въ именномъ указѣ правительство также «обнадеживало», что «въ доношеніяхъ по нашимъ дѣламъ нѣтъ никакой опасности» (Полное собраніе законовъ, № 2877). Эти свидѣтельства показываютъ намъ, какъ трудности и опасности въ процессуальномъ положеніи извѣтчика отражались на извѣтной, такъ сказать, службѣ московскаго населенія. Противодѣйствіемъ этихъ задерживающихъ соображеній и является представленіе объ обязанности извѣта, подкрѣпляемое ожиданіемъ суровой кары за ея неисполненіе.

Правда, и помимо обязанности, у правительства оставалось еще одно средство подстрекнуть извѣтное усердіе московскихъ всякаго чину людей—расточать щедрыя награды за политическій извѣтъ; но сопоставленная съ тяжелыми перспективами сыска, награда соблазняла бы только тѣхъ, у кого опасности и тяготы настоящаго положенія затушевали бы мысль о трудностяхъ, связанныхъ съ положе-

ніемъ извѣтчика, и кто «извѣщалъ» по первому вдохновенію, избывая холопства, казни или тюрьмы. Къ тому же, награда была только однимъ концомъ той палочки-погонялочки, которой московское правительство подхлестывало обвинительное усердіе извѣтчика, а другимъ было *наказаніе*, — суровая кара за извѣтъ, признанный затѣйнымъ.

§ 5.

Наказаніе и награда за извѣтъ.

I. Наказаніе за ложный извѣтъ; принципъ матеріальнаго тальона въ записи Шуйскаго; два мнѣнія о старинѣ этого принципа; виды наказуемости извѣта въ Уложеніи: извѣтъ затѣйно-злостный, извѣтъ по легкомыслію, извѣтъ холопа, извѣтъ для смуты. —II. Награда за извѣтъ; обѣщанія награды среди инородческихъ племенъ; невознаграждаемость извѣта по Уложенію; указанія практики послѣ Уложенія; условіе награды—извѣтчикъ долженъ „уличить и довести"; способы и размѣры награды: награда изъ имущества осужденнаго, неопредѣленные посулы „милости государевой".

Итакъ, награда и наказаніе были заключительными моментами розыскной дѣятельности извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ. Но награда была явленіемъ неузаконеннымъ и потому случайнымъ и мало опредѣленнымъ, а угроза наказаніемъ за ложный извѣтъ была провозглашена законодателемъ во всей ея суровой опредѣленности; награда была ненадежнымъ посуломъ, а наказаніе вставало, какъ неминуемая угроза; стало-быть, оно составляетъ болѣе яркую и прочную черту въ характеристикѣ политическаго извѣта; съ него поэтому и начнемъ.

I. Извѣтчикъ подвергается наказанію *за ложный извѣтъ*. Этотъ принципъ съ распространеніемъ его и на извѣты политическіе былъ формулированъ въ государевомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ на самомъ закатѣ царствованія Грознаго: «кто назоветъ кого воромъ, а убівства, кромолы и рокоша на царя государя не доведетъ, и того самого казнити смертью, для того, въ жалобницѣ и въ судѣ не лай» (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 36). Такъ какъ смертная казнь была въ то же время наказаніемъ и за тѣ самыя преступленія, которыя здѣсь упоминаются (убійство, крамола и бунтъ), то въ этомъ приговорѣ мы отгадываемъ начало, по которому опредѣляется наказуемость затѣйнаго извѣтчика: это есть начало возмез-

дія; оно и подчеркивается въ боярскомъ приговорѣ словами—«*самого казнить*». Въ записи Шуйскаго это начало развертывается уже въ опредѣленную и ясную форму матеріальнаго тальона: «а кто на кого солжетъ, и сыскавъ, того казнити смотря по винѣ его, что былъ взвелъ не подѣльно, тѣмъ самъ осудится». Въ оцѣнкѣ этого начала, его относительной старины или новизны, возникло разногласіе между двумя русскими изслѣдователями: по мнѣнію Владимірскаго-Буданова, такая форма наказуемости извѣтчика есть выраженіе «стариннаго принципа», по которому ложный обвинитель подвергается тому же, чему подвергался бы отвѣтчикъ, если бы обвиненіе было доказано (Хрестоматія, II, 123); а Н. Д. Сергѣевскій, наоборотъ, «позволяетъ себѣ усомниться, можетъ ли быть этотъ принципъ названъ стариннымъ для XVI вѣка»; онъ думаетъ, что и въ XVII вѣкѣ такая норма была еще принципомъ для русской жизни новымъ; «при избраніи царя Василія Шуйскаго считали необходимымъ именно упомянуть о такой отвѣтственности лже-доносчиковъ и потребовать ея установленія въ качествѣ общаго правила въ крестоцѣловальной записи, по которой присягалъ новоизбранный царь»; «едва ли старинный принципъ»—заканчиваетъ свою аргументацію Сергѣевскій—«могъ нуждаться въ такихъ подкрѣпленіяхъ» (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 6). Со справедливостью этихъ разсужденій нельзя не согласиться; тѣмъ не менѣе, они даютъ намъ ключъ не къ тому выводу, который сдѣланъ почтеннымъ криминалистомъ. Принципъ наказанія затѣйнаго извѣтчика, провозглашенный въ записи Шуйскаго, есть ни что иное, какъ опредѣленная форма начала возмездія, а это начало составляетъ одну изъ существенныхъ и характерныхъ чертъ древнѣйшей системы русскаго права; встрѣчая слѣды этого начала въ русскомъ правѣ XVI и XVII вѣковъ, мы не имѣемъ основанія видѣть въ нихъ хотя бы относительной новизны. Такая же именно норма наказуемости лживаго челобитчика формулируется не однажды Уложеніемъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ и по различнымъ поводамъ (II, 17; VII, 12 и 31; X, 9, 17, 107, 133, 143, 252); ею захватывается не только область уголовныхъ правонарушеній, но и сфера неправды гражданской. Едва-ли принципъ относительно новый и не болѣе полувѣка навязанный власти въ минуту острыхъ политическихъ замѣшательствъ могъ за короткій срокъ такъ глубоко прорѣзать всю систему народнаго пра-

ва; поэтому въ мнѣніи историка, называющаго его «стариннымъ принципомъ», скрывается, нужно думать, больше исторической истины, чѣмъ въ «сомнѣніяхъ» криминалиста, который, къ тому же, отвергая старину этой нормы, ни однимъ словомъ не пробуетъ объяснить, откуда же въ исходѣ XVI вѣка зашла она въ русское право.

Но если такой принципъ наказуемости извѣтчика — «что взвелъ неподѣльно, тѣмъ осудится самъ» — имѣетъ прочные корни въ старинѣ русскаго права, то зачѣмъ понадобилось удостовѣрять его записью и обезпечивать его исполненіе крестнымъ цѣлованіемъ представителя верховной власти? Разгадка этого кроется въ томъ, что историческій смыслъ записи Шуйскаго, какъ нами уже отмѣчено, заключается въ регулированіи политическаго суда; а въ этой именно области старинная норма подвергалась хроническому нарушенію: въ эпоху, когда власть видитъ себя въ окруженіи плотной стѣны измѣнниковъ, и мнимыхъ и дѣйствительныхъ, она для борьбы съ ними не столько ищетъ прямыхъ уликъ и достовѣрныхъ доказательствъ, сколько хватается за формальные поводы безъ внутренней ихъ оцѣнки; извѣтами какъ разъ они и представляются ей въ изобиліи; при такихъ условіяхъ не въ расчетѣ власти ущемлять извѣтное вдохновеніе и сдерживать практику извѣтныхъ услугъ суровыми наказаніями за извѣтъ неоправданный; поэтому начало, проникающее изстари весь порядокъ суда уголовнаго и гражданскаго, систематически попиралось актами расправы политической. Вотъ почему въ началѣ XVII вѣка, подъ неостывшими еще воспоминаніями о терроръ Грознаго и Годунова, созрѣла практическая мысль внести въ запись новоизбраннаго царя требованіе соблюдать безъ уклоненій общую и старинную норму въ дѣлѣ наказаній за ложный извѣтъ: «что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ осудится самъ»; что здѣсь рѣчь идетъ, по преимуществу, объ извѣтахъ политическихъ, это подчеркивается въ записи словами: «да и доводовъ ложныхъ *мнѣ, государю,* не слушати»; не къ извѣтамъ ли политическимъ склонно съ особенной чуткостью прислушиваться ухо властителя?

Итакъ, внесеніе въ запись этого начала равносильно было упроченію стараго обычая въ такомъ кругу дѣлъ, гдѣ онъ до сихъ поръ нарушался; другими словами—это было опять-таки шагомъ впередъ на пути приближенія расправы политической къ обычаямъ и нормамъ законнаго суда.

Уложеніе Алексѣя Михайловича усвоило принципъ наказуемости за ложный извѣтъ, утвержденный въ записи Шуйскаго, и отведя ему особую статью во второй главѣ, подчеркнуло этимъ и его процессуальное значеніе и его прямое отношеніе къ извѣту политическому: «а будетъ кто на кого доводилъ государево великое дѣло или измѣну, а не довелъ, и сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно,—и тому извѣтчику тоже учинити, чего бъ довелся тотъ, на кого онъ доводилъ» (II, 17). Примѣненіе этой статьи расчитано на два существенныхъ условія: а) извѣтчикъ не только извѣщаетъ, но и «доводитъ», т.-е. точно формулируетъ свой извѣтъ съ конкретными указаніями на личность обвиняемаго и на преступный фактъ и въ ближайшихъ розыскныхъ дѣйствіяхъ, послѣдовавшихъ за принятіемъ извѣта, настаиваетъ на правильности этихъ указаній; б) тѣмъ не менѣе при дальнѣйшемъ теченіи розыска «сыскивается допряма», что онъ «затѣялъ напрасно», т.-е. извѣтъ, имъ заявленный, оказывается завѣдомо лживымъ. Обращаясь къ слѣдамъ московской практики, иллюстрирующимъ примѣненіе этой статьи, мы можемъ установить, что наказаніе, въ ней предусмотрѣнное, обрушивалось, обыкновенно, на такого извѣтчика, который въ распросѣ, послѣдовавшемъ за объявленіемъ «слова и дѣла», утверждалъ правильность своего извѣта или, по крайней мѣрѣ, не отрекался отъ него, какъ отъ извѣта затѣйнаго, и на очной ставкѣ продолжалъ еще настаивать на томъ же и обыкновенно лишь съ пытки или еще чаще подъ угрозой пытки сознавался, наконецъ, что «затѣялъ напрасно» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 2623, листы 115—116; Полное собраніе законовъ, III, 89; Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2—3; Записки Желябужскаго). Такъ какъ «государево великое дѣло и измѣна», предусматриваемыя въ статьѣ 17-ой Уложенія, облагались смертной казнью, то этому же наказанію подвергался и затѣйный извѣтчикъ, поднявшій такое обвиненіе. Но изъ начала, установленнаго въ статьѣ 17-ой, Уложеніе допускаетъ одно знаменательное исключеніе: если воевода изъ города или изъ полка писалъ государю на служилыхъ и на иныхъ чиновъ людей, что приходили они на него скопомъ и заговоромъ и хотѣли его убить, а повальнымъ обыскомъ, произведеннымъ по ходатайству обвиняемыхъ, будетъ установлено, что скопа и заговора не было, а приходили къ воеводѣ немногіе люди

для челобитья, то воеводѣ за ложную отписку государю «чинить жестокое наказаніе, что государь укажетъ» (Уложеніе, II, 22). Подъ этой неопредѣленной формулой скрывается во всякомъ случаѣ не угроза смертной казни, хотя воевода виноватъ въ такомъ затѣйномъ извѣтѣ, предметомъ котораго было обвиненіе въ скопѣ и заговорѣ, т.-е. въ преступленіи, влекущемъ за собой какъ-разъ смертную казнь. Основаніемъ этой снисходительности служитъ, нужно думать, предположеніе о добросовѣстномъ заблужденіи воеводы: конкретный фактъ, на который онъ указывалъ въ своемъ извѣтѣ—отпискѣ, что «прихаживали къ нему всякихъ чиновъ люди», подтвердился на повальномъ обыскѣ; но неправильнымъ оказалось толкованіе, данное этому факту воеводой: приходили къ нему вовсе не скопомъ и заговоромъ, а «немногими людьми для челобитья». Правительство московское, только-что пережившее шумныя сцены скопа и заговора на широкой аренѣ стольнаго города, учитывало психологическую возможность испуга передъ этимъ призракомъ со стороны воеводъ и приказныхъ людей.

Впрочемъ, практика, кажется, вообще смягчала наказаніе извѣтчикамъ, осужденнымъ по статьѣ 17-ой. Это происходило или въ порядкѣ помилованія, по челобитью самого осужденнаго, или въ порядкѣ смягченія приговора по собственной инициативѣ рѣшающей инстанціи; смертная казнь въ такихъ случаяхъ замѣнялась, обыкновенно, ссылкой и кнутомъ.

Но наказуемость за ложный извѣтъ не исчерпывалась нормой, установленной въ ст. 17-ой Уложенія. Московскій кодексъ половины XVII вѣка подвинулся на этомъ пути впередъ сравнительно съ лаконическимъ опредѣленіемъ записи Шуйскаго; кромѣ извѣта затѣйнаго, завѣдомо-злостнаго, прямо расчитаннаго на то, чтобы погубить опредѣленное лицо,—вторая глава Уложенія предусматриваетъ еще извѣтъ, лишенный злостности и конкретной опредѣленности, извѣтъ по легкомыслію или по пьяному обычаю: «которые всякихъ чиновъ люди учнутъ за собою сказывати государево слово или дѣло, а послѣ того они же учнутъ говорити, что за ними государева слова и дѣла нѣтъ, а сказывали они за собой государево слово или дѣло, избывая отъ кого побои или пьянымъ обычаемъ,—и ихъ за то бить кнутомъ и, бивъ кнутомъ, отдать тому, чей онъ человѣкъ» (II, 14). Эта форма наказуемаго извѣта имѣетъ одну общую черту съ извѣтомъ,

предусмотрѣннымъ въ ст. 17-ой: и здѣсь и тамъ законодатель предусматриваетъ извѣтъ, ложность котораго точно установлена. Но извѣтъ, наказуемый по ст. 14, характеризуется слѣдующими особенными признаками: а. извѣтчикъ, заявляя за собой слово или дѣло, не расчитываетъ собственно такимъ дѣйствіемъ погубить или повредить опредѣленному лицу; заявка слова и дѣла сдѣлана имъ или подъ вліяніемъ опьяненія или съ умысломъ избыть побоевъ; такой расчетъ основывался на томъ, что человѣкъ, заявившій за собой государево слово, дѣлался необходимымъ участникомъ политическаго розыска и, благодаря этому, изымался изъ-подъ всякой частной зависимости; онъ, правда, заключался въ тюрьму или сажался за пристава, но тѣмъ самымъ ставился подъ охрану государственной власти; б. извѣтъ, въ основѣ котораго лежалъ подобный умыселъ, лишенъ былъ всякой опредѣленности и конкретности; человѣкъ заявлялъ за собой государево дѣло, но при этомъ оставалось еще неизвѣстнымъ, къ кому пріурочивается это государево дѣло и въ чемъ его сущность; в. такая неизвѣстность сохраняется до самаго конца производства, каковой, впрочемъ, наступаетъ очень скоро; обыкновенно, въ первомъ же распросѣ такой извѣтчикъ приноситъ повинную, что «за нимъ никакова государева слова и дѣла нѣтъ, а сказывалъ онъ за собой государево слово или дѣло, избывая побои или пьянымъ обычаемъ». Такъ какъ извѣтъ, характеризующійся такими чертами, хотя и оказывался ложнымъ, но не угрожалъ, въ сущности, никакому опредѣленному лицу, то къ наказуемости его нельзя было примѣнить начала, установленнаго въ ст. 17-й. Учитывая неважность такого извѣта, отсутствіе угрожающихъ послѣдствій и наличность смягчающихъ обстоятельствъ (въ видѣ побоевъ или пьянаго обычая), Уложеніе назначаетъ такому извѣтчику наказаніе кнутомъ [65]). Конецъ разбираемой статьи формулированъ такъ, что вызываетъ мысль, не холопа ли только считаетъ законодатель субъектомъ такого ложнаго извѣта: «и бивъ его кнутомъ, отдать тому, *чей онъ человѣкъ*». Но начало статьи говоритъ о «всякихъ чиновъ людяхъ», а знакомство съ практикой прямо убѣждаетъ насъ въ томъ, что статья эта распространяется и на свободныхъ людей: въ 1634 году монастырскаго старца Никона якутскій воевода приговорилъ—за то, что онъ сказалъ за собой государево дѣло, а потомъ въ распросѣ объявилъ, что «никакова государева дѣла не знаетъ, а

сказалъ то пьянскимъ обычаемъ, бить шелепами монастырскими работниками» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 34); при этомъ воевода прямо сослался на Уложеніе и именно на статью 14-ую второй главы. Въ способѣ наказанія, который избралъ воевода, сказалось свободное толкованіе нормы закона примѣнительно къ особенностямъ конкретнаго случая: Уложеніе назначаетъ такому извѣтчику наказаніе кнутомъ, но воевода соображаетъ, что къ монастырскому старцу слѣдуетъ примѣнить и «монастырскій» способъ наказанія, соотвѣтствующій способу свѣтскому, и приговариваетъ его «бить шелепами монастырскими работниками» (Примѣры примѣненія ст. 14: Акты московскаго государства, II, 167; Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 68, листъ 209).

Но Уложеніе знаетъ и такую форму наказуемаго извѣта, въ которой дѣйствующимъ субъектомъ выступаетъ исключительно холопъ или крестьянинъ противъ своего господина или помѣщика: «будетъ учнутъ извѣщати про государьское здоровье или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянехъ, а въ томъ дѣлѣ ничѣмъ ихъ не уличатъ,—и тому ихъ извѣту не вѣрить и, учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне» (II, 13). Примѣненіе этой статьи расчитано на слѣдующую процессуальную обстановку: а) извѣтчикъ, холопъ или крестьянинъ, извѣщаетъ государево дѣло на своего помѣщика или боярина, но не подкрѣпляетъ свой извѣтъ ни указаніемъ вещественныхъ доказательствъ ни ссылкой на свидѣтелей; б) въ распросѣ и на очной ставкѣ извѣтчикъ, однако, не отрекается отъ своего извѣта, а продолжаетъ на немъ настаивать; в) обвиняемый же утверждаетъ свою невиновность, и на очной ставкѣ извѣтчику не удается его «уличить». Если-бы субъектомъ такого извѣта былъ свободный человѣкъ, то, на основаніи ст. 12, исходъ дѣла рѣшался бы непосредственнымъ усмотрѣніемъ государя—«учинить указъ по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ», а государь могъ бы или распорядиться продолженіемъ сыска въ видѣ пытки извѣтчика или обвиняемаго или наказать перваго или примѣнить карательную мѣру къ послѣднему. Но если въ такомъ процессуальномъ положеніи оказывается холопъ или крестьянинъ относительно того, кому онъ служитъ или за кѣмъ живетъ во крестьянахъ,—законодатель предписываетъ «извѣтчику

не вѣрить»; это значитъ—дальнѣйшій сыскъ не производится, и уголовное преслѣдованіе прекращается, а извѣтчикъ-холопъ, попавшій въ такое положеніе, наказывается кнутомъ нещадно. За какую вину собственно примѣняется къ нему эта карательная мѣра? не за ложность извѣта, очевидно, ибо таковая по сыску не установлена, а скорѣе за проступокъ противъ господской или помѣщичьей власти. Такъ какъ холопъ при такомъ исходѣ дѣла возвращался опять подъ крыло этой власти, то въ приговоръ иногда включалось увѣщаніе господину—не чинить холопу никакого дурна за извѣтъ [66]).

Есть, наконецъ, въ Уложеніи туманная, но суровая статья, въ которой, по нашей догадкѣ, также скрывается угроза для затѣйныхъ извѣтчиковъ: «которые воры чинятъ въ людехъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертью» (XXII, 13). Сквозь неясные и лаконичные обороты законодателя попробуемъ разгадать истинный смыслъ этой суровой статьи. Въ ней идетъ рѣчь о такихъ людяхъ, которые «воровскимъ умышленіемъ затѣваютъ затѣйныя дѣла»; это выраженіе намъ знакомо по второй главѣ Уложенія, и безъ большихъ колебаній мы можемъ истолковать его, какъ указаніе на ложный извѣтъ. Но если это толкованіе справедливо, то чѣмъ отличается ложный извѣтъ, здѣсь предусматриваемый, отъ наказуемыхъ извѣтовъ второй главы? Вникая въ словесный смыслъ этой статьи, можемъ уловить въ ней два штриха, отвѣчающіе на этотъ вопросъ: 1) преступникъ добивается учиненія «смуты въ людяхъ»; значитъ, преступный умыселъ его направленъ, въ сущности, не противъ опредѣленнаго лица, а противъ государства и общества; своимъ извѣтомъ онъ стремится не столько къ осужденію того лица, противъ котораго извѣтъ сдѣланъ, сколько добивается потрясенія общественнаго и государственнаго порядка; 2) въ связи съ этой цѣлью и извѣтъ его пріурочивается не къ опредѣленному лицу, а ко «многимъ людямъ»; многіе люди могутъ быть объектомъ извѣта не какъ индивидуально-опредѣленныя лица, а какъ родовыя группы безъ индивидуальнаго обозначенія (посадскіе, нижегородцы). Эти выводы, извлеченные изъ словеснаго смысла ст. 13, подвергнемъ провѣркѣ на единственномъ, но зато безспорномъ случаѣ примѣненія этой статьи. Въ 1684 году писалъ къ великимъ государямъ изо Пскова бояринъ и воевода Шереметевъ: извѣщалъ ему словесно въ

приказной избѣ Герасимъ Станищевъ, что чернецъ Іоасафъ Печерскаго монастыря просилъ его объявить воеводѣ, что за нимъ, Іоасафомъ, есть великихъ государей слово»; въ распросѣ чернецъ разсказалъ великихъ государей слово: приходилъ къ нему стрѣлецъ въ монашескомъ одѣяніи и говорилъ, что хочетъ наговорить стрѣльцовъ и казаковъ побить бояръ и царицу Наталью Кирилловну и царя Петра Алексѣевича; великіе государи, сей выписки слушавъ, указали и бояре приговорили: чернеца разстричь за затѣйныя дѣла (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 208). Извѣтчикъ только разстриженъ, а не наказанъ смертью; тѣмъ не менѣе безспорность этого случая, какъ образца въ примѣненіи разбираемой статьи Уложенія, обусловливается тѣмъ, что въ самомъ приговорѣ великихъ государей содержится прямая ссылка на эту статью (XXII, 13). Пользуясь этимъ дѣломъ, мы можемъ внести одну существенную поправку въ изложенные нами выше выводы изъ буквальнаго текста ст. 13-ой; оказывается, для примѣненія ея московская практика не требовала доказанной ложности извѣта; затѣйность его изобличалась уже тѣмъ, что онъ принималъ совершенно неопредѣленную форму, не допускающую провѣрки («приходилъ стрѣлецъ въ монашескомъ одѣяніи»). Цѣлью такого извѣта могло быть, дѣйствительно, только учиненіе смуты, а отнюдь не обвиненіе кого-либо въ политическомъ преступленіи. Оглядываясь на тяжелыя и хроническія смуты, изборождившія весь XVII вѣкъ, невольно приходишь къ выводу, что суровая и всеобъемлющая статья XXII-ой главы имѣла, вѣроятно, въ эту эпоху широкое и дѣятельное примѣненіе. Вотъ два примѣра, которые, правда, не квалифицированы въ источникахъ прямой ссылкой на эту статью, но по существу описаннаго въ нихъ преступленія воспроизводятъ какъ-разъ «извѣтъ для смуты», въ ней предусмотрѣнный. Въ приговорѣ князю Ивану Хованскому отъ 1682 года среди многихъ его преступленій упоминалось слѣдующее: «да ты же, князь Иванъ, извѣщалъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ при боярехъ, что новгородскіе дворяне и всякихъ чиновъ люди, согласясь, хотятъ итти на Москву посѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка... и то знатно, что ты на нихъ затѣялъ воровствомъ своимъ, хотя на нихъ навести государской гнѣвъ напрасно... да ты жъ, выходя изъ великихъ государей палатъ, говаривалъ надворной пѣхотѣ многія смутныя рѣчи и затѣвалъ напрасно» (Собраніе государственныхъ грамотъ

и договоровъ, IV, 459). А въ самомъ концѣ XVII вѣка производился розыскъ о злоупотребленіяхъ двухъ красноярскихъ воеводъ, и «по розыску явилась ихъ многая ложная на красноярцевъ въ крестномъ цѣлованіи и бунтѣ затѣйка и воровскіе поклепы, которыми они, воеводы, великимъ государямъ доносили, чтобъ послать на красноярцевъ съ Москвы и съ городовъ для смиренія ратей» (Памятники сибирской исторіи, I, 41). Развѣ эта «ложная затѣйка» красноярскихъ воеводъ на населеніе цѣлаго города не воспроизводитъ цѣликомъ картину «затѣйнаго дѣла на многихъ людей», описаннаго въ 13-ой статьѣ?

Итакъ, московскій кодексъ и московская практика знаютъ четыре формы наказуемаго извѣта: 1) извѣтъ ложно-затѣйный, завѣдомо-злостный, наказуемый по принципу—что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ осудится самъ; 2) извѣтъ ложный по легкомыслію или пьянымъ обычаемъ, не направленный противъ опредѣленнаго лица; 3) бездоказательный извѣтъ людей и крестьянъ на того, чьи они люди и крестьяне; 4) извѣтъ для смуты на многихъ людей [67]).

II. О вознаграждаемости извѣта изъ памятниковъ, намъ извѣстныхъ, впервые упоминаетъ наказъ 1625 года кузнецкому воеводѣ: «кто на кого изъ ясачныхъ людей скажетъ какое воровство или измѣну, и сыщется допряма, и государь тѣхъ людей пожалуетъ, животы ихъ и вотчины подастъ тѣмъ, кто какую измѣну и воровство доведетъ» (Акты историческіе, III, 219). Въ такой же приблизительно формѣ эти обѣщанія тянутся черезъ весь XVII вѣкъ, повторяясь исключительно въ наказахъ окраиннымъ воеводамъ и ограничиваясь кругомъ ясачныхъ людей (Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 301, IV, 155, 219, 349, XII, 14; Полное собраніе законовъ, III, 237, 333, 567). Эту черту слѣдуетъ объяснить политическими условіями, среди которыхъ жили ясачные люди, главнымъ образомъ, сибирскіе инородцы: недавно присоединенные и не вполнѣ еще примирившіеся съ господствомъ Москвы, они хронически переживали смѣну неустойчивыхъ политическихъ настроеній, находились въ состояніи «шатости», какъ характеризовало ихъ московское правительство; а изъ шатости этой неустанно возникали измѣнные умыслы, за которыми зорко приходилось слѣдить господствующей власти, чтобы во-время ихъ предупредить, чтобы своевременными полицейскими мѣрами и суровой расправой съ зачинщиками и завод-

чиками раздавить этотъ умыселъ раньше, чѣмъ онъ созрѣетъ въ открытый бунтъ или въ прямое отложеніе отъ московскаго государства.

Но относительно коренныхъ областей московскаго государства и коренного населенія мы долго не встрѣчаемъ открытыхъ обѣщаній награды за политическій извѣтъ. Въ практикѣ государевыхъ дѣлъ до-уложенной эпохи намъ не пришлось натолкнуться на случай награды за оправданный или «доведенный» извѣтъ. Само Уложеніе, впитавшее въ себя квинтъ-эссенцію предшествующей ему практики, ни словомъ не упоминаетъ о вознагражденіи извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ, хотя въ двухъ статьяхъ законодатель близенько подходилъ къ удобнѣйшему поводу поощрить извѣтъ посуломъ государева жалованья: въ ст. 17-ой, гдѣ онъ формулируетъ обязанность «извѣщать», и въ ст. 15-ой, гдѣ онъ устанавливаетъ награду за поимку измѣнника. Молчаніе московскаго кодекса можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ эпоху, ему предшествовавшую, награда за извѣтъ не вошла, по крайней мѣрѣ, въ обиходъ московской практики государевыхъ дѣлъ, не сдѣлалась ея заурядной и постоянной чертой. Только отъ второй половины XVII вѣка мы встрѣчаемъ отдѣльные случаи выдачи награды за извѣтъ въ политическомъ дѣлѣ. Въ 1663 году нѣкій «Сенька Пушешниковъ, помня и исполняя государево крестное цѣлованье, извѣщалъ на Мезенцова въ государевомъ тайномъ дѣлѣ и въ бунтовскихъ словахъ»; Мезенцовъ по сыску сосланъ былъ на вѣчное житье въ Коротоякъ съ урѣзаніемъ языка, а извѣтчику дана половина его помѣстья (Акты московскаго государства, III, 527). Въ 1668 году дано казаку Парфеньеву по челобитью его государево жалованье за его службу, что онъ о сыску и высылкѣ въ Москву раскольниковъ Кирюшки съ товарищи чинилъ всякое радѣнье, да онъ же *писалъ извѣтное письмо;* а жалованья ему дано десять рублевъ изъ десятой деньги, что взято съ московскихъ торговыхъ иноземцевъ въ государевомъ посольскомъ приказѣ (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 268). Источникъ, изъ котораго покрыта награда извѣтчику, объясняется, нужно думать, тѣмъ, что дѣло по его извѣтному письму производилось въ государевомъ посольскомъ приказѣ. Наконецъ, отъ самаго конца XVII вѣка (1699 г.) сохранилось общее указаніе, что государево жалованье за политическій извѣтъ стало уже заурядным эпилогомъ государева дѣла: «чего которому воеводѣ за какою тягостью и противностью

наказу невозможно учинить»—говорится въ именномъ указѣ, данномъ разряду—«и о томъ ему къ великому государю писать въ Москву; а кто кого въ измѣнѣ приведетъ и доведетъ на него тое измѣну прямо, и тѣмъ людямъ давать за то великаго государя жалованье» (Полное собраніе законовъ, III, 535). Но и тутъ, какъ видимъ, государево жалованье обѣщается не тому только, кто «доведетъ», а тому, кто «приведетъ и доведетъ»; стало-быть, въ этомъ государевомъ жалованьи трудно разобрать, есть ли оно награда за извѣтъ или награда за поимку, предусмотрѣнная еще Уложеніемъ. Но въ началѣ XVIII вѣка уже прямо говорится о «милости доносителямъ» (Полное собраніе законовъ, № 2877).

Необходимое условіе, съ которымъ связывается право на награду, выражается во всѣхъ этихъ актахъ одинаково: кто «доведетъ свой извѣтъ прямо» или кто «извѣститъ, а по извѣту сыщется допряма»; слѣдовательно, вознаграждается лишь извѣтъ, закончившійся обвиненіемъ того, противъ кого онъ направленъ; извѣтъ, сводящійся къ простому заявленію власти, безъ уличающей и доводящей дѣятельности извѣтчика, не даетъ ему права расчитывать на государево жалованье. Кругъ преступленій, къ которымъ пріурочивается вознаграждаемый извѣтъ, очерченъ также одинаково: это, прежде всего, измѣна, а затѣмъ вообще «злой умыселъ на великаго государя и его страну» (тамъ же, III, 377). Но способы вознагражденія и источники, изъ которыхъ оно покрывается, неодинаковы. Ясачнымъ людямъ сибирскихъ племенъ обѣщается все конфискуемое имущество уличеннаго измѣнника: «вотчины и животы», «животы и земли»; иногда эта щедрая награда дополнялась обѣщаніемъ «государева жалованья деньгами и сукнами, смотря по службѣ». Внутри Россіи щедрость московскаго правительства ограничивалась, кажется, отпиской помѣстій осужденнаго въ пользу извѣтчика, если послѣдній былъ служилымъ человѣкомъ (Акты московскаго государства, III, 527); вотчины же его отписывались на государя, а животы получали самое разнообразное назначеніе—отъ обезпеченія семьи до раздачи убогимъ. Такая система вознагражденія—изъ имущества осужденнаго—должна была сильно разжигать извѣтное усердіе не только среди полудикихъ инородцевъ, которымъ правительство щедро сулило самые соблазнительные куски—животы и земли, но и среди московскихъ всякаго чину людей, когда имъ нравственная неразборчивость позво-

ляла тянуться къ чужому помѣстью [68]). Тотъ самый Сенька Пушешниковъ, который удачнымъ извѣтомъ на Мезенцова заработалъ половину его помѣстья, въ томъ же году опять извѣщалъ на него, что онъ изъ ссылки бѣжалъ, былъ у руки государя, скрывъ, что онъ бѣглый, а потомъ будто сказывалъ нѣкоему Воейкову: «я де того дѣла дорого не ставлю, что былъ у государевой руки»; противъ этого извѣта Мезенцовъ въ распросѣ объяснилъ, что онъ изъ ссылки билъ челомъ государю въ солдаты и былъ въ походѣ подъ Ригой, такихъ непристойныхъ словъ никогда не говаривалъ; а если Сенька на него затѣялъ, такъ это потому, что онъ хочетъ и остáльной половиной его помѣстья завладѣть. Если извѣтчикъ былъ неслужилымъ человѣкомъ или изъ нисшихъ служилыхъ чиновъ, то вся награда сводилась для него, обыкновенно, къ денежной подачкѣ. Чтобы оставить за собой свободу въ выборѣ награды за извѣтъ, правительство московское, давая общія обѣщанія награды, прибѣгало иногда къ весьма неопредѣленнымъ посуламъ: «дать государево жалованье, смотря по службѣ», или «за вѣрную службу милость великаго государя отъемлема не будетъ». Подъ «милостью» можно разумѣть уже не только государево жалованье въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. надѣленіе вотчинами и помѣстьями и денежныя выдачи, но и льготы разнаго рода и вообще благопріятныя послѣдствія, выпадающія на долю извѣтчика, которому удалось «довести свой извѣтъ прямо»; такъ, извѣтъ уголовныхъ преступниковъ, тюремныхъ сидѣльцевъ и вообще лицъ, ожидающихъ суроваго наказанія, вызывался часто надеждой на то, что этимъ актомъ извѣтнаго усердія они могутъ добиться смягченія участи или освобожденія отъ наказанія. «По указу великаго государя Петра Алексѣевича бояре приговорили: извѣтчика стрѣльца Ѳедьку Горлова за его воровство казнить смертью, что онъ доводилъ государево слово на пятисотеннаго Ивашку Иванова, а въ распросѣ и съ пытки винился, сказалъ, что взвелъ напрасно, чтобы ему отъ наказанья, которое ему велѣно за побѣгъ учинить, избыть» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 2623, листъ 115—116).

ГЛАВА V.

Сыскъ по государевымъ дѣламъ.

§ 1.

Общія черты сыска, его предметы и задачи.

I. Основная задача сыска; три вопроса о виновности; ихъ совмѣщеніе въ одномъ производствѣ; послѣдовательность розыскныхъ задачъ, привлеченіе родныхъ подсудимаго въ „измѣнныхъ дѣлахъ“ и въ преступленіи непристойныхъ словъ.—II. Изслѣдованіе субъективныхъ моментовъ преступленія: изслѣдованіе намѣреній, вмѣняемости и обстоятельствъ, ослабляющихъ наказуемость; изслѣдованіе объективной картины преступленія; вопросъ о соучастникахъ.—III. Политическія задачи сыска; забота о предупрежденіи ущерба государственнымъ интересамъ.—IV. Стремленіе добиться признанія.—V. Черты различія задачъ розыска въ государевыхъ дѣлахъ отъ задачъ, преслѣдуемыхъ сыскомъ въ разбойно-татебномъ процессѣ: а) упрощеніе основной задачи благодаря отсутствію обязанности уголовнаго извѣта; б) несложность субъективныхъ моментовъ въ уголовномъ „лихомъ дѣлѣ“; в) отсутствіе политической заботы; г) спеціальныя задачи розыска уголовнаго: изслѣдованіе имущественнаго ущерба и изслѣдованіе „иныхъ“ преступленій.—VI. Общія черты розыскныхъ порядковъ въ государевыхъ дѣлахъ: стремленіе къ тайнѣ; въ чемъ оно выражается и каково его процессуальное значеніе; спѣшность, срочность, неотложность.

За извѣтомъ въ государевомъ дѣлѣ слѣдуетъ «сыскъ противъ извѣту». О необходимости сыска въ общемъ движеніи политическаго процесса, объ уклоненіяхъ отъ этой необходимости и о тѣснѣйшей связи сыска съ извѣтомъ намъ приходилось говорить въ предшествующихъ главахъ. Задача настоящей главы—обозрѣть способы и средства, къ которымъ прибѣгалъ политическій розыскъ, установить ихъ важнѣйшія особенности, ихъ относительное значеніе и ихъ процессуальную послѣдовательность. Но средства опредѣляются цѣлью; поэтому раньше, чѣмъ обозрѣвать въ отдѣльности мѣры политическаго розыска, необходимо изслѣдовать общія задачи, которыми онъ руководился и направлялся.

I. Несомнѣнно, что основная задача политическаго сыска, поскольку онъ служитъ цѣлямъ правосудія, а не представляетъ собой простую расправу, сводится къ изслѣдованію виновности. Но весь строй политическаго процесса, сложившійся подъ знакомъ всеобщей и суровой обязанности извѣта, постоянное и отвѣтственное участіе извѣтчика въ процессѣ—все это наложило своеобразный отпечатокъ на эту коренную и существенную задачу розыска.

Обязанностью извѣта обусловливалось, прежде всего, то, что въ кругъ лицъ, относительно которыхъ ставилась задача изслѣдованія виновности, вовлекался вслѣдъ за обвиняемымъ и его отвѣтственный обвинитель—извѣтчикъ; ему, какъ мы знаемъ, грозило суровое наказаніе за недоказанный и затѣйный извѣтъ; поэтому при опредѣленныхъ процессуальныхъ условіяхъ онъ самъ могъ превратиться сначала въ подозрѣваемаго, затѣмъ въ подсудимаго, а въ концѣ-концовъ могъ стать и осужденнымъ политическимъ преступникомъ, принявъ на свою голову тѣ самые карательные удары, что́ были уготованы жертвѣ его извѣта. Такимъ образомъ, единый формально вопросъ о виновности разлагался въ процессѣ по государеву дѣлу на два отдѣльныхъ, взаимно противоположныхъ вопроса: 1) виноватъ ли подсудимый въ томъ преступленіи, въ которомъ на него сдѣланъ извѣтъ? 2) не виноватъ-ли извѣтчикъ въ томъ, что затѣялъ на него напрасно? Оба эти вопроса въ московской практикѣ государевыхъ дѣлъ не разбивались между двумя отдѣльными производствами, т. е. не практиковался такой порядокъ, чтобы сначала разбиралось дѣло, возбужденное извѣтчикомъ, а если бы оно закончилось оправдательнымъ приговоромъ подсудимому, то возникло бы и разбиралось дѣло противъ извѣтчика по обвиненію его въ затѣйномъ извѣтѣ; практика государевыхъ дѣлъ сливала оба эти вопроса въ одномъ розыскномъ производствѣ, но внутренняя раздѣльность ихъ отражалась въ процессѣ тѣмъ, что они привступали въ розыскъ, смѣняя другъ друга въ нѣкоторомъ порядкѣ послѣдовательности: на первоначальной стадіи розыска, въ первоначальныхъ сыскныхъ дѣйствіяхъ, слѣдующихъ за принятіемъ извѣта, преобладаетъ задача изслѣдовать и установить виновность того, на кого сдѣланъ извѣтъ; но по мѣрѣ того, какъ передъ устойчивымъ запирательствомъ подсудимаго пасуютъ улики извѣтчика, вниманіе розыскныхъ органовъ перемѣщается въ сторону подозрѣній противъ послѣдняго, и задачей

сыскныхъ дѣйствій становится изслѣдованіе вопроса о виновности извѣтчика, не виноватъ-ли онъ въ томъ, что затѣялъ такое дѣло напрасно. Такъ, въ распросѣ извѣтчика, въ распросѣ обвиняемаго и въ распросѣ свидѣтелей, указанныхъ первымъ, выпукло обрисовывается задача—возстановить картину преступленія и изобличить въ немъ подсудимаго: распросъ извѣтчика, по содержанію своему, есть обвинительный актъ противъ подсудимаго; свидѣтелямъ, которыхъ указалъ извѣтчикъ, въ распросѣ внушаютъ, чтобы они виновнаго «не покрывали»; подсудимаго уговариваютъ, чтобы онъ «вину свою государю принесъ чисто». Но если уговоры эти не приводятъ къ успѣшному результату, а свидѣтели извѣтчика не подтверждаютъ его извѣта, тогда весь дальнѣйшій сыскъ окрашивается преобладающимъ стремленіемъ изслѣдовать подозрѣнія, слагающіяся противъ извѣтчика при такомъ оборотѣ дѣла, подозрѣнія насчетъ правильности и добросовѣстности его извѣта: его снова подвергаютъ распросу, и теперь уже *его* уговариваютъ, чтобы «сказалъ въ правду, не затѣялъ ли напрасно»; по мѣрѣ того, какъ обстоятельства дѣла складываются еще убѣдительнѣе противъ извѣтчика (напримѣръ, обвиняемый выдерживаетъ и пытку, не сознаваясь), розыскная власть переходитъ къ болѣе сильнымъ средствамъ, въ которыхъ отчетливо сказывается задача—изобличить затѣйнаго извѣтчика: ему угрожаютъ пыткой, его «распрашиваютъ съ пристрастіемъ», наконецъ при опредѣленныхъ условіяхъ его и пытаютъ [69]). Такимъ образомъ, совмѣщеніе въ одномъ производствѣ двухъ взаимно противоположныхъ вопросовъ о виновности приводитъ къ тому, что одно и то же средство розыска въ одномъ и томъ же государевомъ дѣлѣ служитъ поочередно то той то другой задачѣ: содержаніе распросовъ подсказывается то желаніемъ раскрыть преступленіе и преступника то стремленіемъ изобличить затѣйнаго извѣтчика; пыткой добиваются посмѣнно то сознанія обвиняемаго то повинной его обвинителя. А на очной ставкѣ и въ сопровождающемъ ее распросѣ обѣ эти задачи какъ бы сливаются даже въ одномъ процессуальномъ моментѣ: одна и та же очная ставка, хотя и устраивается, главнымъ образомъ, ради того, чтобы извѣтчикъ могъ уличить обвиняемаго, но усиліями послѣдняго воспринимаетъ въ себя и обратную задачу—даетъ возможность обвиняемому «уличать» своего обвинителя. Двойная задача сыска, въ разные его моменты

съ различной силой направлявшая всѣ розыскныя дѣйствія, сказывалась и на заключительномъ моментѣ судопроизводства: оправдательный приговоръ обвиняемому, до котораго «государево дѣло не дошло», дополнялся обычно обвинительнымъ вердиктомъ по адресу извѣтчика за то, что онъ «доводилъ, а не довелъ».

Но извѣтчикомъ и тѣмъ, на кого сдѣланъ извѣтъ, не замыкается кругъ лицъ, которыя выступаютъ въ процессѣ на положеніи обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ и относительно которыхъ сыску навязывается задача изслѣдованія виновности: суровая и всепроникающая обязанность извѣта, опредѣлившая собой почти всѣ характерныя черты политическаго суда, раздвинула эту основную задачу сыска на еще болѣе широкій кругъ участниковъ государева дѣла: вслѣдъ за извѣтчикомъ и обвиняемымъ въ сыскъ необходимо привступали и родные и семейные послѣдняго, и привступали не въ качествѣ свидѣтелей, призываемыхъ для разъясненія дѣла, а въ качествѣ обвиняемыхъ съ такими же тяжелыми неудобствами въ процессѣ и съ такой же суровой угрозой за плечами. Притомъ, это ихъ положеніе отнюдь не обусловливалось какимъ-либо особеннымъ, случайно-неблагопріятнымъ поворотомъ дѣла, благодаря которому противъ нихъ обнаруживались неожиданныя улики и доказательства: одинъ фактъ родства съ человѣкомъ, обвиняемымъ въ политическомъ преступленіи, разсматривался, какъ достаточное и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое основаніе къ привлеченію ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Вторая глава Уложенія даетъ по этому вопросу вполнѣ ясныя и категорическія указанія: «жены будетъ и дѣти измѣнниковъ про тое ихъ измѣну вѣдали, и ихъ казнити смертію (II,6); а будетъ которая жена про измѣну мужа своего или дѣти про измѣну же отца своего не вѣдали, и сыщется про то допряма, что они тое измѣны не вѣдали,—и ихъ за то не казнити и никакова наказанія имъ не чинити (II,7); а будетъ кто измѣнитъ, а послѣ его въ московскомъ государствѣ останутся отецъ или мати или братья родные или неродные или дядья или иной кто въ роду,—и про такова измѣнника сыскивати всякими сыски накрѣпко, отецъ и мати и родъ его про ту его измѣну вѣдали ли; да будетъ сыщется допряма, что они про измѣну того измѣнника вѣдали, и ихъ казнити смертію; а будетъ про нихъ сыщется допряма, что они про измѣну не вѣдали, и ихъ смертію не казнити» (II,9—10). Изъ этихъ

статей выясняются двѣ характерныхъ черты: 1) сыскъ относительно родныхъ предписывается законодателемъ, какъ общая и обязательная мѣра, не зависящая ни отъ извѣта, ни отъ оговора, ни отъ иныхъ случайностей розыска; 2) предметомъ сыска является изслѣдованіе вопроса, «вѣдали» родные или «не вѣдали», и «вѣдѣніе» ихъ облагается такимъ же суровымъ наказаніемъ, какъ и самое преступленіе. Этотъ порядокъ, формулированный въ статьяхъ Уложенія, сложился еще въ практикѣ, предшествовавшей Уложенію: такъ, въ 1623 году измѣнилъ великому государю сынъ боярскій Петрушка, отъѣхалъ въ Литву, а жена его и дѣти отданы были за приставы до указу; по государевой грамотѣ велѣно было воеводѣ «сыскивать про то накрѣпко, жена съ дѣтьми про побѣгъ мужа своего за рубежъ вѣдали-ль и, будетъ вѣдали, для чего не сказывали, да будетъ дойдетъ до вины, и вы бъ ихъ велѣли въ томъ пытать» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 10, листы 459—468); въ 1641 году трубченинъ Михайло Останкинъ своровалъ, бѣжалъ въ Литву, а съ Максимкой, братомъ своимъ, онъ, Михалко, жилъ въ одномъ дворѣ; и воевода, Максимку сыскавъ, про измѣну брата его распрашивалъ и сторонними людьми сыскивалъ, и до Максимка измѣнное дѣло брата его не дошло (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 134, листъ 422). Этими примѣрами иллюстрируется какъ нельзя лучше положеніе родныхъ въ процессѣ: они не средство сыска, а предметъ сыска; не «ими сыскиваютъ», а «про нихъ розыскиваютъ накрѣпко»; ихъ не только распрашиваютъ, но и пытаютъ; противъ нихъ, наконецъ, примѣняются весьма стѣснительныя мѣры пресѣченія; однимъ словомъ, родные въ процессѣ—не свидѣтели, а обвиняемые [70]).

По смыслу цитированныхъ выше статей Уложенія такими чертами характеризуется положеніе родныхъ въ такъ называемыхъ «измѣнныхъ дѣлахъ». Однако, и въ производства, возникшія по обвиненіямъ въ непристойномъ словѣ, родные главнаго подсудимаго также втягивались иногда (безъ всякихъ особенныхъ уликъ) на положеніи обвиняемыхъ; это бывало тогда, когда непристойное слово по содержанію своему было таково, что московскія розыскныя власти разсматривали его, какъ проявленіе измѣннаго умысла. Такъ, въ 1630 году воевода Степанъ Стрѣшневъ производилъ сыскъ по дѣлу о «неподобномъ словѣ», сказанномъ вдовымъ попомъ Кондратьемъ

да дьячкомъ Поповымъ; изъ дѣла не видно, въ чемъ заключалось это неподобное слово; но судя по тому, что воевода допытывался отъ обвиняемыхъ, не было-ли у нихъ ссылокъ съ литовскими людьми, можно предположить, что онъ заподозрилъ за этимъ словомъ наличность измѣннаго умысла; поэтому къ розыску тотчасъ привлекаются отецъ одного подсудимаго и сынъ другого, хотя ни одинъ изъ свидѣтелей, допрошенныхъ по дѣлу, ни словомъ не обмолвился объ участіи этихъ лицъ: воевода ихъ привлекаетъ къ распросу, а животы ихъ запечатываетъ (Архивъ, прик. стола № 36, листы 24—29).

Итакъ, основная задача всякаго сыска—изслѣдованіе виновности—въ сыскѣ по государевымъ дѣламъ распадалась на три отдѣльныхъ задачи съ тремя различными вопросами виновности: 1. виноватъ ли подсудимый въ томъ преступленіи, въ которомъ на него извѣщаютъ; 2. не виноватъ ли извѣтчикъ въ томъ, что затѣялъ обвиненіе напрасно; 3. виноваты ли семейные и родные подсудимаго въ томъ, что вѣдали, а не извѣстили.

II. Установленіе виновности предполагаетъ изслѣдованіе субъективныхъ и объективныхъ моментовъ преступленія. Въ матеріальномъ законодательствѣ XVII вѣка и въ соотвѣтствующей ему практикѣ первые играли очень замѣтную роль при конструированіи противогосударственныхъ посягательствъ, и это бросало своеобразный отпечатокъ на всю картину розыскного производства по государевымъ дѣламъ. Въ особенности двѣ категоріи этихъ дѣлъ характеризуются преобладающимъ стремленіемъ розыска изслѣдовать субъективные моменты преступленій. а) *Въ дѣлахъ о непристойномъ словѣ* изслѣдованіе умысла, скрывающагося за этимъ объективнымъ фактомъ, входило, какъ основная и важнѣйшая задача, во всѣ розыскныя дѣйствія; за невинными иногда словами, сорвавшимися на пирушкѣ или въ ссорѣ, слетѣвшими съ устъ человѣка, затуманеннаго гнѣвомъ или хмѣлемъ, московская подозрительность искала опасныхъ и тревожныхъ умысловъ, направленныхъ на государево здоровье или государеву державу; поэтому если подсудимый сознавался, что онъ такія слова, дѣйствительно, говорилъ, его все-таки распрашивали и даже пытали, по какому умыслу или «къ какой мѣрѣ» онъ ихъ говорилъ, не научилъ ли его кто, не по засылкѣ ли онъ сказалъ (Архивъ, тамъ же). b) Если на кого-либо былъ извѣтъ *въ намѣреніи отъѣхать за рубежъ* или, безъ предварительнаго

извѣта, захватывали человѣка среди подозрительной обстановки около рубежа, въ политическій розыскъ вплеталась сложная задача — по одному этому кусочку обьективной дѣйствительности раскрыть всю полноту умысла обвиняемаго, все разнообразіе его неосуществленныхъ, но опасныхъ для государства намѣреній: дѣйствительно ли онъ собирался отъѣхать за рубежъ, были ли у него при этомъ измѣнные умыслы и, если были, то въ чемъ они состояли — въ намѣреніи ли служить иному государю или, что еще хуже, въ намѣреніи пересказать за рубежомъ московскія вѣсти (Архивъ, приказнаго стола № 9, листы 86 — 137). Итакъ, изслѣдованіе «умысловъ» преступнаго дѣятеля, вліяющихъ на квалификацію посягательства, имъ учиненнаго, входило, какъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ, въ процедуру политическаго розыска.

Но не оставлялись въ сыскѣ безъ изслѣдованія и такіе субъективные моменты, съ которыми связано было рѣшеніе вопроса о вмѣненіи и о смягченіи наказанія. Вообще говоря, эти моменты слабо учитывались московскимъ законодателемъ и судьей: такъ, вторая глава Уложенія ни словомъ не упоминаетъ объ обстоятельствахъ, устраняющихъ вмѣненіе или ослабляющихъ наказуемость,—а практика государевыхъ дѣлъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ являетъ намъ примѣръ вниманія къ этой сторонѣ противогосударственнаго посягательства. Всѣ эти случаи сводятся къ изслѣдованію юродства и безумія, какъ обстоятельствъ, если не устраняющихъ вмѣненія, то ослабляющихъ наказуемость даже по государевымъ дѣламъ. Такъ, если подсудимый или родственники его били челомъ государю, что онъ невмѣстимое слово сказалъ въ безпамятствѣ ума своего, что онъ «съ ума сброденъ, и про то весь городъ знаетъ»,—сыскъ направлялся въ сторону провѣрки этого сообщенія; если воевода отписывалъ въ Москву, что подсудимый—«юродливый человѣкъ, и многія смутныя рѣчи говорить привыкъ»,—изъ Москвы приходило распоряженіе: сыскать про то всѣми тамошними людьми, подлинно ли онъ юродливый человѣкъ и не прикидывается ли таковымъ (Акты воронежскіе, I, 94; Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 32, листъ 401). Такимъ образомъ, субъективные моменты преступленія, ослабляющіе наказуемость,—по крайней мѣрѣ наиболѣе важные и тяжеловѣсные изъ нихъ—учитывались и провѣрялись на розыскѣ по государевымъ дѣламъ.

Но объективная сторона преступленія поглощала все-таки преимущественное вниманіе розыскныхъ органовъ. По нѣкоторымъ дѣламъ весь сыскъ исчерпывался провѣркой объективной картины преступнаго дѣянія, и если она удостовѣрялась, приговоръ съ быстротой, замѣнявшей въ этомъ случаѣ справедливость, слѣдовалъ за несложнымъ розыскомъ; такъ было, напримѣръ, въ дѣлахъ о прописке государева именованья. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ одинъ существенный вопросъ изъ объективной стороны преступленія подвергался въ сыскѣ всестороннему изслѣдованію и провѣркѣ: были ли соучастники у захваченнаго преступника и, если были, то кто они. На языкѣ московскаго розыска это выражалось въ трехъ вопросныхъ пунктахъ: «кто его (т.-е. обвиняемаго) на такое дѣло научилъ, кто съ нимъ въ думѣ былъ и съ кѣмъ онъ совѣтовалъ». Этихъ трехъ вопросовъ не избѣгалъ и извѣтчикъ, уличенный въ затѣйности извѣта, и чтобы добиться отвѣта на нихъ, пускалась въ ходъ вся тяжелая артиллерія московскаго розыска (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 175).

Эта задача сыска—открытіе сообщниковъ и соучастниковъ—не должна быть отождествляема съ разсмотрѣнной выше задачей изслѣдованія виновности родныхъ и семейныхъ политическаго преступника. Сообщники предполагаются отсутствующими и неизвѣстными, личность которыхъ еще нужно установить въ розыскѣ, а родные и семейные выступаютъ, какъ лица, данныя въ процессѣ, вполнѣ извѣстныя и индивидуально-опредѣленныя. Виновность первыхъ могла выразиться въ самыхъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ—отъ энергичнаго участія въ преступленіи совѣтами, средствами и личными силами до простого укрывательства преступника, а виновность послѣднихъ изслѣдуется съ одной опредѣленной стороны, вѣдали они или не вѣдали; первые привлекаются въ качествѣ обвиняемыхъ по оговору или по достаточнымъ уликамъ, обнаруживающимся изъ слѣдствія, а послѣдніе занимаютъ это положеніе независимо отъ оговора и отъ уликъ, по естественному и неустранимому факту родства.

III. Все, что до сихъ поръ нами сказано о задачахъ и предметахъ политическаго розыска—установленіе виновности различныхъ лицъ, необходимо вовлекаемыхъ въ розыскъ, разслѣдованіе субъективныхъ и объективныхъ моментовъ преступленія—все это съ

полной ясностью вытекаетъ изъ основныхъ цѣлей правосудія, характеризующихъ всякую судебную дѣятельность, въ какихъ бы процессуальныхъ формахъ она ни выражалась; цѣли эти—оправдать невинно заподозрѣннаго, раскрыть и уличить всѣхъ истинно-виноватыхъ, установить въ отношеніи къ нимъ справедливую мѣру наказуемости. Но этими задачами не исчерпывался еще политическій розыскъ XVII вѣка. Когда органамъ розыскной власти удавалось возстановить съ достаточной подробностью и точностью объективный фактъ, составляющій преступленіе, и изобличить всѣхъ лицъ, дѣятельностью которыхъ этотъ фактъ совершился и обусловился; когда удавалось раскрыть основныя черты умысла, вдохновлявшаго на эту дѣятельность, — тогда движеніе розыска въ государевомъ дѣлѣ все таки еще не пріостанавливалось, ибо въ него привступали другія задачи, въ которыхъ прямыя цѣли правосудія перемѣшивались или заслонялись цѣлями политическими—заботами государственной власти о томъ, чтобы раскрыть такія черты и такія подробности изслѣдуемаго преступленія, посредствомъ которыхъ можно было бы учесть, а сталобыть и предотвратить неблагопріятныя для государственныхъ интересовъ послѣдствія, изъ этого преступленія проистекающія. Такія задачи выступаютъ съ наибольшей ясностью въ дѣлахъ объ отъѣздѣ за рубежъ; тутъ сыскъ, уже добившись рѣшающихъ результатовъ для вопроса о виновности и наказаніи, не только не прекращается, но наоборотъ развертывается въ цѣлую гамму новыхъ вопросовъ, отражающихъ на себѣ чисто-политическую заботу розыскныхъ органовъ—предотвратить неблагопріятныя политическія или военныя послѣдствія задуманной или реализованной измѣны: какой измѣнникъ зарубежный подзывалъ бѣглеца ѣхать за собой; нѣтъ ли съ нимъ письма или грамоты совѣтной, и къ кому за рубежомъ то письмо или грамота приказаны; какія московскія вѣсти сказывалъ бѣглецъ, находясь за рубежомъ, кому именемъ онъ сказывалъ, и самъ онъ, за рубежомъ будучи, какія вѣсти слышалъ. Очевидно, такіе вопросы и сыскныя дѣйствія, направленныя къ ихъ разъясненію, подсказывались не столько прямыми задачами правосудія, сколько политическими тревогами и заботами, вытекавшими изъ самаго существа противогосударственныхъ посягательствъ.

IV. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну существенную черту розыска по государевымъ дѣламъ: разрѣшеніе всѣхъ указанныхъ выше задачъ,

которыя ставились въ политическомъ сыскѣ, розыскная власть стремилась найти, главнымъ образомъ, въ *сознаніи подсудимаго* или, лучше сказать, *въ признаніи того самаго лица, противъ котораго удостовѣряемое обстоятельство имѣло обвинительную силу*. На всѣхъ почти слѣдственныхъ дѣйствіяхъ лежитъ отпечатокъ этого преобладающаго стремленія. Такъ, обвиняемаго въ «распросѣ» уговариваютъ, чтобы онъ «вину свою государю принесъ чисто, безъ хитрости», и за это обѣщаютъ ему даже смягченіе участи; въ распросѣ извѣтчика опять-таки выступаетъ такая же задача—его собственнымъ признаніемъ удостовѣрить то самое обстоятельство, которое равносильно для него обвинительному вердикту. Нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія по самой природѣ своей приспособлены къ этой основной задачѣ сыска—удостовѣряться во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла посредствомъ полнаго и всесторонняго признанія: очная ставка есть обрядъ взаимнаго «уличенія» обвиняемаго и извѣтчика, а цѣль этого уличенія—исторгнуть или у перваго сознаніе въ томъ, что «согрѣшилъ онъ Богу да государю», или у второго въ томъ, что онъ «затѣялъ на него такое дѣло, поклепавъ напрасно»; пытка, какъ розыскное средство, есть планомѣрное примѣненіе физическихъ истязаній, весь смыслъ которыхъ—удостовѣриться въ субъективныхъ и объективныхъ моментахъ преступленія посредствомъ разсказа того, кто совершилъ это преступленіе. Въ признаніи настолько заключалась цѣль всей розыскной дѣятельности, что если подсудимый, однажды признавшись, затѣмъ отрекался отъ своихъ словъ, вся розыскная процедура начиналась сызнова до полученія новаго признанія (Веретенниковъ, исторія тайной канцеляріи, 15).

Въ этой чертѣ—своеобразное отличіе розыскного судопроизводства XVII вѣка отъ процессуальныхъ порядковъ нашихъ дней: въ то время, какъ у насъ важнѣйшимъ источникомъ для установленія виновности и для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла служатъ средства, лежащія внѣ зависимости и внѣ доброй воли обвиняемаго (показанія свидѣтелей, осмотры, эксперты, документы),—въ розыскномъ процессѣ XVII вѣка признаніе самого обвиняемаго, его собственный разсказъ, вынуждаемый угрозами истязаній или самыми истязаніями, разсматривался, какъ единственное надежное средство къ разрѣшенію вопроса о виновности и къ удостовѣренію во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла; эта черта объясняется тѣмъ, что

древній процессъ усвоялъ особенную доказательную силу собственному признанію подсудимаго.

V. Эта задача—домогательство признанія—не характеризуетъ политическій розыскъ въ особенности и исключительно, а составляетъ его общую черту съ розыскомъ уголовнымъ, съ процессомъ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ: и тамъ розыскная власть стремится всѣ обстоятельства дѣла освѣтить преломленнымъ въ свѣтѣ пыточныхъ истязаній разсказомъ самого подсудимаго. Но на этомъ, кажется, и оканчивается сходство задачъ, направляющихъ розыскъ уголовный и розыскъ политическій. Правда, ни тотъ ни другой не могутъ миновать основной задачи всякаго судебнаго слѣдствія—изслѣдованія виновности всѣхъ лицъ, втянутыхъ розыскомъ на положеніи обвиняемыхъ; но всѣ тѣ черты, которыми характеризуется особенная постановка этой задачи въ розыскѣ политическомъ, отпадаютъ въ процессѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ: а) здѣсь нѣтъ на-лицо извѣтчика, неизмѣннаго участника государевыхъ дѣлъ, и стало-быть нѣтъ того дробленія розыскныхъ задачъ, которое вызывается постоянными колебаніями розыска политическаго отъ вопроса о виновности подсудимаго до подозрѣній въ сторону извѣтчика, не затѣялъ ли онъ напрасно; б) здѣсь не фигурируютъ и родные подсудимаго въ качествѣ обвиняемыхъ, необходимо и безусловно привлекаемыхъ къ розыску въ силу естественнаго факта родства; на членахъ семьи уголовнаго преступника не лежитъ, какъ мы знаемъ, обязанность извѣта, и потому противъ нихъ не могло возникать обвиненіе въ «вѣдѣніи»; в) наконецъ, въ розыскѣ уголовномъ не замѣтно той сложности субъективныхъ моментовъ, изслѣдованіе которыхъ составляетъ такую кропотливую задачу въ розыскѣ политическомъ; разъ обвиняемый квалифицируется, какъ «лихой человѣкъ», вѣдомый разбойникъ или тать, всѣ его умыслы подводятся подъ нѣкоторое общее понятіе съ заранѣе опредѣленнымъ содержаніемъ, да и самые умыслы не характеризуются ни сложностью ни разнообразіемъ. Такимъ образомъ, основная задача сыска установленіе виновности — суживается и упрощается въ розыскѣ уголовномъ, освобождаясь отъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыми такъ широко раздвигаются ея границы въ сыскѣ по государевымъ дѣламъ.

Упрощеніе розыскныхъ задачъ въ процессѣ обще-уголовномъ

достигается и еще въ одномъ направленіи: въ немъ отсутствуетъ та чисто-политическая забота, слѣды которой мы уловили въ сыскѣ по государевымъ дѣламъ,—забота о томъ, чтобы добыть изъ розыска такія свѣдѣнія, посредствомъ которыхъ можно было бы пресѣчь или предупредить неблагопріятныя и опасныя для государства послѣдствія раскрытаго преступнаго умысла; отсутствіе такой задачи вполнѣ понятно въ розыскѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, такъ какъ преступленія, составляющія предметъ изслѣдованія въ этомъ розыскѣ, направлены непосредственно противъ интересовъ частнаго лица, а не противъ интересовъ власти и государства.

Но зато въ розыскѣ уголовномъ ставятся и изслѣдуются иного содержанія задачи, которыя особенной природой посягательствъ противогосударственныхъ рѣшительно устраняются съ арены розыска политическаго. а) Такъ, въ разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ на-лицо всегда истецъ, лично или имущественно пострадавшій отъ преступленія; поэтому задача уголовнаго розыска осложняется всегда необходимостью изслѣдовать справедливость исковыхъ претензій, установить дѣйствительные размѣры понесеннаго истцомъ ущерба, сыскать о пограбленныхъ и покраденныхъ животахъ: отъ разбойниковъ и татей въ розыскѣ допытываются, что они розбивали и что разбоемъ или татинымъ обычаемъ взяли и какіе животы пограбили и кто изъ нихъ что взялъ имянно (Уложеніе, XXI, 22—25); такая цѣль, разумѣется, совершенно исключена въ розыскѣ политическомъ. б) Субъектомъ преступленія въ разбойномъ и татебномъ процессѣ выступаетъ «лихой человѣкъ» или даже «вѣдомый лихой», который изъ совершенія тяжкихъ наказуемыхъ дѣяній сдѣлалъ себѣ рискованный промыселъ жизни; поэтому въ процессѣ по разбойному и татебному дѣлу неизмѣнно выдвигается сыскная задача—открыть иныя прежде совершенныя преступленія захваченнаго разбойника или татя; «приведутъ татя, а доведутъ на него одну татьбу, и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ»—предписываетъ Уложеніе (XXI, 9); такое же правило повторяется и относительно разбойника (XXI, 16); между тѣмъ въ сферѣ государственныхъ преступленій не выработалась такая категорія «вѣдомыхъ лихихъ людей» да при нормальныхъ условіяхъ и не должна была выработаться, и потому въ политическомъ розыскѣ никогда не выдвигается такая задача—сыскать о прежнихъ винахъ и прежнихъ

умыслахъ захваченнаго измѣнника или бунтовщика. Правда, Смутное время, когда неожиданными политическими вихрями уносились династіи, только-что основанныя, и правители, только что воцарившіеся; когда поисшатались духомъ русскіе люди, окруженные плотной стѣной торжествующаго самозванства и осажденные многочисленными притязателями на власть и престолъ, — начала какъ будто складываться юридическая категорія «воровскихъ измѣнныхъ людей», постоянныхъ переѣщиковъ изъ одного лагеря въ другой; но съ торжествомъ единой власти и съ упроченіемъ политическаго порядка исчезаетъ безслѣдно эта накипь бурныхъ годовъ. Позднѣе, въ эпоху Уложенія, около порубежныхъ городовъ, гдѣ соблазнительная близость границы и легкій переходъ черезъ нее создавали благопріятную почву для расцвѣта измѣнныхъ умысловъ и всякихъ ссылокъ съ зарубежными людьми,—снова стало очерчиваться смутное понятіе воровскихъ переѣщиковъ, вѣдомыхъ воровъ и измѣнниковъ, привычно хаживающихъ за рубежъ съ потаенными цѣлями; но никакихъ процессуальныхъ послѣдствій отсюда, кажется, не выработалось [71]). Такимъ образомъ, политическій преступникъ въ московскомъ государствѣ остался преступникомъ случайнымъ, хотя и опаснымъ, личность котораго не навязывала розыску необходимой въ разбойномъ и татебномъ дѣлѣ задачи—изслѣдованія его прежнихъ умысловъ и прежнихъ преступленій. Поэтому сыскъ въ государевомъ дѣлѣ по кругу изслѣдуемыхъ имъ предметовъ не выходилъ за границы, очерченныя «извѣтомъ», т.-е. обвиненіемъ по данному дѣлу; эта черта сказывается въ неизмѣнной инструкціи, которую проводитъ и Уложеніе, и воеводскіе наказы, и государевы грамоты по отдѣльнымъ дѣламъ—«сыскивать противъ извѣту» или «противъ извѣтной челобитной» [72]).

VI. Задачи политическаго сыска, какъ онѣ очертились въ практикѣ XVII вѣка и насколько мы ихъ выяснили выше, оказали отчасти вліяніе на нѣкоторыя черты порядка, по которому совершался политическій розыскъ.

а. Отмѣтимъ, прежде всего, зародышъ нѣкотораго стремленія окутать *тайной* розыскныя дѣйствія по государевымъ великимъ дѣламъ. Воевода допрашиваетъ извѣтчика «на-одинѣ»; великія государевы дѣла именуются иногда «тайными царственными дѣлами» (Акты московскаго государства, III, 527, 500); извѣтчики скрываютъ сущ-

ность своихъ извѣтовъ даже отъ воеводъ и нерѣдко заявляютъ желаніе сказать свой извѣтъ лишь «на Москвѣ, кому государь укажетъ», и правительство, если не всегда удовлетворяетъ эти домогательства, то всегда предоставляетъ извѣтчику соблюсти такъ или иначе тайну государева дѣла (см. ниже); участники политическаго дѣла пересылаются иногда въ Москву «ночнымъ временемъ, чтобы никому было невѣдомо» (Записки Императорскаго археологическаго общества, 1861, II, 724). Въ одной воеводской отпискѣ встрѣчаемъ такое свѣдѣніе: «а крестьянина Степанку, который видѣлъ измѣнника въ Новѣ-городѣ до отъѣзда его за рубежъ и слыхалъ отъ него, кто съ нимъ въ думѣ былъ, *допрашивали мы тайнымъ обычаемъ*, а приставамъ гостиннаго двора, которымъ тотъ Степанка раньше про то про все извѣстилъ, приказали мы накрѣпко, чтобъ они, что слышали отъ него, *такова слова ни съ кѣмъ не говаривали*» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 928, листы 1—15). Въ основѣ этого стремленія къ тайнѣ лежитъ, какъ можно угадать, расчетъ, во-первыхъ, содѣйствовать такимъ способомъ успѣшному осуществленію полицейскихъ и политическихъ задачъ, направлявшихъ розыскъ по государевымъ дѣламъ, а во-вторыхъ, предупреждать волненіе умовъ и возбужденіе общественнаго мнѣнія; въ дѣлахъ о «непригожемъ словѣ» сюда присоединялось еще соображеніе о могущемъ быть соблазнѣ, о легкомысленномъ повтореніи непригожаго слова, о возможности новыхъ порухъ государевой чести: «будетъ непригожее слово жестоко гораздо»—говорится въ одной государевой грамотѣ— «и они бъ, воевода да дьякъ, *сами* написавъ и запечатавъ, прислали ко государю тотчасъ» (Архивъ, прик. стола № 22, л. 328); сказывалась, наконецъ, въ этомъ стремленіи къ тайнѣ идея о томъ, что только государю самому принадлежитъ исключительное право разбираться въ «государевомъ дѣлѣ». Но *процессуальное* значеніе такой тайны было практически ничтожно; это была тайна для населенія, а не для участниковъ государева дѣла; сопоставляя ее съ нашими порядками, можно уподобить ее закрытію дверей въ политическомъ процессѣ. Пока этой тайной не окутывались взаимныя отношенія важнѣйшихъ участниковъ процесса, пока отъ обвиняемаго не скрывали, въ чемъ его обвиняютъ, а извѣтчикъ выступалъ противъ обвиняемаго съ открытымъ забраломъ, — до тѣхъ поръ это судопроизводство «тайнымъ обычаемъ» не дѣйствовало разрушающе на строй политиче-

скаго процесса, не становилось источникомъ разложенія основныхъ процессуальныхъ началъ и привычныхъ формъ политическаго суда.

б. Помимо тайны, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторое стремленіе къ быстротѣ или, лучше сказать, *порядокъ срочности*, спѣшности, неотложности, соблюдаемый въ сыскѣ по государевымъ дѣламъ. Едва-ли эта черта подсказывалась заботами объ интересахъ подсудимаго: тогда она была бы въ равной степени достояніемъ розыска обще-уголовнаго; между тѣмъ, обвиняемые въ разбоѣ или татьбѣ томились по полугоду и больше въ тюремномъ заключеніи, покуда розыскной процессъ по разбойному или татебному дѣлу не приходилъ къ своему заключительному моменту—приговору или «вершенію». Вѣрнѣе предположить, что спѣшность, характеризующая политическій розыскъ, обусловливалась опять-таки присущими ему задачами полицейскаго и политическаго свойства: быстрымъ натискомъ сыскныхъ дѣйствій органы розыскной власти расчитывали захватить во-время всѣ нити противогосударственнаго умысла или пресѣчь неблагопріятныя для государства послѣдствія, связанныя съ нѣкоторыми политическими посягательствами; но несомнѣнно, что розыскная энергія воеводъ и другихъ органовъ подхлестывалась общимъ представленіемъ о важности этихъ посягательствъ, о томъ, что они суть «дѣла великія, дѣла государевы». Указанія насчетъ порядка спѣшности въ производствѣ государевыхъ дѣлъ даетъ само Уложеніе: устанавливая праздничные дни, когда «въ приказѣхъ сидѣнья не бываетъ», оно тутъ же вводитъ оговорку, что этотъ праздничный перерывъ не примѣняется къ «самымъ нужнымъ государственнымъ и великимъ царственнымъ дѣламъ» (X, 25). И въ практикѣ государевыхъ дѣлъ улавливаемъ черты спѣшности и срочности: извѣтчика распрашиваютъ «того жъ часу», какъ онъ заявилъ за собой государево слово (Архивъ, прик. стола № 36); распросъ обвиняемаго производится тотчасъ за полученіемъ извѣта, если, разумѣется, обвиняемый и извѣтчикъ живутъ въ одномъ городѣ (Акты московскаго государства, II, 167); свидѣтели допрашиваются тотчасъ послѣ ссылки на нихъ (тамъ же, I, 185); донесенія воеводъ по государевымъ дѣламъ отсылаются въ Москву «съ нарочными гонцами» (Полное собраніе законовъ, III, 286); на воеводскихъ отпискахъ по этимъ дѣламъ встрѣчаемъ не однажды такую дьячью помѣту—«выписать въ докладъ *тотчасъ*», и эта помѣта исполнялась

съ такой аккуратностью, что воеводская отписка по самому заурядному политическому дѣлу докладывалась государю въ день ея полученія (Акты московскаго государства, II, 111); замедленіе въ сыскѣ по государеву дѣлу разсматривается, какъ служебное упущеніе, и влечетъ за собой выговоръ изъ приказа или государево осужденіе (Акты воронежскіе, I, 137). Иногда политическій розыскъ протекалъ съ такой спѣшностью, что его можно уподобить полевому суду; въ 1674 году въ Москву привезли измѣнника, назвавшагося на Украйнѣ царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ; какъ только онъ былъ доставленъ, «указалъ великій государь везти его съ товарищи на земскій дворъ къ бояромъ для распросу и имъ пытать ихъ всякими жестокими пытки, а что они, воры, станутъ сказывать, и ихъ распросныя и пыточныя рѣчи указалъ государь прислать къ себѣ, государю, съ бояриномъ Матвѣевымъ, а имъ, бояромъ, ждать, покамѣстъ отъ великаго государя указъ будетъ; и бояре распрашивали, пытали и съ распросными рѣчами послали къ великому государю боярина Артамона Сергѣича, а сами дожидались указу великаго государя на земскомъ дворѣ; и какъ пріѣхалъ бояринъ Артамонъ Сергѣичъ, и бояре, по указу великаго государя, велѣли того вора вершить, четвертовать на Красной площади» (Дворцовые разряды, III, 1019).

Отъ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ обзору отдѣльныхъ средствъ, которыми пользовался розыскъ въ политическомъ процессѣ. Уложеніе даетъ по этому вопросу самыя скудныя указанія, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ ихъ не даетъ. Отсюда можно заключить, по мнѣнію одного изслѣдователя, что въ процессѣ по государевымъ дѣламъ примѣнялись «обычные пріемы сыска» (Веретенниковъ, исторія тайной канцеляріи, 12). Этотъ выводъ можно, пожалуй, признать правильнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безплоднымъ и безсодержательнымъ. Своеобразіе политическихъ преступленій и своеобразіе процесса, которымъ они разбирались (главнымъ образомъ, участіе извѣтчика), не могло не отразиться на общихъ средствахъ сыска, усвоенныхъ политическимъ судопроизводствомъ; пестрая практика государевыхъ дѣлъ вкрапливала въ нихъ свои особенности, характерныя и знаменательныя черты, существенныя и несущественныя, изъ которыхъ тайная канцелярія XVIII вѣка выработала впослѣдствіи свой окутанный тайнами застѣночный розыскъ, грозное

пугало эпохи переворотовъ, расправы временщиковъ и потаенныхъ дворцовыхъ интригъ...

§ 2.

«Распросы».

1. Распросъ, какъ первоначальное дѣйствіе процедуры розыска; его отличіе отъ очной ставки и пытки; особенная форма распроса—„распросъ у пытки"; примѣры его процессуальнаго обособленія; исключительность этой формы распроса; отсутствіе ея въ процессѣ губномъ; распросныя рѣчи.—II. Распросъ извѣтчика; отличіе распроса отъ „извѣта", распросныхъ рѣчей отъ извѣтной челобитной; необходимость распроса; содержаніе его; порядокъ протоколированія.—III. Распросъ обвиняемаго, его содержаніе; молчаніе въ распросѣ; связь между распросомъ и извѣтной челобитной; порядокъ распроса.—IV. Распросъ свидѣтелей.

I. «Распросами» *начинается* сыскъ по государеву дѣлу и, какъ начальный моментъ его, распросы противополагаются всему дальнѣйшему теченію сыска: «по извѣту *распрашивать* и сыскивать всякими сыски»—такую инструкцію постоянно читаемъ въ воеводскихъ наказахъ. Въ кругъ распрашиваемыхъ входятъ одинъ за другимъ: сначала извѣтчикъ, за нимъ обвиняемый, наконецъ свидѣтели, если стороны на нихъ слались. Въ рѣдкихъ случаяхъ распросомъ исчерпывается весь политическій сыскъ, и производство государева дѣла вступаетъ непосредственно въ стадію рѣшенія. Такъ, распросомъ извѣтчика сыскъ кончается въ такихъ случаяхъ, когда, заявивъ за собою государево слово безъ опредѣленныхъ конкретныхъ указаній, извѣтчикъ въ распросѣ сознавался, что «за нимъ никакова государева дѣла и слова нѣтъ, а сказывалъ онъ за собой такое дѣло или слово пьянымъ обычаемъ или избывая побоевъ» (Уложеніе, II, 14); распросомъ обвиняемаго сыскъ исчерпывается при томъ условіи, что несложность и неважность преступленія позволяетъ удовлетвориться повинной въ распросѣ (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 301; Акты археографической экспедиціи, III, 454). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (а ихъ было подавляющее большинство) на «распросахъ» не останавливалось движеніе политическаго сыска, даже при томъ условіи, если бы въ распросѣ удавалось добиться признанія извѣтчика или обвиняемаго; сыскъ продолжалъ развиваться до полнаго удовлетворенія своихъ

задачъ, переходя отъ «распросовъ» къ средствамъ болѣе сильнымъ—очной ставкѣ и пыткѣ.

И то и другое средство розыска не чуждо элемента распрашиванья; но распросъ, какъ первоначальное сыскное дѣйствіе, предшествующее пыткѣ и очной ставкѣ, имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе въ процессѣ и отличается отъ той и отъ другой существенными и характерными чертами: а) отъ очной ставки распросъ отличается тѣмъ, что производится *порознь*; извѣтчикъ распрашивается наединѣ съ воеводой; обвиняемый распрашивается отдѣльно отъ извѣтчика и отъ свидѣтелей (Акты московскаго государства, II, 5; Русская историческая библіотека, II, 176); если обвиняемыхъ нѣсколько, они распрашиваются порознь другъ отъ друга (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 9); такой же порядокъ соблюдается и въ распросѣ свидѣтелей (Акты московскаго государства, II, 6); между тѣмъ очная ставка характеризуется картиной *распрашиванья совмѣстнаго*, содержаніе котораго опредѣляется, при томъ же, ходомъ свободнаго состязанія сторонъ. б) Отъ пытки распросъ отличается отсутствіемъ физическихъ истязаній. Но практика, стремясь расширить область воздѣйствія пытки, если не физическимъ ея примѣненіемъ, то использованіемъ страха, ею внушаемаго, выработала еще особенную форму допросовъ—въ видѣ «распросовъ у пытки», которые въ движеніи политическаго сыска занимали промежуточное мѣсто между обычнымъ распросомъ и пыткой: они предшествовали самой пыткѣ, были, стало-быть, свободны отъ элемента физическихъ истязаній, но протекали подъ психическимъ воздѣйствіемъ *угрозы пытки;* угроза эта реализовалась прежде всего въ напоминаніи допрашиваемому, что если онъ «не скажетъ въ правду безъ хитрости, то укажетъ государь его пытать», а въ очень частыхъ случаяхъ напоминаніе это усугублялось еще обстановкой, которую создавали около опрашиваемаго: его приводили въ застѣнокъ, окружали орудіями пытки и среди такихъ условій распрашивали, чтобы онъ сказалъ правду, отъ государя ничего не таилъ. Что «распросъ у пытки» представлялъ собой совершенно особенную форму распроса, которая въ движеніи политическаго судопроизводства не сливалась ни съ распросомъ первоначальнымъ, чуждымъ всякихъ осложняющихъ аттрибутовъ, ни съ «распросомъ подъ пыткой», т.-е. съ допросомъ *среди* физическихъ истязаній,—это станетъ намъ ясно изъ слѣдующихъ

примѣровъ московской практики. Кузнецъ Васька и человѣкъ Артамона Матвѣева обвинялись въ составленіи воровского подметнаго письма и въ непристойныхъ словахъ, будто они говорили, что «дѣвка Матвѣева взята на верхъ, но ей царицей не бывать»; великій государь указалъ боярамъ обвиняемыхъ *«распрашивать у пытки*, а буде изъ нихъ кого доведется, то и *пытать»* (Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 15). Здѣсь мы наблюдаемъ отчетливое обособленіе «распроса у пытки» отъ самой пытки; въ примѣрахъ, ниже приводимыхъ, очерчивается самостоятельное розыскное значеніе «распроса у пытки», какъ особенной формы распроса вообще. «Указалъ великій государь распрашивать боярамъ и думнымъ людямъ измѣнника Демку Игнатова въ его измѣнѣ, и бояре *распрашивали;* и измѣнникъ Демка передъ бояры сказалъ, что измѣнить великому государю не хотѣлъ; послѣ того ставленъ на очную ставку съ извѣтчиками и обличителями, а на очной ставкѣ говорилъ прежнія рѣчи; и бояре и думные люди Демку *распрашивали съ великимъ пристрастіемъ,* чтобъ онъ вину свою великому государю принесъ чисто и сказалъ правду, а если не скажетъ, указалъ великій государь его *пытать»* (Акты южной и западной Россіи, IX, 760). По царской грамотѣ велѣно воронежскому воеводѣ: «ямщика Акинку Фролова сыскать и про непристойныя слова *распросить накрѣпко*, а буде онъ въ томъ учнетъ запираться, и его *распросить у пытки*, а изъ подлинныхъ рѣчей и *пытать,* и что онъ въ распросѣ и съ пытки скажетъ, о томъ государю писать» (Акты воронежскіе, I, 137). Въ этомъ примѣрѣ съ полной ясностью обособляются три послѣдовательныхъ сыскныхъ дѣйствія: сначала «распросить накрѣпко», потомъ «распросить у пытки», а наконецъ и «пытать», т.-е. распросить *подъ* пыткой. Томскій воевода отписывалъ въ Москву, что «принесъ ему Ржевскій память, а въ ней пишетъ, что стрѣлецкій десятникъ Кутьинъ сказывалъ на казака Осокина, будто тотъ про государя говорилъ невмѣстимое слово»; «и мы»—доноситъ воевода —«того жъ числа, какъ намъ Ржевскій сказалъ про твое государево дѣло, Кутьина, поставя со Ржевскимъ съ очей на очи, *распрашивали*, и Кутьинъ сказалъ, что Ржевскій затѣялъ такое дѣло по недружбѣ; и послѣ того мы Кутьина и Осокина, разводя порознь, *ихъ распрашивали и пыткой стращали и съ ума ихъ выводили,* чтобъ сказали, а пытать безъ твоего государева указу мы не смѣли» (Русская

историческая библіотека, II, 176). Послѣдній примѣръ воспроизводитъ предъ нами колоритную картинку политическаго розыска XVII вѣка: вмѣсто того, чтобы ограничиться оповѣщеніемъ допрашиваемаго, что если розыскную власть не удовлетворятъ его показанія, то онъ будетъ пытанъ (въ чемъ и заключается важнѣйшая формальная особенность «распроса у пытки»),—воевода, увлеченный розыскнымъ усердіемъ, выдвигаетъ противъ распрашиваемаго цѣлую гамму запугиваній и угрозъ, чтобы сбить его съ толку, затемнить ясность сознанія, «вывести съ ума», какъ онъ самъ объ этомъ разсказываетъ въ отпискѣ. Изъ этого же примѣра обнаруживается еще одна черта процессуальнаго обособленія «распроса у пытки» отъ распрашиванья подъ пыткой: органы розыскной власти (воеводы), сознавая за собой полномочіе пользоваться «распросомъ у пытки», останавливаются, однако, передъ непосредственнымъ примѣненіемъ пытки и обращаются по этому поводу за разрѣшеніемъ къ Москвѣ; нижеслѣдующимъ примѣромъ подтверждается это процессуальное обособленіе: «велѣлъ я тюремнаго сидѣльца Ивашку Щербака»—отписываетъ въ Москву воронежскій воевода—«поднять на пытку и въ твоемъ государевѣ словѣ распрашивалъ; и онъ, Ивашка, у пытки сказалъ мнѣ тѣ же рѣчи противъ прежнихъ своихъ распросныхъ рѣчей, а *пытать* я, холопъ твой, его Ивашку *безъ твоего государева указу не смѣлъ*, и о томъ, что мнѣ государь укажешь» (Архивъ, столбецъ бѣлгородскаго стола № 190, л. 391). Государевы грамоты, представляющія собой сыскныя инструкціи воеводамъ по конкретнымъ дѣламъ, также отдѣляютъ полномочіе «распросить у пытки» отъ самаго примѣненія пытки: «будетъ извѣтчикъ въ распросѣ государева дѣла не скажетъ, и его велѣно пыткой постращать, а *не пытать*, да о томъ отписать къ государю [73])».

Итакъ, распросы, какъ составная часть розыска по государевымъ дѣламъ, вошли въ обиходъ московской практики двумя разновидностями: въ видѣ распроса простого, зауряднаго, въ которомъ предполагается свобода показаній, и въ видѣ распроса у пытки, протекающаго въ условіяхъ психическаго понужденія посредствомъ напоминанія о пыткѣ. Наличность этихъ двухъ формъ распроса составляетъ, по-видимому, исключительную черту процесса по государевымъ дѣламъ: по крайней мѣрѣ, на всемъ протяженіи XXI-й главы Уложенія нельзя уловить ни малѣйшаго указанія ни даже слабаго слѣда

на практику «распроса у пытки», хотя распросъ вообще, какъ первоначальное и вполнѣ самостоятельное сыскное дѣйствіе, признается и практикуется въ розыскѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ [74]). Что касается «распроса у пытки», то совершенная безполезность его въ розыскѣ этого типа обусловливается тѣмъ, что всѣ поводы, по которымъ вчинается губной процессъ, разсматриваются Уложеніемъ, какъ достаточныя основанія для непосредственнаго перехода къ пыткѣ; слѣдовательно, въ уголовно-розыскной процедурѣ нѣтъ необходимости прибѣгать къ запугиванію пыткой, такъ какъ есть законная возможность прямо обратиться къ неотложному примѣненію пытки.

«Распросы» въ государевыхъ дѣлахъ, обыкновенно, тутъ же записывались, и такимъ образомъ получались «распросныя рѣчи»; это наименованіе прилагалось одинаково къ допросу извѣтчика и обвиняемаго и свидѣтелей; ниже мы остановимся на особенностяхъ распроса каждаго изъ этихъ участниковъ государева дѣла.

II. Распросъ извѣтчика есть первоначальное дѣйствіе *розыска*, непосредственно слѣдующее за полученіемъ извѣта; однако, распросъ отнюдь не сливается съ самимъ извѣтомъ, какъ начальнымъ моментомъ *процесса*. Несовпаденіе ихъ отчетливо выступаетъ въ дѣятельности органовъ, производящихъ сыскъ: сначала воевода принимаетъ «извѣтъ», а потомъ «распрашиваетъ» извѣтчика. Оба эти момента различаются и по формѣ и по существу: извѣтъ, словесный или письменный, облекается въ форму извѣтнаго челобитья, а распросъ протоколируется въ «распросныхъ рѣчахъ»; поэтому въ документахъ государева дѣла фигурируютъ всегда въ полной раздѣльности «извѣтная челобитная» съ одной стороны и «распросныя рѣчи» извѣтчика съ другой; содержаніе извѣта опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ извѣтчика, безъ всякаго воздѣйствія органовъ розыскной власти; а содержаніе распроса, наоборотъ, складывается при дѣятельномъ участіи розыскныхъ органовъ, ведущихъ распросъ; но самое существенное различіе заключается въ томъ, что извѣтъ могъ быть формулированъ очень глухо, безъ ссылокъ на доказательства и даже безъ конкретныхъ указаній на личность и фактъ, знаменуя собой простую заявку «слова и дѣла»,—а въ распросѣ эта заявка облекается въ плоть и кровь, пріобрѣтаетъ доказательность и конкретную опредѣленность [75]).

Отсюда слѣдуетъ, что распросъ извѣтчика есть существенное и необходимое дополненіе извѣта или извѣтнаго челобитья. Этимъ обусловливается и *необходимость его въ процессѣ*. Практически она подкрѣпляется еще тѣмъ, что широкая распространенность неосновательныхъ извѣтовъ дѣлала слишкомъ частымъ въ московской практикѣ отказъ отъ извѣта заявленнаго; поэтому распросъ извѣтчика былъ первымъ пробнымъ камнемъ серьезности извѣта, и если онъ выдерживалъ это испытаніе, то становился пружиной, двигающей и направляющей сыскъ. Распросъ извѣтчика составляетъ прямую и неотложную обязанность органовъ розыскной власти: въ одной государевой грамотѣ 1638 года козловскому воеводѣ дается общее наставленіе—«какіе люди учнутъ сказывать, что за ними наше дѣло, и ты бы ихъ *распрашивалъ*» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 116); неисполненіе воеводой этой обязанности разсматривается, какъ должностное преступленіе: товарищъ князя Пожарскаго по воеводству князь Данило Гагаринъ въ 1628 году судился за то, что «человѣкъ князя Пожарскаго сказывалъ ему въ съѣзжей избѣ государево слово на своего господина, а онъ, прибивъ извѣтчика, *безъ распросу* отослалъ его на дворъ ко князю Пожарскому». Если извѣтчикъ самъ уклонялся отъ распроса, то къ нему примѣняли мѣры физическаго принужденія: посылали за нимъ пристава и пушкарей и силой доставляли его «въ съѣзжую къ распросу»; если же онъ и тутъ отказывался отъ всякихъ объясненій, его подвергали пыткѣ, чтобы онъ «государева дѣла не таилъ» (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 121, листъ 111). Однимъ словомъ, извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ, однажды заявленный власти, непремѣнно и неотложно имѣлъ своимъ послѣдствіемъ распросъ извѣтчика.

Главнымъ *предметомъ распроса* служила, разумѣется, сущность государева слова или дѣла, объявленнаго за собой извѣтчикомъ, и доказательства, на которыя онъ ссылается. Въ распросѣ извѣтчикъ, обыкновенно, указывалъ свидѣтелей поименно, но могъ сослаться на нихъ и безъ точныхъ именныхъ указаній, напримѣръ, ограничивался глухой ссылкой на «сторонніхъ людей, которые въ то время были» (Акты московскаго государства, III, 527). Если извѣтчикъ въ распросѣ сознавался, что онъ поклепалъ напрасно, то его распрашивали, по чьему наученію онъ такое дѣло затѣялъ. Обыкновенный *порядокъ протоколированія* распроса извѣтчика заключался въ томъ,

что должностныя лица, производившія распросъ, записывали его «распросныя рѣчи»; но если извѣтчикъ ссылался на тайну и отказывался сообщить воеводѣ сущность своего извѣта, то примѣнялся одинъ изъ слѣдующихъ трехъ способовъ: а) если извѣтчикъ былъ грамотенъ, то ему предоставляли право «написать государево дѣло своею рукой»; такъ какъ содержаніе такого «письма» складывалось безъ всякаго участія воеводы, то это, въ сущности, были не распросныя рѣчи, а скорѣе извѣтная челобитная, но снабженная уже конкретными указаніями и на личность обвиняемаго и на сущность государева дѣла; b) если извѣтчикъ былъ неграмотенъ, то требовали, чтобы показаніе его записано было «отца его духовнаго рукой»; в) наконецъ, если онъ отца духовнаго за собою не сказывалъ, то предписывалось воеводѣ «распросить его на-одинѣ и то дѣло написать своею рукой, а написавъ, запечатать и отослать государю» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 162, листы 315—320, новгородскаго № 61, листъ 140).

III. За распросомъ извѣтчика слѣдовалъ распросъ обвиняемаго. Онъ производился незамедлительно—обыкновенно въ тотъ же день, какъ выслушанъ извѣтчикъ. Необходимость этого распроса была твердо усвоена населеніемъ: «если бы про такія невмѣстимыя слова былъ на меня извѣтъ градскимъ людямъ и приставомъ»—говоритъ одинъ участникъ государева дѣла—«то градскіе люди и приставы привели бы меня въ съѣзжую избу къ воеводамъ, а воеводы *привели бы къ распросу*» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 124). Приговоръ безъ распросу вызывалъ протесты осужденныхъ.

Содержаніе распроса складывается изъ слѣдующихъ свѣдѣній. а) Обвиняемому, прежде всего, предлагаютъ вопросы, относящіеся къ его личности: какъ зовутъ, чей сынъ, какого чину онъ человѣкъ, гдѣ у него жена и дѣти; служилаго человѣка спрашивали, гдѣ за нимъ помѣстье, а холопа и крестьянина—чей онъ и изъ-за кого бѣжитъ (Акты московскаго государства, I, 271, II, 111; Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 263). Эти свѣдѣнія необходимы были для того, чтобы удостовѣриться, тотъ ли это человѣкъ, противъ котораго заявленъ былъ извѣтъ; если происходила ошибка, она этими вопросами разоблачалась. б) Затѣмъ обвиняемому вычитывалась извѣтная челобитная и сообщались доказательства, какія противъ него имѣются; обвиняемый такимъ образомъ узнавалъ, кто выступаетъ

извѣтчикомъ противъ него и кто на него что говорилъ въ распросѣ и съ пытокъ [76]). Это былъ очень важный процессуальный обычай, соблюденіе котораго сразу давало обвиняемому твердую почву для защиты; иногда онъ, ознакомившись съ извѣтомъ, могъ тутъ же объяснить, что такое дѣло «затѣяно на него по недружбѣ» или что извѣтчикъ «хочетъ его помѣстьемъ завладѣть»; иногда доказательства, выдвинутыя противъ обвиняемаго, онъ могъ тутъ же обернуть въ свою пользу: напримѣръ, могъ на свидѣтелей, указанныхъ извѣтчикомъ, сослаться самъ «изъ виноватыхъ». в) Затѣмъ обвиняемому предлагались вопросы, относящіеся къ существу преступленія; они пріурочивались, обыкновенно, къ двумъ важнѣйшимъ пунктамъ: по какому умыслу онъ такое дѣло затѣялъ и кто у него былъ въ томъ умыслѣ совѣтникомъ и соучастникомъ. г) Наконецъ, въ распросѣ же принимали ходатайства отъ обвиняемаго и ссылки на доказательства въ его пользу: онъ указывалъ свидѣтелей, просилъ «обыскать» или требовалъ очной ставки или просто «имался за пытку». Но обвиняемый могъ и не вести такой активной защиты; напримѣръ, онъ въ распросѣ же приносилъ повинную, не дожидаясь очной ставки и пытокъ; если дѣло было простое и не предполагало ни особенно хитраго сокровеннаго умысла, ни необнаруженныхъ еще соучастниковъ, то сознаніемъ въ распросѣ иногда исчерпывался весь сыскъ. Но если обвиняемый занималъ срединную позицію между запирательствомъ и сознаніемъ—въ распросѣ молчалъ и не давалъ никакихъ объясненій, такое поведеніе истолковывалось, повидимому, какъ доказательство противъ него: «извѣщалъ словесно въ приказной избѣ воеводѣ стрѣлецъ Подгогулинъ, что старецъ-раскольникъ Ларіонъ великихъ государей называлъ неистово—какіе де цари у насъ? крестъ отнимаютъ, они де сущіе еретики,—и билъ челомъ извѣтчикъ, чтобы великіе государи пожаловали его, велѣли того старца распросить и стрѣльцовъ, которые съ нимъ ѣздили»; воевода распросилъ стрѣльцовъ, и тѣ извѣтъ подтвердили; «того жъ числа распрашиванъ старецъ, и про неистовыя слова *ничего отвѣту не далъ*; по указу великихъ государей велѣно старца казнить» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 273). Такъ какъ старецъ не принесъ повинной въ преступленіи, то смертный приговоръ основанъ, очевидно, на томъ, что молчаніе его въ распросѣ истолковали, какъ признаніе.—Слѣдуетъ отмѣтить связь между «рас-

просомъ» обвиняемаго и извѣтной челобитной: послѣдняя не только вычитывалась обвиняемому, но и опредѣляла собой, въ сущности, весь ходъ распроса и очерчивала его предѣлы; эта зависимость распроса отъ извѣта выражалась въ документахъ государевыхъ дѣлъ постоянными указаніями, что обвиняемый «ставленъ къ распросу и *противъ извѣту* распрашиванъ» (или «противъ извѣтной челобитной»).

Въ отношеніи внѣшняго порядка распросъ обвиняемаго характеризуется отмѣченными выше чертами—«порознь» и «наодинѣ». Мѣсто распроса—съѣзжая изба или приказъ; въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, если обвиняемый боленъ и находится на свободѣ, распросъ происходитъ у него на дому (Акты московскаго государства, II, 167).

IV. За распросомъ извѣтчика и обвиняемаго слѣдовалъ, обыкновенно, распросъ свидѣтелей; но этотъ порядокъ нарушался иногда въ пользу свидѣтелей, указанныхъ извѣтчикомъ: они допрашивались прежде обвиняемаго. Какъ способъ розыска въ государевыхъ дѣлахъ, свидѣтели предусматриваются второй главой Уложенія (II, 12), а практика широко пользовалась свидѣтельскими показаніями въ розыскѣ по непристойнымъ словамъ, гдѣ свидѣтели призывались для удостовѣренія факта, составляющаго самое существо преступленія. Люди, приводившіе къ органамъ власти подозрѣваемыхъ въ государевомъ дѣлѣ, распрашивались о причинахъ ихъ задержанія («приводы»); впрочемъ, по своему процессуальному положенію они часто уподоблялись скорѣе извѣтчикамъ, чѣмъ свидѣтелямъ. Для обезпеченія свидѣтельскихъ показаній московская практика выработала своеобразный институтъ «явки стороннимъ людямъ»: человѣкъ, при которомъ сказано непристойное слово или совершено подозрительное въ политическомъ отношеніи дѣйствіе, безотлагательно «являлъ о томъ стороннимъ людямъ», приглашая ихъ подтвердить своими показаніями затѣваемый имъ извѣтъ; этотъ пріемъ характеризуется иногда мѣткимъ терминомъ «запослушиванія» (Новомбергскій, I, 5 и 49). Свидѣтели указываются, конечно, сторонами, т. е. извѣтчикомъ и обвиняемымъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (очень рѣдкихъ), когда извѣтчикъ уклоняется отъ указанія свидѣтелей, и обвиняемый ихъ не вызываетъ,—розыскная власть по собственной иниціативѣ опредѣляетъ кругъ допрашиваемыхъ: напр., при извѣтѣ тюремнаго сидѣльца воевода прибѣгаетъ къ поголовному распросу

всѣхъ обитателей тюрьмы, сидѣвшихъ съ извѣтчикомъ или съ обвиняемымъ (тамъ же, 50).

Свидѣтели допрашиваются «по государеву крестному цѣлованію», подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть не предварительную присягу въ процессѣ, а общую вѣрноподданническую присягу, даваемую населеніемъ при вступленіи новаго государя на престолъ; иногда свидѣтели допрашиваются «по святой непорочной заповѣди Господней»: въ этомъ уже можно видѣть указаніе на свидѣтельскую присягу въ процессѣ или на религіозное обѣщаніе, по существу близкое къ присягѣ (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 272, листъ 16). Свидѣтели, однажды допрошенные, по государевой грамотѣ изъ Москвы подвергались иногда новому распросу, если возникало подозрѣніе, что они «покрываютъ» [77]).

Относительно процессуальной силы свидѣтельскихъ показаній можно подмѣтить слѣдующія нормы: 1) показанія свидѣтелей, указанныхъ извѣтчикомъ, имѣли рѣшающую силу противъ него; если они опровергали извѣтъ, то за распросомъ ихъ слѣдовалъ, обыкновенно, приговоръ извѣтчику, потому что «тѣ люди, при комъ то дѣло дѣлалось и на кого онъ слался, противъ его извѣту не сказали» (Новомбергскій, I, 50, 51, 120; Архивъ, московскаго стола столбецъ № 54, листы 25—27); 2) такое же правило можно формулировать относительно свидѣтелей, указанныхъ обвиняемымъ; если они, будучи имъ вызваны, показывали противъ него, то въ обвинительномъ приговорѣ указывалось на то, что «его жъ правда его обвинила» (Акты археографической экспедиціи, III, 384); эти двѣ категоріи свидѣтелей представляютъ собой, по особенной силѣ своихъ показаній, ту самую форму судебнаго доказательства, которую Уложеніе, описывая въ десятой главѣ порядокъ «суда», характеризуетъ, какъ «ссылку изъ виноватыхъ»; 3) если обвиняемый слался на тѣхъ самыхъ свидѣтелей, которые указаны извѣтчикомъ, «хотѣлъ тѣми людьми правымъ быть»,—то ихъ показанія пріобрѣтали одинаковую силу противъ той и другой стороны (Акты московскаго государства, II, 274); эта группа свидѣтелей составляетъ такъ называемую «обчую правду»—судебное доказательство, опять-таки широко примѣнявшееся съ исключительной процессуальной силой въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ порядкомъ «суда»; 4) если свидѣтели подтверждали содержаніе извѣта, то дѣло могло ограничиться распросомъ ихъ, и на основаніи сви-

дѣтельскихъ показаній выносился обвинительный вердиктъ, хотя бы на-лицо было устойчивое запирательство подсудимаго (Новомбергскій, I, 160, 294). Это практиковалось, однако же, исключительно въ дѣлахъ маловажныхъ, въ дѣлахъ, гдѣ не было никакихъ указаній на возможность «измѣннаго» или «бунтовского умысла», гдѣ все преступленіе выражалось чаще всего въ «непристойномъ словѣ» по легкомыслію или «пьянымъ обычаемъ, безъ умысла и хитрости»; самый суровый обвинительный приговоръ по такимъ дѣламъ не шелъ дальше битья кнутомъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда по одному объективному факту, удостовѣренному свидѣтелями, розыскная власть стремилась раскрыть всю полноту предполагаемыхъ за преступникомъ противогосударственныхъ умысловъ, сыскъ не останавливался на распросахъ, а переходилъ къ средствамъ болѣе сильнымъ.

Изъ того, что сказано нами о значеніи свидѣтельскихъ показаній, обнаруживается знаменательная черта близости судопроизводства по государевымъ дѣламъ съ издревле установившимися московскими формами «суда»: и здѣсь и тамъ свидѣтели не только выступаютъ какъ одинаково частые, одинаково заурядные участники судопроизводства, но принимаютъ даже, какъ судебное доказательство, одинаковыя процессуальныя формы съ приблизительно-равнымъ процессуальнымъ значеніемъ. Наоборотъ, въ дѣлахъ, разбираемыхъ губнымъ процессомъ, свидѣтели, какъ форма судебнаго доказательства, имѣютъ очень рѣдкое примѣненіе; эта черта легко объясняется тѣмъ, что самый строй разбойно-татебнаго процесса въ московскомъ государствѣ исключалъ прямую необходимость въ свидѣтельскихъ показаніяхъ: всѣ поводы, по которымъ вчинался уголовный розыскъ (поличное, язычная молка, облихованіе на обыскѣ), вели непосредственно и безотлагательно къ пыткѣ подсудимаго; а если этихъ поводовъ на-лицо не было, то дѣло разбиралось «судомъ» (Уложеніе, XXI, 49). Примѣненіе же пытки, какъ сильнаго и успѣшнаго средства получить самое цѣнное доказательство — собственное признаніе, — отнимало цѣну у свидѣтельскихъ показаній; поэтому XXI-я глава Уложенія совсѣмъ не упоминаетъ о свидѣтеляхъ. Между тѣмъ въ процессѣ по государевымъ дѣламъ свидѣтели, какъ увидимъ ниже, не исключались пыткой, а составляли одно изъ условій для непосредственнаго перехода къ примѣненію пытки. Но на

пути къ этому сильному средству стояла еще одна розыскная процедура, составлявшая своеобразную и характерную черту судопроизводства по государевымъ дѣламъ: мы разумѣемъ очную ставку.

§ 3.

Очная ставка.

1. Очная ставка есть обязательная процедура сыска: требованіе Уложенія, инструкція государевыхъ грамотъ, рѣшающая важность очной ставки, какъ поворотнаго момента въ процессѣ; исключенія изъ начала обязательности.—II. Мѣсто очной ставки въ порядкѣ сыскныхъ дѣйствій; очная ставка у пытки.—III. Картина очной ставки; уличеніе и распрашиванье; протоколъ; состязательный характеръ; близость къ „суду".—IV. Значеніе очной ставки въ процессѣ; очная ставка не только средство розыска, но и гарантія для обвиняемаго; требованіе очной ставки въ записи Шуйскаго, протесты осужденныхъ безъ очной ставки, домогательства обвиняемыхъ.—V. Очная ставка въ разбойно-татебномъ розыскѣ, узкій кругъ примѣненія, ея особенная форма и исключительная цѣль.

I. Во второй главѣ Уложенія есть слѣдующая статья, прямо относящаяся къ очной ставкѣ: «а кто на кого учнетъ извѣщати государево великое дѣло или измѣну, а того, на кого онъ то дѣло извѣщаетъ, въ то время въ лицахъ не будетъ,—и того, на кого тотъ извѣтъ будетъ, сыскати и *поставить съ извѣтчикомъ съ очей на очи* и противъ извѣту про государево дѣло и про измѣну сыскивать всякими сыски накрѣпко и по сыску указъ учинить» [78]). Отсюда слѣдуетъ, что если обвиняемый находится «въ лицахъ», то очная его ставка съ извѣтчикомъ и подавно должна имѣть мѣсто; стало-быть, она является при всѣхъ условіяхъ необходимымъ фазисомъ политическаго судопроизводства; съ другой стороны, разъ законодатель запрещаетъ начинать сыскъ до производства очной ставки, значитъ онъ приписываетъ ей исключительно-важное значеніе въ движеніи розыскного процесса. Итакъ, очная ставка, по смыслу московскаго кодекса XVII вѣка, есть не только существенно-необходимый, но и рѣшающе-важный моментъ въ производствѣ государева дѣла. Изслѣдованіемъ практики политическаго суда этотъ выводъ въ общемъ подтверждается: если государево дѣло начинается извѣтомъ, то сыскъ, за рѣдкими исключеніями, не обходится безъ очной ставки извѣтчика съ обвиняемымъ; въ государе-

выхъ грамотахъ по политическимъ дѣламъ воеводамъ неизмѣнно предписывается «извѣтчика и на кого онъ извѣщалъ ставить съ очей на очи и распрашивать» (Новомбергскій, I, 4, 12); Москва непремѣнно требуетъ, чтобы воеводы въ отпискахъ по государевымъ дѣламъ сообщали о производствѣ по очной ставкѣ; если воевода въ розыскѣ забывалъ объ очной ставкѣ, государева грамота напоминала ему о необходимости исполнить эту процедуру (тамъ же, 5). Важность ея, какъ поворотнаго момента въ движеніи сыска, подтверждается тѣмъ, что вслѣдъ за очной ставкой участники государева дѣла ждутъ неотложно «указу» и замедленіе въ указѣ считаютъ несправедливостью, незаконностью и служебнымъ упущеніемъ органовъ розыскной власти: «очная ставка намъ была»—жалуется въ Москву одинъ извѣтчикъ—«а указу до сихъ поръ не учинено» (Акты московскаго государства, III, 41). Извѣтчики отказываются отъ подробнаго показанія, пока тѣхъ, на кого ими заявленъ извѣтъ, не поставятъ къ нимъ на очную ставку: «хотя быть ему, Ивашкѣ, на пыткѣ замучену до смерти, а безъ очныя ставки ему того государева дѣла не сказывати» (Архивъ, бѣлогородскаго стола столбецъ № 190, листъ 345).

Но изъ начала обязательности очной ставки практика выработала нѣкоторыя исключенія. Помимо случая, когда весь сыскъ оканчивался распросомъ, и до очной ставки, стало-быть, не доходилъ чередъ,—можно подмѣтить еще нѣкоторыя условія, исключавшія ее изъ послѣдовательности сыскныхъ дѣйствій: 1) когда извѣтчикъ подкрѣплялъ свой извѣтъ ссылкой на вещественныя доказательства въ такихъ дѣлахъ, гдѣ имъ принадлежало рѣшающее значеніе; напримѣръ, извѣтчикъ представлялъ грамоты, въ которыхъ прописано государево именованье; 2) когда обвиняемый въ распросѣ «отвѣту не давалъ»; молчаніе его, во-первыхъ, истолковывалось какъ признаніе, а во-вторыхъ заранѣе знаменовало полную безполезность очной ставки (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 273); 3) наконецъ, когда извѣтчикомъ выступалъ помѣщикъ или бояринъ на своего холопа или крестьянина; въ этомъ случаѣ само Уложеніе не предписывало, кажется, обязательную очную ставку, такъ какъ возлагая на помѣщиковъ и вотчинниковъ обязанность «извѣщать и приводить» къ воеводамъ своихъ людей и крестьянъ, оно даетъ воеводамъ инструкцію—по такимъ извѣтамъ «распраши-

вать, сыскивать и писать государю», а объ очной ставкѣ не упоминаетъ (VI, 6); практика государевыхъ дѣлъ именно такъ и истолковала эту статью: когда помѣщики и вотчинники приводили своихъ людей и крестьянъ съ извѣтомъ на нихъ, то приводныхъ людей послѣ распроса подвергали прямо пыткѣ (Акты московскаго государства I, 170, 271).

За вычетомъ этихъ случаевъ очная ставка была общимъ правиломъ розыскного процесса по государевымъ дѣламъ. Посредствомъ нея изслѣдовался не только основной вопросъ о виновности, но и важнѣйшіе изъ побочныхъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣломъ (Акты московскаго государства, II, 111). Она примѣнялась въ практикѣ не только къ обвиняемому, но и къ свидѣтелямъ: если свидѣтели, на которыхъ слался извѣтчикъ, не подтверждали его ссылку, то и они ставились съ нимъ съ очей на очи, и извѣтчикъ долженъ былъ ихъ «уличить» (тамъ же, II, 274; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II, 1890, III, 159); такое же правило примѣнялось и къ свидѣтелямъ обвиняемаго, если они показывали противъ него (Акты археографической экспедиціи, III, 384); при рѣшительномъ противорѣчіи свидѣтелей они ставились на очную ставку другъ съ другомъ (Новомбергскій, I, 6, 314). Въ какихъ бы личныхъ отношеніяхъ ни находился извѣтчикъ къ обвиняемому, онъ все-таки ставился съ нимъ на очную ставку: самое близкое родство между ними не избавляло извѣтчика отъ этого процессуальнаго положенія (Дворцовые разряды, III, 1423: очная ставка родныхъ сестеръ). Практиковалась, наконецъ, и очная ставка нѣсколькихъ обвиняемыхъ другъ съ другомъ: сознавшійся обвиняемый ставился съ очей на очи съ отрицавшимъ свою вину; если обвиняемый сознавался въ преступленіи, но отрицалъ нѣкоторые существенные его признаки, отягчавшіе наказуемость, то онъ долженъ былъ выдержать очную ставку съ другимъ обвиняемымъ, который сознавался и въ этихъ признакахъ (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 9).

II. Въ *порядкѣ сыскныхъ дѣйствій* очная ставка непосредственно слѣдуетъ за «распросами»; при этомъ не только распросъ извѣтчика и обвиняемаго, но и распросъ свидѣтелей предшествуетъ очной ставкѣ: Уложеніе, устанавливая послѣдовательность сыскныхъ дѣйствій, упоминаетъ сначала о свидѣтеляхъ, а потомъ объ «ули-

ченіи», характеризующемъ очную ставку (II, 12). Такимъ образомъ, послѣдняя во всякомъ случаѣ предшествуетъ пыткѣ. Такой порядокъ, какъ нормальный и постоянный, устанавливается и въ «государевыхъ сыскныхъ грамотахъ» — инструкціяхъ воеводамъ по производству государевыхъ дѣлъ—и отражается также въ самостоятельныхъ розыскныхъ дѣйствіяхъ воеводъ: сначала воевода «распрашиваетъ», потомъ «ставитъ съ очей на очи», а потомъ уже, отписавъ государю, пытаетъ или ждетъ изъ Москвы «указу». Въ дѣлахъ сложныхъ и важныхъ Москва дѣлаетъ иногда распоряженіе *повторить очную ставку*, если по первой «не сыскалось допряма» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 186); тогда очная ставка происходитъ, обыкновенно, «въ застѣнкѣ» или «*у пытки*» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 327 и 88; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 180)); такимъ образомъ, и въ стадіи очной ставки практика сдѣлала шагъ къ осложненію ея прямыми угрозами пытки; отъ простой своей формы очная ставка въ застѣнкѣ отличается такими же чертами, какими «распросъ у пытки» отличается отъ распроса первоначальнаго.

III. *Картина очной ставки* складывается изъ дѣятельности трехъ лицъ, въ ней участвующихъ: извѣтчика, обвиняемаго и органа розыскной власти. Извѣтчикъ на очной ставкѣ, прежде всего, подтверждаетъ свой извѣтъ, затѣмъ «*уличаетъ*» обвиняемаго, т.-е. припоминаетъ ему конкретныя обстоятельства, при которыхъ совершилось преступленіе, и приводитъ доказательства, на которыя не ссылался раньше; такъ, свидѣтели часто указываются извѣтчикомъ только на очной ставкѣ (Акты московскаго государства, I, 178; II, 274). Обвиняемый или винится или опровергаетъ улики извѣтчика, т.-е. возражаетъ ему и указываетъ на доказательства въ свою пользу; этотъ обмѣнъ уликъ и возраженій производится, по-видимому, во второмъ лицѣ, въ формѣ непосредственнаго обращенія сторонъ другъ къ другу [79]). Наконецъ, органъ розыскной власти, будь это воевода, дьякъ или бояринъ, «*распрашиваетъ*» и извѣтчика и обвиняемаго, при чемъ содержаніе распроса опредѣляется, конечно, ходомъ очной ставки, т.-е. взаимными «уликами» сторонъ. «Распросъ» есть такой же необходимый элементъ этой процедуры, какъ и «уличеніе»: въ первомъ выражается дѣятельность судебнаго органа, производящаго сыскъ, въ послѣднемъ — дѣятельность сто-

ронъ въ государевомъ дѣлѣ, извѣтчика и обвиняемаго. Результаты очной ставки протоколируются въ документѣ, который носитъ такое же названіе, какъ и судебная процедура, имъ удостовѣряемая: воевода отсылаетъ въ Москву «распросныя рѣчи» и «очную ставку»; извѣтчики, недовольные воеводой, просятъ — «вели, государь, взять насъ къ Москвѣ и очную нашу ставку».

Въ нарисованной нами картинѣ очной ставкѣ отпечатлѣваются какъ нельзя лучше слѣды историческаго ея происхожденія: она зародилась изъ свободнаго состязанія сторонъ, единственной судебной формы, которую знаетъ древнѣйшая исторія процесса; состязаніе это протекало безъ всякаго участія судьи, на которомъ лежала только обязанность удостовѣрить ея результаты и сдѣлать изъ нихъ судебный выводъ; въ позднѣйшую эпоху, по мѣрѣ усиленія государственнаго начала, это судебное состязаніе сторонъ осложняется активнымъ вмѣшательствомъ судьи: въ дѣлахъ, затрогивающихъ государственный интересъ, онъ «распрашиваетъ» состязующихся, при чемъ содержаніе распроса подсказывается ходомъ судебнаго спора, развитіемъ состязательной дѣятельности сторонъ; въ этомъ видѣ состязательное начало складывается въ такую судебную процедуру, которую подъ именемъ очной ставки могъ усвоить московскій розыскной процессъ XVII вѣка. Два виднѣйшихъ изслѣдователя по исторіи русскаго судопроизводства, въ согласіи другъ съ другомъ, удостовѣряютъ близость очной ставки къ «суду», т.-е. къ такой формѣ процесса, которая представляетъ систематическое и законченное выраженіе состязательнаго начала: по мнѣнію Кавелина, очныя ставки въ существѣ своемъ представляютъ обвинительную форму судопроизводства и въ этомъ смыслѣ не отличаются отъ суда; по мнѣнію Дмитріева, очная ставка есть «видоизмѣненіе суда» (Сочиненія, I, 362). Подтвердивъ это мнѣніе воспроизведенной выше картиной очной ставки, какъ она очерчивается въ государевыхъ дѣлахъ XVII вѣка, мы можемъ еще добавить сюда, что и въ правосознаніи той эпохи явственно сказывается взглядъ на очную ставку, какъ на элементъ «суда» въ «розыскѣ»: такъ, въ записи Шуйскаго царь принимаетъ на себя обязательство «судить истиннымъ *судомъ*» всякаго человѣка, подозрѣваемаго въ тяжкомъ преступленіи, а среди условій, въ которыхъ конкретизируется это общее обязательство, выступаетъ требованіе «доводовъ ложныхъ

не слушати, *а ставить съ очей на очи* и сыскивать всякими сыски»; когда царь Петръ на исходѣ XVII вѣка отмѣнилъ «судъ», какъ особую форму процесса, и предписалъ всѣ дѣла вести однимъ «розыскомъ», то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидѣлъ себя въ необходимости отмѣнить и очныя ставки (Полное собраніе законовъ, № 1572); обвиняемые въ государевыхъ дѣлахъ неизмѣнно отождествляютъ «очную ставку» и «судъ»: безъ очной ставки судить это значитъ «безъ суда судить» (Соловьевъ, Исторія, XIII, 226).

IV. Установивъ состязательный характеръ очной ставки и ея близость къ «суду», мы тѣмъ самымъ подошли вплотную къ вопросу о ея *значеніи*. Состязаніе предполагаетъ пользу и интересъ состязующихся. Поэтому на очную ставку нельзя смотрѣть, какъ на такое средство, которое примѣняется розыскной властью исключительно въ ея собственныхъ расчетахъ и соображеніяхъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго изобличенія и расправы съ заподозрѣннымъ. Правда, такое значеніе въ сильнѣйшей степени окрашиваетъ очную ставку XVII вѣка: «распрашивать, ставить съ очей на очи и сыскивать всякими сыски»—въ этихъ словахъ и въ этомъ сопоставленіи, неизмѣнно характеризующемъ розыскную инструкцію государевыхъ грамотъ, уже улавливается односторонній взглядъ на очную ставку, какъ на удобнѣйшій и скорѣйшій путь къ обвинительному эпилогу судебнаго процесса, путь, который розыскная власть, по особенной его полезности для власти же, стремится обезпечить за собой прямымъ постановленіемъ закона; повтореніемъ очной ставки по одностороннему усмотрѣнію розыскныхъ органовъ, областныхъ или центральныхъ, такой взглядъ на нее подчеркивается съ еще большей ясностью... Тѣмъ не менѣе, въ этомъ — лишь одна сторона процессуальнаго значенія очной ставки, а другая заключается въ томъ, что, оставаясь могущественнымъ средствомъ розыска и обвиненія, она въ то же время выступаетъ, какъ надежное средство защиты и оправданія; имѣя процессуальную полезность для власти, она едва-ли не въ большей степени представляетъ собой полезность для обвиняемаго: въ очной ставкѣ для него воплощалась наиболѣе цѣнная и дѣйствительная гарантія противъ произвольной расправы на основаніи непровѣреннаго извѣта, противъ судебной ошибки, легко возможной тамъ, гдѣ власть, чуткая къ охранѣ своихъ интересовъ и къ предупрежденію опасностей,

имъ угрожающихъ, склонна скорѣе покарать, чѣмъ оправдать, скорѣе считаться съ голосомъ извѣтчика, чѣмъ съ протестомъ подозрѣваемаго. Очной ставкой, прежде всего, устранялась возможность анонимныхъ извѣтовъ, такъ какъ извѣтчикъ ставился лицомъ къ лицу съ обвиняемымъ; плодомъ личной встрѣчи являлось судебное состязаніе или споръ, въ которомъ слабыя стороны извѣта подвергались ударамъ самого обвиняемаго въ формѣ его возраженій, отвѣтовъ и встрѣчныхъ уликъ; подъ этими ударами могла сразу вскрыться неосновательность или затѣйность извѣта, и такимъ образомъ обвиняемый во-время спасалъ себя отъ жестокостей пытки; очная же ставка пресѣкала возможность утайки отъ обвиняемаго доказательствъ, противъ него имѣющихся, и этимъ, конечно, облегчала ему защиту; наконецъ, все это дѣлало очную ставку для обвиняемаго сильнѣйшимъ орудіемъ въ борьбѣ его съ затѣйнымъ извѣтомъ, что̀ пріобрѣтало большую важность въ эпоху дворцовыхъ смутъ и дворцовыхъ интригъ, когда къ ложному извѣту прибѣгали для того, чтобы свалить опаснаго врага или сильнаго соперника: не трудно было за деньги купить услужливаго извѣтчика, но трудно было съ успѣхомъ провести его черезъ чистилище очной ставки.

Такое значеніе очной ставки отражается прежде всего въ записи Шуйскаго: уже одно внесеніе этой процессуальной формы въ публичное обязательство царя, ея обезпеченіе посредствомъ крестнаго цѣлованія представителя верховной власти свидѣтельствуетъ о томъ, что она была не столько средствомъ розыска, удобнѣйшимъ для правительства, сколько способомъ защиты для обвиняемаго, гарантіей праваго суда; но этотъ ея смыслъ, сверхъ того, отчетливо выражается въ прямомъ указаніи записи, что царь обязуется «ставить съ очей на очи, *чтобы въ томъ православное христіянство безвинно не гибли*». Осужденные за политическое преступленіе выражаютъ протестъ, если приговоръ состоялся безъ очной ставки: «пошелъ я на Москву извѣстити тебѣ, великому государю, про измѣну и про воровство» — жалуется въ челобитной кіевскій іеромонахъ Анатолій — «и какъ мы пришли на Москву, епископъ Меѳодій оговорилъ насъ лазутчиками, и насъ сослали въ ссылку *безъ сыску и безъ очной ставки*» (Акты южной и западной Россіи, III, 19); особенно любопытна въ этомъ отношеніи че-

лобитная Артамона Сергѣевича Матвѣева, сосланнаго въ ссылку при воцареніи Ѳедора Алексѣевича: «почему я съ доносчикомъ не ставленъ и не допрошенъ»—жаловался онъ государю изъ ссылки—«Стеньку Разина всѣ бояре на земскомъ дворѣ распрашивали и *очныя ставки давали*, а меня, боярина, *безъ суда судили*» (Соловьевъ, XIII, 226). Наконецъ, во время самаго розыска обвиняемые въ государевыхъ дѣлахъ добиваются очной ставки съ извѣтчикомъ и подаютъ объ этомъ челобитья: «вели мнѣ, государь, дать съ извѣтчиками очную ставку, чтобы мнѣ отъ ихъ умыслу и ложнаго извѣта въ конецъ не погинуть» [80]).

V. Примѣнялась ли *очная ставка въ процессѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ?* примѣнялась, но съ существенными различіями въ формѣ и значеніи. Различія эти обусловливались той основной причиной, что уголовный судъ не встрѣчался съ извѣтчикомъ, какъ съ постояннымъ и зауряднымъ участникомъ процесса, и само Уложеніе въ XXI-ой главѣ, совершенно игнорируя извѣтъ, предусматриваетъ лишь слѣдующіе три способа возбужденія уголовнаго дѣла: челобитье истца, облихованіе на обыскѣ и язычную молку, т.-е. оговоръ, сдѣланный подъ пыткой (XXI, 49). При челобитьѣ истца очная ставка безусловно не примѣняется: если истецъ бьетъ челомъ по поличному, то сыскъ послѣ «распроса» переходитъ непосредственно въ стадію изслѣдованія подъ пыткой (XXI, 50); если же челобитье истца не подкрѣпляется поличнымъ, то розыскной процессъ вообще не имѣетъ мѣста, и истецъ отсылается въ одинъ изъ «судныхъ» приказовъ (XXI, 49). При повальномъ обыскѣ очная ставка также не примѣняется, такъ какъ облихованіе на обыскѣ ведетъ непосредственно къ пыткѣ, а одобреніе—къ отдачѣ на поруки. Только при язычной молкѣ въ розыскной процессъ привходитъ очная ставка, но въ своеобразной формѣ: «языкъ» ставится съ очей на очи съ «оговорнымъ человѣкомъ». Но «языкъ» не есть извѣтчикъ, и отличается отъ него слѣдующими существенными чертами: въ качествѣ языка чаще всего выступаетъ лихой человѣкъ, уже уличенный, по крайней мѣрѣ, въ одной татьбѣ или въ разбоѣ, а извѣтчикъ — обыкновенный обыватель «какого чину нибудь», не лихой человѣкъ, не судимый и не осужденный; языкъ оговариваетъ своихъ товарищей по преступленію, а извѣтчикъ уличаетъ другого въ такомъ преступленіи, въ которомъ онъ самъ

не замѣшанъ; оговоръ языка исторгается у него мученіями пытки, а извѣтчикъ, свободный отъ прямыхъ физическихъ понужденій, исполняетъ лишь возложенную на него закономъ обязанность. Очная ставка языка съ оговорнымъ человѣкомъ преслѣдуетъ, въ сущности, только одну цѣль: языкъ долженъ опознать оговорного человѣка «среди многихъ людей». Но результаты такой очной ставки не имѣютъ существеннаго вліянія на дальнѣйшее движеніе процесса: если языкъ съ очей на очи опознаетъ оговореннаго, то послѣдній имѣетъ право бить челомъ о большомъ повальномъ обыскѣ (XXI, 35); а если языкъ на очной ставкѣ повинится, что поклепалъ оговореннаго напрасно, и это свое показаніе подтвердитъ потомъ на пыткѣ,—то оговореннаго человѣка все-таки «давали за пристава и про него обыскивали» (XXI, 41). Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ очная ставка обезсиливалась поглощающимъ значеніемъ повальнаго обыска.

§ 4.

Пытка.

I. Пытка политическихъ обвиняемыхъ по Уложенію и воеводскимъ наказамъ. — II. Примѣненіе пытки въ практикѣ государевыхъ дѣлъ: кругъ дѣлъ, очередь пытки, повтореніе пытки, разсказъ Котошихина, ходатайства о пыткѣ и ихъ значеніе. — III. Условія примѣненія пытки: сознаніе, оговоръ, свидѣтели, захватъ въ подозрительной обстановкѣ, извѣтъ господина; общій принципъ: пытка примѣняется при основательныхъ подозрѣніяхъ въ виновности и не примѣняется при основательныхъ сомнѣніяхъ въ таковой; значеніе „государева указа“ въ пыточномъ производствѣ; жестокость пытки. — IV. Пыточное производство въ уголовно-розыскномъ процессѣ.

I. О пыткѣ, этомъ сильнѣйшемъ средствѣ розыскного процесса, вторая глава Уложенія не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Только въ ст. 16-й, наряду съ требованіемъ ставить съ очей на очи, встрѣчаемъ такое наставленіе: «и противъ извѣту про государево дѣло и про измѣну сыскивати всякими сыски накрѣпко». Сопоставивъ съ этими словами выраженіе, встрѣченное нами въ одномъ государевомъ дѣлѣ: «пытать всякими сыски накрѣпко»,—можно усмотрѣть въ цитированныхъ выше словахъ Уложенія косвенное указаніе на пытку. Но отсюда мы можемъ извлечь лишь тотъ мало-содержательный выводъ, что московскій законодатель XVII вѣка не только

не исключаетъ пытку изъ политическаго процесса, но даже вмѣняетъ ее въ обязанность органамъ розыскной власти. Такъ какъ сверхъ этого вывода изъ Уложенія нельзя еще извлечь никакихъ указаній насчетъ пытки въ государевыхъ дѣлахъ, то неизбѣжно возникаетъ важный для характеристики политическаго розыска вопросъ: оставалось ли примѣненіе этого сильно-дѣйствующаго средства на совершенный произволъ розыскныхъ органовъ или оно подчинялось не попавшимъ въ кодексъ и сложившимся на практикѣ процессуальнымъ обычаямъ и нормамъ? Въ государевыхъ сыскныхъ грамотахъ и въ воеводскихъ наказахъ, куда заботливое правительство заносило самыя разнообразныя наставленія, попадаются нѣкоторыя выраженія, заставляющія насъ склониться въ сторону послѣдняго рѣшенія: «будетъ холопи и крестьяне учнутъ воровать, къ литовскимъ и нѣмецкимъ людямъ съ вѣстьми ходить, и воеводѣ тѣхъ людей имать и про измѣну сыскивать, а кто *дойдетъ до пытки*, и тѣхъ пытать» (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 239, листъ 192: наказъ торопецкому воеводѣ); «про пріѣзжихъ и прихожихъ людей сыскивать всякими сыски накрѣпко и въ лазутчествѣ и въ измѣнѣ давать на крѣпкія поруки, а если порукъ не будетъ, а по сыску чаять отъ нихъ воровства или лазутчества, *и по приликамъ доведется кто до пытки*, и тѣхъ пытать» (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 84); «въ комъ въ мурзахъ и въ татарахъ и въ прихожихъ людяхъ шатость и измѣну почаютъ, и воеводамъ тѣхъ людей распрашивать и про нихъ сыскивать всякими сыски; да будетъ по распросу и сыску русскіе люди и иноземцы, черные люди, *кто въ чемъ дойдутъ до пытки*, и ихъ велѣть пытать» [81]). Смыслъ этихъ выраженій плохо поддается истолкованію: что нужно разумѣть подъ словами — «дойдетъ, доведется, по приликамъ?» послѣднее, впрочемъ, можно сблизить съ «уликой», и тогда оно будетъ указывать на очную ставку или на повальный обыскъ... Но воздерживаясь отъ этихъ плохо обоснованныхъ гипотезъ, мы остановимся пока на одномъ только выводѣ, что въ этихъ малоопредѣленныхъ выраженіяхъ содержится все-таки указаніе на нѣкоторыя формальныя условія, при наличности которыхъ пытка становилась допустимымъ и даже обязательнымъ средствомъ политическаго розыска, и что не всѣ участники государева дѣла и не во всѣхъ рѣшительно случаяхъ испытывали на себѣ

непремѣнное воздѣйствіе этого грознаго и тяжелаго средства. Но въ какихъ именно случаяхъ и при какихъ формальныхъ условіяхъ оно переходило изъ психической угрозы, постоянно висѣвшей надъ участниками государева дѣла, въ живо чувствуемыя физическія истязанія, на этотъ вопросъ должна отвѣтить намъ практика государевыхъ дѣлъ; ея скудные, но все же достовѣрные слѣды составляютъ единственный путь къ рѣшенію такихъ вопросовъ, о которыхъ умалчиваетъ кодексъ.

II. Практика, прежде всего, раскрываетъ предъ нами широкій кругъ политическихъ преступленій, въ изслѣдованіи которыхъ допускается и примѣняется пытка: въ этотъ кругъ входятъ не только тяжкіе противогосударственные умыслы, предусмотрѣнные во второй главѣ Уложенія (измѣна, бунтъ, посягательство на государево здоровье), но и всѣ разнообразнѣйшія категоріи «непристойныхъ словъ» отъ оскорбительныхъ сужденій насчетъ державы и личности царя до легкомысленной политической сплетни или непочтительной обмолвки [82]). По всѣмъ этимъ дѣламъ примѣненіе пытки въ процессѣ подчиняется опредѣленному порядку послѣдовательности, основныя черты котораго уже выяснились намъ изъ предшествующаго изложенія: «распросъ», какъ первоначальное розыскное дѣйствіе, всегда предшествуетъ пыткѣ, а почти всегда ей предшествуетъ и очная ставка; такіе случаи, когда сыскъ, съ совершеннымъ исключеніемъ очной ставки изъ процесса, переходитъ непосредственно къ пыткѣ, указаны нами выше (см. § 3). Въ рѣдкихъ случаяхъ пытка не исключаетъ, а предшествуетъ очной ставкѣ: оговоръ, сдѣланный подъ пыткой, ведетъ къ пыткѣ оговореннаго, а если тотъ съ пытки не повинится, то послѣ нея устраивается очная ставка оговореннаго съ «языкомъ» (Акты московскаго государства, I, 170) или же, по свидѣтельству Котошихина, повторяется пытка языка (О Россіи, 23). Сговоръ на очной ставкѣ также даетъ основаніе къ повторенію пытки (тамъ же). Наконецъ, повторную же пытку переживаетъ обвиняемый еще въ томъ случаѣ, когда противъ него возникаютъ подозрѣнія въ отягчающихъ признакахъ умысла: напримѣръ, если обвиняемый подъ пыткой сознался, что онъ отъѣхалъ за рубежъ, чтобы служить иному государю, а свидѣтели или другой обвиняемый уличаютъ его въ томъ, что «было ему за рубежемъ сказывать московскихъ вѣстей», — то его пытаютъ вторично, чтобы провѣрить

этотъ отягчающій признакъ (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 9). Общую картину повторенія пытки въ розыскѣ по государевымъ дѣламъ наглядно изображаетъ Котошихинъ: человѣка, пойманнаго на царскомъ дворѣ съ оружіемъ, «пытали, не на царя ли или его домъ шелъ и не по наученію ли чьему; и будетъ скажетъ, что не по наученію, хотя царя или домовыхъ его или бояръ погубити, и его пытавъ трижды, впрямь ли не по наученію, казнятъ смертью; а будетъ скажетъ, что шелъ по наученію, и по его сказкѣ велятъ похватать и пытать тѣхъ, на кого скажетъ, для чего они его на царское здоровье научали; будетъ они повинятся, ихъ казнятъ безъ милосердія, а если не повинятся, учнутъ пытать вдругорядь перваго; если онъ подтвердитъ оговоръ, тѣхъ пытаютъ вдругорядь; не повинятся, опять пытаютъ перваго; если скажетъ прежнія рѣчи, пытаютъ оговоренныхъ въ третій разъ и если не повинятся, «сажаютъ въ тюрьму, доколѣ поруки будутъ; а будетъ тотъ человѣкъ съ другой или съ третьей пытки повинится, что поклепалъ напрасно, и его учнутъ пытать, не по наученію ли чьему сговариваетъ, и если повинится, что по наученію тѣхъ, на кого раньше говорилъ, — ихъ пытаютъ и, если винятся, казнятъ; а если онъ съ пытки подтвердитъ, что впрямь на нихъ сказалъ напрасно, и его одного казнятъ смертью» (О Россіи, 23—24). Въ этой картинѣ одна черта вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія: будто человѣка, сознавшагося въ умыслѣ на государя, но утверждающаго, что онъ дѣйствовалъ не по наученію, все-таки пытали трижды, чтобы провѣрить истинность его утвержденія; рядъ политическихъ процессовъ, аналогичныхъ тому, что описанъ у Котошихина (правда, не совершенно тождественныхъ), протекалъ безъ тройного повторенія пытки; въ одномъ дѣлѣ, гдѣ обвиняемый, сознавшійся въ измѣнѣ, именно отрицалъ «наученіе», бояре сдѣлали такое постановленіе: «если не больно пытанъ, велѣть еще пытать»; слѣдовательно, повтореніе пытки не было, по крайней мѣрѣ, общимъ и неизмѣннымъ правиломъ. Любопытно сопоставить съ этой картиной Котошихина ст. 7-ю въ третьей главѣ Уложенія: «будетъ кто на государевѣ дворѣ и въ Москвѣ и въ объѣздѣ учнетъ ходити съ пищальми и съ луками, хотя и не для стрѣльбы, и изъ того оружья никого не ранитъ и не убьетъ, и тѣмъ за ту вину учинити наказаніе, бити батоги и вкинути въ тюрьму на недѣлю». Статья предусматриваетъ преступ-

ное дѣяніе, по объективной обстановкѣ совершенно совпадающее со случаемъ, описаннымъ у Котошихина, и назначая за него умѣренное наказаніе, ни словомъ не упоминаетъ о тяжеломъ и кровавомъ розыскѣ, предшествующемъ этому приговору [83]).

Пытка примѣнялась по рѣшенію и по иниціативѣ органа, ведущаго розыскъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ челобитья участвующихъ въ дѣлѣ: извѣтчикъ проситъ пытать обвиняемаго, обвиняемый извѣтчика, или одинъ изъ нихъ проситъ пытать свидѣтелей («имается съ ними за пытку»). Но такія челобитья не имѣли обязательнаго значенія для власти и, обыкновенно, не уважались, если не было на-лицо другихъ достаточныхъ основаній, оправдывающихъ пытку. Только взаимное согласіе сторонъ, когда обѣ онѣ «давали себя на пытку», или челобитье стороны объ ея собственной пыткѣ являлись, кажется, въ глазахъ власти достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы пустить въ ходъ это сильно дѣйствующее средство, но и то при томъ лишь условіи, если «безъ пытки сыскать межъ ими нечѣмъ» [84].)

III. Помимо этого случая пытка обвиняемаго, какъ общее правило или, лучше сказать, какъ наблюдаемая нами правильность, примѣнялась при слѣдующихъ процессуальныхъ положеніяхъ. 1. *Сознаніе* обвиняемаго въ основномъ фактѣ, входящемъ въ составъ вмѣняемаго ему въ вину преступленія давало поводъ къ изслѣдованію посредствомъ пытки всѣхъ остальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ преступленіемъ; если обвиняемый сознавался въ произнесеніи непристойныхъ словъ, но оправдывался тѣмъ, что такія слова онъ сказалъ «съ проста ума своего» или пьянымъ обычаемъ, его пытали, не по умыслу ли онъ это сдѣлалъ и если по умыслу, то по какому, и не научилъ ли его кто (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 272; Новомбергскій, I, 37, 43, 545); человѣка, повинившагося въ отъѣздѣ за рубежъ на службу, распрашивали подъ пыткой, не сказывать ли ему было за рубежемъ какихъ московскихъ вѣстей; если родственники измѣнника сознавались, что они про измѣну его вѣдали, ихъ подвергали пыткѣ, чтобы розыскать допряма, почему они, вѣдая, государю не извѣстили (тамъ же, столбецъ № 10, листы 459—468); вообще всѣхъ подсудимыхъ, сознававшихся въ тяжкомъ политическомъ преступленіи, вслѣдъ за сознаніемъ пытали для того, чтобы добиться оговора сообщниковъ, какъ это указано нами выше.

2. Въ свою очередь *оговоръ, сдѣланный подъ пыткой*, служилъ законнымъ основаніемъ къ распространенію пытки на оговоренныхъ (Акты московскаго государства, I, 170; Полное собраніе законовъ, I, 592); такой силы не имѣлъ оговоръ, сдѣланный въ «распросѣ»: онъ велъ только къ распросу оговореннаго и къ очной его ставкѣ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 195). Иногда и за пыточнымъ оговоромъ слѣдуетъ сначала очная ставка, а потомъ уже пытка оговореннаго; такъ бываетъ въ томъ случаѣ, если оговорившій самъ бьетъ челомъ объ очной ставкѣ съ оговореннымъ, обѣщаясь его «уличить» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 986). Но оговоръ, подкрѣпленный вторичной пыткой, непремѣнно и непосредственно велъ къ пыткѣ оговорного человѣка. 3. *Извѣтъ, подтвержденный свидѣтельскими показаніями*, также разсматривался, какъ законное основаніе къ пыткѣ обвиняемаго (Новомбергскій, I, 2, 61, 261, 522); при этомъ практика московская довольствовалась даже показаніемъ одного свидѣтеля, чтобы приступить къ пыткѣ обвиняемаго; среди многочисленныхъ государевыхъ дѣлъ намъ приводилось встрѣчать случаи, когда обвиняемаго пытали по извѣту, подтвержденному показаніемъ близкаго родственника извѣтчика (Архивъ, московскаго стола столбецъ № 32, листъ 18). 4. Если не было налицо ни сознанія, ни оговора, ни свидѣтелей, то рѣшающее значеніе пріобрѣтала объективная обстановка, при которой захваченъ обвиняемый: человѣка, задержаннаго около царскаго жилища да еще съ оружіемъ въ рукахъ, пытали незамедлительно, по свидѣтельству Котошихина, чтобы развѣдать объ умыслахъ его; захватъ бѣглаго на рубежѣ служилъ также достаточнымъ основаніемъ къ неотложному изслѣдованію подъ пыткой, не для измѣны ли онъ покушался перейти черезъ рубежъ, не ссылался ли съ государевыми недругами, не приказаны ли съ нимъ вѣсти за рубежъ (Акты московскаго государства, I, 171, 173, 271). Этотъ порядокъ закрѣпленъ, какъ общее правило, въ государевыхъ грамотахъ и воеводскихъ наказахъ. Въ 1636 году на запросъ вяземскаго воеводы, что ему дѣлать съ зарубежными бѣглецами и выходцами, которыхъ ловятъ по проселочнымъ дорогамъ и къ нему приводятъ, московское правительство отвѣтило: «какъ къ вамъ бѣглецовъ приведутъ, вы бы ихъ *въ побыть пытали*, для чего они за рубежъ идутъ и не ссылались ли они съ зарубежными людьми» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола

№ 105, листы 128—129). Въ наказѣ новгородскому воеводѣ отъ 1699 года содержалась такая инструкція: «которые люди учнутъ воровать, къ литовскимъ и нѣмецкимъ людямъ съ вѣстьми ходить и съ измѣнники съѣзжаться, и тѣхъ людей имать и про измѣну и про всякое воровство *сыскивать и пытать*» («Полное собраніе законовъ, III, 686). Вообще тайный переходъ черезъ рубежъ будилъ въ московскомъ правительствѣ всю сумму подозрѣній, самыхъ черныхъ и тревожныхъ. 5. Наконецъ, *извѣтъ, сдѣланный помѣщикомъ и вотчинникомъ* на своего холопа или крестьянина, также разсматривался, какъ достаточный поводъ къ безотлагательному примѣненію пытки (см. параграфъ объ очной ставкѣ); даже при полной своей бездоказательности, даже безъ конкретныхъ указаній на фактъ боярскій извѣтъ противъ холопа или крестьянина обрекалъ подсудимаго на безотлагательную пытку: если только «*почаетъ*» помѣщикъ «какое дурно или измѣну» среди людей, отъ него зависимыхъ, онъ обязанъ ихъ приводить къ воеводѣ, а воевода ихъ обязанъ «распрашивать и сыскивать всякими сыски накрѣпко» (Уложеніе, VI, 6).

Обобщая всѣ эти случаи, въ которыхъ обвиняемый въ государевомъ дѣлѣ обрекался на пытку, можно замѣтить, что въ основаніи ихъ лежитъ одно легко угадываемое соображеніе: пытать слѣдуетъ лишь такого подсудимаго, противъ котораго сложилось *основательное подозрѣніе въ виновности*. Этотъ принципъ вытекаетъ изъ самой цѣли пыточнаго производства: посредствомъ пытки судья расчитываетъ добиться полнаго и всесторонняго признанія; но вырвать такое признаніе, по твердому убѣжденію той эпохи, можно только у дѣйствительно-виновнаго; слѣдовательно, пока у судьи не сложилось основательное подозрѣніе въ виновности, до тѣхъ поръ, по естественной логикѣ розыскного процесса, онъ не можетъ вѣровать въ то, что пытка приведетъ къ желаннымъ результатамъ; разъ нѣтъ надежды исторгнуть признаніе, то нѣтъ и смысла обращаться къ пыткѣ. Если мы вспомнимъ изъ предшествующей главы указанные тамъ случаи пытки извѣтчика, то должны будемъ признать, что принципъ основательныхъ подозрѣній, регулирующій примѣненіе пытки, распространяется на всю сферу пыточнаго производства въ политическомъ судѣ; при такомъ объясненіи остается лишь невполнѣ понятнымъ, почему извѣтъ господина, даже при полной своей без-

доказательности, разсматривается, какъ достаточное основаніе къ неотложной пыткѣ раба; но тутъ нужно учесть, прежде всего, безправное и приниженное положеніе послѣдняго относительно своего господина, а отчасти и то соображеніе, что едва-ли послѣдній могъ выступить противъ своего холопа съ извѣтомъ неосновательнымъ и несерьезнымъ: вѣдь это значило бы сунуть подъ жерновъ неумолимаго розыскного процесса экономическую цѣнность, представляемую рабомъ.

Отсюда слѣдуетъ, что если по ходу розыска складывалось *основательное сомнѣніе въ виновности* подсудимаго, то пытка не должна къ нему примѣняться. Дѣйствительно, изъ обзора государевыхъ дѣлъ можно уловить два ряда случаевъ, когда практика воздерживалась отъ примѣненія пытки къ обвиняемому: а. если свидѣтели, указанные извѣтчикомъ или вызванные обвиняемымъ, не подтверждали извѣта; тогда угроза пытки сгущалась надъ головой извѣтчика (Акты московскаго государства, I, 178, 185; II, 5 и 274); б. когда извѣтчикъ не поставилъ свидѣтелей на свой извѣтъ, а обвиняемый ни въ распросѣ ни на очной ставкѣ не винился (Дополненія къ актамъ историческимъ, X, 66; Русская историческая библіотека, II, 176); такое положеніе не всегда знаменовало оправданіе для обвиняемаго, такъ какъ Уложеніе предписываетъ въ такихъ случаяхъ «учинить указъ по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ» (II, 12). «Государевымъ указомъ» могъ быть предписанъ, очевидно, и дальнѣйшій розыскъ— даже съ употребленіемъ пытки.

Вообще, можно предположить, что «государевъ указъ» нарушалъ въ иныхъ случаяхъ процессуальные обычаи, регулировавшіе пыточное производство; тамъ, гдѣ воевода, руководясь этими обычаями, не рѣшался примѣнить пытку, государевъ указъ по воеводской отпискѣ прямо ее предписывалъ. Въ 1622 году одинъ изъ порубежныхъ воеводъ отдалъ дѣтей боярскихъ Рогавцовыхъ «на крѣпкія поруки съ записьми» по подозрѣнію въ намѣреніи бѣжать за рубежъ; такая мѣра пресѣченія указываетъ на слабость уликъ противъ обвиняемыхъ; тѣмъ не менѣе, изъ Москвы пришла государева грамота, чтобы ихъ пытать (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 10, листъ 459).

Мы не будемъ воспроизводить самыя картины пыточныхъ истязаній, такъ какъ въ нихъ едва-ли откроемъ какія-нибудь особенности

сравнительно съ пытками въ уголовномъ процессѣ: нашимъ предкамъ чужда была вычурная фантазія средневѣковыхъ инквизиторовъ, и пытки московскихъ временъ отличались однообразной жестокостью. Общія ихъ картины разсказаны въ изслѣдованіяхъ по исторіи розыскного процесса (Ланге, Древне-русское уголовное судопроизводство, 141 — 144). Поэтому мы ограничимся здѣсь только тѣмъ, что подчеркнемъ особенную *жестокость пытокъ*, наблюдаемую, какъ намъ кажется, только въ «великихъ государевыхъ дѣлахъ». Въ 1674 году привезеннаго въ Москву измѣнника, назвавшагося царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, указалъ государь «пытать всякими *жестокими* пытки» (Дворцовые разряды, III, 1019); Желябужскій передаетъ такое лаконическое, но много говорящее извѣстіе: «генваря 24 пытанъ бояринъ Лопухинъ въ государственномъ великомъ дѣлѣ и *ночью померъ*». Въ книгѣ записной приказнаго стола (Архивъ, кн. 30, листъ 210) читаемъ такое же извѣстіе: «дѣло розыскное по извѣту на жильца Ѳедора съ братьями, и въ томъ дѣлѣ братья и извѣтчикъ пытаны и *съ пытокъ померли*». Случаи самоубійствъ изъ боязни пытокъ были не рѣдкостью среди политическихъ обвиняемыхъ (см. ниже). Иногда пытка назначалась *вмѣсто наказанія* по приговору: «по указу великаго государя бояре всѣ говорили—Прошку Кропотова и брата его Лаврушку за ихъ измѣну казнить смертью, а Шеншина и Пашкова въ ихъ воровствѣ, что они къ измѣннику Прошкѣ выѣзжали и съ нимъ тайно говорили, *пытать*, а будетъ великій государь пытать ихъ не укажетъ, учинить имъ жестокое наказаніе и сослать въ Сибирь» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 1029, листы 74—78). Наконецъ, смягченіе приговора мотивировалось иногда жестокостью пытокъ: «Великіе государи указали и бояре приговорили—подъячаго Терешку за воровскія слова привесть къ казни и сказать ему смертную казнь, а послѣ того сказать ему, что они его пожаловали, смертью казнить не велѣли, а указали сослать, *потому что онъ пытанъ трожды*» [85]).

IV. Посмотримъ теперь, какъ это суровое и жестокое средство московскаго розыска примѣнялось въ процессѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ. На этомъ пути московскій кодексъ XVII вѣка поражаетъ насъ однимъ знаменательнымъ контрастомъ: въ то время, какъ вторая глава Уложенія ни въ одной статьѣ не упоминаетъ о пыткѣ, объ ея условіяхъ и слѣдствіяхъ,—въ XXI-ой главѣ мы на-

ходимъ законченный и систематическій сводъ правилъ, регулирующихъ пыточное производство въ розыскѣ по уголовнымъ дѣламъ. Этимъ вносилась прочность и устойчивость въ ходъ пыточно-розыскного процесса—качества, которыми мы не отважились бы характеризовать подмѣченныя нами изъ практики постоянства въ примѣненіи пытки къ государевымъ дѣламъ. Въ XXI-й главѣ мы не встрѣчаемся и съ «государевымъ указомъ», который своимъ властнымъ вмѣшательствомъ нарушалъ бы строгую схему процессуальныхъ обычаевъ и нормъ: весь губной розыскъ, отъ начала до конца, протекалъ въ свободныхъ условіяхъ розыскной дѣятельности, регулируемой лишь подробными наставленіями XXI-ой главы.

Сравнивая эти наставленія, поскольку они относятся къ пыткѣ, съ указанными выше условіями и обычаями пыточнаго производства въ государевыхъ дѣлахъ, замѣчаемъ въ нихъ много общаго, но наряду съ этимъ и много особенностей, рѣзко обособляющихъ процессъ политическій отъ процесса обще-уголовнаго. Захватъ разбойника на мѣстѣ преступленія («кого поимаютъ на разбоѣ») велъ непосредственно къ пыткѣ захваченнаго (XXI,28); этотъ случай можно уподобить задержанію вооруженнаго человѣка около царскаго жилья или захвату бѣглаго на рубежѣ, но есть, разумѣется, существенная разница между этими двумя положеніями, свидѣтельствующая о томъ, что въ розыскѣ политическомъ свободнѣе учитывалась объективная обстановка, какъ поводъ для примѣненія пытки. Сознаніе уголовнаго преступника, хотя бы оно было сдѣлано въ распросѣ, разсматривалось, какъ основаніе къ тому, чтобы изслѣдовать посредствомъ пытки, не виноватъ ли онъ «въ иныхъ разбояхъ и татьбахъ или въ убійствѣ и дворовомъ пожегѣ (XXI, 9, 58, 64); а сознаніе обвиняемаго въ государевомъ дѣлѣ, хотя также влекло за собой пытку, но съ существенно-иными цѣлями (раскрытіе сообщниковъ, квалификація умысла). Боярскій извѣтъ на холопа или крестьянина разсматривался и въ XXI-ой главѣ, какъ законное основаніе къ безотлагательному примѣненію пытки, но лишь при томъ условіи, чтобы онъ былъ сдѣланъ «имянно», т. е. съ точнымъ указаніемъ на инкриминируемый фактъ (XXI, 48); а въ розыскѣ политическомъ извѣтъ господина безъ всякихъ ограниченій велъ къ пыткѣ его крестьянина или раба. Характерныя различія наблюдаемъ въ значеніи язычной молки, съ которой въ процессѣ по дѣламъ уголов-

нымъ, какъ и по дѣламъ государевымъ, связывается переходъ къ пыточному производству; въ практикѣ государевыхъ дѣлъ намъ не удалось установить какихъ-либо прочныхъ условій, которыми бы ограничивалось это значеніе язычной молки: за оговоромъ, сдѣланнымъ подъ пыткой, почти всегда слѣдовала безотлагательная пытка оговореннаго; между тѣмъ язычная молка въ уголовномъ процессѣ провѣрялась сначала на очной ставкѣ языка съ оговорнымъ человѣкомъ, затѣмъ, по челобитью послѣдняго [86]), вела къ большому повальному обыску, и только результатами обыска рѣшался жгучій для оговореннаго вопросъ—пытать или не пытать (XXI, 35); даже согласный оговоръ нѣсколькихъ языковъ не измѣнялъ этой послѣдовательности розыска, кромѣ того случая, когда онъ падалъ на людей, которые «и прежъ того въ причинахъ и приводахъ бывали» (XXI, 39—40); только эти послѣдніе подвергались пыткѣ безъ предварительнаго обыска, на основаніи язычной молки, но и тутъ оговоръ провѣрялся сначала очной ставкой языковъ съ причиннымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, всѣ поводы къ пыткѣ, общіе процессу политическому и процессу по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, испытывали въ послѣднемъ рядъ существенныхъ ограниченій, обезпечивавшихъ невинно-заподозрѣнному больше счастливыхъ шансовъ выпутаться изъ трудностей уголовнаго розыска, не жертвуя ни «кожей» ни «спиной». Зато уголовный процессъ широко пользовался такими основаніями для перехода къ пыточному производству, которыя въ розыскѣ по государственнымъ дѣламъ имѣли очень слабое и второстепенное значеніе: это былъ повальный обыскъ и вещественныя доказательства (XXI, 35, 50, 75); облихованіе на обыскѣ и неотведенное поличное разсматривались, какъ такое убѣдительное доказательство, что за ними неизмѣнно и неотложно наступала суровая процедура пыточныхъ истязаній.

§ 5.

Повальный обыскъ.

I. Причины, умалявшія значеніе повальнаго обыска въ государевыхъ дѣлахъ: общее недовѣріе законодателя, личность преступника, обязанность извѣта, обвинительная дѣятельность извѣтчика.—II. Примѣненіе повальнаго обыска въ политическомъ процессѣ: а) условія, б) кругъ дѣлъ, в) кругъ вопросовъ, г) порядокъ производства.—III. Доказательная сила повальнаго обыска въ дѣлахъ уголовныхъ и въ дѣлахъ политическихъ.

I. Повальный обыскъ въ государевыхъ дѣлахъ имѣлъ сравнительно неширокій кругъ примѣненія. Это можно поставить въ связь съ общимъ паденіемъ этого способа доказательства въ XVII вѣкѣ. Въ Уложеніи замѣтны уже *черты недовѣрія* законодателя къ показанію обыскныхъ людей: оно позволяетъ облихованному бить челомъ о повтореніи повальнаго обыска, формально отказывается отъ принципа единогласія въ обыскѣ, допускаетъ споръ, уличеніе и даже пытку между большинствомъ и меньшинствомъ обыскныхъ людей (X, 161, 162); въ гражданскихъ дѣлахъ рѣшительно предпочитаетъ свидѣтелей повальному обыску (X, 167, 168), а въ дѣлахъ уголовныхъ вырабатываетъ рядъ такихъ условій, при которыхъ допускается непосредственный переходъ къ пыткѣ безъ предварительнаго облихованія на обыскѣ. Если этотъ духъ недовѣрія сказывался въ обще-уголовномъ законодательствѣ XVII вѣка, то тѣмъ сильнѣе онъ долженъ былъ вліять на практику дѣлъ государевыхъ: здѣсь интересы власти, ея спокойствіе и безопасность затрогиваются слишкомъ непосредственно, чтобы она могла судебную защиту ихъ поставить въ зависимость отъ показаній обыскныхъ людей.

Но, помимо общаго недовѣрія, были еще особенныя причины, умалявшія значеніе повальнаго обыска въ политическихъ дѣлахъ. Во-первыхъ, здѣсь розыскные органы почти не сталкивались съ такимъ *типомъ преступнаго дѣятеля*, который подъ именемъ «вѣдомаго лихого человѣка» являлся главнымъ объектомъ въ розыскѣ уголовномъ, въ процессѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отпадала или до крайности умалялась въ государевыхъ дѣлахъ самая существенная, органически крѣпкая и исторически-первоначальная функція повальнаго обыска—удостовѣреніе

репутаціи, отзывъ о поведеніи, характеристика личности. Во-вторыхъ, общая, всепроникающая *обязанность извѣта* дѣлала самое положеніе обыскныхъ людей въ политическомъ процессѣ весьма щекотливымъ и сомнительнымъ: если ихъ спрашивали, измѣнялъ ли обвиняемый, отъѣзжалъ ли онъ за рубежъ, умышлялъ ли онъ вмѣстѣ съ другими скопъ и заговоръ на государя,—могли ли они отвѣтить неблагопріятно для подсудимаго? вѣдь такимъ отвѣтомъ они росписались бы въ собственной винѣ недоносительства, ихъ стали бы спрашивать: если вѣдали, то почему не извѣстили? Въ-третьихъ, наконецъ, благодаря этой же обязанности извѣта политическій процессъ обогащался *дѣятельнымъ и отвѣтственнымъ участникомъ*, который собиралъ доказательства, поставлялъ свидѣтелей, вообще «уличалъ и доводилъ»; благодаря его же участію становилась возможной очная ставка; все это приводило къ тому, что желанная цѣль всякаго розыска—сознаніе обвиняемаго или извѣтчика—достигалась безъ тяжелой артиллеріи повальнаго обыска.

Тѣмъ не менѣе, вторая глава Уложенія упоминаетъ о повальномъ обыскѣ, а практика государевыхъ дѣлъ, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, но обращается къ услугамъ этого средства. Изъ наблюденій надъ практикой и изъ немногихъ указаній въ текстѣ Уложенія можно сдѣлать слѣдующіе выводы насчетъ примѣненія повальнаго обыска въ политическомъ судѣ.

II. Прежде всего, процессуальное положеніе, при которомъ практика обращается къ услугамъ этого средства, характеризуется, обыкновенно, слѣдующими чертами: а) въ дѣлѣ не имѣется ни одного изъ условій, которыми обычно оправдывается непосредственный переходъ къ пыткѣ—ни признанія, ни язычной молки, ни уличающей объективной обстановки; б) нѣтъ также свидѣтелей, на которыхъ извѣтчикъ слался бы «имянно» и показаніями которыхъ могло бы быть рѣшено дѣло или, по крайней мѣрѣ, оправдано примѣненіе пытки; впрочемъ, возможенъ и такой случай, когда свидѣтели указаны, но въ распросѣ показали, что они «не вѣдаютъ» или «не слыхали»; в) единственнымъ средствомъ розыска остается, такимъ образомъ, обязательная очная ставка, на которой встрѣчаются лицомъ къ лицу извѣтчикъ, не вооруженный доказательствами, и подсудимый, отрицающій свою вину; г) ни тому ни другому взаимно не удается «уличеніе», и очная ставка остается процессуально-безплодной. При

такомъ положеніи розыска государевымъ указомъ предписывается либо прекращеніе дѣла, либо пытка, либо, наконецъ, повальный обыскъ, если обстоятельства дѣла допускаютъ послѣдній исходъ. Къ этой мѣрѣ обращаются и по одностороннему усмотрѣнію розыскной власти и по челобитью сторонъ, если извѣтчикъ или обвиняемый утверждаетъ, что «про то весь городъ знаетъ» или «о томъ всѣмъ вѣдомо».

Но какія именно обстоятельства дѣла позволяютъ съ пользой примѣнить повальный обыскъ? другими словами—въ какихъ политическихъ дѣлахъ практика обращалась къ изслѣдованію посредствомъ распроса обыскныхъ людей? Въ первую очередь тутъ слѣдуетъ упомянуть о преступленіяхъ *скопа-заговора и мятежа*, т.-е. о такихъ дѣлахъ, которыя связаны съ событіями шумными и крупными; примѣненіе къ нимъ повальнаго обыска прямо узаконено Уложеніемъ: «будетъ изъ котораго города или изъ полковъ воеводы и приказные люди отпишутъ къ государю на служилыхъ или иныхъ чиновъ на какихъ людей, что они приходили къ нимъ скопомъ и заговоромъ и хотѣли ихъ убити; а тѣ люди, на кого они отпишутъ, учнутъ бити челомъ государю на воеводъ и на приказныхъ людей о сыску, что они скопомъ и заговоромъ къ нимъ не прихаживали, а приходили къ нимъ немногіе люди для челобитья,—и по тому челобитью про нихъ въ городѣхъ *сыскивати всѣмъ городомъ, а въ полкѣхъ всѣми ратными людьми*» (II, 22). Въ 1651 году была извѣтная челобитная на подъячаго Артамонова, что онъ въ псковскомъ мятежѣ участвовалъ, съ мятежниками въ земской избѣ сидѣлъ, имъ раздавалъ жалованье и ружья; а подъячій Артамоновъ билъ челомъ, что это извѣтное челобитье ложное; и противъ этихъ челобитій велѣно *сыскать псковичи всякихъ чиновъ людьми*, а тотъ сыскъ прислать къ Москвѣ (Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 318). *Въ дѣлахъ объ измѣнѣ* встрѣчаемъ повальный обыскъ по извѣтамъ на воеводу, что онъ городъ непріятелю «сдалъ измѣной»: на гродненскаго воеводу былъ именно такой извѣтъ, и послѣ безрезультатной очной ставки велѣно было сыскать про тотъ извѣтъ «всѣми служилыми людьми и шляхтой, которые съ нимъ въ осадѣ сидѣли». Но самую обильную категорію измѣнныхъ дѣлъ, рѣшавшихся посредствомъ повальнаго обыска, составляютъ дѣла, вытекавшія изъ самовольной *поѣздки за рубежъ*; въ Уложеніи читаемъ слѣдующую статью, прямо относящуюся къ такимъ дѣламъ: «будетъ кто поѣдетъ въ которое

государьство безъ проѣзжіе грамоты, и бывъ въ иномъ государьствѣ пріѣдетъ въ московское государьство, а иной кто учнетъ на него извѣщати, что онъ ѣздилъ безъ проѣзжіе грамоты самовольствомъ для измѣны или для инова какова дурна,—и по тому извѣту про того, кто ѣздилъ въ иное государьство безъ государевы проѣзжіе грамоты, сыскивати всякими сыски накрѣпко; *да будетъ про него въ сыску скажутъ*, что онъ впрямь ѣздилъ въ иное государьство для измѣны, и того по сыску казнить смертію» (V, 3). Изъ текста статьи видно, что въ ней предусматривается не такой случай, когда московскій человѣкъ «какого чину ни будь» захваченъ при самой попыткѣ тайно переѣхать рубежъ: тогда его «по приводу» безотлагательно подвергнули бы пыткѣ; наоборотъ, субъектъ преступленія, описаннаго въ этой статьѣ, безпрепятственно совершаетъ въ оба конца свою зарубежную поѣздку, и уже послѣ благополучнаго его возвращенія изъ-за рубежа противъ него возбуждается по извѣту обвиненіе въ измѣнномъ умыслѣ. При такихъ условіяхъ законодатель предписываетъ провѣрять правильность извѣта опросомъ обыскныхъ людей, на что прямо указываютъ слова: «да будетъ *про него въ сыску скажутъ*»[87]). Спрашивается, почему законодатель такъ категорически останавливается на этомъ громоздкомъ средствѣ розыскного процесса, не учитывая даже возможности свидѣтельскихъ показаній? это объясняется особенной обстановкой преступленія, въ которомъ обвиняется самовольный переѣщикъ. Въ чемъ могли выразиться его измѣнныя дѣйствія во время зарубежной поѣздки? или въ томъ, что онъ пересказалъ тамъ московскія вѣсти, или въ томъ, что онъ снесъ какія-нибудь совѣтныя грамоты государеву недругу (II, 2), или въ томъ, наконецъ, что онъ за рубежомъ крестъ цѣловалъ иному государю; такія обвиненія нерѣдко фигурировали въ подобныхъ дѣлахъ; всѣ эти измѣнныя дѣйствія были такого свойства, что, благополучно совершенныя за рубежемъ, они на родинѣ преступника не оставляли никакихъ видимыхъ уликъ; зарубежнымъ характеромъ ихъ обезпечивалось почти полное отсутствіе свидѣтелей противъ измѣнника[88]); какое же средство розыска оставалось у московскаго правительства, въ особенности послѣ того, какъ очная ставка извѣтчика съ обвиняемымъ не заставляла послѣдняго принести государю вину свою? оставался только повальный обыскъ, сводившійся чаще всего къ опросу порубежныхъ жителей,

къ которымъ, обыкновенно, принадлежалъ и самъ обвиняемый; обыскные люди въ такихъ дѣлахъ исполняли назначеніе, близко свойственное исторической природѣ этого розыскного средства: они выступали не свидѣтелями, они говорили не о томъ, что имъ приходилось лично видѣть, а выражали собой людскую молву; слыхали де они, всѣмъ-де про то вѣдомо, что обвиняемый за рубежемъ былъ и «крестъ тамъ королевичу цѣловалъ» или «про нарядъ государевыхъ воеводъ сказывалъ польскимъ панамъ». Это приближаетъ насъ, наконецъ, къ послѣдней очень немногочисленной категоріи случаевъ, когда повальный обыскъ въ государевыхъ дѣлахъ выступаетъ въ основномъ своемъ значеніи, какъ изслѣдованіе о репутаціи, какъ выясненіе подозрительныхъ и неблагонадежныхъ элементовъ въ опредѣленномъ общественномъ міру. Такая роль повальнаго обыска проявляется въ дѣлахъ о «шатости» сибирскихъ инородцевъ; недавно склонившіеся подъ державу великаго государя, но еще не вполнѣ замиренные и очень неустойчивые въ своихъ политическихъ настроеніяхъ и симпатіяхъ, они постоянно держали московское правительство въ напряженномъ ожиданіи всякихъ измѣнныхъ умысловъ; при первомъ же частичномъ проявленіи этихъ умысловъ правительство старалось опросомъ рядовыхъ инородцевъ или вліятельныхъ вождей выяснить неблагонадежные элементы въ племени, чтобы принятыми противъ нихъ мѣрами во-время остановить начавшееся движеніе или предупредить будущую смуту; самая «шатость», которая изслѣдовалась такимъ способомъ, была, въ сущности, не преступнымъ дѣяніемъ, а преступнымъ настроеніемъ, и потому не допускала ни свидѣтелей ни очной ставки.

Таковы государевы дѣла, въ которыхъ розыскная власть обращалась къ услугамъ повальнаго обыска. Нужно добавить еще, что при помощи этого средства изслѣдовалась не только объективная сторона преступленія, но и субъективная: провѣрялись субъективные моменты преступнаго дѣянія, вліявшіе на вопросъ о вмѣненіи и на мѣру наказуемости. Такъ, на донесеніе воронежскаго воеводы, что «уродливый человѣкъ Сенька Чинной говорилъ непристойныя слова», изъ Москвы пришла государева грамота—«розыскать въ Воронежѣ всякихъ чиновъ людьми, тотъ Сенька уродливой ли человѣкъ, и будетъ по розыску объявится, что уродливой, и его отдать въ монастырь и смирить; а будетъ не уродливой, ему за непристойныя

слова урѣзать языка» (Акты воронежскіе, I, 94). Жена одного затѣйнаго извѣтчика подала воеводѣ челобитную. что мужъ ея боленъ, «съ ума сброденъ, тѣ затѣйныя слова говорилъ безъ памяти, и о томъ весь городъ знаетъ»; челобитная жены была истолкована въ Москвѣ, какъ признаніе самого извѣтчика, и послѣдняго велѣно было пытать, а если съ пытокъ сошлется на безпамятство, «сыскивать про болѣзнь всѣми людьми». Ссылка обвиняемаго на падучую также провѣрялась на повальномъ обыскѣ.

Порядокъ производства повальнаго обыска въ государевыхъ дѣлахъ едва-ли представлялъ какія-нибудь особенности сравнительно съ порядками, установившимися въ судныхъ и разбойныхъ дѣлахъ. Обыскные люди даютъ показанія по государеву крестному цѣлованію. Извѣтчикъ и обвиняемый удаляются изъ мѣстности, гдѣ происходитъ обыскъ[89]); мѣра не безполезная, такъ какъ встрѣчаемъ указанія на практиковавшійся обвиняемымъ въ государевомъ дѣлѣ или родственниками обвиняемаго подкупъ окольныхъ обыскныхъ людей. Самые размѣры обыска или кругъ захватываемыхъ обыскомъ лицъ опредѣляются различно въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла, подвергаемаго изслѣдованію; встрѣчаемъ такія наставленія: сыскивать окольными людьми верстъ на пять и на шесть; сыскивать всѣмъ городомъ или всѣмъ полкомъ; сыскивать служилыми людьми, которые въ осадѣ сидѣли; распросить всѣхъ остяцкихъ князьковъ Березовскаго уѣзду про шатость и измѣну; сыскать всѣми сторонними людьми; наконецъ, по извѣту на одного подъячаго, что онъ въ гостяхъ за обѣдомъ «государевой чаши не пилъ», велѣно было «сыскать всѣми людьми, кто на томъ обѣдѣ былъ»; это уже такая форма повальнаго обыска, въ которой обыскные люди почти уподобляются свидѣтелямъ—черта, которая закрадывается въ повальный обыскъ начиная съ XVII вѣка и къ исходу его сильно подтачиваетъ самостоятельное процессуальное значеніе этого древняго способа доказательствъ[90]).

III. Однако, въ эпоху Уложенія оно еще очень велико. Въ дѣлахъ уголовныхъ это сказывается тѣмъ, что для облихованнаго на обыскѣ уже невозможно было полное оправданіе: если даже не удавалось добиться отъ него признанія подъ пытками, которымъ онъ подвергался послѣ обыска, то его все-таки заключали въ тюрьму до государева указа. Въ дѣлахъ политическихъ повальный обыскъ имѣлъ еще бо́льшую доказательную силу: тутъ онъ не былъ, какъ

въ уголовномъ процессѣ, лишь законнымъ основаніемъ къ пыткѣ, результатами которой, т.-е. признаніемъ или непризнаніемъ, опредѣлялась въ конечномъ счетѣ строгость уголовнаго приговора; въ процессѣ политическомъ обыскъ, по своей доказательной силѣ, прямо приравнивался сознанію и потому, безъ всякаго вмѣшательства пытки, оказывалъ рѣшающее вліяніе на приговоръ. Этотъ выводъ прямо слѣдуетъ изъ цитированныхъ выше статей Уложенія: если въ обыскѣ показали, что служилые люди, вопреки утвержденію воеводы, приходили къ нему не скопомъ и заговоромъ, а для законнаго и мирнаго челобитья, то имъ наказанья никакого не чинить, а воеводѣ за ложный извѣтъ—что государь укажетъ (II, 22); если про зарубежнаго переѣщика «въ сыску скажутъ», что онъ ѣздилъ не для измѣны, то его смертью не казнить, а только бить кнутомъ за то, что онъ ѣздилъ за рубежъ безъ проѣзжей грамоты (VI, 3—4); въ обоихъ случаяхъ законодатель не предусматриваетъ вслѣдъ за повальнымъ обыскомъ никакихъ дальнѣйшихъ сыскныхъ дѣйствій, а прямо указываетъ наказаніе. Изъ обзора политическихъ дѣлъ, въ которыхъ примѣняется повальный обыскъ, также есть возможность усмотрѣть, что ему усваивалась рѣшающая сила въ судопроизводствѣ: государевы грамоты, предписывающія производство повальнаго обыска, устанавливаютъ напередъ и приговоръ въ альтернативной формѣ, на случай благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для подсудимаго показаній обыскныхъ людей; тѣмъ самымъ явственно подчеркивается полная зависимость приговора отъ этихъ показаній. Такое значеніе обыска одинаково простирается и на обвинительный и на оправдательный вердиктъ: «про измѣну гродненскаго воеводы сыскать всѣми служилыми людьми и шляхтой»—говорится въ государевой грамотѣ 1660 года — «а розыскавъ подлинно, ему, воеводѣ, и товарищамъ его, которые по сыску доведутся въ измѣнѣ, въ Смоленску на мѣстѣ, гдѣ казнятъ, сказавъ вины ихъ, велѣть къ вершенью положить на плахи» (Акты московскаго государства, III, 41); по извѣту на подъячаго Артамонова велѣно было «сыскать псковичи всякихъ чиновъ людьми», и если окажется, что онъ къ мятежу не приставалъ, оставить его во Псковѣ «у государева дѣла попрежнему», т.-е. въ подъячихъ; «будетъ про Мартынка Шеголева въ сыску скажутъ, что онъ говорилъ про насъ непригожія рѣчи, и ты бъ его за его вину велѣлъ бить кнутомъ, а будетъ извѣт-

чикъ на него затѣялъ ложно, и ты бы извѣтчика велѣлъ бить батоги» [91]).

§ 6.

Сыскъ по вещественнымъ доказательствамъ.

I. Виды вещественныхъ доказательствъ въ государевыхъ дѣлахъ.—II. Ихъ значеніе; вещественныя доказательства въ дѣлахъ о прописке государева именованья; отличіе отъ поличнаго.—III. Порядокъ сыска по документамъ: сличеніе руки, оглашеніе, предъявленіе обвиняемому, распросъ по содержанію документа.

I. Вещественныя доказательства подъ именемъ «поличнаго» играли выдающуюся роль въ процессѣ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ: неотведенное поличное, наряду съ язычной молкой и лихованнымъ обыскомъ, служило однимъ изъ поводовъ къ возбужденію розыскного процесса и разсматривалось, какъ законное основаніе къ неотложному примѣненію пытки (Уложеніе, XXI, 50). Самое попятіе «поличнаго», благодаря такому процессуальному значенію, осложнилось формальными элементами: не всякій предметъ, добытый преступленіемъ, имѣлъ силу поличнаго, а лишь такой, который отысканъ и представленъ власти съ соблюденіемъ точно указанныхъ въ законѣ условій (XXI, 87).

Поличное въ этомъ спеціальномъ значеніи немыслимо было, разумѣется, въ политическомъ процессѣ; но поличное въ общемъ смыслѣ, какъ вещественное доказательство преступленія, фигурируетъ иногда и въ государевыхъ дѣлахъ.

Главнымъ типомъ вещественнаго доказательства являются здѣсь письменные документы: всякаго рода совѣтныя грамоты и ссылочныя письма, свидѣтельствующія о сношеніяхъ обвиняемаго съ государевыми недругами; воровскіе листы отъ измѣнниковъ и мятежниковъ, изобличающіе тѣхъ, при комъ они найдены или кому адресованы; наконецъ, государевы грамоты, въ которыхъ замѣчена прописка государева именованья. Но помимо документовъ возможны были и иного рода вещественныя доказательства: напримѣръ, въ 1625 году задержанъ былъ въ Верхотурьѣ протопопъ Яковъ и въ распросѣ сказалъ, что выѣхалъ онъ изъ Москвы безъ митрополичья докладу; а по обыску у него въ «коробьѣ» найдены были травы да коренья; воевода задержалъ его «до указу великаго государя» и отписалъ

объ этомъ въ Москву; на отписку его пришла государева грамота—протопопа прислать къ Москвѣ съ приставомъ да и «коробью» прислать съ нимъ же (Акты историческіе, III, 225). Изъ такихъ случаевъ часто возникали дѣла о «зломъ волшебномъ умыслѣ на государево здоровье», и такимъ образомъ «коробья» протопопа пріобрѣтала значеніе важнаго вещественнаго доказательства въ великомъ государевомъ дѣлѣ.

II. Трудно установить съ точностью, какую процессуальную силу имѣли вещественныя доказательства въ политическомъ процессѣ и какое они оказывали вліяніе на ходъ розыска; едва-ли даже практика государевыхъ дѣлъ выработала на этотъ счетъ опредѣленныя нормы; въ этомъ отношеніи процессъ политическій существенно отличался отъ процесса по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, гдѣ поличное выработалось въ доказательство съ точно опредѣленнымъ процессуальнымъ значеніемъ. Однако и здѣсь оно не имѣло рѣшающей силы: по поличному пытали и добивались сознанія. Такую же черту можно отмѣтить и въ дѣлахъ политическихъ: наличность вещественныхъ доказательствъ не вытравляла изъ сыска его характерную задачу—исторгнуть признаніе (Полное собраніе законовъ, I, 602). Только въ дѣлахъ о прописке государева именованья вещественному доказательству усваивалась, по-видимому, рѣшающая сила: по извѣту на подъячаго Перфильева, что онъ прописалъ государево именованье, извѣтчикъ представилъ воеводѣ тѣ письма, гдѣ содержалась прописка; воевода тотчасъ посадилъ подъячаго въ тюрьму до указу и отписалъ въ Москву; изъ Москвы пришла государева грамота—«то письмо прислать въ приказъ, а подъячаго держать въ тюрьмѣ по-прежнему»; затѣмъ приговоръ: «за ту его вину бояре приговорили—бить кнутомъ и отъ службы отставить»; въ дѣлѣ нѣтъ указаній ни на распросъ ни на очную ставку, и въ Москву было затребовано только «письмо», а не самъ подъячій и не извѣтчикъ и не распросныя ихъ рѣчи; слѣдовательно, боярскій приговоръ былъ постановленъ только по обзору «письма» (Акты московскаго государства, III, 331).

Если вещественныя доказательства, за вычетомъ этихъ случаевъ, не имѣли рѣшающей силы, тѣмъ не менѣе значеніе ихъ, измѣняясь въ зависимости отъ характера преступленія, было все-таки очень существеннымъ въ процессѣ. Можно предполагать, что

они вели непосредственно къ пыткѣ или къ повальному обыску. Царь Иванъ Грозный въ борьбѣ съ боярско-княжеской «измѣной» широко пользовался вещественными доказательствами — главнымъ образомъ, перехваченными письмами и ссылочными грамотами; приглашеніе «отъѣхать», адресованное литовскимъ великимъ княземъ или польскимъ королемъ московскому служилому князю, вызывало противъ послѣдняго «сыскъ въ измѣнномъ дѣлѣ» или быстротечную, но суровую расправу (Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 121).

III. Порядокъ сыска по вещественнымъ доказательствамъ не отличался ни сложностью ни особенностями. Если въ дѣлѣ выступалъ извѣтчикъ, онъ представлялъ и вещественныя доказательства; при докладѣ дѣла въ Москву туда отправлялись и самыя доказательства; такимъ образомъ, къ вещественнымъ доказательствамъ примѣнялось начало «подлиннаго розыска». Процедура сыска по документамъ состояла въ провѣркѣ его подлинности (сличеніе руки), въ оглашеніи и въ предъявленіи документа обвиняемому; при этомъ производился «распросъ» послѣдняго. Вотъ примѣръ «сыска по письму»: окольничій Зюзинъ написалъ Никону, бывшему патріарху, письмо якобы по приказу царя съ приглашеніемъ вернуться снова въ Москву; такимъ поступкомъ онъ, Зюзинъ, «на великаго государя солгалъ и людей возмутилъ»; его судили государь и бояре; «и великій государь того письма передъ властьми и съ бояры слушалъ, и то письмо при властехъ и при боярехъ тебѣ, Никитѣ, изволилъ *казать и распрашивать*; и ты при властехъ и при боярехъ великому государю вину свою принесъ» (Полное собраніе законовъ, I, 602).

§ 7.

Мѣры пресѣченія въ сыскѣ.

I. Порядокъ примѣненія мѣръ пресѣченія, срочность и виды ихъ. — II. Личное задержаніе; его цѣли; виды: а) тюрьма; условія содержанія въ тюрьмѣ; одиночное заключеніе, суровость охраны, опальныя тюрьмы, полуголодная жизнь; б) содержаніе за приставомъ; отвѣтственность приставовъ; кормъ; виды содержанія за приставомъ; в) домашній арестъ; г) содержаніе въ приказѣ или въ съѣзжей избѣ; д) заключеніе въ монастырь подъ началомъ; е) содержаніе въ богадѣльнѣ. — III. Поручительство къ суду; объемъ его примѣненія; поручная запись. — IV. Основанія къ избранію мѣры пресѣченія: не тяжесть преступленія, а сила уликъ; возможность пытки, какъ соображеніе, вліявшее на избраніе мѣры пресѣченія; мѣры пресѣченія противъ холоповъ и крестьянъ.

I. Мѣры противъ уклоненія отъ сыска и приговора принимались не только по отношенію къ обвиняемому, но и по отношенію

къ извѣтчику; даже свидѣтели по государевымъ дѣламъ очень часто испытывали на себѣ это неудобство розыскного процесса. Избраніе опредѣленной мѣры пресѣченія было однимъ изъ первыхъ распоряженій органа, управомоченнаго къ производству сыска по политическимъ дѣламъ; о принятой мѣрѣ пресѣченія воевода обязанъ былъ донести въ Москву (Новомбергскій, I, 48); мѣра пресѣченія, имъ назначенная, замѣнялась иногда болѣе легкой по распоряженію центральной власти (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 61, листъ 140). Срочность избранной мѣры пресѣченія опредѣлялась выраженіемъ «до государева указу», подъ чѣмъ нужно разумѣть окончательный приговоръ по дѣлу; лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда по какимъ-либо особеннымъ условіямъ предполагался долгій перерывъ между извѣтомъ и сыскомъ, мѣра пресѣченія назначалась «до сыска»[92]); наконецъ, обвиняемаго, приведеннаго въ съѣзжую избу въ пьяномъ видѣ, сажали въ тюрьму «до распросу» (Новомбергскій, I, 67). Одновременно съ принятіемъ мѣры пресѣченія противъ обвиняемаго подвергалось аресту и его движимое имущество, а у торговаго человѣка—и его товаръ въ лавкѣ; арестъ выражался въ описи и опечатаніи, при чемъ опись пересылалась немедленно въ Москву (Акты московскаго государства, III, 43; Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 77, новгородскаго № 72, листъ 255). Это дѣлалось въ обезпеченіе казенныхъ интересовъ, такъ какъ животы измѣнника составляли предметъ конфискаціи; но мѣрой этой, какъ увидимъ ниже, сильно ухудшалось положеніе обвиняемаго во время сыска.

Всѣ мѣры пресѣченія, практиковавшіяся въ государевыхъ дѣлахъ, сводились къ двумъ основнымъ формамъ: личному задержанію и отдачѣ на поруки.

II. Личное задержаніе по степени суровости своей и по нѣкоторымъ формальнымъ условіямъ распадалось на нѣсколько различныхъ видовъ, но *цѣли его* во всѣхъ случаяхъ были одинаковы и не совпадали вполнѣ съ цѣлями иныхъ способовъ пресѣченія. Изъ практики государевыхъ дѣлъ можно уловить указанія на трояку̀ю цѣль личнаго задержанія: 1) чтобы обвиняемый отъ сыска и приговора не ушелъ, 2) чтобы, оставаясь на свободѣ, онъ не мѣшалъ правильному и безпрепятственному теченію розыска, 3) чтобы онъ надъ собой дурна никакого не учинилъ. Первая задача состав-

ляетъ общую черту и главное основаніе рѣшительно всѣхъ мѣръ пресѣченія, отъ тюрьмы до поручительства; вторая, наоборотъ, характеризуетъ собой только личное задержаніе, притомъ—въ наиболѣе тяжелыхъ его формахъ, и приводитъ къ особенной строгости режима для заключенныхъ, о чемъ будетъ сказано ниже; а третья составляетъ яркую и характерную черту государевыхъ дѣлъ и объясняется частыми случаями самоубійствъ среди подслѣдственныхъ политическихъ. Трудно объяснить, чѣмъ эти самоубійства вызывались: безнадежностью-ли положенія, жестокостью-ли пытокъ или непобѣдимымъ страхомъ передъ смертной казнью, которая въ видѣ близкой или отдаленной угрозы стояла почти передъ каждымъ политическимъ обвиняемымъ. Частое повтореніе самоубійствъ вызывало постоянную инструкцію государевыхъ грамотъ: «беречь того накрѣпко, чтобы онъ (т.-е. обвиняемый) дурна надъ собой никакова не учинилъ»[93]).

а. Изъ различныхъ формъ личнаго задержанія чаще всего примѣняемой и, пожалуй, наиболѣе суровой было заключеніе въ тюрьмѣ. Для политическихъ обвиняемыхъ оно было, по-видимому, заключеніемъ *одиночнымъ*; по крайней мѣрѣ, такой выводъ можно сдѣлать изъ наставленій, постоянно повторяемыхъ въ государевыхъ грамотахъ: никого къ заключеннымъ «не припускать и разговаривать съ ними никому не велѣть» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 203); нѣсколько обвиняемыхъ по одному и тому же дѣлу содержались въ тюрьмѣ «порознь». Къ политическимъ заключеннымъ въ тюрьмѣ примѣнялись и спеціальныя *мѣры охраны*: ихъ держали «за крѣпкимъ карауломъ, за крѣпкой сторожей, съ великимъ береженьемъ» (тамъ же; также III, 274); къ «пущимъ ворамъ и заводчикамъ» и вообще къ такимъ обвиняемымъ, которымъ по ходу дѣла грозила неминуемая смертная казнь, примѣняли мѣру «закованія въ желѣзы» (тамъ же, VII, 40; III, 274; Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. 40). Эти суровости тюремнаго режима трудно было соблюсти въ тюрьмахъ общихъ, разбойныхъ или «губныхъ», поэтому для людей, замѣшанныхъ въ государевомъ дѣлѣ, устраивались въ городахъ *особыя «опальныя» тюрьмы*, куда, впрочемъ, наряду съ политическими обвиняемыми заключались и обвиняемые въ преступленіяхъ религіозныхъ; устройство этихъ тюремъ должно было, разумѣется, отвѣчать тѣмъ суровымъ условіямъ,

въ которыхъ протекало подслѣдственное заключеніе обвиняемыхъ въ государевомъ дѣлѣ; эта система обособленія послѣднихъ отъ всей массы обвиняемыхъ уголовныхъ соблюдалась настолько строго, что если тюремный сидѣлецъ, сидѣвшій за губнымъ старостой, говорилъ за собой государево слово или дѣло, воевода тотчасъ распоряжался переводомъ его изъ тюрьмы разбойной въ опальную[94]). Но и существованіе особыхъ тюремъ не мѣшало обвиняемымъ въ государевыхъ дѣлахъ страдать отъ всѣхъ общихъ условій русской тюремной жизни въ XVII вѣкѣ: какъ и обитателямъ разбойной тюрьмы, имъ также не полагалось казеннаго корма, и полу-голодная жизнь съ постояннымъ призракомъ голодной смерти понуждала опальныхъ сидѣльцевъ на неустанныя слезницы государю, чтобы онъ «пожаловалъ ихъ, не велѣлъ бы умереть въ тюрьмѣ голодной смертью, а велѣлъ свободить на поруки» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 91, листъ 361—365). Можно даже допустить, что положеніе такихъ обвиняемыхъ было неизмѣримо хуже положенія татей и разбойниковъ: у послѣднихъ оставалась на свободѣ жена и семья, отъ которыхъ они могли ждать помощи и пропитанія, а у первыхъ члены семьи раздѣляли, обыкновенно, со своимъ главой печальную судьбу «сидѣнія за крѣпкими сторожи»; впрочемъ, если даже они оставались на свободѣ, заключенному все-таки было мало пользы отъ нихъ, такъ такъ опечатаніе рухляди вызывало общую нищету семьи; поэтому встрѣчаемъ иногда и такія челобитья, въ которыхъ обвиняемый проситъ рухлядь его, по крайней мѣрѣ, выдать женѣ, чтобы не померла она голодной смертью (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 77).

б. Столь же часто примѣняемой мѣрой пресѣченія, какъ и тюрьма, была другая форма личнаго задержанія — отдача за пристава, т.-е. передача арестованнаго отвѣтственному лицу «для береженія» его собственными мѣрами и силами. Въ качествѣ приставовъ выступали въ приказахъ постоянные органы съ такимъ спеціальнымъ назначеніемъ, а въ уѣздахъ при воеводахъ—дѣти боярскіе или иные служилые чины; среди послѣднихъ чаще всего встрѣчаемъ въ этой роли «пушкарей» (Архивъ, столбцы новгородскаго стола № 72, листъ 255, приказнаго № 124, листъ 144). Отвѣтственность приставовъ въ государевыхъ дѣлахъ была очень суровая: если приставъ упускалъ государева измѣнника, противъ него самого возбуждалось обвиненіе въ измѣнѣ; онъ разсматривался,

какъ пособникъ бѣжавшаго, какъ соучастникъ его въ измѣнныхъ замыслахъ: его пытали, по какому умышленію онъ измѣнника упустилъ и не далъ ли ему письма за рубежъ (Архивъ, тамъ же; Дворцовые разряды, I, 835); въ менѣе важныхъ дѣлахъ оплошныхъ приставовъ отправляли на свой счетъ и своими средствами розыскивать бѣглецовъ, «а не сыщутъ, сажать ихъ самихъ въ тюрьму до государева указа» (Новомбергскій, I, 12, 48). Угроза такихъ послѣдствій не могла, разумѣется, способствовать смягченію режима для человѣка, попавшаго къ приставу въ государевомъ дѣлѣ, и по суровостямъ заключенія эта форма личнаго задержанія едва-ли уступала въ чемъ-нибудь тюрьмѣ; по крайней мѣрѣ, въ государевыхъ грамотахъ, предписывающихъ «отдать за приставы», мы встрѣчаемъ столь же суровыя наставленія—«никого не пускать, говорить не давать ни съ кѣмъ; держать за крѣпкимъ карауломъ» (Дворцовые разряды, III, 1422—23); встрѣчаемъ случаи, когда обвиняемый сидитъ за приставомъ «въ цепи и въ желѣзахъ» (Новомбергскій, I, 353); иногда предписывается даже «держать за крѣпкими приставы»; но какое осложненіе связывается для арестованнаго съ такой инструкціей, угадать очень трудно; можетъ-быть, это означало только многочисленность приставовъ и особенную бдительность надзора; если обвиняемый пересылался съ приставомъ въ Москву или изъ города въ городъ, то мѣры строгости еще болѣе усиливались: въ такихъ случаяхъ закованіе было, кажется, общимъ правиломъ (Акты археографической экспедиціи, III, 396). Только въ одномъ отношеніи судьба обвиняемыхъ, сидящихъ за приставомъ, была облегчена вскорѣ послѣ Уложенія: указомъ 1658 года велѣно было «съ колодниковъ, которые сидятъ на Москвѣ за приставы въ великаго государя дѣлахъ, пожелѣзнаго тѣмъ приставомъ впредь не имать, а вмѣсто пожелѣзнаго давать тѣмъ приставомъ великаго государя жалованье» (Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 335); подъ «пожелѣзнымъ въ этомъ указѣ слѣдуетъ разумѣть, по мнѣнію Дмитріева (Сочиненія, I, 423), всѣ вообще расходы, производимые приставомъ на содержаніе заключенныхъ. Эта мѣра вызвана была, нужно думать, слишкомъ тяжелыми матеріальными условіями послѣднихъ: для нихъ, разбросанныхъ по дворамъ у приставовъ, изсякалъ послѣдній рессурсъ всякихъ подневольныхъ сидѣльцевъ — направлявшаяся въ тюрьмы милостыня добрыхъ людей.

По мѣсту, гдѣ содержался отданный за пристава, можно различить два вида этого способа пресѣченія: а) чаще всего обвиняемыхъ «*раздавали* приставомъ»; слѣдовательно, они содержались во дворѣ у пристава или въ особенныхъ помѣщеніяхъ, приставу принадлежащихъ; б) но въ случаяхъ, когда обвиняемый въ государевомъ дѣлѣ былъ изъ высшихъ служилыхъ чиновъ или вообще занималъ видное общественное положеніе, онъ содержался за приставомъ въ своемъ собственномъ домѣ; такъ, жена стольника Мусина-Пушкина въ 1675 году была распрашивана въ великаго государя дѣлѣ, а послѣ распроса велѣно «отдать ее за пристава и послать *къ ней* караулъ и не пущать *къ ней на дворъ* и со двора никого» (Дворцовые разряды, тамъ же); привилегированность этой формы содержанія за приставомъ обнаруживается изъ наказа астраханскому воеводѣ отъ 1628 года, гдѣ содержалось такое наставленіе: «въ комъ воевода почаетъ шатость и измѣну, и ему про тѣхъ людей сыскивать, и кто дойдетъ до пытки, то и пытать; а будетъ какое измѣнное дѣло дойдетъ до мурзы, и тѣхъ мурзъ держать по́ дворомъ за крѣпкими приставы и за сторожи» (Акты историческіе, III, 262).

в. Въ этой своей формѣ содержаніе за приставомъ почти сливается съ другимъ видомъ личнаго задержанія, *домашнимъ арестомъ*, отличаясь отъ него едва уловимымъ признакомъ—отсутствіемъ лица, свободно распоряжающагося на своей страхъ и отвѣтственность выборомъ охранныхъ мѣръ и предосторожностей. Такъ, Мусина-Пушкина была отдана на своемъ дворѣ «за приставы и за крѣпкіе караулы», а у всѣхъ другихъ обвиняемыхъ, привлеченныхъ по этому же дѣлу, велѣно было просто «поставить во дворѣ караулъ и къ нимъ никого не пущать»; къ губному старостѣ, на котораго тюремный сидѣлецъ сдѣлалъ извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ, воевода коломенскій распорядился приставить сотника стрѣлецкаго и беречь его на его же дворѣ до государева указу (Новомбергскій, I, 159). Это былъ, слѣдовательно, домашній арестъ безъ охраны отвѣтственнаго пристава и со всѣми смягченіями, которыя допускаются и обусловливаются домашней обстановкой.

г. Болѣе легкой формой личнаго задержанія представляется арестъ при томъ учрежденіи, которымъ производится розыскъ. Такъ, обвиняемыхъ въ государевомъ дѣлѣ иногда держатъ «въ караульнѣ на *съѣзжей избѣ*» (Памятники сибирской исторіи, I, 323), а по дѣ-

ламъ, которыя разбираются въ приказѣ, встрѣчаемъ довольно часто распоряженіе «держать *въ приказѣ* за крѣпкими сторожи (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 928: дѣло объ измѣнѣ Фильки Булгакова). Эта форма заключенія примѣнялась, по-видимому, какъ мѣра временная «до распросу» или при интенсивномъ розыскѣ съ характеромъ особой спѣшности и неотложности.

д. Для обвиняемыхъ иноческаго чину личное задержаніе принимало форму содержанія *въ монастырѣ* «подъ началомъ» или «на епископскомъ дворѣ». Впрочемъ, это не было общимъ правиломъ, а примѣнялось, кажется, только въ такихъ случаяхъ, когда лицо, подлежавшее задержанію, и безъ того уже находилось за какую нибудь вину «на смиреньи» въ монастырѣ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1887, I). Во всѣхъ другихъ случаяхъ встрѣчаемъ примѣненіе къ инокамъ, замѣшаннымъ въ государевомъ дѣлѣ, самыхъ различныхъ способовъ предварительнаго заключенія—отъ тюрьмы и сидѣнія за приставомъ до содержанія въ приказной избѣ за карауломъ (Акты московскаго государства, III,188).

е. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый, подлежавшій задержанію, заболѣвалъ во время сыска какой-нибудь болѣзнью, которая признавалась и считалась опасной въ глазахъ людей того времени, его помѣщали въ «*богадѣльню*» или въ иное полу-лѣчебное, полу-благотворительное заведеніе древней Руси; такъ, въ 1668 году «пушкарь Ульяшка», обвинявшійся въ произнесеніи непристойныхъ словъ на государя и патріарха, «посаженъ былъ въ богадѣлнѣ на цепъ, для того, что онъ послѣ распросу застранствовалъ падучей болѣзнью» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887,II). Но юродивые, если попадали въ положеніе обвиняемыхъ по государеву дѣлу, подлежали, кажется, въ обычномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ (Акты воронежскіе, I, 94).

III. Поручительство или «крѣпкія поруки съ записьми» фигурируютъ довольно часто въ дѣлахъ по политическимъ обвиненіямъ и притомъ въ обѣихъ формахъ, выработанныхъ судебной практикой XVII вѣка: въ видѣ поруки къ суду и поруки послѣ суда. Послѣдняя форма сводилась въ государевыхъ дѣлахъ къ отвѣтственности поручителей за политическую благонадежность взятаго ими на поруки, что онъ «государю не измѣнитъ и въ иныя государства не отъѣдетъ»; эта форма поручительства примѣнялась, обыкновенно,

послѣ сыска къ оправданному или помилованному подсудимому и должна поэтому разсматриваться, какъ составная часть приговора по дѣлу. Поручительство къ суду, наоборотъ, требовалось отъ обвиняемаго чаще всего во время сыска и до приговора, а послѣ приговора утрачивало свою силу и смыслъ, замѣняясь или совершеннымъ оправданіемъ подсудимаго или порукой въ благонадежномъ поведеніи или, наконецъ, карательной мѣрой; сущность такого поручительства заключалась въ обязательствѣ обвиняемаго подъ отвѣтственностью одного или нѣсколькихъ поручителей, что онъ, оставаясь на свободѣ, «по вся дни будетъ ставиться предъ воеводой до государева указу» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 61, листъ 140). Только въ этой своей формѣ порука можетъ разсматриваться, какъ мѣра пресѣченія въ процессѣ. Она примѣнялась по государевымъ дѣламъ къ лицамъ всѣхъ званій и состояній: крестьяне и холопы отдавались на поруки такъ же часто, какъ ихъ бояре и помѣщики; обвиняемые изъ духовнаго чину предпочитали ее «смиренію» въ монастырѣ (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 113, листъ 224). Порука примѣнялась въ рѣдкихъ случаяхъ и при отсылкѣ обвиняемыхъ въ Москву (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 85). Запись, удостовѣряющая обязательство поручителей, хранилась въ съѣзжей избѣ или въ приказѣ, гдѣ производился сыскъ. Если дѣло кончалось оправданіемъ подсудимаго, то въ приговоръ включалось постановленіе—обвиняемаго «изъ-за порукъ свободить и запись поручную ему выдать» (Акты московскаго государства, I, 170).

IV. Какія же соображенія вліяли на выборъ той или иной мѣры пресѣченія? по какимъ основаніямъ личное задержаніе въ однихъ случаяхъ замѣнялось поручительствомъ въ другихъ и чѣмъ обусловливался выборъ между различными формами личнаго задержанія? Отвѣтимъ сначала на послѣдній вопросъ. Такъ какъ всѣ виды личнаго задержанія, кромѣ тюрьмы и содержанія за приставомъ, отмѣчены были временнымъ или исключительнымъ характеромъ, то вопросъ этотъ сводится къ болѣе узкому: были ли какія-нибудь основанія, вытекавшія изъ обстоятельствъ дѣла, къ предпочтенію тюремнаго заключенія отдачѣ за пристава или обратно? На такой вопросъ можно отвѣтить отрицательно. И та и другая форма лишенія свободы характеризуется, какъ мы знаемъ, одинаковыми условіями и,

стало-быть, въ одинаковой степени удовлетворяетъ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ вводится въ процессъ мѣра личнаго задержанія. Правительство, давая въ наказахъ инструкціи насчетъ принятія мѣръ пресѣченія, предоставляетъ воеводамъ свободный, никакими процессуальными условіями нестѣсненный выборъ между тюрьмой и приставомъ: «а буде объявится, что извѣщали напрасно, тѣхъ извѣтчиковъ *держать въ тюрьмѣ или за приставы*» (Полное собраніе законовъ, III, 286). Стало-быть, выборъ этотъ обусловливался скорѣе всего какими-либо практическими основаніями, ничуть не связанными ни съ ходомъ розыска ни съ характеромъ обвиненія. Если городъ былъ крупный, и при съѣзжей избѣ существовала правильная организація приставской части, то воевода предпочиталъ отдавать обвиняемаго въ государевомъ дѣлѣ подъ охрану отвѣтственнаго пристава; но чаще всего въ уѣздѣ не было правильно организованнаго товарищества приставовъ, и воеводѣ, опасавшемуся довѣрить политическаго обвиняемаго въ руки случайнаго «пушкаря», приходилось «сажать его въ тюрьму до государева указу»; если въ Уложеніи и въ воеводскихъ наказахъ фигурируютъ, обыкновенно, указанія на тюрьму, какъ на мѣру пресѣченія, то это означаетъ только, что правительство считалось съ недостачей приставовъ въ уѣздахъ, а отнюдь не знаменуетъ узаконенія тюрьмы, какъ обязательной мѣры лишенія свободы въ государевыхъ дѣлахъ. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ наблюденіемъ, что если сыскъ по политическому обвиненію производился въ Москвѣ, гдѣ около каждаго приказа издавна сложились отвѣтственныя товарищества приставовъ, то къ обвиняемымъ исключительно примѣнялось содержаніе за приставомъ.

Остается, такимъ образомъ, рѣшить вопросъ о томъ, какія соображенія вліяли на выборъ между двумя основными формами мѣръ пресѣченія—личнымъ задержаніемъ и «крѣпкими поруками». Нельзя пріурочить каждую изъ этихъ формъ къ опредѣленному роду политическихъ посягательствъ: такъ, съ тюрьмой, какъ съ мѣрой пресѣченія, мы сталкиваемся и при обвиненіяхъ въ измѣнѣ, и въ преступленіи непристойныхъ словъ, и въ дѣлахъ о прописке государева именованья; съ другой стороны, и поручительство фигурируетъ въ подобныхъ же дѣлахъ. Нельзя также предположить, чтобы мѣра пресѣченія избиралась исключительно по соображенію суро-

вости наказанія, угрожавшаго обвиняемому: въ такомъ случаѣ предварительное заключеніе не должно бы было примѣняться къ дѣламъ о прописке государева именованья, гдѣ наказаніе часто ограничивалось краткосрочной тюрьмой и никогда не шло дальше битья кнутомъ. Остается, такимъ образомъ, допустить, что важнѣйшимъ основаніемъ при избраніи мѣры пресѣченія была степень основательности обвиненія, количество и качество выдвигаемыхъ противъ обвиняемаго уликъ. Этимъ только можно объяснить такіе случаи, когда по одному и тому же дѣлу одинъ обвиняемый заключается въ тюрьму, а другой оставляется на свободѣ; такъ, бѣглеца, захваченнаго на рубежѣ, пытали и сажали въ тюрьму до указа, а съ кого онъ на очной ставкѣ снималъ свой первоначальный оговоръ, отдавали на крѣпкія поруки съ записью, такъ какъ противъ такого обвиняемаго оставалось только смутное подозрѣніе, не вызванъ ли сговоръ наученіемъ или засылкой (Акты московскаго государства, I, 170). Если сыскъ начинался извѣтомъ бездоказательнымъ и сомнительнымъ, то обвиняемый даже въ «великихъ государевыхъ дѣлахъ» избѣгалъ лишенія свободы. Такъ, на гродненскаго воеводу былъ извѣтъ въ томъ, что онъ «городъ сдалъ измѣной»; за это тяжкое преступленіе обвиняемому угрожала смертная казнь; тѣмъ не менѣе, онъ оставался на свободѣ и, по словамъ извѣтчиковъ, «жилъ въ Смоленску на прохладѣ и пиры дѣлалъ частые»; это объясняется тѣмъ, что извѣтчики не поставили свидѣтелей на свой извѣтъ и «ничѣмъ не уличили», такъ что послѣ безрезультатной очной ставки пришлось для рѣшенія дѣла обратиться къ повальному обыску (Акты московскаго государства, III, 41). Въ 1645 году было велѣно: какіе люди посажены въ тюрьму якутскимъ воеводой Головинымъ «за большія государевы дѣла», тѣхъ изъ тюрьмы выпустить и давать до сыску на поруки; чѣмъ объяснить эту мягкость мѣры пресѣченія въ такомъ серьезномъ обвиненіи, какъ «большое государево дѣло»? очевидно, только тѣмъ, что якутскій воевода отданъ былъ подъ судъ за злоупотребленія и насилія, и добросовѣстность извѣтовъ, по которымъ онъ начиналъ слѣдствіе, подвергалась основательному сомнѣнію. Для подтвержденія нашего вывода о рѣшающемъ вліяніи силы уликъ на избраніе мѣры пресѣченія любопытно слѣдующее дѣло: подъячій заявилъ въ съѣзжей избѣ воеводѣ, что когда онъ проѣзжалъ мимо тюрьмы, тюремный сидѣ-

лецъ крикнулъ за собой государево дѣло; воевода допросилъ тюремнаго сидѣльца, и тотъ въ распросѣ сказалъ государево слово на костромитина посадскаго человѣка, «а какое слово, скажетъ де онъ, когда государевъ указъ будетъ»; воевода отправилъ извѣтчика въ тюрьму, а костромитина отдалъ за пристава и отписалъ обо всемъ въ Москву; изъ Москвы пришла государева грамота, велѣно извѣтчика допросить еще разъ, и если онъ грамотенъ, пусть самъ запишетъ свои распросныя рѣчи, и то письмо прислать къ Москвѣ, а «костромитина изъ-за приставовъ свободить и отдать на крѣпкія поруки, что ему ставитца предъ воеводы до государева указу» (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 61, листъ 140); воевода переусердствовалъ и по извѣту совершенно бездоказательному, да еще исходящему отъ тюремнаго сидѣльца, подвергнулъ обвиняемаго заключенію за приставомъ; Москва, которая имѣла столько же данныхъ для сужденія объ извѣтѣ, сколько и воевода, исправила его ошибку, примѣнивъ къ обвиняемому болѣе мягкую мѣру.

Если же обвиненіе, наоборотъ, съ первыхъ шаговъ внушало довѣріе къ своей основательности, то къ обвиняемому неукоснительно примѣнялась мѣра предварительнаго заключенія. Всѣ воеводскіе наказы, предписывая «сажать въ тюрьму» обвиняемыхъ въ государевомъ дѣлѣ, считаются съ такими именно случаями, когда обвиненіе — основательное и надежное. Въ наказахъ сибирскимъ воеводамъ предписывается: «которыхъ измѣнниковъ пущихъ воровъ и заводчиковъ *на бою возьмутъ*, тѣхъ посадить въ тюрьму до указу великаго государя» (Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 165; Полное собраніе законовъ, III, 244). Въ наказахъ порубежнымъ и близрубежнымъ воеводамъ правительство требуетъ заключенія въ тюрьму всѣхъ тѣхъ людей, которые «учнутъ воровать, съ литовскими и нѣмецкими людьми ссылаться, съ вѣстями къ нимъ ходить и съ измѣнники съѣзжаться» (тамъ же, III, 686). Наконецъ, въ наказѣ казанскому воеводѣ читаемъ слѣдующую инструкцію: «*по явнымъ подлиннымъ извѣтамъ*, кто на кого извѣститъ измѣну и шатость, посылать дворянъ знающихъ и безкорыстныхъ и велѣть тѣхъ людей приводить въ Казань и ихъ про шатость и измѣну распрашивать и сыскивать *и держать въ тюрьмѣ до указу великаго государя*» (тамъ же, III, 286). Изъ наблюденій надъ практикой государевыхъ дѣлъ можно установить слѣдующія процессуальныя обык-

новенія, вполнѣ согласныя съ инструкціями воеводскихъ наказовъ. а) Если извѣтчикъ въ извѣтной челобитной слался на свидѣтелей «имянно» или представлялъ неоспоримыя вещественныя доказательства, то обвиняемый непремѣнно и незамедлительно подвергался предварительному заключенію, хотя бы обвиненіе, поднятое противъ него, не относилось къ великимъ государевымъ дѣламъ (Акты московскаго государства, II, 274, III, 576); вещественныя доказательства, какъ мы знаемъ, имѣли неопровержимую силу въ дѣлахъ о прописке государева именованья; вотъ почему подъячему, на котораго поданъ былъ извѣтъ въ такомъ преступленіи съ приложеніемъ «тѣхъ писемъ, гдѣ прописка», пришлось отбывать «до государева указу» предварительное заключеніе въ тюрьмѣ, хотя все наказаніе, назначенное ему по «указу», не пошло дальше битья кнутомъ (тамъ же, III, 331). б) Человѣка, захваченнаго на рубежѣ, также сажали въ тюрьму до указа, такъ какъ поимка въ такихъ условіяхъ всегда пробуждала у московскихъ властей убѣдительныя подозрѣнія въ измѣнѣ (тамъ же, I, 173, II, 111).

Такъ какъ почти во всѣхъ такихъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ пытки или безъ угрозы пыткой, то можно выставить такое положеніе: тюрьма избиралась мѣрой пресѣченія тогда, когда розыскъ принималъ направленіе, угрожающее пыткой. Это не значитъ, что обвиняемый оставлялся на свободѣ до возникновенія законныхъ основаній къ пыткѣ, а при наступленіи этого условія заключался въ тюрьму или отдавался за пристава; правило, нами формулированное, выражаетъ лишь ту мысль, что если въ процессъ по государеву дѣлу съ самаго начала вводилось такое обстоятельство, изъ котораго въ дальнѣйшемъ производствѣ могло возникнуть законное основаніе для пытки (напримѣръ, извѣтчикъ указывалъ свидѣтелей), то обвиняемый незамедлительно и неотложно подвергался лишенію свободы; это дѣлалось по тому соображенію, что одна возможность пытки, страшившая подчасъ сильнѣе, чѣмъ приговоръ, могла заставить слабаго духомъ человѣка бѣжать отъ слѣдствія и суда.

Въ особенную группу по вопросу о мѣрахъ пресѣченія слѣдуетъ выдѣлить холоповъ и крестьянъ, когда они выступали обвиняемыми въ государевыхъ дѣлахъ. Тутъ можно различить три несхожихъ случая: а) когда холопъ или крестьянинъ обвинялся по

извѣту своего боярина или помѣщика, его безъ учета доказательности извѣта сажали въ тюрьму до государева указу; эта мѣра, какъ обязательная, была прямо узаконена Уложеніемъ (VI, 6); если мы вспомнимъ, что извѣтъ господина противъ холопа считался достаточнымъ основаніемъ для пытки послѣдняго, то этотъ случай можно подвести подъ правило, формулированное выше; б) когда холопъ выступалъ въ государевомъ дѣлѣ безъ участія господина, то допускалась, по-видимому, какъ рѣдкая и исключительная мѣра, выдача его на поруки господину съ обязательствомъ — «какъ его спросятъ, и его немедля поставить предъ воеводой» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 72, листъ 255); в) наконецъ, когда холопъ привлекался къ обвиненію вмѣстѣ со своимъ господиномъ, какъ предполагаемый участникъ его измѣны, то практиковалось въ началѣ XVII вѣка освобожденіе холоповъ на поруки тѣхъ лицъ, кому они уже послѣ измѣны своего боярина выдавали на себя служилыя кабалы (Владим.-Будановъ, Хрестоматія, III, 103); въ эпоху Уложенія намъ не привелось встрѣтить слѣдовъ такой практики.

ГЛАВА VI.

Приговоръ и наказаніе.

§ 1.

Приговоръ.

I. Процедура постановки приговора: а) выписка, б) слушаніе, в) рѣшеніе; случаи, когда выписка отсутствуетъ.—II. Формы приговора: помѣта и государева грамота; черты ихъ различія; содержаніе помѣты; царскія резолюціи; постоянные и случайные элементы въ содержаніи государевой грамоты; память приказу.—III. Объявленіе или „сказываніе“ приговора, какъ постоянная и исключительная черта производства по государевымъ дѣламъ; причины исключительности; объявленіе оправдательнаго приговора; публичность „сказыванія“ и условія ея обезпеченія: сказываніе при многихъ людяхъ, у плахи, у приказа; сказываніе въ церкви; содержаніе „сказки“.—IV. Исполненіе приговора оправдательнаго и обвинительнаго; поруки съ записью; отписка государю; быстрота исполненія.

I. Вслѣдъ за окончаніемъ «сыска» наступаетъ заключительная стадія судопроизводства—приговоръ. Постановка приговора предполагаетъ нѣкоторую процедуру, которая на московскомъ приказномъ языкѣ именовалась «вершеніемъ». Этимъ словомъ обозначался заключительный фазисъ процесса не только въ дѣлахъ, разбираемыхъ порядкомъ «суда», какъ это съ отчетливостью можно видѣть изъ десятой главы Уложенія, но и въ уголовныхъ дѣлахъ, разбираемыхъ «сыскомъ» (XXI, 67). Впрочемъ, «вершеніемъ» называлось иногда и исполненіе приговора (Дворцовые разряды, III, 1019). «Вершеніе», какъ процедура постановки приговора, протекаетъ въ трехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ: а) изъ данныхъ «сыска», изъ распросныхъ, пыточныхъ и обыскныхъ рѣчей составляется «выписка въ докладъ»; понятіе «выписки» хорошо изслѣдовано историками русскаго процесса, и намъ нѣтъ нужды останавливаться на разъясне-

ніи его; б) выписка поступаетъ на разсмотрѣніе органа, которому принадлежитъ право рѣшенія; это называлось «слушаніемъ дѣла»; в) результатомъ слушанія является приговоръ. О «слушаніи» и «выпискѣ» почти всегда упоминается въ приговорѣ: «государь, слушавъ сего дѣла, указалъ» или «слушавъ сей выписки, бояре приговорили». Относительно политическихъ дѣлъ слѣдуетъ отмѣтить, однако же, что «выписка» не составляетъ постоянной и обязательной принадлежности судопроизводства; можно формулировать такое правило: если рѣшеніе постановляется тѣмъ самымъ органомъ, которымъ производится сыскъ, то «выписка» отсутствуетъ; такъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда воевода постановляетъ приговоръ по политическому обвиненію, въ дѣлѣ не находится слѣдовъ «выписки» (Дополненія къ актамъ историческимъ, VII, 24); въ случаяхъ важныхъ и исключительныхъ, когда сама боярская дума производитъ розыскъ и затѣмъ участвуетъ въ рѣшеніи, въ основу послѣдняго кладутся подлинные документы сыска, и «слушаніе дѣла» обходится безъ посредства «выписки».

II. Съ формальной стороны въ приговорѣ по государеву дѣлу можно различить два момента: а) помѣта о приговорѣ и б) государева грамота воеводѣ. Различіе между той и другой яснѣе всего выражается современными намъ понятіями—резолюція и приговоръ въ окончательной формѣ. «Помѣта» отличается краткостью постановленій и лаконизмомъ формы, а «государева грамота» характеризуется московской обстоятельностью и московской же многорѣчивостью. «Помѣта» выражаетъ непосредственную дѣятельность и личную волю органа, постановляющаго рѣшеніе, т.-е. боярской думы или царской власти, а «государева грамота» является продуктомъ свободнаго до нѣкоторой степени творчества приказной администраціи. Но существеннѣйшія различія между этими двумя формами приговора выясняются при обзорѣ ихъ содержанія.

Въ помѣтѣ о приговорѣ улавливаются двѣ постоянныхъ составныхъ части: а) изложеніе сущности рѣшенія и б) общая характеристика преступленія. Рѣшеніемъ по конкретному дѣлу опредѣляется не только судьба подсудимаго, назначеніе ему наказанія или его оправданіе, но то и другое зачастую осложняется указаніемъ общей нормы, которую предписывается соблюдать на будущее время въ аналогичныхъ случаяхъ (Дополненія къ актамъ историче-

скимъ, XII, 301; Акты археографической экспедиціи, III, 454; Акты московскаго государства, II, 111). Сверхъ того, рѣшеніемъ затрогиваются всѣ другіе вопросы, связанные съ дѣломъ; напримѣръ, «бояре приговорили: мужика измѣнника повѣсить, а кто его поймалъ, дать изъ пошлинныхъ денегъ два рубля». Преступленіе, за которое назначается наказаніе, характеризуется въ помѣтѣ самыми общими выраженіями: «за воровство» или «за непристойное слово» или «за измѣну»; ложный извѣтчикъ наказывается «за то, что затѣялъ напрасно»; при этомъ изъ помѣты невозможно бываетъ уяснить, въ чемъ заключалось «воровство» или «измѣна», какое было сказано непристойное слово, въ чемъ заключалась сущность ложнаго извѣта. Эти постоянныя составныя части помѣты—сущность приговора и общая характеристика преступнаго дѣянія — осложняются иногда всякаго рода *случайными* элементами (напр., выговоромъ воеводѣ за неправильныя сыскныя дѣйствія); изъ этихъ случайныхъ элементовъ любопытнѣе всего краткія мотивировки приговора, которыя заключаются въ резолюціяхъ царя Алексѣя Михайловича по государевымъ дѣламъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ его краткихъ, но выразительныхъ резолюцій: «указалъ государь мужика бить батоги— не пей много и чего не было, не затѣвай» или «ко государскому имени бездѣльемъ не приводи» или «указалъ государь Стеньку бить батоги: не вѣрь сну». Послѣдняя резолюція вызвана своеобразнымъ даже для той эпохи дѣломъ: мужику Стенькѣ сказывала молодица Агапеица, что являлся ей въ сновидѣніи мученикъ Христовъ Никита и напророчилъ, что ему бы, Стенькѣ, избу свою переставить да пристроить къ ней сѣни, а въ тѣхъ бы сѣняхъ сидѣть ей, Агапеицѣ, *и за то быть ему, Стенькѣ, на царствѣ*; Стенька повѣрилъ «тому бѣсовскому мечтанію» и избу свою переставилъ, но вмѣсто царскаго вѣнца сподобился выразительной резолюціи Алексѣя Михайловича [95])

Содержаніе помѣты перерабатывалось въ государеву грамоту воеводѣ, въ которой, какъ увидимъ ниже, проявлялась нѣкоторая доля свободнаго творчества приказа. Въ содержаніи государевой грамоты можно различить три постоянныхъ части: а) въ ней излагается съ подробностью весь ходъ дѣла отъ извѣта до розыска включительно; въ связи съ этимъ описываются доказательства, возникшія въ розыскѣ противъ обвиняемаго, и разъясняется преступ-

леніе, въ которомъ онъ обвиняется; однако, въ дѣлахъ о непристойномъ словѣ можно отмѣтить тенденцію государевыхъ грамотъ не воспроизводить въ самой грамотѣ содержанія непристойнаго слова; «а какое слово, про то намъ вѣдомо»—такое таинственное указаніе не однажды встрѣчаемъ въ государевыхъ грамотахъ (Новомбергскій, I, 47); за изложеніемъ обстоятельствъ дѣла въ грамотѣ воспроизводится всё содержаніе помѣты о приговорѣ съ ея случайными и постоянными элементами; в) наконецъ, заключается грамота распоряженіемъ воеводѣ исполнить приговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается порядокъ исполненія. Сверхъ этихъ постоянныхъ частей часто встрѣчаемъ въ грамотахъ, излагающихъ обвинительный вердиктъ, указаніе на основаніе вердикта, напр., «велѣть бить батоги нещадно, потому что сказывалъ онъ, затѣявъ наше дѣло, а при комъ то дѣло дѣлалось, и они сказали не противъ его извѣта» (тамъ же, I, 50); «Гаврилу Бакина за измѣну казнить смертью, потому что слался онъ на Юшкова, а Юшковъ на очной ставкѣ его уличалъ, да и самъ онъ предъ государемъ винился» (Акты археографической экспедиціи, III, 384). Этотъ элементъ государевой грамоты представляетъ большую важность для оцѣнки процессуальной силы принятыхъ въ московскомъ судопроизводствѣ доказательствъ.

Если розыскъ по государеву дѣлу производился въ Москвѣ, то мѣсто государевой грамоты заступала «память» приказу; однако, въ ней сущность дѣла излагается болѣе кратко (Новомбергскій, I, 582; Акты археографической экспедиціи, III, 490); вслѣдъ за воспроизведеніемъ резолюціи «память» излагаетъ распоряженіе исполнить приговоръ: «и вамъ о томъ учинить указъ по ихъ государеву указу и боярскому приговору». Наконецъ, подробное рѣшеніе по дѣлу со всѣми чертами московской многословности излагается въ чинѣ объявленія приговора.

III. Объявленіе приговора или «сказываніе вины» составляетъ важный и постоянный моментъ въ процедурѣ исполненія приговора по государевымъ дѣламъ. Обрядъ этотъ неукоснительно соблюдался не только въ дѣлахъ, исключительныхъ по важности своей (какъ дѣло боярина Шеина съ товарищи или дѣло гетмана Многогрѣшнаго), но и въ самыхъ мало-значительныхъ государевыхъ дѣлахъ, каковы, напримѣръ, многочисленные затѣйные извѣты «пьянымъ

обычаемъ». Составляя такимъ образомъ *постоянную* принадлежность судопроизводства по политическимъ дѣламъ, процедура «сказыванія» является въ то же время его *исключительной чертой*. Всѣ напечатанные до сихъ поръ примѣры исполненія этой процедуры относятся къ процессамъ политическимъ; XXI-ая глава Уложенія, устанавливая порядокъ шестинедѣльнаго «покаянія» для осужденныхъ на смерть разбойниковъ и татей (XXI, 34), не даетъ, однако же, никакихъ указаній насчетъ процедуры сказыванія имъ вины; по мнѣнію Ланге (Древне-русское уголовное судопроизводство, 173) «при составленіи приговоровъ о наказаніи разбойниковъ и татей не соблюдали формальностей, приговоры писались весьма кратко и тотчасъ же приводились въ исполненіе». Изъ архивныхъ справокъ по государевымъ дѣламъ мы можемъ подтвердить это мнѣніе слѣдующимъ цѣннымъ примѣромъ. Въ 1653 году тульскій воевода приговорилъ «Власку Шамырина бить кнутомъ нещадно за то, что онъ хмѣльнымъ умысломъ сказалъ за собой государево дѣло на стрѣлецкаго сына Ваську Поваляева», который выбранилъ его «матерной лаей», и въ распросѣ Власка винился, что государево дѣло затѣялъ напрасно; и Ваську Поваляева воевода приговорилъ «за матерную лаю бить батоги нещадно жъ»; но исполненіе этого одинаковаго приговора для обоихъ подсудимыхъ было различное: «того жъ числа *передъ съѣзжей избой при многихъ людяхъ Власкѣ Шамырину сказывалъ воевода вину его*, и учинено ему наказанье: дано 50 ударовъ безъ спуску; а Васька Поваляевъ *въ съѣзжей избѣ* битъ батоги нещадно жъ» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ 201, листы 63—64). Итакъ, осужденный по государеву дѣлу наказывается публично—«передъ съѣзжей избой», и при этомъ «сказывается его вина при многихъ людяхъ»; а осужденный по уголовному дѣлу наказывается непублично, и моментъ сказыванія приговора отсутствуетъ.

Эта особенность исполнительнаго производства по государевымъ дѣламъ объясняется, прежде всего, тѣмъ, что розыскъ по преступленіямъ политическимъ окутанъ былъ, какъ мы знаемъ, нѣкоторой таинственностью; затѣмъ, самое преступленіе по составу своему таково, что имъ не затрогивается никакой конкретный интересъ той мѣстности или того населенія, среди котораго приговоръ исполняется; поэтому естественно возникающій у каждаго вопросъ, за что этого человѣка наказываютъ, нуждался для своего

разрѣшенія въ процедурѣ публичнаго «сказыванія вины»; этой же процедурой успѣшно достигались и устрашительные результаты. Наоборотъ, преступленіе разбоя или татьбы, совершенное «лихимъ человѣкомъ», очень живо затрогиваетъ интересы относительно небольшого общественнаго мірка, среди котораго, къ тому же, живутъ и непосредственно пострадавшіе; розыскъ по этимъ дѣламъ не только не окутанъ какой-либо тайной, но наоборотъ—отмѣченъ еще многими слѣдами общинной расправы съ преступникомъ; однимъ словомъ, по такимъ дѣламъ не представляется нужды предварять исполненіе приговора такой публичной процедурой, которая служила бы къ ознакомленію населенія съ преступникомъ и преступленіемъ. Наконецъ, если мы припомнимъ, что почти все разнообразіе политическихъ посягательствъ, отъ тяжкой измѣны до легкомысленной словесной «непристойности», разсматривалось въ Москвѣ, какъ оскорбленіе «государевой чести», то невольно напрашивается сближеніе между процедурой публичнаго объявленія приговора, неизмѣнной черты государевыхъ дѣлъ, и обряда «выдачи головой», устанавливаемаго десятой главой Уложенія за «патріарше безчестье» (X, 27). Въ обрядъ этотъ, по описанію Котошихина (о Россіи, 34—35), входило, какъ существенная составная часть, публичное объявленіе приговора и вины оскорбителя; не потому ли производство государева дѣла характеризуется неизмѣнно этой заключительной процедурой, что въ ней, по воззрѣніямъ той эпохи, заключался такой же способъ возстановленія или удовлетворенія государевой чести, какимъ была «выдача головой» для чести патріаршей, оскорбленной «непригожимъ словомъ, или для чести щепетильнаго боярина, задѣтой въ мѣстническомъ спорѣ? сила этого соображенія ослабляется лишь тѣмъ, что процедура всенароднаго «сказыванія» въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ примѣнялась въ Москвѣ и къ *оправдательному приговору;* намъ пришлось натолкнуться лишь однажды на такой случай: по дѣлу Шеина оправданнымъ дьякамъ Дурову и Карпову приговоръ былъ «сказанъ» всенародно (Акты археографической экспедиціи, III, 384).

Публичность составляетъ непремѣнную черту процедуры сказыванія приговора и обезпечивается условіями того мѣста, гдѣ эта процедура совершается. Чаще всего встрѣчаемъ порядокъ, который примѣнилъ тульскій воевода въ разсказанномъ нами выше примѣрѣ:

приговоръ объявляется «при многихъ людяхъ» около съѣзжей или приказной избы. Если дѣло разбиралось въ Москвѣ, то мѣсто объявленія приговора—«у приказа»; осужденнымъ на смертную казнь приговоръ читается «у плахи»[96]). Въ исключительныхъ случаяхъ мѣстомъ публичнаго сказыванія избирается церковь; такъ, по дѣлу новгородскаго митрополита Афонія, осужденнаго въ 1636 году за скрытіе «воровскихъ подметныхъ грамотокъ», велѣно было новгородскому воеводѣ: «какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, вы бы шли въ соборную церковь въ Софію Премудрость Божію и велѣли туда же быть митрополиту Афонію; а какъ митрополитъ придетъ, вы бы ему вины его говорили по нашему указу при всѣхъ людямъ вслухъ» (Новомбергскій, I, 113).

Чтеніе «сказки» производилось вообще самимъ воеводой или приказнымъ дьякомъ; но въ случаяхъ исключительной важности (когда сыскъ производился боярской думой) для объявленія приговора назначались особо уполномоченныя лица; такъ, по дѣлу Шеина для объявленія приговора назначена была цѣлая комиссія изъ двухъ бояръ, одного окольничаго и двухъ дьяковъ: «рѣчь говорилъ Шеину съ товарищи дьякъ Бормосовъ *передъ бояры*». Содержаніе самой «сказки» исчерпывалось двумя необходимыми частями: а) указаніемъ совершеннаго преступленія и б) объявленіемъ назначеннаго наказанія; такъ, дьякъ Бормосовъ сказывалъ Шеину съ товарищи «ихъ измѣну и казнь»; въ заурядныхъ государевыхъ дѣлахъ (о затѣйномъ извѣтѣ, о непристойномъ словѣ) «сказка» была, нужно думать, очень лаконична; въ одной государевой грамотѣ читаемъ такое наставленіе: «какъ къ тебѣ наша грамота придетъ, ты бы Устинку Замыцкому сказалъ при многихъ людяхъ—напився онъ, Устинка, пьянъ, говорилъ про насъ непригожее слово, и бояре наши приговорили за то его бить кнутомъ,—а сказавъ Устинку то его воровство, велѣлъ его у приказной избы бить кнутомъ»; итакъ, все сказываніе исчерпывается общимъ лаконическимъ указаніемъ на преступленіе и наказаніе. Но въ важныхъ случаяхъ, когда требовалось произвести всю полноту впечатлѣнія и оправдать передъ общественнымъ мнѣніемъ суровость приговора, «сказка» излагала съ протокольной обстоятельностью весь ходъ розыскного дѣла, отъ извѣта до распросныхъ и пыточныхъ рѣчей; примѣромъ такой пространной «сказки» можетъ служить объявленіе приговора по дѣлу боярина Шеина

и «сказка», читанная митрополиту Афонію; полный текстъ этой послѣдней былъ присланъ воеводѣ «подъ государевой грамотой».

IV. Объявленіе приговора предшествуетъ самому *исполненію*. Въ приговорѣ оправдательномъ исполненіе сводилось къ отмѣнѣ принятой противъ подсудимаго мѣры пресѣченія: «изъ-за приставовъ свободить, изъ тюрьмы выкинуть»; отмѣна поручительства совершалась выдачей оправданному подсудимому поручной его записи (Акты московскаго государства, I, 170). Исполненіе вердикта обвинительнаго выражалось въ осуществленіи назначеннаго подсудимому наказанія, и потому порядокъ исполненія разнообразился смотря по характеру наказанія; впрочемъ, общую черту обвинительныхъ приговоровъ, кромѣ наиболѣе тяжкихъ, составляло требованіе «крѣпкихъ порукъ съ записью» отъ осужденнаго, уже отбывшаго наказаніе, причемъ самый предметъ поручительства ставился въ зависимость отъ характера совершеннаго преступленія [97]).

Объ исполненіи приговора воевода обязанъ былъ «отписать государю»; это распоряженіе добавлялось всегда къ государевой грамотѣ. Въ процедурѣ исполненія по государевымъ дѣламъ можно отмѣтить еще черту спѣшности, одинаково характеризующую исполненіе приговора оправдательнаго, какъ и приговора обвинительнаго. «Государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ отъ приставовъ свободить, *и того жъ часу* отъ приставовъ свобожены» (Акты археографической экспедиціи, III, 384); «Государь, сего дѣла слушавъ, указалъ мужика побить батоги и свободить; *и того жъ дни* батоги битъ и отпущенъ» (Новомбергскій, I, 3, 121, 205).

Таковы важнѣйшія черты приговора по политическому дѣлу съ его внѣшней формальной стороны. Ниже мы разсмотримъ его сущность и содержаніе, т.-е. уяснимъ правовыя измѣненія, вносимыя приговоромъ въ положеніе тѣхъ лицъ, противъ которыхъ онъ прямо или косвенно направленъ.

§ 2.

Принципъ индивидуальной отвѣтственности.

I. Семейныя расправы Грознаго и ихъ правовое основаніе; огражденіе имущественной неприкосновенности родныхъ въ записи Шуйскаго; принципъ индивидуальной отвѣтственности въ договорныхъ статьяхъ Владислава; запретъ расправы безъ суда и расправы безъ вины.—II. Система Уложенія: а) кругъ охраняемыхъ отъ расправы лицъ; б) обязательность сыска; в) личная неприкосновенность для невиновныхъ; г) гарантія „прожиточной“ части женѣ и неотдѣленнымъ дѣтямъ; черты различія съ Литовскимъ статутомъ; д) общій принципъ—все имущество семьи есть имущество отца; е) гарантія для отдѣленныхъ дѣтей политическаго преступника и условія ея силы; ж) охрана имущественныхъ интересовъ боковыхъ родственниковъ; з) ограниченіе права родового выкупа для родственниковъ измѣнника. — III. Принципъ индивидуальной отвѣтственности въ практикѣ политическихъ дѣлъ XVII вѣка; мнѣніе Н. Д. Сергѣевскаго; совмѣстная ссылка преступника и его семьи; разборъ дѣла Шенна; мѣры, принимаемыя противъ завѣдомо невиновныхъ родныхъ: а) ссылка, какъ служебный переводъ, ея причины и значеніе; б) отдача на поруки; трудности въ положеніи родныхъ: на нихъ onus probandi; для нихъ высылка равна экономическому разоренію; почему суровая практика XVII вѣка есть все-таки шагъ впередъ.

I. Начало индивидуальной отвѣтственности нарушается чаще всего распространеніемъ карательныхъ мѣръ или ихъ послѣдствій на лицъ, связанныхъ узами брака и родства съ осужденнымъ преступникомъ. Борьба за утвержденіе этого начала въ области политическихъ посягательствъ составляетъ характерную страничку изъ исторіи московскаго правосудія XVII вѣка.

Намъ приходилось уже разсказывать о суровыхъ политическихъ расправахъ царя Ивана Грознаго: самые тяжкіе карательные удары обрушивалъ онъ на головы лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ и «непослушаньи», и съ ними «безъ сыску и безъ вины» почти всегда страдали ихъ семейные и родные, страдали не только косвенно, испытывая на себѣ послѣдствія кары, постигшей одного члена семьи, но и непосредственно подвергаясь наказаніямъ, прямо противъ нихъ направленнымъ. Мать, жена и ребенокъ Курбскаго послѣ отъѣзда были заключены въ тюрьму и тамъ уморены голодомъ; съ княземъ Горбатымъ-Шуйскимъ сложилъ голову на плахѣ его подростокъ-сынъ; старый конюшій Иванъ Петровичъ Челяднинъ былъ казненъ вмѣстѣ съ женой; за умыселъ къ отъѣзду одного изъ князей Ростовскихъ весь ихъ родъ испыталъ на себѣ суровую расправу царя (Соловьевъ, исторія Россіи, VI, 201, VII,

279). Другіе примѣры приведены нами выше, во второй главѣ нашей работы. По поводу этихъ случаевъ распространенія отвѣтственности на семью справедливо будетъ объяснить, что при всей жестокости своей и видимой произвольности они (хотя и не всегда) опирались на нѣкоторое правовое основаніе; оно заключалось не только въ чрезвычайной карательной власти, которую царь Иванъ Васильевичъ какъ бы обезпечилъ за собой всенароднымъ согласіемъ послѣ торжественнаго возвращенія своего изъ Александровской слободы, но и въ тѣхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ на служебную вѣрность, которыми такъ богато было его собственное царствованіе, какъ и царствованіе его отца. Въ записяхъ этихъ мы не однажды встрѣчаемъ прямо выраженное согласіе лица, дающаго запись, на расправу великокняжескую съ его женой и семьей, если онъ замыслитъ отъѣздъ или измѣну. Въ 1542 году князь Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій даетъ на себя подкрѣпленную поручительствомъ запись, что если «явится которое его лихо предъ государемъ великимъ княземъ, то князь великій Василій Ивановичъ и его дѣти въ моемъ отъѣздѣ вольны *и надо мною и надъ моей княгиней и по моей винѣ казнити вольны*; въ 1531 году такое же обязательство выдалъ на себя князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, а въ 1561 году князь Василій Михайловичъ Глинскій: оба согласились на то, чтобы отвѣтственность за ихъ вину распространялась на ихъ «княгинь»; наконецъ, къ 1532 году относится слѣдующая запись Плещеева: «а станемъ язъ, Михайло, или мои дѣти которое лихо думати или починати передъ нашимъ государемъ Васильемъ Ивановичемъ и передъ его дѣтьми, ино государь Василій Ивановичъ и его дѣти *въ моей винѣ вольны надо мною и надъ моими дѣтьми* и по нашей винѣ казнити вольны» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 422, 443, 473, 450). Эти свидѣтельства позволяютъ предположить, что въ основаніи семейныхъ расправъ Грознаго лежали, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія же суровыя записи, не дошедшія до нашихъ дней; во всякомъ случаѣ знаменательнымъ остается тотъ фактъ, что служилые князья и бояре находили возможнымъ давать на себя такія записи, а царь Иванъ и его отецъ пришли къ мысли ихъ требовать; это показываетъ, что подъ натискомъ упрямой энергіи московскихъ государей несправедливый институтъ отвѣтственности

семьи готовъ былъ укрѣпиться въ жизни, какъ прочная и постоянная норма...

Но несправедливость его была уже слишкомъ жгучей и очевидной для правосознанія XVII вѣка, и русское общественное мнѣніе, вверху и внизу, не мирилось съ такими суровыми коллективными расправами; это настроеніе отчетливо выразилось въ записи Василія Шуйскаго: новоизбранный царь принялъ на себя обязательство не отнимать движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ «у братьи, женъ и дѣтей» осужденнаго преступника, если они «въ той винѣ невинны и въ мысли съ нимъ не были». Этотъ пунктъ записи направленъ, такимъ образомъ, лишь къ огражденію *имущественныхъ правъ опальной семьи*, а насчетъ личной неприкосновенности ея членовъ запись не содержитъ прямого постановленія; однако общій смыслъ записи въ связи съ обѣщаніемъ царя «безъ вины и безъ суда опалы своей ни на кого не класти» не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что ея цѣлью было вообще оградить семейныхъ и родственниковъ политическаго преступника отъ всякой «расправы безъ сыска». Пробѣломъ записи нужно считать то, что въ ней не опредѣлялась въ точности ни форма ни степень виновности, которыя давали право распространить уголовную отвѣтственность на всѣхъ членовъ семьи. Болѣе опредѣленны въ этомъ отношеніи тѣ договорныя статьи, на которыхъ королевичъ Владиславъ соглашался занять московскій престолъ: «кто казни будетъ достоинъ въ государскихъ и земскихъ дѣлахъ, того по винѣ его казнить, осудивши напередъ съ бояры и съ думными людьми; а жены, дѣти, братья, которые того дѣла не дѣлали и не вѣдали и не хотѣли, и тѣхъ не казнити, и *быти имъ во всемъ по-прежнему*, и вотчинъ и помѣстій и дворовъ и животовъ у нихъ не отъимати; а не сыскавъ вины и не осудивши судомъ, никого не казнити, чести ни у кого не отъимати, въ заточенье не посылати, помѣстій и вотчинъ и дворовъ не отъимати» (Памятники исторіи Смутнаго времени, 55). Въ этихъ постановленіяхъ нужно отмѣтить слѣдующія черты: а) обезпечивается неприкосновенность имущественныхъ правъ семьи и братьевъ осужденнаго преступника; б) обезпечивается свобода этого круга лицъ не только отъ казни, постигающей главу семьи, но и *отъ всякихъ иныхъ карательныхъ воздѣйствій* до ссылки и отнятія чести включительно: «быти имъ во всемъ по-прежнему»—та-

кую общую формулу охраны неповинныхъ членовъ семьи провозглашаетъ эта запись, продуктъ соединенной работы русской и польской политической мысли; в) устанавливается съ точностью та степень виновности, при которой постановленія, ограждающія права семьи, утрачиваютъ свою силу — участіе, сочувствіе, вѣдѣніе; г) устанавливается, какъ обязательный порядокъ, провѣрка этой виновности «судомъ и сыскомъ». Такимъ образомъ, мысль объ индивидуальной отвѣтственности получила въ этомъ документѣ болѣе опредѣленную и болѣе разработанную форму; тотъ кругъ лицъ, который сильнѣе всего терпѣлъ отъ нарушеній начала индивидуальности, былъ защищенъ постановленіями этой записи отъ обѣихъ возможныхъ формъ его нарушенія: 1) отъ «расправы безъ сыску», т.-е. безъ предварительнаго изслѣдованія виновности, и 2) отъ «расправы безъ вины», т.-е. отъ карательныхъ воздѣйствій даже при установленной сыскомъ невиновности.

II. Наконецъ, въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича дѣло огражденія невиновныхъ родственниковъ преступника получило свое дальнѣйшее развитіе: сводъ правилъ, относящихся къ этому вопросу, сгруппированъ законодателемъ во второй главѣ Уложенія и пріуроченъ, стало-быть, непосредственно къ преступленіямъ политическимъ; самыя правила эти представляютъ собой довольно сложную схему, такъ какъ Уложеніемъ нормированъ этотъ институтъ съ такихъ сторонъ, которыя въ предшествовавшихъ ему записяхъ не затрогивались.

а. Вторая глава Уложенія раздвигаетъ, прежде всего, тотъ *кругъ лицъ*, уголовная безотвѣтственность которыхъ за чужое преступленіе особо оговаривается законодателемъ; обѣ записи упоминали лишь о «женахъ, дѣтяхъ, братьяхъ», отмѣчая, такимъ образомъ, лицъ, чаще всего терпѣвшихъ за чужую вину; а Уложеніе, во-первыхъ, добавляетъ сюда родственниковъ изъ линіи восходящей — отца и мать; во-вторыхъ, изъ линіи боковой упоминаетъ въ отдѣльности о «дядьяхъ, о братьяхъ родныхъ и неродныхъ»; въ-третьихъ, наконецъ, заключаетъ этотъ списокъ общимъ указаніемъ на весь «родъ» вообще (II, 9: «или иной кто въ роду»). Эти измѣненія нельзя, впрочемъ, разсматривать, какъ проявленіе новыхъ взглядовъ законодателя; скорѣе всего, они являются лишь плодомъ болѣе продуманной редакціи закона.

б. Для огражденія этого круга лицъ отъ распространенія на нихъ карательныхъ послѣдствій за вину одного изъ членовъ рода московскій законодатель устанавливаетъ *обязательный порядокъ «сыска»*, задачей котораго является изслѣдованіе вопроса, «вѣдали» они или «не вѣдали» о преступномъ замыслѣ своего сородича. Намъ приходилось уже отмѣчать, что «сыскъ о вѣдѣніи» относительно родныхъ и семейныхъ привступалъ въ политическій процессъ, какъ постоянная и необходимая задача, ничуть не зависящая отъ того или иного оборота судебнаго слѣдствія. Если «сыскомъ» устанавливалась виновность родныхъ въ томъ, что они «вѣдали» объ измѣнномъ умыслѣ преступника, то имъ угрожало такое же наказаніе, какъ и главному виновному; въ этомъ, однако же, нельзя видѣть особо усиленной отвѣтственности родныхъ, такъ какъ по ст. 18, II всякій московскій обыватель «какого чину ни будь» наказывался смертью, если онъ «вѣдалъ объ умыслѣ на царское величество, а государю про то не извѣстилъ»; положеніе родныхъ въ области политическихъ посягательствъ имѣетъ лишь ту исключительную особенность, что противъ нихъ съ самаго начала выдвигается предположеніе въ ихъ знаніи о преступномъ замыслѣ, и въ процедурѣ «сыска» они должны доказывать свою непричастность; наоборотъ, всякій другой обыватель, не состоящій въ родствѣ съ обвиняемымъ, свободенъ отъ такихъ подозрѣній до тѣхъ поръ, пока по ходу розыска не обнаруживается противъ него какая-либо неожиданная улика.

Устанавливая обязательную процедуру «сыска о вѣдѣніи», Уложеніе тѣмъ самымъ рѣшительно отвергаетъ идею объ отвѣтственности всѣхъ членовъ рода за преступленіе одного изъ нихъ; пока эта идея господствуетъ, до тѣхъ поръ ненуженъ никакой сыскъ: одинъ фактъ родства съ преступникомъ разсматривается, какъ неопровержимое и достаточное основаніе для самыхъ суровыхъ и безпощадныхъ расправъ; а разъ законодатель устанавливаетъ обязательную процедуру сыска о виновности, хотя бы широко толкуемой,—значитъ оправданіемъ расправы становится не родство, а причастность къ преступленію.

в. Узаконеніе сыска для изслѣдованія виновности родныхъ логически привело московскаго законодателя къ такому постановленію: «будетъ сыщется про то допряма, что они тое измѣны не вѣдали,

и ихъ за то не казнити и никакова наказанія имъ не чинити» (II, 7). Этой статьей ограждалась, такимъ образомъ, *личная неприкосновенность* невинныхъ членовъ семьи политическаго преступника, ограждалась, притомъ, въ совершенно точной и категорической формѣ: не только смертная казнь, постигающая виноватаго, но и всякое другое «наказаніе» не должны къ нимъ примѣняться.

г. Это постановленіе дополняется въ Уложеніи рядомъ правилъ, устанавливающихъ въ извѣстной степени *имущественную безотвѣтственность* членовъ рода и семьи, т.-е. свободу принадлежащихъ имъ имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, отъ конфискаціи за политическое преступленіе главы семьи или сородича. По этому вопросу Уложеніе даетъ различныя нормы, сообразуя ихъ со степенью родства и крѣпостью имущественныхъ связей, соединяющихъ членовъ рода и семьи. Менѣе всего охраняются законодателемъ имущественные интересы не замѣшанныхъ въ преступленіи, *но живущихъ съ отцомъ дѣтей и жены*: 1) относительно послѣдней Уложеніе не охраняетъ ея приданаго отъ конфискаціи за измѣну мужа, хотя и практика и законодательство XVII вѣка поддерживали въ нѣкоторой степени обособленность женина приданаго въ составѣ общаго семейнаго имущества [98]); 2) относительно всѣхъ ихъ вмѣстѣ—и жены и дѣтей—Уложеніе не допускаетъ и не считается съ институтомъ общей семейной собственности. Эти двѣ предпосылки привели законодателя къ тому естественному выводу, что все имущество, которымъ жила семья, становится объектомъ конфискаціи въ случаѣ измѣны главы семьи (II, 5—7). Но учитывая все же необходимость обезпечить неповинную въ преступленіи семью отъ совершенной нищеты и разоренія и отдавая нѣкоторую дань представленію объ общей семейной собственности, московскій законодатель вноситъ существенную оговорку въ свое суровое постановленіе о конфискаціи: «а женѣ и дѣтямъ измѣнника на прожитокъ изъ вотчинъ и изъ помѣстій, что государь укажетъ» (II, 7). При всей неопредѣленности этого указанія нужно все-таки отмѣтить, 1) что оно представляетъ собой не наставленіе въ благотворительности, а правовую норму, занесенную въ кодексъ, опубликованный и утвержденный рукоприкладствомъ выборныхъ людей; 2) что въ зависимость отъ государева усмотрѣнья поставленъ лишь размѣръ выдачи въ пользу пострадавшей семьи, а не самая выдача, и 3) что даже

для размѣра этого устанавливается въ законѣ хотя приблизительный, но вполнѣ понятный минимумъ, выражаемый словами «на прожитокъ».

Институтъ прожиточной выдачи тѣсно связанъ со всей помѣстной системой московскаго государства, и потому его не знаетъ Статутъ великаго княжества литовскаго, гдѣ излагаются почти тождественныя постановленія по разбираемому вопросу. Но зато Статутъ устанавливаетъ въ пользу жены и неотдѣленныхъ дѣтей два важныхъ ограниченія общей конфискаціи за измѣну: 1) «жены измѣнниковъ, если про измѣну мужей своихъ не вѣдали и присягой въ томъ очистятся, не лишаются собственныхъ имѣній отцовскихъ и материнскихъ и записаннаго прежде въ обезпеченіе ихъ приданаго вѣна изъ мужнина имущества»; 2) «если измѣнникъ во время побѣгу своего въ землю непріятельскую будетъ пойманъ, то лишается и чести и живота; а поелику онъ за сіе достойно уже будетъ наказанъ, то дѣти его при чести его и при имѣніи отца своего останутся» (Статутъ, I, арт. 3 и 6).

д. Итакъ, если отецъ совершаетъ преступленіе измѣны, то неотдѣленный, хотя и взрослый сынъ испытываетъ на себѣ, по Уложенію, всѣ послѣдствія установленной въ законѣ конфискаціи: онъ лишается всего имущества, которымъ жила семья, кромѣ прожиточной части; но что происходитъ въ томъ случаѣ, если измѣнникомъ становится взрослый сынъ, живущій совмѣстно съ отцомъ? Изъ общаго смысла ст. 9, II Уложенія слѣдуетъ, что, разъ по сыску установлено «невѣдѣніе» отца, общее ихъ имущество совершенно освобождается отъ конфискаціи. Отсюда вскрывается та правовая идея, которая направляетъ всѣ постановленія законодателя по этому вопросу: *всѣ* имущество, которымъ поддерживается существованіе семьи, разсматривается, какъ имущество отца, главы семьи; поэтому за измѣну отца оно отбирается въ казну по правилу, выраженному въ ст. 5, II: «помѣстья, вотчины и животы *изменничьи* взять на государя»; а въ случаѣ измѣны сына оно остается за отцомъ по принципу индивидуальности наказанія.

е. Съ полной ясностью и категоричностью ограждаетъ Уложеніе имущественные интересы *взрослыхъ и отдѣленныхъ дѣтей* осужденнаго измѣнника: вотчины и животы, особо имъ принадлежащіе, не захватываются общей конфискаціей, падающей на имущество

отца. Но для пользованія этой гарантіей законодатель устанавливаетъ три существенныхъ условія: 1) по сыску должно быть обнаружено, что дѣти не «вѣдали» объ измѣнномъ умыслѣ отца; 2) они должны находиться въ раздѣльномъ жительствѣ съ отцомъ; 3) какъ раздѣльное ихъ жительство, такъ и имущественная обособленность должны сложиться «до измѣны» отца (II, 8). Съ такими оговорками Уложеніе постановляетъ, что «у тѣхъ его (измѣнника) дѣтей животовъ ихъ особыхъ и вотчинъ не отъимати»; о помѣстьяхъ законодатель умалчиваетъ, вѣроятно, по тому соображенію, что право на помѣстье обусловливалось службой и милостью государевой; стало-быть, вопросъ объ отнятіи или сохраненіи помѣстья рѣшался въ зависимости отъ того, что признавалось болѣе удобнымъ — оставить взрослыхъ дѣтей измѣнника на государевой службѣ или ихъ «изъ службы выкинуть». Изъ умолчанія кодекса можно сдѣлать, однако же, тотъ выводъ, что послѣдній исходъ не представлялся законодателю невозможнымъ и недоступнымъ; дѣйствительно, въ противоположность договорнымъ статьямъ Владислава, гдѣ обезпечивалась дѣтямъ полная неприкосновенность ихъ прежняго положенія («быть во всемъ по-прежнему»), Уложеніе не даетъ такого общаго и исчерпывающаго постановленія: стало-быть, не ограждаетъ взрослыхъ дѣтей государева измѣнника отъ служебныхъ каръ и служебной отставки.

ж. *Для всѣхъ остальныхъ родственниковъ,* за предѣлами тѣснаго круга семьи, Уложеніе допускаетъ и признаетъ общія права на имущество и считаетъ ихъ настолько нераздѣлимыми, что не устанавливаетъ порядка выдѣла части, принадлежащей виновному родственнику, а освобождаетъ отъ конфискаціи *всё* имущество, находившееся въ общемъ владѣніи (II, 9—10). Въ этомъ отношеніи московскій кодексъ рѣзко отличается отъ Статута великаго княжества литовскаго, гдѣ устанавливается обязательный выдѣлъ части общаго имущества, принадлежащей измѣннику, и послѣдующая конфискація ея (I, арт. 7). Это различіе нужно отнести за счетъ болѣе развитого гражданскаго оборота и бо́льшей опредѣленности въ порядкѣ наслѣдованія среди литовско-русской шляхты, что̀ позволяло правительству выступать съ принудительнымъ раздѣломъ недвижимости, точно опредѣляя въ ней часть, принадлежащую одному изъ наслѣдниковъ.

3. Къ этимъ постановленіямъ второй главы, регулирующимъ степень личной и имущественной безотвѣтственности родственниковъ за преступленіе одного изъ нихъ, нужно добавить изъ главы XVII-й Уложенія слѣдующую статью: «будетъ кто кому вотчину продастъ или заложитъ и просрочитъ, и купчую или закладную кабалу въ книги запишетъ, а послѣ того измѣнитъ, изъ московскаго государьства отъѣдетъ въ иную землю,—и тому, кто у него ту вотчину купитъ, владѣть тою вотчиной безъ выкупу, а *роду того измѣнника вотчины на выкупъ не отдавать*» (XVII, 38). Этой статьей устанавливается существенное по тогдашнимъ временамъ правовое ограниченіе для родственниковъ политическаго преступника: они лишаются *права выкупа родовыхъ недвижимостей*, права, санкціонированнаго для боковыхъ родственниковъ ст. 27—30 той же главы Уложенія. Основаніемъ этого ограниченія служитъ правило о конфискаціи: если бы вотчина до момента преступленія не была законно укрѣплена за третьимъ лицомъ, то она была бы отписана на государя (II, 5), а на случаи перехода родовой недвижимости въ казну право выкупа не простирается; законное переукрѣпленіе вотчины за третьимъ лицомъ устраняетъ лишь *одно* послѣдствіе конфискаціи—непосредственный переходъ ея въ государеву казну, но не устраняетъ всѣхъ остальныхъ послѣдствій; другими словами: вотчина, избѣжавшая конфискаціи благодаря заблаговременному укрѣпленію ея въ рукахъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя, сохраняетъ во всемъ остальномъ юридическія особенности вотчины конфискованной.

III. Насколько примѣнялись въ практикѣ политическаго суда порядки, закрѣпленные второй главой Уложенія, особенно въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя прямо направлены къ огражденію личной и имущественной неприкосновенности невиновныхъ членовъ рода и семьи? Однимъ изъ изслѣдователей было высказано мнѣніе, что «гарантіи, данныя въ Уложеніи и въ записи Шуйскаго, оставались очень часто мертвой буквой», и что «настойчивая оговорка» о безнаказанности невиновныхъ женъ и дѣтей «представляется весьма подозрительной и лучше всего доказываетъ, что на практикѣ дѣло стояло иначе» (Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ, 33). Но примѣровъ этой «практики» изслѣдователь не указываетъ. Восполняя этотъ пробѣлъ, мы приведемъ и изслѣдуемъ ниже запасъ

собранныхъ нами случаевъ московской практики, въ которыхъ съ *перваго взгляда* можно было бы усмотрѣть нарушеніе началъ и порядковъ, закрѣпленныхъ во второй главѣ Уложенія.

Часто встрѣчаемъ ссылку семьи осужденнаго политическаго преступника вмѣстѣ съ нимъ самимъ, хотя къ участію въ розыскѣ семья не привлекалась. Крестьянина Гущина въ 1663 году «великій государь указалъ сослать въ Новгородъ на вѣчное житье за воровство и бунтовство, а жену и дѣтей, привезя къ Москвѣ, послать потому жъ» (Русская историч. библіотека, X, 560). Князя Ивана Голицына государь и патріархъ указали «за измѣну и непослушанье сослать въ Пермь съ женой» (Дворцовые разряды, I, 640). Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный и братъ его были сосланы въ 1673 году «съ женами, дѣтьми и племянниками» (Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, IV, 289). Всѣ эти случаи (и имъ подобные), хотя и представляютъ собой нарушеніе принципа индивидуальной отвѣтственности съ современной точки зрѣнія,—не могутъ, однако же, разсматриваться, какъ нарушеніе порядковъ, установленныхъ во второй главѣ Уложенія, такъ какъ они, во-первыхъ, вытекаютъ изъ особенностей въ организаціи московской ссылки и, во-вторыхъ, составляютъ *общую* черту уголовной расправы тогдашняго государства, а не исключительную особенность преступленій политическихъ.

Другую группу составляютъ такіе случаи, когда карательныя мѣры направлены прямо и непосредственно противъ членовъ семьи и ничуть не обусловливаются характеромъ наказанія, постигшаго главу семьи. Извѣстное дѣло боярина Шеина цитировалось не однажды русскими изслѣдователями, какъ образецъ нарушенія начала индивидуальной отвѣтственности въ сферѣ политическаго суда. «Апрѣля въ 18 день (1634 г.) указалъ государь, а бояре приговорили: Михайлу Шеина за воровство и измѣну казнить смертью, а *сына Ивана Шеина съ матерью, сестрой, женой и дѣтьми* сослать въ понизовые города». Если ссылку жены и дѣтей Ивана Шеина можно объяснить семейной организаціей московской ссылки вообще, то остается все-таки налицо суровая расправа съ тремя членами семьи главнаго обвиняемаго: его женой, его сыномъ и его дочерью; между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не принималъ никакого участія въ злополучныхъ событіяхъ подъ Смоленскомъ; стало-быть,

они какъ бы терпѣли наказаніе за вину мужа и отца; этотъ выводъ подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ чинѣ объявленія приговора Ивану Шеину говорилось буквально слѣдующее: «*что отецъ твой государю измѣнилъ, довелся ты той же смертной казни* и государь, по упрошенью царицы и чадъ своихъ, вмѣсто смерти велѣлъ тебѣ животъ дать» (Акты археографической экспедиціи, III, 383). Однако, чтобы правильно оцѣнить законность этого суроваго приговора, постигшаго всю семью несчастнаго боярина, нужно отмѣтить одинъ важный пунктъ среди обвиненій, предъявленныхъ ему самому: Михайлѣ Шеину вмѣнялось въ вину, что онъ, будучи въ Литвѣ за 15 лѣтъ до роковыхъ событій подъ Смоленскомъ, «цѣловалъ крестъ литовскому Жигимонту королю, а нынѣ, будучи подъ Смоленскомъ, *литовскому королю исполнилъ свое прежнее цѣлованье*». При такой конструкціи обвиненія, при такой многолѣтней предумышленности измѣны, семья становилась необходимой участницей преступнаго умысла и, во всякомъ случаѣ, не могла снять съ себя обвиненія въ «вѣдѣніи». Если это была уловка или натяжка, то знаменательно все-таки, что такая натяжка понадобилась для обоснованія суровыхъ семейныхъ расправъ. Помимо шеинскаго процесса можно привести еще рядъ примѣровъ, когда вмѣстѣ съ главными обвиняемыми наказывались ихъ родственники; что кары эти не свидѣтельствуютъ о безосновательномъ распространеніи приговора по традиціи обще-семейной отвѣтственности, а являются возмездіемъ за опредѣленную степень виновности (помощь или «вѣдѣніе»),— на это указываетъ порядокъ, который примѣняется къ наказанію родныхъ: а) они привлекаются къ розыску въ качествѣ обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ; б) о наказаніи ихъ упоминается въ общемъ приговорѣ по дѣлу. Помянутая нами выше ссылка братьевъ гетмана Многогрѣшнаго объясняется тѣмъ, что «по розыску до нихъ дошло измѣнное дѣло брата ихъ» (Акты южной и западной Россіи, IX, 760).

Однако, мы не можемъ игнорировать и такихъ случаевъ политической расправы, когда члены семьи, до которыхъ по розыску измѣна ихъ родственника «не дошла», становились все-таки объектомъ карательныхъ мѣръ «по государеву указу». Нѣсколько архивныхъ дѣлъ, найденныхъ нами въ столбцахъ разряднаго приказа и представляющихъ для юриста неоцѣнимую важность по своей

заурядности, развертываютъ предъ нами любопытную картину тѣхъ административно-судебныхъ порядковъ, которые Москва ухитрялась совмѣщать съ формальнымъ признаніемъ начала индивидуальной отвѣтственности.

Въ 1635 году писалъ государю изъ Брянска воевода, что извѣщала ему вдова Агаѳьица Козлова на сына своего сына боярскаго Ивашка, что онъ, забравъ у дяди своего лошадей, побѣжалъ въ Литву; къ розыску воевода привлекъ весь кругъ извѣстныхъ ему родственниковъ бѣглеца: его мать, дядю, трехъ его братьевъ и сестру-дѣвку; изъ Москвы посланъ былъ приставъ, чтобы всѣхъ обвиняемыхъ доставить въ разрядъ; въ распросѣ всѣ родные согласно показали, что «про его, Ивашкину, измѣну они *никакъ не вѣдали*» и это свое показаніе повторили подъ пыткой; тѣмъ не менѣе «по государеву указу велѣно братьевъ измѣнника Ивашки Козлова и мать его и сестру за измѣну брата ихъ и сына сослать на житье въ казанскіе городы и устроить въ службу» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 88, листы 1—87). Въ 1641 году въ томъ же Брянскѣ возникло другое дѣло: трубченинъ Михалко Останинъ «своровалъ, бѣжалъ въ Литву, а съ Максимкой, братомъ своимъ, онъ, Михалко, жилъ въ одномъ дворѣ; воевода, Максимку сыскавъ, про измѣну брата его распрашивалъ и сторонними людьми сыскивалъ, и до Максимка *измѣнное дѣло брата его не дошло;* на воеводскую отписку объ этомъ пришла въ Брянскъ государева грамота, а въ ней велѣно: Максимка взять съ женой и дѣтьми и мачехой и прислать къ Москвѣ, а изъ Москвы послать ихъ на житье въ Козловъ и на дворовое строеніе дать ему жалованье» (тамъ же, столбецъ № 134, листъ 429). Въ обоихъ случаяхъ, какъ видимъ, ссылка обрушивается на такихъ родственниковъ измѣнника, полная невиновность которыхъ прямо установлена въ сыскѣ; однако же, и эти случаи мы не рѣшаемся безъ оговорокъ разсматривать, какъ нарушеніе началъ, провозглашенныхъ въ записяхъ Смутнаго времени и закрѣпленныхъ позднѣе второй главой Уложенія. Мѣры, принятыя относительно родственниковъ того и другого бѣглеца, отмѣчены такими чертами, что умѣстно будетъ поставить вопросъ, можно ли ихъ разсматривать, какъ уголовныя наказанія, какъ мѣры карательныя, прямо расчитанныя на то, чтобы причинить преступнику ущербъ въ его личномъ и имущественномъ

положеніи: а) съ внѣшней стороны можно отмѣтить, что вмѣсто привычнаго выраженія «сослать въ ссылку» мы встрѣчаемъ въ одномъ дѣлѣ выраженіе «сослать на житье, а въ другомъ—«послать на житье»; б) знаменательно то, что ссылка постигаетъ не только тѣхъ родственниковъ, невиновность которыхъ была доказана въ розыскѣ, но и тѣхъ, которые сами донесли воеводѣ объ измѣнѣ родственника и по извѣту которыхъ было начато дѣло; в) мѣстомъ ссылки избираются не дальнія окраины государства, а такіе города, какъ Козловъ и Казань, куда правительство московское направляло служилыхъ людей не въ видѣ опалы только, а по прямымъ требованіямъ и интересамъ службы; г) и цѣлью ссылки въ обоихъ случаяхъ указывается «устроеніе въ службу»; д) наконецъ, въ возмѣщеніе издержекъ, вызванныхъ переѣздомъ, ссылаемымъ назначается государево жалованье—«на дворовое строенье», хотя къ нимъ не примѣнена была конфискація. Однимъ словомъ, было бы правильнѣе сказать, что мѣра эта есть не уголовное наказаніе по судебному приговору, а административное распоряженіе о переводѣ на службу. Нетрудно угадать и тѣ соображенія, которыми такіе переводы вызывались; такъ какъ Брянскъ въ эту эпоху былъ городомъ, близкимъ къ рубежу, то оставить тамъ всю семью и родню бѣглеца значило бы обезпечить послѣднему возможность удобныхъ и постоянныхъ сношеній съ ними, а предметомъ этихъ сношеній легко могли бы стать и государевы интересы, всякаго рода «московскія вѣсти», которыя измѣнникъ, получая отъ своихъ родныхъ, безпрепятственно бы «пересказывалъ» зарубежнымъ государевымъ недругамъ; къ тому же, сношенія эти могли бы вывести еще новыхъ людей изъ-подъ государевой руки: устроившись за рубежемъ, бѣглецъ по самымъ естественнымъ побужденіямъ поспѣшилъ бы выписать къ себѣ на чужбину жену и дѣтей; съ другой стороны, хорошая его жизнь на новой родинѣ могла бы навѣять его братьямъ соблазнительную мысль, воспользовавшись близостью границы и приглашеніями родственника, промѣнять скудный денежный и помѣстный кормъ московскаго государя на болѣе щедрое жалованье польскаго короля. Удаляя родственниковъ измѣнника-бѣглеца изъ близъ-рубежныхъ городовъ, правительство московское сильно затрудняло этимъ ихъ сношенія съ нимъ и, стало-быть, умаляло всѣ опасности, связанныя съ этими сношеніями.

Справедливость этихъ соображеній подкрѣпляется тѣмъ, что если по обстоятельствамъ дѣла устранялась всякая опасность сношеній съ измѣнникомъ, то практика московская воздерживалась отъ высылки и перевода родственниковъ и примѣняла къ нимъ болѣе мягкія мѣры. Въ 1622 году захваченъ былъ около Калуги сынъ боярскій Михайло Таптыковъ со своимъ холопомъ и племянникомъ; противъ него возникло дѣло по обвиненію въ умыслѣ на отъѣздъ; послѣ долгаго розыска бояре, слушавъ дѣла, вынесли слѣдующій приговоръ: «Михайлу Таптыкова за измѣну казнить смертью, что онъ въ распросѣ и съ пытки самъ на себя сказывалъ, что бѣжать ему было въ Литву и, пріѣхавъ къ королю, сказывать московскія затѣйныя вѣсти, *а про умышленіе и отъѣздъ его никто никакъ не вѣдалъ*». Мая 27-го Михайло Таптыковъ былъ повѣшенъ, а противъ родныхъ его были приняты слѣдующія мѣры: одинъ изъ его братьевъ «сысканъ былъ на Москвѣ, и велѣно его въ отъѣздѣ дать на крѣпкія поруки; а насчетъ другихъ его родственниковъ, служившихъ по Переяславлю-Рязанскому, послана была воеводѣ государева грамота съ такой инструкціей: собрать братьевъ и племянниковъ казненнаго Михайлы и «сказать имъ царское милостивое слово, что братъ-де ихъ казненъ на Москвѣ за измѣну, а на нихъ государь опалы не кладетъ и служить имъ по-прежнему, а сказавъ имъ такое милостивое слово, дать ихъ всѣхъ на крѣпкія поруки съ записью, а запись прислать въ разрядъ» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 9, листы 86—127). Итакъ, судебнымъ приговоромъ устанавливается невиновность дроныхъ («никто никакъ не вѣдалъ»), и правительство, не примѣняя къ нимъ ни опалы ни наказанія, ограничивается такой мѣрой которую отнюдь нельзя разсматривать, какъ мѣру карательную. Заурядность этого дѣла внушаетъ намъ увѣренность, что «крѣпкія поруки съ записью» и были чаще всего тѣмъ единственнымъ послѣдствіемъ, которое падало на родственниковъ политическаго преступника.

Въ этихъ примѣрахъ содержится самое убѣдительное доказательство, что принципъ безотвѣтственности невиновныхъ родственниковъ за родственника виновнаго признавался и соблюдался въ извѣстной степени московской практикой первой половины XVII вѣка, и стало-быть нормы, занесенныя въ Уложеніе, не были ни смѣлымъ новшествомъ законодателя ни трудно выполнимымъ тре-

бованіемъ, которое бы шло наперекоръ твердо установившейся практикѣ. Правда, начало это выступаетъ въ судебныхъ дѣлахъ XVII вѣка съ такими искаженіями, которыя все-таки дѣлали положеніе родныхъ политическаго преступника труднымъ и опаснымъ. Трудность заключалась въ томъ, что для оправданія суровой расправы съ ними розыскная власть не нуждалась въ доказательствахъ ихъ виновности: обязанность доказывать свое «невѣдѣніе» возлагалась на нихъ самихъ; къ тому же, самый предметъ доказыванія (что они «не вѣдали») былъ такого свойства, что открывалъ широкую возможность необоснованныхъ выводовъ и обвинительныхъ ухищреній; исторія семьи несчастнаго Шеина даетъ къ этому печальную иллюстрацію. И даже доказавъ свою невиновность, родственники все-таки не избавлялись отъ тяжелой обязанности представить поручителей своей благонадежности или, что еще хуже, подвергались всѣмъ трудностямъ ссылки и переѣзда; пусть эта ссылка не была съ формальной стороны наказаніемъ, однако по своимъ матеріальнымъ послѣдствіямъ она въ иныхъ случаяхъ уподоблялась хорошей конфискаціи. Но все-таки чтобы правильно оцѣнить суровую дѣйствительность XVII вѣка, нужно оглядѣть ее подъ лучами исторической перспективы; нужно вспомнить, прежде всего, что совершенная индивидуальность наказанія остается еще недостигнутымъ идеаломъ и для правосудія нашихъ дней, что и теперь еще семья политическаго преступника испытываетъ на себѣ не мало стѣсненій и не мало непріятныхъ послѣдствій кары, обрушившейся на одного изъ ея членовъ; а для XVII вѣка эти стѣсненія тѣмъ болѣе понятны и допустимы, что тогдашнее государство не располагало такимъ сложнымъ аппаратомъ судебно-полицейской власти, какой пускаетъ въ ходъ противъ подозрительныхъ и преступныхъ элементовъ могущественное государство нашихъ дней; съ другой стороны, если вспомнить, что за три вѣка до Уложенія жена и дѣти преступника обрекались вмѣстѣ съ нимъ на потокъ и разграбленіе, а въ исходѣ XVI вѣка служилые князья и бояре находили возможнымъ въ клятвенныхъ записяхъ узаконять за свое преступленіе расправу великаго князя надъ неповинной семьей, то нормы Уложенія и порядки московской практики, ограждавшіе родственниковъ измѣнника, по крайней мѣрѣ, отъ тяжкихъ уголовныхъ нака-

заній и отъ конечнаго разоренія, покажутся намъ неоспоримымъ и цѣннымъ шагомъ впередъ.

§ 3.

Карательныя мѣры.

I. Особенности въ примѣненіи общихъ карательныхъ мѣръ къ политическимъ преступленіямъ: а) отсутствіе денежныхъ пеней; б) смертная казнь, кругъ ея примѣненія, угроза казнью, какъ квалификація ссылки и кнута, предварительный ритуалъ, позорящіе обряды—непремѣнная черта смертной казни по политическимъ дѣламъ; в) наказанія тѣлесныя: урѣзаніе языка, кнутъ и батоги, случай исключительный—кнутъ предшествуетъ смертной казни; г) тюрьма назначается не за великія государевы дѣла; тюрьма до указу и ея юридическія отличія; назначеніе тюремъ опальныхъ; случаи заключенія политическихъ преступниковъ въ отдѣльныя тюрьмы; д) политическая ссылка въ XVII вѣкѣ, кругъ ея примѣненія, ссылка въ деревни, ссылка не въ службу, ссылка въ тюрьму, правительственныя пособія, выдача рухляди ссылаемому, картины нужды, стѣсненія жизни ссыльныхъ, отношеніе мѣстныхъ жителей.—II. Великое разореніе или общая конфискація за политическія преступленія; ея происхожденіе: а) конфискація, какъ насильственный захватъ имуществъ въ удѣльную эпоху, б) конфискація въ клятвенныхъ записяхъ XVI вѣка, в) узаконеніе конфискаціи въ XVII вѣкѣ; объемъ конфискаціи и ея предѣлы: судьба чужихъ вещей, вотчины заложенныя, запасы хлѣба, рухлядь, судьбы крестьянскаго населенія, дворы, холопы и ихъ принудительное освобожденіе; назначеніе конфискованнаго имущества: отписаніе недвижимостей, вѣданіе ихъ во дворцѣ, раздача челобитчикамъ, благотворительное назначеніе двора, судьба конфискованныхъ животовъ; порядокъ конфискаціи: опись, опечатаніе, донесеніе государю, „росписка“.

I. Система карательныхъ мѣръ, примѣнявшихся за политическія посягательства, почти не представляетъ въ основныхъ своихъ чертахъ какихъ-либо рѣзкихъ уклоненій и особенностей сравнительно съ общей картиной карательной дѣятельности московскаго государства, которая съ достаточной полнотой очерчена въ превосходной работѣ Сергѣевскаго (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка). Въ области политическаго суда мы встрѣчаемъ почти всю лѣствицу карательныхъ мѣръ, выработанныхъ московской практикой, отъ тяжкихъ квалификацій смертной казни до краткосрочной тюрьмы и неизмѣнныхъ «батоговъ»; даже церковныя наказанія въ видѣ отсылки на смиреніе въ монастырь фигурируютъ въ политическомъ правосудіи XVII вѣка, какъ возмездіе по такимъ дѣламъ, гдѣ субъектомъ преступленія выступаетъ лицо духовнаго чину (Полное собраніе законовъ, III, 89) или гдѣ политическое престу-

пленіе осложняется чертами раскола и еретичества (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 33; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II). Только денежныя пени, занимавшія не послѣднее мѣсто среди уголовныхъ санкцій XVII вѣка, рѣшительно отсутствуютъ въ практикѣ государевыхъ дѣлъ. Впрочемъ, лица, ручавшіяся за другого въ томъ, что онъ не измѣнитъ, не отъѣдетъ или «непригожихъ словъ впредь говаривать не будетъ», принимали на себя обязательство по поручной записи въ платежѣ «пени, что великій государь укажетъ» (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 315).

Такъ какъ изложеніе карательной дѣятельности XVII вѣка не входитъ въ задачи нашего изслѣдованія и такъ какъ намъ не довелось въ предѣлахъ изслѣдуемаго нами матеріала раскрыть какихъ-либо новыхъ формъ этой дѣятельности, то мы ограничимся здѣсь относительно большей части карательныхъ мѣръ лишь немногими замѣчаніями, которыя накопились у насъ путемъ сопоставленія добытаго нами матеріала съ картинами, очерченными въ книгѣ Н. Д. Сергѣевскаго.

Смертной казнью въ Уложеніи обложены всѣ три тяжкихъ противогосударственныхъ посягательства, которыя оно сочло нужнымъ предусмотрѣть: измѣна, скопъ и заговоръ и умыселъ на государево здоровье; изъ практики государевыхъ дѣлъ можно добавить сюда укрывательство завѣдомаго политическаго преступника (Акты кунгурскіе, 172). Преступленіе непригожаго слова, Уложеніемъ не предусмотрѣнное, никогда не наказывалось смертной казнью, хотя въ приговорахъ по такимъ дѣламъ она фигурируетъ иногда, какъ угроза, какъ устрашающій аттрибутъ наказанія не столь суроваго; это совершалось въ такой формѣ: преступника приводили на плаху, «сказывали ему смертную казнь», а затѣмъ объявляли, что государь его пожаловалъ, смертью казнить не велѣлъ, а указалъ сослать его въ ссылку или бить кнутомъ или урѣзать языка (Архивъ, книга приказнаго стола № 30, листы 211 и слѣд). Самымъ заурядным способомъ совершенія смертной казни было повѣшеніе; слѣдуетъ отмѣтить, что единственная статья Уложенія, трактующая о повѣшеніи, относится какъ-разъ къ преступленію политическому (VII, 20); кромѣ повѣшенія, встрѣчаемъ чаще другихъ четвертованіе и отсѣченіе головы; если тяжкое политическое

преступленіе осложняется признаками раскола, то преступникъ обрекается на сожженіе [99]). Соблюдался ли въ политическихъ дѣлахъ тотъ *предварительный ритуалъ*, что установленъ въ Уложеніи для осужденныхъ на смерть татей и разбойниковъ, т.-е. шестинедѣльное покаяніе въ такъ-называемой «покаянной избѣ» (XXI, 34)? Слѣдовъ его примѣненія мы не уловили въ практикѣ политическихъ дѣлъ, да онъ и не мирился бы съ отмѣченной нами спѣшностью въ производствѣ этихъ дѣлъ; къ тому же, позднѣйшими указами ритуалъ шестинедѣльнаго покаянія былъ отмѣненъ и для уголовныхъ преступниковъ (Полное собраніе законовъ, I, № 105). Но духовное напутствіе передъ смертью почти всегда предусматривается въ приговорахъ по политическимъ дѣламъ (Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2—3). Наконецъ, обрядовыя квалификаціи въ видѣ всенародно-позорящихъ церемоній, которыми государство, по вѣрному замѣчанію Сергѣевскаго, какъ бы празднуетъ тріумфъ надъ своимъ побѣжденнымъ врагомъ, составляютъ исключительный атрибутъ смертныхъ приговоровъ за политическія преступленія; по дѣламъ выдающейся важности эти позорящія церемоніи выражались въ публичномъ слѣдованіи государева измѣнника или бунтовщика по улицамъ столицы въ обстановкѣ, напоминающей о совершенномъ имъ преступленіи и о грозящемъ ему наказаніи, но и по дѣламъ самымъ заурядным процедура исполненія смертныхъ приговоровъ не обходилась безъ обрядовыхъ квалификацій, хотя менѣе сложныхъ и торжественныхъ; такъ, оставленіе тѣла казненнаго измѣнника на висѣлицѣ было въ политическихъ дѣлахъ явленіемъ настолько установившимся и постояннымъ, что воеводы, безъ спеціальнаго разрѣшенія изъ Москвы, не позволяли родственникамъ снимать тѣла казненныхъ для погребенія (Русская историческая библіотека, II, 199).

Изъ наказаній изувѣчивающихъ самымъ характернымъ для преступленій политическихъ было урѣзаніе языка. Оно назначалось за произнесеніе непристойныхъ словъ, которыми задѣвалась честь государя и государевыхъ родственниковъ, и по преимуществу за такую ихъ категорію, которая разсматривалась московской практикой, какъ нереализованный умыселъ къ болѣе тяжкому политическому посягательству. Урѣзаніе языка почти никогда не выступаетъ въ качествѣ наказанія единственнаго, а всегда сопровождается или кнутомъ

или ссылкой или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; въ одномъ случаѣ мы встрѣтили урѣзаніе языка, назначенное въ порядкѣ смягченія *смертнаго* приговора [100]). Всѣ другія изувѣчивающія наказанія, какъ отсѣченіе руки и пальцевъ, примѣняются въ сферѣ государственныхъ преступленій исключительно къ бунту (Сергѣевскій, 134—137). Наказанія тѣлесныя въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. *кнутъ и батоги*, щедро расточались московской практикой за непристойныя слова безъ отягчающихъ признаковъ умысла или при наличности смягчающихъ обстоятельствъ (напримѣръ, «спьяна»); въ 1683 году состоялся общій указъ: «буде въ городѣхъ жители и прихожіе люди учнутъ непристойныя къ мимошедшему смутному времени приличныя слова говорить, и по розыску объявятся *въ малыхъ винахъ, тѣхъ бить кнутомъ или батоги*» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 477). Наказаніе кнутомъ за ложный извѣтъ, безъ признаковъ злостнаго умысла противъ опредѣленнаго лица, узаконено ст. 14, II Уложенія, также какъ и наказаніе холоповъ и крестьянъ за извѣтъ бездоказательный противъ господина (13, II). Въ дѣлахъ о прописке государева именованья батоги угрожали виновному не рѣже, чѣмъ тюрьма; сообразно общему принципу Уложенія (X, 20) можно думать, что высшихъ должностныхъ лицъ, повинныхъ въ этомъ преступленіи, сажали въ тюрьму, а низшихъ били батогами или кнутомъ [101]). Въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ кнутъ и батоги фигурируютъ исключительно, какъ наказаніе добавочное, и соединяются чаще всего со ссылкой и тюрьмой; только одинъ разъ мы встрѣтили слѣдующій своеобразный приговоръ: «воеводъ, которые города покинули, а сидѣть въ тѣхъ городѣхъ было мочно, бояре приговорили бить кнутомъ по торгомъ и казнить смертью»; но смертная казнь имъ была отмѣнена «у плахи» безъ назначенія другого наказанія.

Тюрьма, какъ способъ наказанія въ политическихъ дѣлахъ, также назначается за менѣе тяжкіе виды непристойныхъ словъ и служитъ дополнительнымъ наказаніемъ за прописку государева именованья (Полное собраніе законовъ, I, 584; Акты историческіе, III, 342). Въ 1615 году князя Барятинскаго бояре приговорили «посадить въ тюрьму *за измѣну*»; но преступленіе его, какъ это видно изъ приговора, заключалось въ томъ, что онъ «на литовскихъ людей шелъ мѣшкотно и черезъ то Лисовскій многіе государевы го-

роды повоевалъ (Дворцовые разряды, I, 200); разсматривать эту служебную оплошность или стратегическую неудачу, какъ проявленіе умысла къ измѣнѣ,—было явной и неоспоримой натяжкой; этимъ и объясняется назначеніе тюрьмы за «измѣну». Изъ практики государевыхъ дѣлъ можно уловить двѣ важнѣйшихъ особенности тюремнаго заключенія, какъ карательной мѣры за политическую вину. а) Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ тюрьма назначается безъ указанія срока или съ неопредѣленнымъ обозначеніемъ «до государева указу»; между этими двумя санкціями нѣтъ существеннаго различія: если въ помѣтѣ о приговорѣ говорится коротко «посадить въ тюрьму», то въ государевой грамотѣ, развивающей содержаніе помѣты, добавляется сюда разъясненіе: «посадить въ тюрьму до нашего указу» (Архивъ, столбецъ московскаго стола № 15, листы 212—215). Подъ этой формулой отнюдь не слѣдуетъ разумѣть тюремнаго заключенія настолько продолжительнаго, чтобы оно «фактически превращалось въ пожизненное» (Сергѣевскій, 176); такой выводъ противорѣчитъ, прежде всего, относительной неважности преступленій, за которыя «тюрьма до указу» назначается. Формулой этой устанавливался, въ сущности, лишь опредѣленный порядокъ освобожденія изъ тюрьмы: заключенный «до указу», сидя въ тюрьмѣ, подавалъ челобитье о помилованіи, и государь его «жаловалъ, велѣлъ изъ тюрьмы свободить» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 2, листы 128—133). Нельзя также смѣшивать подъ общимъ именемъ «безсрочнаго заключенія» (Сергѣевскій, тамъ же) тюрьму «до указу» съ тюрьмой, «насколько государь укажетъ»: 1) послѣдняя формула фигурируетъ чаще всего въ кодексѣ (напримѣръ, въ отдѣльныхъ статьяхъ Уложенія), а первая составляетъ принадлежность судебныхъ постановленій по конкретному дѣлу; 2) послѣдняя предполагаетъ непремѣнное участіе верховной власти въ произнесеніи *вердикта*, а для первой это условіе не существенно и не постоянно; 3) зато первая формула требуетъ непремѣннаго вмѣшательства верховной власти для *прекращенія наказанія* (государевъ указъ по челобитью объ освобожденіи), а при формулѣ «насколько государь укажетъ» моментъ, когда наказаніе оканчивается, устанавливается въ самомъ приговорѣ; 4) стало-быть, эта формула не заключаетъ въ себѣ ни безсрочности ни неопредѣленности, такъ какъ уже въ моментъ объявленія приговора осужденный преступникъ узнаетъ, на

какой срокъ «указалъ государь вкинуть его въ тюрьму»; а «тюрьма до государева указу» справедливо разсматривается, какъ приговоръ неопредѣленный. Этотъ видъ тюремнаго заключенія является, какъ сказано, господствующимъ въ дѣлахъ по политическимъ обвиненіямъ, за исключеніемъ узкаго круга дѣлъ о прописьѣ государева именованья; въ этихъ послѣднихъ, наоборотъ, мы находимъ исключительно тюрьму срочную или, точнѣе сказать, краткосрочную, исчисляемую одной двумя недѣлями. б) Самый порядокъ, какимъ отбывалось тюремное заключеніе, былъ неодинаковъ для осужденныхъ за государеву вину и для преступниковъ общеуголовныхъ. Еще Сергѣевскій отмѣтилъ, что правительство московское обособляло различныя категоріи тюремныхъ сидѣльцевъ: въ виду «практической необходимости изолировать лицъ, которыя могли быть опасны своимъ вліяніемъ на окружающихъ» преступники политическіе и религіозные помѣщались въ отдѣльныхъ тюрьмахъ»; лица, виновныя въ «разбойныхъ дѣлахъ», заключались въ тюрьмы губныя, а для заключенныхъ по гражданскимъ дѣламъ назначались тюрьмы «опальныя» (Сергѣевскій, 179, 187, 193—194). Однако, пользуясь обильными указаніями государевыхъ дѣлъ, мы должны внести рядъ существенныхъ поправокъ въ эти выводы почтеннаго криминалиста. Прежде всего, тюрьмы «опальныя» назначались по преимуществу для преступниковъ политическихъ, а не для заключенныхъ по гражданскимъ дѣламъ; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цитированныя въ своемъ мѣстѣ (стр. 221) воеводскія отписки по государевымъ дѣламъ, въ которыхъ воеводы заботливо подчеркиваютъ, что извѣтчикъ и обвиняемый въ государевомъ дѣлѣ посажены въ «опальную тюрьму», а если ихъ пришлось «вкинуть въ татиную тюрьму», то воевода спѣшитъ представить на то уважительныя причины; такимъ назначеніемъ опальныхъ тюремъ удовлетворительно объясняется и ихъ названіе, которое становится совершенно непонятнымъ, если мы будемъ ихъ разсматривать, какъ спеціальныя мѣста заключенія для спорныхъ холоповъ и несостоятельныхъ должниковъ. Правда, съ половины XVII вѣка и послѣдняя категорія заключенныхъ наполняетъ собой «опальныя тюрьмы», но эта мѣра, ничуть не измѣняя ихъ основного, исторически сложившагося предназначенія, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что, вопреки мнѣнію Н. Д. Сергѣевскаго, правительство московское заботилось не объ изолированіи преступниковъ

политическихъ (тогда бы оно не подсаживало къ нимъ отвѣтчиковъ по гражданскимъ дѣламъ), а признавало и считалось съ вполнѣ естественнымъ обособленіемъ преступниковъ уголовныхъ; на послѣднихъ исторически выработался взглядъ, какъ на «вѣдомыхъ лихихъ людей» съ профессіональнымъ, такъ-сказать, обособленіемъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ разрядовъ населенія; для нихъ именно возникли особенные уголовные суды, и сложился особенный «губной» процессъ; они, наконецъ, и въ тюрьмѣ составляли особенную замкнутую общину, отъ которой исходили челобитья и жалобы на вторженіе къ нимъ иныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ (Борисовъ, Описаніе Шуи, 52—53); однимъ словомъ, не правительство обособляло *политическихъ заключенныхъ*, а условія жизни, традиціи, весь строй уголовнаго преслѣдованія обособляли преступниковъ *уголовныхъ* — «татей и разбойниковъ». Если же, при всемъ томъ, Н. Д. Сергѣевскому удалось собрать и привести примѣры обособленія политическихъ осужденныхъ «въ отдѣльныхъ тюрьмахъ» (не-опальныхъ), то это лишь даетъ намъ еще одну поучительную иллюстрацію, какъ опасно изъ исключительныхъ случаевъ дѣлать выводы къ общимъ порядкамъ: что страдалецъ-бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ испыталъ при Годуновѣ всѣ ужасы «земляной тюрьмы», спеціально для него выкопанной, то въ этомъ нужно видѣть не отраженіе общихъ порядковъ, а безудержное проявленіе политической мести и политическихъ расчетовъ.

Ссылка, какъ наказаніе за политическую вину, была впервые примѣнена въ 1597 году къ угличанамъ, которые сосланы были всѣмъ городомъ въ Сибирь по дѣлу царевича Дмитрія (Максимовъ, Политическіе ссыльные, 230). Съ тѣхъ поръ на протяженіи всего XVII вѣка ссылка политическихъ преступниковъ практиковалась въ самомъ широкомъ масштабѣ; почти каждое крупное или массовое политическое преступленіе давало еще большій процентъ сосланныхъ, чѣмъ казненныхъ; это объясняется тѣмъ, что ссылка, обыкновенно, замѣняла собой смертную казнь для всѣхъ второстепенныхъ виновныхъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ или измѣнѣ (Сергѣевскій, 223). Сюда слѣдуетъ добавить еще, что и главные виновные, при наличности смягчающихъ обстоятельствъ, счастливо избѣгали плахи и отправлялись въ далекую ссылку. Князьямъ Прозоровскому и Бѣлозерскому, осужденнымъ по дѣлу Шеина, смертная казнь замѣнена была ссылкой «для ихъ прежней службы

да и для того, что ты, князь Семенъ, подъ Смоленскомъ былъ боленъ»; въ 1690 году мангазейскіе стрѣльцы Андрюшка Балакиревъ съ братьями своими хотѣли «учинить возмущеніе въ народѣ» и угрожали воеводѣ; въ сыскѣ выяснилось, что они сдѣлали это «отъ безмѣрнаго своего пьянства»; воевода смягчилъ имъ наказаніе: «вмѣсто смерти послалъ ихъ въ Иркутскъ на пашню» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 307). Ссылка же назначалась вмѣсто смертной казни и при недостаточности уликъ, главнымъ образомъ, тогда, когда розыскъ не приводилъ къ самому цѣнному доказательству—собственному признанію подсудимаго (тамъ же, XI, 205; Архивъ Калачова, 1859, III, 31; Записки Желябужскаго). Наконецъ, непристойное слово, какъ мы уже говорили, угрожало осужденному въ тяжкихъ случаяхъ ссылкой вслѣдъ за урѣзаніемъ языка.

Относительно *мѣстъ*, въ которыя направлялась политическая ссылка, нельзя уловить никакихъ особенностей: всѣ тѣ окраины тогдашняго государства, куда правительство по своимъ соображеніямъ и удобствамъ направляло преступниковъ уголовныхъ, въ одинаковой степени давали пріютъ и преступникамъ политическимъ; только ссылка въ собственныя деревни, примѣненная, напримѣръ, къ Салтыковымъ въ 1623 году, должна быть отмѣчена, какъ единственная особенная форма ссылки политической. Но зато порядокъ содержанія политическихъ ссыльныхъ и условія ихъ жизни въ мѣстахъ поселенія представляютъ рядъ существенныхъ и знаменательныхъ особенностей.

Прежде всего, ссылка въ службу, этотъ важнѣйшій типъ московской ссылки вообще, примѣнялась къ политическимъ преступникамъ съ большими ограниченіями. Приговоры по политическимъ дѣламъ, назначающіе ссылку въ Сибирь, почти всегда заканчиваются суровымъ и лаконическимъ предписаніемъ: «сослать на вѣчное житье», но ни словомъ не упоминаютъ о написаніи въ службу; наоборотъ, если осужденный за государеву вину ссылается въ окраинные пункты Европейской Россіи, то въ приговоръ добавляется или общее указаніе о записи въ службу, объ «испомѣщеніи» сосланнаго или точное наставленіе о поверстаніи его въ опредѣленный чинъ [102]). Изъ этого наблюденія можно сдѣлать такой выводъ, что *ссылка въ службу* примѣнялась лишь къ осужденнымъ за менѣе тяжкія политическія посягательства и не примѣнялась къ преступникамъ серьезнымъ;

этотъ выводъ подтверждается указомъ 1673 года, въ которомъ давалась туринскому воеводѣ слѣдующая инструкція: «ссыльнымъ, которые сосланы по нашему указу за измѣну, *за великія вины*, у нашихъ великаго государя дѣлъ быть не велѣть» (Дополненія къ актамъ историческимъ, VI, 325). Сюда нужно добавить еще, что для многихъ политическихъ преступниковъ (по преимуществу, родовитыхъ людей) ссылка осложнялась заключеніемъ въ тюрьмѣ или содержаніемъ за приставомъ въ мѣстахъ ихъ принудительнаго водворенія; такъ, нѣкоторые участники шеинскаго процесса приговорены были къ «ссылкѣ въ Сибирь въ тюрьму»; князь Иванъ Голицынъ за строптивое мѣстничество, въ которомъ усмотрѣли умыселъ къ измѣнѣ, сосланъ былъ «съ приставомъ въ Пермь, и приставу со стрѣльцами велѣно быть у него неотлучно и беречь его накрѣпко (Дворцовые разряды, I, 640). Такимъ образомъ, политическіе преступники существенно нарушали картину ссылки производительной, правительственно-служебной, которая ставится въ такую крупную заслугу московскимъ практическимъ дѣятелямъ XVII вѣка.

Неслужебное ихъ положеніе въ мѣстахъ новаго пребыванія остро ставило предъ политическими ссыльными насущный вопросъ объ источникахъ и средствахъ къ жизни. Вопросъ этотъ осложнялся еще тѣмъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ ссылкѣ политической предшествовала общая конфискація. Лишая, такимъ образомъ, ссылаемыхъ и кормовъ по службѣ и пропитанія изъ собственныхъ средствъ, правительство московское, естественно, видѣло себя въ необходимости приходить къ нимъ съ нѣкоторой матеріальной помощью. Олеарій разсказываетъ, что «ссылаемые въ Сибирь за оскорбленіе царскаго величества получаютъ, смотря по званію и состоянію своему, довольно порядочное содержаніе» (Архивъ Калачова, 1859, IV, 69); изъ практики государевыхъ дѣлъ мы почерпаемъ отрывочныя указанія, что присужденнымъ къ ссылкѣ за измѣну оставлялась изъ конфискованнаго имущества «рухлядь и животы» (Полное собраніе законовъ, I, 602; Акты южной и западной Россіи, IX, 760); иногда конфискація по такимъ же, вѣроятно, соображеніямъ не захватывала и всѣхъ недвижимыхъ имуществъ: напримѣръ, половина помѣстья конфисковалась, а другая оставлялась ссылаемому (Акты московскаго государства, III, 527); строптивому князю Голицыну изъ вотчинъ его было оставлено «одно село, ко-

торое поменьше». Но всѣ эти источники, вопреки разсказу Олеарія, едва-ли обезпечивали сосланнымъ «порядочное содержаніе». Наоборотъ, всѣ письма и челобитья опальныхъ изгнанниковъ рисуютъ намъ удручающую картину безысходной нужды и постояннаго призрака голодной смерти: «мучаемъ животъ свой и скитаемся христовымъ именемъ, всякою потребой обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли, и помереть будетъ намъ томной и голодной смертью» — такую скорбную слезницу посылалъ изъ Пинеги сподвижникъ Софьи князь Василій Голицынъ; а лѣтъ за десять до того сосланный въ Пустозерскъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ съ горечью признавался, что «не постыдился бы онъ просить милостыню, да никто не подастъ ради нужды»[103]).

Наконецъ, весь строй жизни политическихъ ссыльныхъ, а стало-быть и ихъ свободная дѣятельность по добыванію себѣ источниковъ пропитанія (напримѣръ, ремесло и торговля) обставлены были рядомъ ограниченій, запретовъ и стѣснительныхъ мѣръ, составлявшихъ, какъ это видно изъ указа 1673 года, исключительную принадлежность ссылки политической. Каждому ссыльному съ точностью указывалось мѣсто его обязательнаго пребыванія, и въ неотлучкѣ отсюда онъ долженъ былъ представить за себя поручителей изъ мѣстныхъ людей; если же онъ не находилъ поручителей, то становился предметомъ неусыпнаго и, нужно думать, весьма докучнаго надзора; вышепомянутый указъ 1673 года даетъ воеводѣ инструкцію: «по комъ (изъ ссыльныхъ за измѣну) порукъ не будетъ, тѣхъ велѣть беречь и пересматривать *недѣльно*». Изъ требованія неотлучки логически вытекалъ запретъ по адресу мѣстной власти «отпускать ссыльныхъ къ Москвѣ», запретъ, подтверждаемый неоднажды какъ въ рѣшеніяхъ по отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и въ выговорахъ воеводамъ, нарушившимъ его; политическихъ ссыльныхъ, посылавшихся по недосмотру или по необходимости съ отписками въ Москву, задерживали на дорогѣ окраинные воеводы Европейской Россіи и направляли обратно. За побѣгъ политическихъ ссыльныхъ въ воеводскихъ наказахъ устанавливается наказаніе кнутомъ и отсылка въ «дальніе сибирскіе городы», т.-е. усугубленіе всѣхъ тяжестей ссылки; бывшій гетманъ Многогрѣшный и братъ его съ женами, дѣтьми и племянниками посажены были въ Тобольскѣ «скованые въ тюрьму» по случаю бывшихъ до того побѣговъ. При

ссылкѣ родственниковъ принята была система ихъ разъединенія: предписывалось въ мѣстахъ ссылки разселять ихъ «по разнымъ городамъ». Въ отношенія мѣстныхъ жителей къ политическимъ ссыльнымъ вводился элементъ взаимнаго недовѣрія и взаимныхъ опасеній: «а будутъ сибирскіе жители сказывать на ссыльныхъ за измѣну какое воровство или что имъ вѣрить не мочно, и тѣхъ метать въ тюрьму до нашего указу»; въ отдѣльныхъ дѣлахъ встрѣчаемъ указанія, что къ политическимъ ссыльнымъ затруднялся доступъ «сторонніхъ людей»; впрочемъ, этимъ, кажется, правительство стремилось скорѣе прервать и затруднить сношенія ссыльныхъ съ мѣстами ихъ прежняго пребыванія, чѣмъ изолировать ихъ среди мѣстнаго населенія, потому что въ одномъ изъ дѣлъ встрѣчаемъ такое свѣдѣніе: «къ ссыльнымъ опальнымъ людямъ приходить *стороннимъ пріѣзжимъ* не велѣно»[104]). Итакъ, въ картинѣ ссылки политической оказываются сильно затушеванными тѣ штрихи практичности, дѣловитой заботливости и относительной свободы, которые такъ ярко бросились въ глаза изслѣдователю, оперировавшему надъ обильнымъ матеріаломъ ссылки, по-преимуществу, уголовной...

II. Всѣ эти карательныя мѣры, характеризуясь нѣкоторыми подчасъ очень существенными особенностями, не составляютъ, однако же, ни исключительнаго ни даже преимущественнаго достоянія карательной практики государства въ сферѣ преступленій политическихъ: и смертная казнь, и ссылка, и кнутъ, и тюрьма въ подавляющей массѣ падаютъ на преступника уголовнаго... Между тѣмъ та карательная мѣра, о которой сейчасъ пойдетъ рѣчь—общая конфискація или «великое разореніе»—является характерной и почти исключительной чертой наказуемости посягательствъ политическихъ. Допущенное нами отождествленіе конфискаціи съ «великимъ разореніемъ» достаточно оправдывается слѣдующей исторической ссылкой: по мѣстническому дѣлу Пушкина съ Ординъ-Нащокинымъ «бояре приговорили быть Пушкину въ великомъ разоренъи, вотчины и помѣстья отписать на великаго государя»; затѣмъ его помиловали, но подъ условіемъ—въ случаѣ новой строптивости «*быть ему въ великомъ разоренъи, какое ему объявлено*». Изслѣдовать происхожденіе этой тяжкой имущественной кары, условія и формы ея практическаго примѣненія—это мы считаемъ своей непремѣнной задачей.

Московская конфискація XVII вѣка находится въ прямой исто-

рической связи съ эпохой борьбы московскихъ великихъ князей за уничтоженіе права отъѣзда. а) Свободный отъѣздъ служилыхъ людей еще широко практиковался въ XIV и XV вѣкахъ, и неприкосновенность его охранялась междукняжескими соглашеніями; составнымъ элементомъ этого института было сохраненіе за отъѣхавшимъ права собственности на вотчины, принадлежавшія ему въ мѣстахъ его прежней службы. Но уже въ исходѣ XIV вѣка московскіе великіе князья, не посягая еще на неприкосновенность самаго права отъѣзда, становятся, однако, на путь *насильственныхъ захватовъ* движимаго и недвижимаго имущества, оставляемаго невѣрнымъ слугой; по словамъ Павлова-Сильванскаго, «право отъѣзда бояръ вызывало крайнее раздраженіе въ князьяхъ, и они вымещали свое неудовольствіе на имуществѣ отъѣхавшихъ, грабили ихъ села и домы» (Государевы служилые люди, 35); въ 1373 году великій князь московскій «*вступился въ села*», принадлежавшія отъѣхавшему отъ него въ Тверь Ивану Васильевичу Вельяминову (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 48); въ половинѣ XV вѣка князь Можайскій Андрей Дуло ушелъ изъ Москвы въ Тверь и «служилъ великому князю Борису Александровичу Тверскому, *потому и вотчины своей отсталъ*» (Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, 180). Эти насильственные захваты московскіе князья санкціонируютъ иногда post facto отдѣльными соглашеніями съ другими князьями: конфискованныя у Вельяминова села позднѣе были закрѣплены за московскимъ великимъ княземъ по договору съ Тверью; у отъѣхавшаго въ Галичъ родовитаго боярина Всеволожскаго московскій князь отнялъ села и по мирному договору съ галичскимъ княземъ удержалъ ихъ въ своей собственности (Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, I, 103). б) Однако, такими междукняжескими соглашеніями не создавалось еще *правовое основаніе* для конфискаціи за отъѣздъ: для этого нужна была или общая законодательная мѣра или, что болѣе соотвѣтствовало духу времени, предварительное согласіе самихъ «вольныхъ слугъ» на княжескіе захваты въ случаѣ ихъ отъѣзда. Первый способъ былъ примѣненъ Новгородомъ Великимъ, гдѣ къ исходу XIV вѣка прочно установилось правило: «села, земли и воды бояръ отъѣзжающихъ вѣдаетъ самъ Великій Новгородъ, а тѣмъ бояромъ и слугамъ ненадобѣ» (Павловъ-Сильванскій, тамъ же); на такую же общую мѣру рѣшился московскій великій князь

Иванъ III, постановивъ въ своемъ завѣщаніи 1504 года, что «боляромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ со своими вотчинами и куплями отъ сына моего Василія не отъѣхати никуда, а *кто отъѣдетъ, земли их сыну моему*» (тамъ же, 38). Но рѣшающую роль въ процессѣ узаконенія конфискаціи за отъѣздъ сыграли клятвенныя служилыя записи XVI вѣка: въ нихъ, прежде всего, отъѣздъ сталъ впервые разсматриваться, какъ тяжкое преступленіе измѣны, и въ нихъ же захватная практика московскихъ государей относительно имущества отъѣзщиковъ преобразовалась въ законное и неоспоримое *право*, основанное на частной сдѣлкѣ съ участіемъ заинтересованныхъ лицъ, а именно въ поручныя и подпоручныя записи, которыми подкрѣплялось обязательство записи служебной, вводилось такое уполномочіе: «а вотчины и животы и статки измѣнника и дѣтей его то все государю нашему великому князю» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 517, 542 и др.). Около этого же времени и политическія условія на Руси, съ упраздненіемъ послѣдняго удѣла, сложились въ такую комбинацію, что отъѣхавшіе отъ московскаго князя могли направляться только въ Литву, а при такомъ зарубежномъ отъѣздѣ сохраненіе вотчинъ за отъѣзжающимъ становилось источникомъ неисчислимыхъ и неразрѣшимыхъ трудностей международнаго характера; литовскіе великіе князья очень рано поняли это и еще въ 1509 году добились такого постановленія: если отецъ «учинитъ зраду», то имѣнья его поступаютъ «на государя» (Акты Западной Россіи, II, № 50). При тѣсныхъ и живыхъ сношеніяхъ между двумя русскими государствами постановленіе это не оставалось, нужно думать, безъ вліянія на развитіе конфискаціи въ Москвѣ. Наконецъ, царствованіе Ивана Грознаго внесло еще одну новую черту въ упрочившійся институтъ политическихъ конфискацій: послѣ демонстративнаго отъѣзда своего въ Александровскую слободу царь Иванъ Васильевичъ «челобитье епископовъ и всякихъ людей принялъ на томъ, что ему своихъ *измѣнниковъ*, *которые измѣны ему дѣлали*, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити и *животы их и статки имати*»; такимъ образомъ, конфискація, укрѣпившаяся въ клятвенныхъ записяхъ примѣнительно къ преступленію отъѣзда, переносится на «измѣну» вообще, разновидностью которой сталъ теперь признаваться отъѣздъ. в) Подъ воздѣйствіемъ такихъ условій институтъ конфискаціи къ началу XVII вѣка занимаетъ такое проч-

ное мѣсто въ системѣ московскаго права, что, напримѣръ, запись Василія Шуйскаго регулируетъ только ея предѣлы и формы, не подвергая сомнѣнію закономѣрность самаго института. Къ этому же времени складываются двѣ важнѣйшихъ черты московскаго «великаго разоренія»: 1) оно распространяется не только на вотчины, но и на животы [105]); 2) оно назначается не только за отъѣздъ, но и за всякую измѣну вообще. Отъ первой половины этого вѣка до насъ сохранился рядъ судебныхъ приговоровъ, по которымъ общая конфискація назначается за разнообразнѣйшіе виды измѣны (напримѣръ, процессъ Шеина, процессъ Салтыковыхъ, процессъ князя Голицына). Такъ какъ клятвенныя записи прошлаго вѣка къ этому времени уже вышли изъ употребленія, то единственнымъ правовымъ основаніемъ института конфискаціи нужно считать прочно укоренившійся обычай; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока вторая глава Уложенія не дала этому институту формальную санкцію закона.

Въ теченіе всего XVII вѣка и особенно со второй его половины наблюдается упорное стремленіе московскаго законодателя распространить угрозу общей конфискаціи на широкую область самыхъ разнообразныхъ преступныхъ дѣяній—отъ разбоя и корчемства (Уложеніе, XXI, 26, XXV, 3) до несвоевременнаго вчинанія мѣстническихъ споровъ и уклоненія отъ службы (Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, IV, 371; Полное собраніе законовъ, № 1477). Но всѣ-таки, если замкнуться въ кругу преступленій политическихъ, то можно съ отчетливостью установить, что старая связь измѣны и конфискаціи сохраняется еще и въ XVII вѣкѣ. Такъ, Уложеніе, перечисливъ въ началѣ второй главы различные виды измѣны, устанавливаетъ затѣмъ общую для всѣхъ нихъ норму: «вотчины, помѣстья и животы измѣнничьи взять на государя» (II, 5); а нѣсколькими статьями ниже, описавъ преступленіе скопа и заговора, назначаетъ за него смертную казнь, а о конфискаціи не упоминаетъ. Въ воеводскихъ наказахъ, поскольку они заключаютъ въ себѣ инструкцію политическаго суда, угроза конфискаціи выдвигается исключительно за измѣну (Акты историческіе, III, 219; Дополненія къ нимъ, III, 301). Наконецъ, въ практикѣ политическихъ дѣлъ намъ также не приходилось встрѣчать случаевъ примѣненія конфискаціи къ инымъ политическимъ преступленіямъ [106]), кромѣ измѣны да непристойнаго слова—такого, впрочемъ, непристойнаго слова, которое мо-

ковская подозрительность истолковывала, какъ проявленіе измѣннаго же умысла [107]). Однако, мы не рѣшились бы всё-таки утверждать, что, напримѣръ, преступленіе скопа и заговора, по крайней мѣрѣ, въ тяжкихъ его случаяхъ, не оканчивалось фактически конфискаціей; вникая въ общій духъ уголовнаго законодательства эпохи Уложенія, слѣдуетъ, пожалуй, прійти къ тому выводу, что *всякое* преступленіе, приводившее обвиняемаго на плаху, могло повлечь за собой и конфискацію. Но относительно измѣны и тутъ приходится отмѣтить знаменательную черту, что на измѣнника обрушивалась конфискація и тогда, когда онъ подвергался смертной казни, и тогда, когда онъ отправлялся въ ссылку, и даже тогда, когда ему удавалось скрыться за рубежъ [108]).

Чтобы обрисовать въ существенныхъ чертахъ московскую политическую конфискацію, мы остановимся еще на трехъ вопросахъ: а) объ ея объемѣ и предѣлахъ, б) о назначеніи конфискованнаго имущества и в) о порядкѣ самой конфискаціи.

а. Предѣлы общей конфискаціи опредѣляются принципомъ индивидуальной отвѣтственности за преступленіе: конфискаціей захватывается только имущество, принадлежащее самому преступнику. На этомъ основаніи она не распространяется на вотчины и животы, состоящіе въ собственности отдѣленныхъ дѣтей измѣнника (II, 8); на этомъ же основаніи изъ числа конфискуемаго имущества исключались чужія вещи, попавшія въ опись при конфискаціи: въ 1688 году по указу великихъ государей велѣно было найденныя въ имуществѣ казненныхъ казаковъ чужія вещи вернуть собственникамъ, а всѣ остальные ихъ «животы» отписать на государей (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 214). По такому же принципу разрѣшаетъ Уложеніе и слѣдующій казусъ: кто вотчину свою продастъ и купчую на нее въ книги запишетъ, а «послѣ того измѣнитъ, изъ московскаго государьства отъѣдетъ въ иную землю, и тому, кто у него ту вотчину купитъ, владѣть тою вотчиной безъ выкупу, потому что онъ у того измѣнника вотчину купилъ до его измѣны» (XVII, 38); запись въ книги, какъ формальный моментъ, удостовѣряющій совершившуюся сдѣлку о переходѣ права собственности, имѣетъ въ глазахъ московскаго законодателя существенное и даже рѣшающее значеніе: если покупатель началъ уже владѣть купленной вотчиной, а въ моментъ измѣны продавца купчая оказалась въ

книги незаписанной, «и у него та измѣнничья вотчина взять на государя, для того, что онъ, ту вотчину купя, въ книги за собой не записалъ» (XVII, 39). Съ помощью такихъ же соображеній разбирается московскій законодатель и въ случаѣ залога вотчины, съ тѣмъ только различіемъ, что для опредѣленія объема конфискаціи рѣшающую роль тутъ пріобрѣтаетъ, помимо записи въ книги, моментъ просрочки по закладной: если собственникъ вотчины «просрочилъ» её *до своей измѣны*, и залогопріниматель совершилъ своевременную запись въ книги, то вотчина остается въ его рукахъ, избѣгая конфискаціи (XVII, 38); если же «измѣнникъ, заложа вотчину, до сроку отъѣдетъ, и та вотчина, у кого она будетъ заложена, взять на государя» (XVII, 40).

Итакъ, конфискаціей захватывается лишь имущество, принадлежащее самому преступнику; но было бы неправильно сказать, что она падаетъ на имущество, состоящее въ его *собственности:* въ число объектовъ конфискаціи неизмѣнно входятъ и помѣстья, а право помѣстнаго владѣнія, какъ оно очерчивается въ эпоху Уложенія, еще не можетъ быть отождествляемо съ правомъ полной собственности.

Предметы конфискаціи исчислены Уложеніемъ въ ст. 5, II: «*вотчины, помѣстья и животы* измѣнничьи взять на государя». Съ вотчинами и помѣстьями подвергались конфискаціи и запасы хлѣба, принадлежащіе измѣннику (Акты археографической экспедиціи, III, 490); вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялась и судьба крестьянъ, населявшихъ эти недвижимости: они поступали въ разрядъ крестьянъ государевыхъ, пока раздача конфискованнаго челобитчикамъ не возвращала ихъ опять подъ власть частныхъ лицъ; во всякомъ случаѣ, «крестьяне и крестьянскія дѣти» не «распускались на волю» (Полное собраніе законовъ, III, 33). Подъ «животами» разумѣлось, обыкновенно, все движимое имущество, отъ денегъ и товаровъ до предметовъ житейскаго обихода; но послѣдніе, подъ именемъ «рухляди» или «пожитковъ», противопоставлялись иногда «животамъ» и упоминались особо; такъ, «по указу великаго государя Ѳедора Алексѣевича бояре приговорили: воровъ и измѣнниковъ Прошку и Лаврушку Кропотовыхъ за злые замыслы казнить смертью, а помѣстья, вотчины *и животы и пожитки* отписать на великаго государя»[109]).

Въ помянутой формулѣ Уложенія—«помѣстья, вотчины и жи-

воты взять на государя»—отсутствуетъ указаніе на два существенныхъ объекта въ составѣ тогдашняго имущества: 1) дворъ и 2) холопы. Но практика XVII вѣка не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что дворъ (чаще всего, дворъ московскій) признавался столь же законнѣйшимъ предметомъ конфискаціи, какъ вотчины и животы, и это справедливо не только для эпохи, предшествовавшей Уложенію, но и для всей второй половины XVII вѣка [110]); въ составъ дворовъ входили, несомнѣнно, и зданія, напримѣръ, «лавки», о конфискаціи которыхъ упоминаетъ еще запись царя Василія. Тѣмъ не менѣе, пробѣлъ, допущенный въ Уложеніи, представляется намъ не случайнымъ пропускомъ законодателя, не плодомъ его невниманія и небрежности, а имѣетъ связь съ принципіальной точкой зрѣнія, которую пришлось выдвинуть Уложенію насчетъ участковъ городской земли; нужно вспомнить, что чуть-ли не наканунѣ Уложенія кипѣла горячая, хотя и безкровная борьба между торгово-посадскими общинами съ одной стороны и всякаго рода бѣломѣстцами съ другой: общины по экономическимъ и, главнымъ образомъ, податнымъ соображеніямъ отстаивали *свое,* общинное право на занятые отдѣльными лицами участки городской земли и протестовали противъ стремленія держателей этихъ участковъ освоять ихъ и распоряжаться ими на правѣ частной собственности (Влад.-Будановъ, Хрестоматія, III, 124, 145, 163); Уложеніе не только не отвергло эти домогательства посадскихъ общинъ, но подъ вліяніемъ земскихъ челобитенъ дало въ гл. XIX-ой законченный сводъ постановленій, ограждавшихъ *общинное право* на участки городской земли: конечно, мотивы этихъ постановленій коренились въ финансовыхъ и даже фискальныхъ соображеніяхъ, но юридическій принципъ, изъ котораго они исходили, заключался въ признаніи *общиннаго права на посадскую землю*; а такая точка зрѣнія допускала не отписаніе дворовъ въ пользу государевой казны, а скорѣе возвращеніе ихъ городской общинѣ послѣ казни держателя - измѣнника. Къ такому способу конфискаціи близко подходило Уложеніе, устанавливая въ XIX-ой главѣ, что «кто продастъ или заложитъ бѣлымъ людямъ тяглый дворъ, и тѣ дворы имати и *отдавать безденежно въ сотни*», т. е. въ городскія общины (XIX, 39); но въ главу вторую законодатель не ввелъ такого категорическаго постановленія, и практика, руководимая въ этомъ вопросѣ узкими фискальными соображеніями,

широко использовала этотъ пропускъ, сдѣлавъ «дворъ» такимъ же заурядным предметомъ политической конфискаціи, какъ вотчины и животы [111]).

Другой пробѣлъ Уложенія въ формулѣ общей конфискаціи относится къ судьбѣ *холоповъ*, принадлежащихъ казненному или сосланному измѣннику. Изъ молчанія кодекса можно-ли сдѣлать такой выводъ, что холопы, какъ объекты вещныхъ правъ, причислялись къ «животамъ» господина [112]) и, стало-быть, подобно всему остальному имуществу, «отписывались на государя»? но, во-первыхъ, московскому праву, въ противоположность праву древнѣйшему, неизвѣстенъ былъ въ чистомъ своемъ видѣ институтъ государственныхъ рабовъ; во-вторыхъ, относительная мягкость рабства въ Москвѣ XVII вѣка, неоспоримые случаи освобожденія холоповъ по закону (Уложеніе, XX, 41, 42, 71)—всё это дѣлаетъ мало-достовѣрнымъ такое суровое предположеніе; въ-третьихъ, холопство XVII вѣка выработалось уже въ различныя юридическія формы, и нѣкоторыми изъ нихъ прямо не допускался подобный исходъ; такъ, холопство кабальное, отмѣченное рѣзко выраженной чертой пожизненности, съ необходимостью подсказывало болѣе гуманный исходъ: казнь господина за измѣну дѣлала кабальнаго свободнымъ человѣкомъ. Но какая же судьба постигала другую категорію рабовъ, холоповъ полныхъ или докладныхъ, которые могли быть предметомъ юридическихъ сдѣлокъ, дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій? Если отвергнутъ гипотезу о томъ, что они становились въ настоящемъ смыслѣ слова рабами государственными, то приходится допустить одинъ изъ трехъ исходовъ: 1) или они оставались по-прежнему въ полномъ распоряженіи господина, если милость государева сохраняла послѣднему жизнь, 2) или они переходили по наслѣдству къ семьѣ казненнаго преступника, если семья по сыску оказывалась невиновной въ «вѣдѣніи», 3) или, наконецъ, за невозможностью этихъ двухъ исходовъ, они получали по судебному приговору свободу. Этимъ разнообразіемъ возможностей объясняется молчаніе кодекса; а изъ скудныхъ слѣдовъ практики государевыхъ дѣлъ вырисовывается слѣдующая картина. Если господинъ ссылался въ ссылку (чаще всего, въ предѣлахъ Европейской Россіи), то опредѣленная группа его холоповъ, число которой указывалось въ приговорѣ, ссылались вмѣстѣ съ нимъ или, вѣрнѣе сказать, осужденному господину разрѣшалось

взять ихъ съ собой (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 267; Дворцовые разряды, I, 640); при этомъ въ приговорѣ же или въ инструкціи надзора, адресуемой мѣстному воеводѣ, съ опредѣленностью подчеркивалось, что «быть тѣмъ людемъ *въ его, изменьника, волѣ*»; этой добавкой разъяснялось, во-первыхъ, то, что холопы ссылаются не за свою вину, а вмѣстѣ съ господиномъ; во-вторыхъ то, что имъ не дарована воля и что осужденный господинъ сохраняетъ надъ ними всѣ свои старыя права (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 192). Въ одномъ случаѣ, исключительный характеръ коего ясенъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, встрѣтили мы такое распоряженіе холопами казненнаго измѣнника, въ которомъ проглядываетъ идея государственной собственности надъ ними и, стало-быть, полное отождествленіе холопа съ остальными «животами» господина: въ 1688 году послѣ казненнаго за измѣну и расколъ «распопы Самошки» остались «двѣ его дѣвки, татарки некрещеныя», моложе 20 лѣтъ отъ роду; по указу великаго государя велѣно обѣихъ *дѣвокъ продать*, а деньги послать на родину казненнаго «войсковому атаману Фролу Миняеву» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 213). Но какъ общая мѣра принятъ былъ болѣе гуманный порядокъ—освобожденіе холоповъ по судебному приговору. Изъ практики XVII вѣка мы можемъ привести только одинъ примѣръ судебнаго приговора, въ которомъ съ ясностью устанавливается такой именно исходъ: у князя Василья Голицына, сподвижника Софьи, присужденнаго къ ссылкѣ въ 1689 году, велѣно было «вотчины, помѣстья, дворы и животы отписать на государя, а людей его кабальныхъ и крѣпостныхъ роспустить на волю» (Полное собраніе законовъ, III, 33). Но нѣкоторыя общія постановленія заставляютъ смотрѣть на эту мѣру, какъ на наиболѣе распространенную. Такъ, еще судебникъ царскій предусматривалъ освобожденіе холоповъ измѣнника-бѣглеца по «государевой вольной грамотѣ» (ст. 80); въ боярскомъ приговорѣ 1608 года содержится такое общее указаніе: «которые дворяне и дѣти боярскія были отъ Ростриги въ опалѣ, *люди ихъ отпущены были на волю*, и отпускныя имъ даны изъ приказу холопьяго суда» (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 103); наконецъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича считается съ такимъ принудительнымъ освобожденіемъ холоповъ измѣнника, какъ съ мѣрой заурядной и обыч-

ной, и регулируетъ её съ различныхъ сторонъ; «будетъ кто измѣнитъ, изъ московскаго господарства отъѣдетъ въ иное господарство, а послѣ его людямъ его *по государеву указу и по боярскому приговору дана будетъ воля*, а послѣ того тотъ измѣнникъ изъ измѣны воротится, и ему до тѣхъ людей, которымъ безъ него дана будетъ воля, дѣла нѣтъ»[113]). Этой статьей регулируется отношеніе освобожденныхъ холоповъ къ помилованному господину: пріобрѣтенная ими свобода не отнимается у нихъ въ пользу возвратившагося и помилованнаго господина, такъ какъ помилованіе, согласно общему принципу, не должно нарушать правъ частныхъ лицъ.

Если вдуматься въ юридическую природу и правовое основаніе такого своеобразнаго института, какъ судебное освобожденіе холоповъ за измѣну ихъ господина, то приходится поставить его въ связь съ принципомъ конфискаціи съ одной стороны и общимъ строемъ московскаго государства съ другой: достаточно извѣстно, что московское государство даже въ XVII вѣкѣ жило еще традиціями и обычаями государства вотчиннаго; это съ внѣшней стороны выражалось хотя бы въ томъ, что представитель верховной власти именовался «государемъ», т.-е. собственникомъ надъ людьми, а всѣ его подданные, отъ боярина до чернаго человѣка, величали себя «холопами государевыми»; при такой системѣ политическихъ взглядовъ въ чемъ бы могъ съ формальной стороны выразиться принципъ политической конфискаціи, послѣдовательно распространенный и на холоповъ? въ томъ, очевидно, что они, освобождаясь изъ-подъ власти своего осужденнаго господина, становились бы холопами государевыми, т. е. къ государю переходили бы всѣ права на ихъ личность, принадлежавшія господину; но къ этому же съ формальной опять-таки стороны приводило и практиковавшееся тогда *освобожденіе* холоповъ измѣнника: подобно всему остальному населенію, они также становились «холопами государевыми». Итакъ, можно констатировать нѣкоторое формальное, по крайней мѣрѣ, согласіе между юридическимъ принципомъ, лежавшимъ въ основѣ конфискаціи, и юридической практикой, переработавшей эту конфискацію (примѣнительно къ холопамъ) въ институтъ принудительнаго освобожденія.

б. Если судьба холоповъ послѣ конфискаціи, постигшей ихъ господина, рѣшалась съ нѣкоторымъ однообразіемъ, то нельзя того

же сказать о судьбѣ всѣхъ остальныхъ предметовъ конфискаціи: вслѣдъ за грознымъ предписаніемъ «вотчины, помѣстья, животы взять на государя» эти различныя части конфискованнаго имущества получали неодинаковое назначеніе. Относительно помѣстій и вотчинъ можно отмѣтить два варіанта: а) или къ распоряженію «отписать на государя» добавлялось — «и отдать въ раздачу»; б) или такая добавка отсутствовала. Это несущественное съ внѣшней стороны различіе скрывало, однако же, за собой рядъ глубокихъ практическихъ послѣдствій. Если конфискація дополнялась распоряженіемъ «отдать въ роздачу», то эта сама по себѣ тяжкая имущественная кара осложнялась еще суровой чертой безповоротности, потому что Уложеніе вводитъ въ свои постановленія о конфискаціи слѣдующій категорическій запретъ: если государь пожалуетъ измѣнника, вину его велитъ ему отдать, то «прежнихъ помѣстій» измѣннику все-таки «не отдавать» (II, 11); въ этомъ постановленіи сказался опять-таки принципъ ненарушимости законно пріобрѣтенныхъ правъ частнаго лица актами судебнаго помилованія; а для преступника, если онъ не казненъ, или для семьи его пресѣкалась этимъ запретомъ всякая возможность и всякая надежда вернуться когда-нибудь подъ сѣнь своихъ старыхъ владѣній; такимъ образомъ, суровость кары усугублялась ея искусственной безповоротностью, что прямо и подчеркивалось иногда въ судебномъ приговорѣ словами: «отдать въ роздачу челобитчикамъ *безповоротно*» [114]). Изъ главы объ извѣтѣ мы знаемъ, что въ роли такихъ челобитчиковъ выступали часто тѣ, по извѣту которыхъ начато было дѣло, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, относительно сибирскихъ инородцевъ) само правительство давало предварительныя обѣщанія «вотчины измѣнника» передать тому, кто «на него измѣну доведетъ». — Если же въ приговорѣ отсутствовало распоряженіе о «роздачѣ челобитчикамъ», то конфискованная недвижимость должна была оставаться въ непосредственномъ завѣдываніи казны, что и выражалось иногда въ самомъ приговорѣ такимъ указаніемъ: «вотчины и помѣстья отписать на государя *и вѣдать во дворцѣ*» (Дворцовые разряды, I, 640); за осужденнымъ измѣнникомъ или его семьей оставалась, такимъ образомъ, надежда и возможность при благопріятныхъ условіяхъ вернуть себѣ утраченную недвижимость; можно даже предположить, что распоряженіе «вѣдать во дворцѣ»

знаменовало само по себѣ конфискацію нерѣшительную, конфискацію, при которой сама власть учитывала напередъ возможность и умѣстность недалекаго помилованія [115]).

Относительно другой составной части недвижимаго имущества—«двора»—слѣдуетъ отмѣтить, что практика московская обратила его въ нѣкоторый рессурсъ для самого осужденнаго, если послѣдній «милостью государевой» счастливо избѣгалъ плахи; это дѣлалось или такимъ путемъ, что въ приговоръ, устанавливающій конфискацію, вводилась оговорка о сохраненіи двора за осужденнымъ (Полное собраніе законовъ I, 602; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III; Дворцовые разряды, I, 140), или же дворъ, не избѣгнувшій конфискаціи, приказывалось продать, а вырученную сумму обратить въ пособіе ссылаемому (Новомбергскій, Слово и дѣло государевы, I, 582); чисто-благотворительная цѣль такихъ распоряженій прямо подчеркивается въ приговорахъ: «а дворъ ему оставить *для прокормленья*».

Наконецъ, «животы» осужденнаго, захваченные конфискаціей, получали, смотря по обстоятельствамъ, самое разнообразное назначеніе. Такъ, послѣ казаковъ, казненныхъ за измѣну въ 1688 году, велѣно было «половину животовъ, отдать на поминъ души, а половину въ убогій домъ» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 214); въ двухъ случаяхъ, послѣ осужденія за измѣну малороссійскихъ гетмановъ, Многогрѣшнаго и Самойловича, «животы» ихъ въ половинной части были отданы «въ войсковой скарбъ на церковное строенье» (Акты южной и западной Россіи, IX, 760; Полное собраніе законовъ, II, 879); нужно отмѣтить, что въ обоихъ случаяхъ эта мѣра вызвана была челобитьями малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ, что заставляетъ видѣть въ ней не добровольную щедрость московскаго правительства, а нѣкоторую уступку законнымъ притязаніямъ недавно присоединенной и автономной провинціи. Если осужденному оставлялась жизнь, то животы, вмѣстѣ съ дворомъ или за отсутствіемъ двора, возвращались ему, какъ правительственная помощь, для облегченія трудностей ссылки. Наконецъ, Уложеніе даетъ два прямыхъ указанія насчетъ дальнѣйшаго распоряженія конфискованными «животами»: 1) изъ нихъ выдается награда тому, кто «измѣнника, поймавъ на дорогѣ, убьетъ или приведетъ къ государю» (II, 15); 2) изъ нихъ же—и только

изъ нихъ—уплачиваются долги измѣнника (XVII, 40). Послѣднее постановленіе вноситъ существенную и важную черту въ институтъ московской конфискаціи, свидѣтельствуя о томъ, что институтъ этотъ построенъ былъ на признаніи законныхъ правъ и интересовъ третьихъ лицъ; въ практикѣ государевыхъ дѣлъ мы встрѣчаемъ случай, когда такое назначеніе «животовъ» прямо подчеркивается въ приговорѣ: окольничему Зюзину, сосланному въ Казань за написаніе подложнаго письма якобы отъ имени царя бывшему патріарху Никону, оставлены были изъ всего имущества «дворъ и животы для прокормленья и *для расплаты долговъ*».

в. О самой процедурѣ конфискаціи источники даютъ на рѣдкость скудныя свѣдѣнія. Изъ нихъ все-таки можно заключить, что порядокъ конфискаціи распадался на дѣйствія, предшествовавшія приговору, и дѣйствія, слѣдовавшія за нимъ. Приговору предшествовала, обыкновенно, опись и опечатаніе движимости измѣнника: «рухляди» и «животовъ»; но эти мѣры не означали еще конфискаціи: «описать животы» не значило еще «отписать на государя»; это была лишь мѣра обезпеченія, которая отмѣнялась, если наступало оправданіе обвиняемаго или въ преступленіи, вмѣнявшемся ему въ вину, утрачивались признаки измѣны (Новомбергскій, I, 62). Описанная и опечатанная движимость сдавалась на храненіе отвѣтственному лицу: въ 1666 году витебскій воевода прислалъ въ разрядъ «измѣнничьей опальной рухляди и животамъ роспись», и дьякамъ думнымъ велѣно было по той росписи имущество «пересмотрѣть», и такъ какъ «по смотру не объявилось многихъ вещей, великій государь велѣлъ на мѣщанинѣ, который эту рухлядь везъ, взять недостачу (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 985, листъ 485). Опись *всегда* пересылалась въ Москву, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда весь сыскъ производился воеводой, и подсудимые не вызывались въ Москву. Относительно вотчинъ и помѣстій не предпринималось, нужно думать, до приговора никакихъ особыхъ мѣръ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда измѣна связана была съ бѣгствомъ за рубежъ, и самый фактъ бѣгства подтверждался неоспоримыми доказательствами: тогда вотчины и помѣстья безъ замедленія «отписывались на государя» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 928, листы 1—15). Во всѣхъ другихъ случаяхъ «отписаніе» указывалось въ приговорѣ и наступало послѣ приговора; изъ дѣла

Шеина почерпаемъ такое указаніе, что о процедурѣ «отписанія» ставился въ извѣстность государь: «а какъ отписывать пошлютъ, велѣлъ государь доложить себя, государя». Если животы послѣ конфискаціи возвращались осужденному, то съ него бралась въ томъ «росписка» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 214).

ГЛАВА VII.

Органы суда по „дѣламъ государевымъ“.

§ 1.

Воевода.

I. Воевода есть органъ „сыска“; это его служебная обязанность, непосредственная и исключительная; отдѣльныя слѣдственныя дѣйствія, какъ предметъ воеводскихъ обязанностей.—II. Ограниченія розыскныхъ правъ воеводы: а) случаи обязательнаго самоустраненія отъ розыска при извѣтѣ на него самого и замѣна воеводы другими органами или представителями населенія; б) ограниченіе пыточныхъ полномочій воеводы примѣнительно къ извѣтчику и къ подсудимому, изъятіе привилегированныхъ лицъ, ограниченіе относительно повальнаго обыска, формальный порядокъ привлеченія къ розыску монашествующихъ; в) изъятіе розыска по отдѣльнымъ дѣламъ изъ производства воеводы и перенесеніе розыска въ Москву; основанія къ этому: не усмотрѣніе воеводы, не челобитье участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а важность самаго дѣла.—III. Воевода не имѣетъ власти рѣшенія по государевымъ дѣламъ: а) нормы Уложенія и наказовъ; б) указанія практики; случаи самостоятельныхъ воеводскихъ приговоровъ: 1) въ ложныхъ извѣтахъ незлостнаго характера, 2) при исключительныхъ обстоятельствахъ; условія пользованія исключительнымъ полномочіемъ.

I. Воевода есть, по преимуществу, органъ *сыска* по государевымъ дѣламъ; онъ, какъ мы знаемъ, уполномоченъ былъ и къ принятію *извѣта*, но эту функцію онъ, по Уложенію и на практикѣ, дѣлилъ какъ съ другими органами мѣстнаго управленія, «приказными людьми» (II, 18), такъ и съ высшими органами управленія центральнаго, «думными и ближними людьми»; воевода, далѣе, участвовалъ и въ заключительной стадіи судопроизводства по политическому дѣлу, однако выступалъ здѣсь почти исключительно скромнымъ *исполнителемъ приговора*, постановленнаго въ Москвѣ; но пока политическое дѣло находилось въ трудной и длительной стадіи *розыска*, воевода выступалъ, какъ важнѣйшій органъ—отвѣтственный, самостоятельный, исключительный и непосредственный. Сыскъ по государеву дѣлу есть *право и обязанность воеводы* москов-

скихъ временъ. Въ воеводскихъ наказахъ XVII вѣка воеводамъ вмѣняется въ общую обязанность «по государевымъ дѣламъ распрашивать и розыскивать всякими сыски» (Акты историческіе, III, 262, также см. ниже); такая же общая норма содержится и въ Уложеніи (VI, 6); если воевода отправляетъ въ Москву отписку по государеву дѣлу, «не розыскавъ подлинно», это разсматривается, какъ его служебная «оплошка», и вызываетъ укорительную отповѣдь со стороны центральныхъ учрежденій (Новомбергскій, I, 17); на воеводѣ лежитъ обязанность провѣрить розыскными дѣйствіями *каждое обстоятельство дѣла*, возникшее на протяженіи слѣдствія (тамъ же). Воевода есть *непосредственный* органъ розыска: онъ «ставитъ передъ собой въ съѣзжей избѣ» и самъ «распрашиваетъ» всѣхъ участниковъ политическаго обвиненія; онъ имѣетъ дѣло не съ «распросными, пыточными и обыскными рѣчами», составленными безъ его содѣйствія и руководства, а съ живыми участниками процесса; однимъ словомъ, онъ есть органъ «подлиннаго розыска» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, I). При томъ же, воевода является и *исключительнымъ* органомъ розыска въ кругу государевыхъ дѣлъ: а) *губные старосты* не имѣютъ слѣдственныхъ полномочій по этимъ дѣламъ; «кто доведется до какого государева дѣла, и его отсылать къ воеводамъ, а будетъ разбойное или татиное, и тѣхъ отсылать къ губнымъ старостамъ» (Акты археографической экспедиціи, III, 71); поэтому губной староста, узнавшій о государевомъ дѣлѣ, не предпринимаетъ самъ никакихъ слѣдственныхъ дѣйствій и выступаетъ лишь въ роли извѣтчика передъ воеводой; б) и никакіе *другіе выборные органы* не имѣютъ розыскной власти въ кругу политическихъ дѣлъ; «посадскимъ выборнымъ людямъ во Псковѣ межъ посадскими людьми и крестьяны расправа чинить по Уложенію, а *вѣдая на кого измѣну, отводить къ воеводамъ*» (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 5); в) *духовныя власти*, хотя бы извѣтчикъ и обвиняемый принадлежали оба къ людямъ церковной юрисдикціи, устраняются, однако же, по государевымъ дѣламъ исключительной компетенціей воеводы (Чтенія, тамъ же; Новомбергскій, I, 57); г) даже *малороссійскіе войсковые чины*, если въ политическомъ преступленіи виновны будутъ «царскаго величества ратные люди», обязаны ихъ «отсылать къ воеводамъ» (Акты южной и западной Россіи, XII, 66).

Если отъ этихъ общихъ указаній мы обратимся къ судопроизводственной практикѣ XVII вѣка, то предъ нами не только раскроется картина систематической и постоянной дѣятельности воеводы въ розыскѣ по государевымъ дѣламъ, но съ ясностью обнаружатся слѣды его отвѣтственныхъ *обязанностей примѣнительно къ отдѣльнымъ розыскнымъ дѣйствіямъ*. Воевода не только уполномоченъ къ «распрашиванью» извѣтчика, но онъ *обязанъ* его «распросить»: игнорированіе этой обязанности составляетъ должностное преступленіе (см. стр. 184); воевода *обязанъ* «распросить» обвиняемыхъ и принять противъ нихъ мѣру пресѣченія (Полное собраніе законовъ, III, 268); если въ воеводской отпискѣ не содержалось указанія на принятіе мѣры пресѣченія, это отмѣчалось въ приказной выпискѣ, какъ пробѣлъ и упущеніе (Новомбергскій, I, 48). Воевода ставитъ на очную ставку извѣтчика съ обвиняемымъ, а если онъ не выполняетъ этой обязанности, изъ Москвы адресуютъ ему запросъ и выговоръ (см. гл. V, § 3). «Распросъ» свидѣтелей, на которыхъ слались стороны, есть также прямая обязанность воеводы: «указалъ государь отписать козловскому воеводѣ, для чего забылъ онъ распросить тѣхъ, которые люди слышали и имена которыхъ подъ сказкой присланы» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 144, листъ 49). Наконецъ, обо всѣхъ своихъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ воевода обязанъ донести въ Москву государю; это правило твердо соблюдалось московской практикой, и каждая государева грамота кончалась неизмѣннымъ предписаніемъ — «а что въ сыскѣ будетъ, отписать государю»; простое замедленіе воеводской отписки вызывало суровый выговоръ изъ Москвы (Акты Воронежскіе, I, 137).

II. Таковы были права и обязанности московскаго воеводы въ розыскѣ по государственнымъ преступленіямъ. Но эта судебно-слѣдственная роль важнѣйшаго органа мѣстной власти подвергалась тремъ существеннымъ ограниченіямъ: а) въ нѣкоторыхъ случаяхъ воевода обязанъ былъ самъ себя устранить отъ розыска по политическому обвиненію; б) нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія при опредѣленныхъ условіяхъ онъ могъ предпринимать не иначе, какъ съ разрѣшенія Москвы; в) наконецъ, по нѣкоторымъ государевымъ дѣламъ весь розыскъ въ полномъ объемѣ уходилъ изъ компетенціи воеводы и стягивался въ центральныхъ учрежденіяхъ.

а. *Отводъ воеводы* отъ розыска по государеву дѣлу совершался или по челобитью стороны или по его собственной иниціативѣ. Такъ, въ 1640 году дьяка Дружинина человѣкъ, посаженный въ караульню за пьянство, сказалъ за собой государево дѣло; хозяинъ его билъ челомъ (въ Новгородѣ), чтобы «человѣка его расспросить одному дьяку Софонову безъ воеводы», такъ какъ воевода къ нему, Дружинину, «недобръ» (Архивъ, новгородскаго стола столбецъ № 68, листъ 209). Это единственный примѣръ, намъ извѣстный; можно думать, что практика московская не очень охотно шла навстрѣчу такимъ домогательствамъ, и стороны рѣдко ихъ заявляли. Наоборотъ, въ губномъ процессѣ такія ходатайства были настолько часты, что Уложеніе предусмотрѣло способъ ихъ удовлетворенія: если на губного старосту истцы бьютъ челомъ въ недружбѣ или поноровкѣ, то къ розыску пріобщается, наряду съ нимъ, «изъ иного города губной староста» (XXI, 7). Въ дѣлахъ о скопѣ и заговорѣ воевода часто выступалъ, какъ пострадавшій; однако, едва-ли это положеніе обязывало его къ самоотводу отъ розыска: въ 1690 году мангазейскіе стрѣльцы, придя въ приказную избу съ великимъ шумомъ, хотѣли «учинить возмущеніе въ народѣ», бранили и угрожали воеводѣ; но послѣдній изловилъ ихъ, пыталъ, и когда они съ пытки повинились, «вмѣсто смерти послалъ ихъ въ Иркутскъ на пашню до указу великихъ государей» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 347). Но зато одинъ безспорный и обязательный поводъ къ самоустраненію воеводы отъ розыска раскрываютъ передъ нами архивные документы: если извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ заявленъ воеводѣ на него самого, то онъ обязанъ или распрашивать извѣтчика «при многихъ людяхъ» (Новомбергскій, I, 251) или прямо-таки весь распросъ передать «лучшимъ людямъ всякихъ чиновъ», т. е. представителямъ населенія. Послѣдній исходъ развертываетъ предъ нами картины настолько колоритныя для жизни XVII вѣка, что мы приведемъ здѣсь съ нѣкоторыми подробностями одно изъ такихъ государевыхъ дѣлъ. Въ 1641 году брянскій воевода доносилъ государю: «съѣзжей избы подъячій Ивашка Андреевъ сказалъ передо мною, холопомъ твоимъ, за собой государево слово, а въ распросѣ у съѣзжей показалъ, что *знаетъ государево слово про меня;* и я Ивашку отдалъ за пристава, а того жъ дня велѣлъ быть въ съѣзжую избу города Брянска чернымъ властямъ, архимариту,

игумену, и протопопу, и священнику, и дворянамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и пушкарямъ, и стрѣльцамъ, и твоихъ государевыхъ посопныхъ слободъ *крестьянамъ лучшимъ людямъ;* и властямъ и всякихъ чиновъ лучшимъ людямъ городовые и острожные *ключи отдавалъ* и Ивашку велѣлъ поставить передъ ними и то имъ говорилъ, чтобъ *они его передъ собою допросили,* что за нимъ государево слово на меня; и власти и всякихъ чиновъ лучшіе люди его, Ивашка, допрашивали, и что онъ имъ сказалъ, тѣ распросныя рѣчи написалъ онъ своей рукой и *властямъ и лучшимъ людямъ подавалъ,* и власти и лучшіе люди Ивашковы допросныя рѣчи *закрытыми своими руками* (Архивъ, владимірскаго стола столбецъ № 60, листы 110—113). Въ другомъ примѣрѣ встрѣчаемъ требованіе лучшихъ людей, чтобы воевода «побылъ за приставомъ до государева указу» (Новомбергскій, I, 251). Однако, участіе лучшихъ людей, по-видимому, не шло дальше распроса извѣтчика: такъ, въ разсказанномъ нами примѣрѣ на первую же воеводскую отписку пришла государева грамота, въ силу которой дѣло было передано для розыска карачевскому воеводѣ, и къ нему былъ отосланъ самъ извѣтчикъ [116]).

б. Изъ слѣдственныхъ дѣйствій, въ которыхъ воевода связанъ былъ нѣкоторыми ограниченіями, на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена пытка. Примѣненіе пытки въ государевыхъ дѣлахъ существенно отличается отъ пыточнаго производства въ дѣлахъ общеуголовныхъ: 1) въ послѣднихъ оно регулировано подробными наставленіями закона, а примѣнительно къ первымъ Уложеніе даже не упоминаетъ о пыткѣ; 2) въ губномъ процессѣ субъектомъ преступленія выступаетъ чаще всего «вѣдомый лихой человѣкъ», а въ судопроизводствѣ по политическимъ дѣламъ—рядовой и случайный обыватель, противъ котораго зачастую не имѣется другихъ уликъ, кромѣ бездоказательныхъ утвержденій извѣтчика. Существенность этихъ различій заранѣе предрасполагаетъ къ тому выводу, что правительство, знакомое, къ тому же, съ глубоко укоренившейся практикой воеводскихъ «насилій и продажъ», не рискнетъ предоставить употребленіе такого сильнаго средства, какъ пытка, на безконтрольное усмотрѣніе своихъ воеводъ. Однако, какъ общее правило, можно удостовѣрить все-таки наличность пыточныхъ полномочій у воеводы, ведущаго розыскъ по государеву дѣлу; на такое полномочіе указываютъ всѣ общія инструкціи, которыми правительство московское

снабжало свои областные органы (Акты историческіе, III, 262); такъ, воевода уполномочивается къ пыткѣ обвиняемаго, если онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія или среди уличающей объективной обстановки (Архивъ, новгородскаго стола столбецъ № 239, листъ 192, приказнаго № 105, листъ 128; Полное собраніе законовъ, III, 686); «по явнымъ подлиннымъ извѣтамъ въ шатости и измѣнѣ» воеводѣ вмѣняется въ обязанность «тѣхъ людей приводить, распрашивать и пытать» (тамъ же, III, 286). Изъ практики политическихъ дѣлъ можно усмотрѣть, что воевода, не отписывая въ Москву, примѣняетъ пытку къ сознавшимся подсудимымъ (Новомбергскій, I, 545), къ подсудимымъ, противъ которыхъ высказались свидѣтели (тамъ же, 50, 81, 522), наконецъ, къ холопамъ и крестьянамъ, противъ которыхъ извѣтчикомъ выступилъ ихъ господинъ (Акты московскаго государства, I, 170—171). Однако, какъ ни широкъ кругъ такихъ примѣровъ, нѣкоторое ограничительное стремленіе относительно пыточныхъ полномочій воеводы съ ясностью улавливается какъ изъ конкретныхъ государевыхъ дѣлъ, такъ и изъ общихъ воеводскихъ наказовъ. 1) Можно отмѣтить, во-первыхъ, что воевода по собственной иниціативѣ никогда не подвергаетъ пыткѣ такого извѣтчика, который, заявивъ за собой государево слово, въ распросѣ отказывается объяснить его сущность; воевода отписываетъ объ этомъ въ Москву, и оттуда почти всегда приходитъ распоряженіе: «распросить у пытки, а не скажетъ, и пытать»; въ 1644 году воронежскій воевода писалъ государю: «сказалъ за собой тюремный сидѣлецъ Ивашка Щербакъ государево слово, а въ распросѣ передо мной того слова мнѣ не сказалъ; велѣлъ я его у пытки распрашивать, какое онъ государево слово вѣдаетъ, *а пытать его безъ твоего государева указу не смѣлъ*». 2) Что касается пытки подсудимаго, то мы сдѣлали такое наблюденіе: воевода примѣняетъ ее по собственной иниціативѣ (при достаточныхъ къ тому основаніяхъ) лишь въ «великихъ государевыхъ дѣлахъ», когда возникаетъ обвиненіе въ измѣнѣ или въ умыслѣ на государево здоровье; всѣ общія инструкціи и всѣ примѣры изъ практики, приведенные выше, имѣютъ своимъ предметомъ эти тяжкіе политическіе умыслы; наоборотъ, производство по непристойному слову, не внушающему такихъ опасеній, если и осложняется пыткой, то исключительно по предписанію изъ Москвы; такъ бываетъ даже въ

томъ случаѣ, когда извѣтъ въ непристойномъ словѣ подтвержденъ свидѣтельскими показаніями (Новомбергскій, I, 7); это стѣсненіе воеводскихъ полномочій объясняется тѣмъ, что производство по непристойному слову, даже при неоспоримыхъ уликахъ виновности, кончалось зачастую приговоромъ изъ Москвы безъ осложняющаго вмѣшательства пытки; слѣдовательно, нельзя было въ такихъ дѣлахъ предоставить воеводѣ постояннаго полномочія пускать въ ходъ это сильно-дѣйствующее средство. 3) Но и въ великихъ государевыхъ дѣлахъ пыточная компетенція воеводы подвергалась одному знаменательному ограниченію: по наказу астраханскому воеводѣ отъ 1628 года велѣно было ему, «въ комъ шатость и измѣну почаетъ, про тѣхъ сыскивать, и будетъ по распросу и сыску русскіе люди и иноземцы, *черные люди*, дойдутъ до пытки, и ихъ пытать; а будетъ которое измѣнное дѣло дойдетъ до мурзы, и тѣхъ мурзъ держать за крѣпкими приставы и писать о томъ государю, *а до указу ихъ не пытать*» (Акты историческіе, Ш, 262). Это правило, вѣроятно, не было ни исключительнымъ ни временнымъ, потому что на другой окраинѣ государства и почти восемьдесятъ лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ такой именно случай, когда рядовые остяки въ измѣнномъ дѣлѣ были пытаны, а къ остяцкому князьку, при полной одинаковости уликъ, воевода не рѣшился примѣнить пытку (Памятники сибирской исторіи, I, 320). 4) Наконецъ, въ 1695 году «великіе государи указали послать во всѣ сибирскіе города, опричь Тобольска, грамоты, чтобы впредь воеводамъ ничего не дѣлать *опричь тѣхъ дѣлъ, которыя по Уложенію пыткѣ подлежатъ,* никакихъ русскихъ людей, а ясашныхъ иноземцевъ ни въ какихъ дѣлахъ, не описывая великимъ государямъ, *не пытать*» (Полное собраніе законовъ, Ш, 213). Такъ какъ о пыткѣ въ государевыхъ дѣлахъ Уложеніе не упоминаетъ ни словомъ, стало-быть это запрещеніе распространялось и на сферу политическаго суда. Изъ этого же указа видно, что такое стѣсненіе слѣдственныхъ правъ вызвано было, во-первыхъ, злоупотребленіями сибирскихъ воеводъ: они подвергали пыткѣ всякаго чину людей «по примѣткамъ своимъ», т.-е. не соблюдали въ примѣненіи пытки ни нормъ, принятыхъ въ Уложеніи, ни правилъ и обычаевъ, выработанныхъ московской практикой; отсюда, во-вторыхъ, произошелъ прямой ущербъ интересамъ великаго государя: ясачные-инородцы да и русскіе бродячіе люди,

испугавшись воеводскихъ насилій и жестокостей, отошли въ китайскую сторону; слѣдовательно, такое общее ограниченіе пыточной компетенціи воеводъ было мѣрой исключительной.

Изъ другихъ слѣдственныхъ дѣйствій повальный обыскъ представляется розыскнымъ средствомъ, по-видимому, исключеннымъ изъ области свободной компетенціи воеводы; по крайней мѣрѣ, во всѣхъ случаяхъ, намъ извѣстныхъ (см. примѣчаніе 91), обращеніе къ этому средству совершалось по предписанію изъ Москвы; да и Уложеніе, упоминая о повальномъ обыскѣ при изслѣдованіи государственныхъ преступленій (II, 22), предвидитъ назначеніе его спеціальнымъ государевымъ указомъ въ отвѣтъ на челобитье стороны. Наконецъ, слѣдуетъ также отмѣтить, что въ привлеченіи къ розыску по государевымъ дѣламъ лицъ монашествующаго духовенства воевода былъ стѣсненъ слѣдующимъ формальнымъ порядкомъ: или онъ долженъ былъ обращаться къ высшимъ представителямъ церковной власти на мѣстахъ, чтобы они прислали нужныхъ ему людей «для подлиннаго розыска въ приказную избу (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, I) или же, что было чаще, воевода адресовался со своей отпиской въ Москву, и оттуда приходила государева грамота, обращенная къ церковнымъ или монастырскимъ властямъ, чтобы они, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или прислали воеводѣ вызываемыхъ имъ людей или сами явились къ нему «для распросу и сыску»; а воевода въ отвѣтъ на свою отписку увѣдомлялся, что о явкѣ къ нему нужныхъ по государеву дѣлу людей «посланъ властямъ государевъ указъ» [117]).

в. Наконецъ, практика государевыхъ дѣлъ богата и такими случаями, когда весь сыскъ въ полномъ его объемѣ изъемлется изъ рукъ воеводы и переносится въ Москву, при чемъ туда же посылаются «для подлиннаго розыска» и отвѣтственные участники государева дѣла, извѣтчикъ и обвиняемый, а въ случаяхъ важнѣйшихъ имъ сопутствуютъ и свидѣтели; послѣдніе, впрочемъ, были менѣе нужны для продолженія розыска: однажды распрошенные воеводой, они чаще всего совершенно выходили изъ процесса, между тѣмъ какъ извѣтчикъ и обвиняемый могли выступать безъ конца объектомъ пыточныхъ распросовъ и повторныхъ очныхъ ставокъ. Въ какихъ случаяхъ и по какимъ основаніямъ совершалось такое перенесеніе розыска, возникшаго у воеводы, въ производство централь-

ныхъ учрежденій? нужно сознаться, что вскрыть эти основанія въ неустойчивой практикѣ государевыхъ дѣлъ представляется дѣломъ труднымъ и методологически-опаснымъ; воздерживаясь, однако же, отъ мало-обоснованныхъ догадокъ и отъ рискованныхъ попытокъ обобщать единичные случаи, можно все-таки уловить и формулировать слѣдующія общія положенія. 1) Одностороннее и безконтрольное усмотрѣніе воеводы не разсматривалось, какъ само по себѣ достаточное основаніе для переноса дѣла въ Москву; воевода, по собственной иниціативѣ и безъ соображенія съ обстоятельствами дѣла отправившій его для подлиннаго розыска въ Москву, рисковалъ получить государевъ выговоръ за такое произвольное распоряженіе: «то ты учинилъ негораздо, что тѣхъ мужиковъ прислалъ къ намъ на подводахъ, тебѣ было писать о томъ къ намъ, *а къ Москвѣ не посылать, покамѣста къ тебѣ нашъ указъ будетъ*» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 36, листъ 424); сверхъ того, воеводѣ грозила и имущественная отвѣтственность за такую мѣру, принятую безъ достаточныхъ основаній: на немъ взыскивались «прогоны да подводы», т.-е. издержки по передвиженію участниковъ государева дѣла (Новомбергскій, I, 158, 419). Бывали и такіе случаи, что подсудимый, отправленный усмотрѣніемъ воеводы въ Москву, пересылался къ нему обратно для производства «подлиннаго розыска» (тамъ же, 34). Однимъ словомъ, воевода не имѣлъ права по своему безотчетному усмотрѣнію сбывать со своихъ рукъ розыскъ по государеву дѣлу, чѣмъ опять-таки съ опредѣленностью подчеркивалось, что это—его прямая и отвѣтственная служебная обязанность. 2) Но и челобитье стороны, чаще всего извѣтчика, ничуть не оправдывало воеводу въ перенесеніи дѣла въ Москву. Домогательства такого свойства выражались въ двухъ основныхъ формахъ: или это было слезное челобитье обвиняемаго, чтобы государь пожаловалъ его, велѣлъ дѣло «взять къ Москвѣ», или это было настойчивое упорство извѣтчика, заявлявшаго въ распросѣ передъ воеводой, что онъ ему «государева дѣла не скажетъ, а скажетъ то государево дѣло на Москвѣ, кому государь укажетъ». Въ обоихъ случаяхъ эти домогательства не разсматривались сами по себѣ, какъ достаточное основаніе для переноса розыска въ Москву, и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ оставались безъ удовлетворенія [118]); но домогательство перваго рода оканчивалось иногда «государевой милостью»,

когда государь, безъ учета всѣхъ обстоятельствъ дѣла, «жаловалъ» челобитчика, приказывалъ розыскъ взять въ Москву (Новомберг-скій, I, 231); а для домогательствъ второго типа московская практика выработала опредѣленный порядокъ, о которомъ намъ приходилось уже говорить: отъ упрямаго извѣтчика или требовали «извѣтное письмо за его или отца его духовнаго рукой», или приказывали воеводѣ «распросить его у пытки, а буде не скажетъ, и пытать»; и только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда упорная скрытность извѣтчика не измѣняла ему даже на повторныхъ пыткахъ, къ воеводѣ приходило распоряженіе отослать его въ Москву (Новомбергскій, I, 170, 218, 453); но этимъ еще ничуть не предрѣшался вопросъ о томъ, гдѣ будетъ производиться подлинный розыскъ по его извѣту, въ Москвѣ или въ провинціи, такъ какъ и послѣ распроса въ Москвѣ извѣтчика могли снова отослать къ воеводѣ. Однимъ словомъ, домогательства сторонъ въ государевомъ дѣлѣ могли быть *поводомъ* къ изъятію розыска изъ воеводской компетенціи, но не были истинной и рѣшающей причиной. 3) Послѣдняя заключалась лишь въ важности самаго дѣла, въ серьезности политическаго обвиненія, возбужденнаго извѣтчикомъ; въ этомъ отношеніи рѣзко обособляется группа «великихъ государевыхъ дѣлъ», въ которыхъ центральное правительство или воеводы усматривали умыселъ къ тяжкому политическому преступленію, главнымъ образомъ, къ измѣнѣ и къ «злому дѣлу на государево здоровье». Въ одномъ изъ дѣлъ встрѣчаемъ такую государеву грамоту въ отвѣтъ на отписку воеводы: «будетъ тотъ Богдашка такія непристойныя рѣчи говорилъ съ умышленья или еретичества, ты бы его прислалъ къ Москвѣ, а будетъ не съ умышленья, ты бы его свободилъ» (Архивъ, прик. стола № 184, листъ 221); такимъ образомъ, если въ основѣ непристойнаго слова открывается умыселъ къ «великому государеву дѣлу», то «прислать къ Москвѣ». Въ такихъ дѣлахъ и челобитье стороны о перенесеніи розыска въ Москву принималось властью въ уваженіе, и собственное распоряженіе воеводы въ этомъ же смыслѣ, если не одобрялось прямо, то по крайней мѣрѣ не вызывало возраженій (Новомбергскій, I, 2, 6, 413, 393, 523; Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 105, листы 55—70); но, самое главное, только въ этихъ дѣлахъ мы встрѣчаемся съ такими случаями перенесенія розыска въ Москву, въ ко-

торыхъ это распоряженіе опиралось на прямую и непосредственную инициативу самой центральной власти, безъ соотвѣтствующихъ челобитій извѣтчика или обвиняемаго и безъ односторонняго усмотрѣнія воеводы (Новомбергскій, I, 184, 435; Акты московскаго государства, II, 111, 159; Акты историческіе, III, 225; Архивъ, прик. стола № 105, листы 55—70, № 9, листы 86—111, № 928, листы 1—15, № 88, листы 1—87).

Но не во всѣхъ случаяхъ и «великія государевы дѣла» попадали на подлинный розыскъ въ Москву; тутъ опять-таки играли рѣшающую роль мало намъ понятныя соображенія объ относительной важности того или другого дѣла, съ трудомъ угадываемыя причины, обусловливавшія опредѣленную степень интереса къ тому или иному дѣлу, но вліяло также и сложное сцѣпленіе всякихъ другихъ обстоятельствъ, безъ труда улавливаемыхъ изъ ряда однородныхъ случаевъ. Во-первыхъ, по великимъ государевымъ дѣламъ воевода, какъ мы видѣли, пользовался правомъ обращаться къ пыткѣ по собственной иниціативѣ (при достаточныхъ къ тому процессуальныхъ основаніяхъ); если онъ успѣвалъ посредствомъ примѣненія пытки добиться сознанія въ основномъ фактѣ преступленія, то весь дальнѣйшій розыскъ оставался, обыкновенно, въ его рукахъ (Акты московскаго государства, I, 170, 171). Во-вторыхъ, дальніе сибирскіе воеводы, даже по важнымъ и выдающимся политическимъ преступленіямъ, не выпускали изъ своихъ рукъ подлиннаго розыска, вѣроятно, по той причинѣ, что передвиженіе всѣхъ участниковъ процесса въ далекую метрополію обходилось бы казнѣ слишкомъ дорого и вызывало бы много другихъ неудобствъ, вродѣ опасности побѣга подсудимыхъ съ пути и крайняго замедленія въ процессѣ (Памятники сибирской исторіи, I, 541). Въ-третьихъ, если «государево великое дѣло складывалось такъ, что исходъ его зависѣлъ единственно отъ показаній обыскныхъ людей, то становилось совсѣмъ безполезнымъ переносить розыскъ въ Москву (Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 318). За вычетомъ этихъ случаевъ можно установить общее правило, что по великимъ государевымъ дѣламъ правительство московское стремилось всю процедуру розыска неотложно перетягивать въ Москву; наоборотъ, дѣла по непристойному слову, не внушавшему опасеній въ тяжкомъ политическомъ умыслѣ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ переносились изъ про-

винціи на розыскъ въ Москву—въ видѣ «милости государевой» или по недосмотру воеводы.

III. Таковы были ограниченія розыскной компетенціи воеводы; какъ ни существенны они, воевода все-таки долженъ считаться и виднѣйшимъ и среди мѣстныхъ властей исключительнымъ органомъ, управомоченнымъ къ *розыску* по государевымъ дѣламъ. Но располагалъ ли онъ, сверхъ того, и властью *рѣшенія* въ кругу этихъ дѣлъ? Уложеніе, воеводскіе наказы и практика политическаго суда даютъ на это неоспоримо отрицательный отвѣтъ. Уложеніе, вообще говоря, не содержитъ законченныхъ постановленій объ органахъ политическаго суда, но о воеводахъ оно упоминаетъ въ двухъ статьяхъ (II, 22; VI, 6), и оба раза ограничиваетъ ихъ обязанности розыскомъ да отпиской государю, а для рѣшенія предписываетъ ждать «государева указу». Содержаніе воеводскихъ наказовъ также очень знаменательно въ этомъ отношеніи: какъ мы видѣли, они предоставляютъ воеводамъ очень широкія полномочія въ сферѣ розыска по политическимъ обвиненіямъ, но неизмѣнно кончаются предписаніемъ: «а розыскавъ, *отписать государю*, и тѣхъ людей извѣтчика и обвиняемыхъ) держать за приставомъ или за крѣпкими поруками *до государева указу*»; этой чертой характеризуются въ одинаковой степени и наказы до-уложенной эпохи и наказы второй половины XVII вѣка (Акты историческіе, III, 202; Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 239, листъ 192; Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 84); такая черта свойственна и наказамъ европейскихъ воеводъ и наказамъ дальне-сибирскихъ представителей власти (Полное собраніе законовъ, III, 244); наконецъ, это отсутствіе рѣшающей власти простирается и на приговоры обвинительные и на приговоры оправдательные, воевода лишенъ возможности и назначить наказаніе обвиняемому и покарать затѣйнаго обвинителя (тамъ же, 286). Что касается практики, то она не только каждой своей страницей свидѣтельствуетъ намъ ту мысль, что власть вершенія политическихъ дѣлъ принадлежитъ не воеводѣ, а другому органу, но по отдѣльнымъ дѣламъ подчеркиваетъ этотъ пробѣлъ воеводскихъ полномочій съ особенной ясностью. Такъ, мы наблюдаемъ рядъ случаевъ, когда воевода, розыскавъ допряма, не постановляетъ приговора даже по такимъ дѣламъ, гдѣ на-лицо полная опредѣленность уликъ, идеальная ясность дѣла въ смыслѣ

обвиненія или оправданія: даже тѣхъ «измѣнниковъ, пущихъ воровъ и заводчиковъ», которыхъ «*на бою возьмутъ*», воевода долженъ былъ только «сажать въ тюрьму и писать государю», но не смѣлъ ихъ вершить собственной властью безъ государева указу (Полное собраніе законовъ, III, 244; Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 165); съ другой стороны, и при полномъ отсутствіи уликъ, когда дѣло, начатое по извѣту бездоказательному, не дало и въ розыскѣ никакихъ уликъ противъ обвиняемаго, воевода все-таки «не смѣетъ его отпустить безъ государева указу» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 385, листы 271—278); если мы примемъ во вниманіе, что послѣдній примѣръ относится къ эпохѣ послѣ Уложенія (1668), то приходится отмѣтить знаменательную черту различія между правами, которыя имѣлъ въ эту эпоху воевода относительно тяжкихъ уголовныхъ преступленій, и его же правами въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ: по ст. 104, XXI Уложенія воеводы и губные старосты располагали правомъ «изъ тюремъ выпускать, къ Москвѣ объ указѣ не писавъ», такихъ тюремныхъ сидѣльцевъ, до которыхъ «разбойнсе, татиное или душегубное дѣло не дойдетъ».— Очень характерно, что если воевода, отписывая въ Москву, просилъ для себя полномочій рѣшать опредѣленную группу политическихъ дѣлъ или просто излагалъ свое затрудненіе, что «приводятъ къ нему зарубежныхъ бѣглецовъ, а онъ имъ большого наказанья чинить не смѣетъ»,—онъ никогда не получалъ изъ Москвы отвѣта, содержавшаго просимое или нужное полномочіе, а ему по прежнему предписывали «разпрашивать, розыскивать и государю о томъ писать» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 105, листъ 128). Воеводѣ не разрѣшается также вершить и въ полной мѣрѣ аналогичныхъ дѣлъ, по одному изъ которыхъ только что послѣдовала государева грамота: въ 1686 году, по отпискѣ курскаго воеводы, великіе государи указали двухъ казаковъ, ходившихъ въ Польшу безъ разрѣшенія и служившихъ польскому королю, сослать на вѣчное житье въ Архангельскъ, «и буде впредь такіе воры въ Курску объявятся, ихъ распрашивать, держать за крѣпкимъ карауломъ и *великимъ государямъ о томъ писать*» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 301). Даже воеводы дальнихъ сибирскихъ городовъ не пользуются правомъ вершить политическія дѣла; такого полномочія, какъ мы видѣли, не

предоставлялось имъ въ наказахъ, и потому въ 1662 году тобольскій воевода сдѣлалъ такой выговоръ воеводѣ березовскому, повѣсившему собственной властью 16 остяковъ за измѣну и шатость: «велѣно тебѣ измѣну провѣдывать, и остяковъ, которые объявятся въ измѣнномъ дѣлѣ, для подлиннаго сыску прислать въ Тобольскъ, а безъ указу великаго государя казнить тѣхъ остяковъ тебѣ не велѣно, а ты указу не послушалъ» (Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 310).

Но практика являетъ намъ также рѣдкіе примѣры такихъ дѣлъ, по которымъ воевода выступаетъ, какъ органъ, постановляющій рѣшеніе. Такъ, воевода собственной властью наказываетъ иногда такого затѣйнаго извѣтчика, который, сказавъ за собой государево слово, въ первомъ же распросѣ сознается, что онъ «затѣялъ государево слово пьянымъ обычаемъ или избывая побоевъ»; самостоятельныя воеводскія рѣшенія по такимъ дѣламъ попадаются какъ въ эпоху, предшествовавшую Уложенію (Новомбергскій, I, 446, 447), такъ и въ періодъ дѣйствія Уложенія, и въ послѣднемъ случаѣ воеводы, постановляя приговоръ, прямо ссылаются на соотвѣтствующую статью кодекса, именно ст. 14, II (тамъ же, 265; Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 34). Эти случаи еще не имѣютъ, въ сущности, прямого касательства къ розыску по государственнымъ преступленіямъ, такъ какъ извѣтъ лишенъ конкретныхъ указаній на опредѣленное преступное дѣяніе и, къ тому же, незамедлительно опровергнутъ собственнымъ признаніемъ извѣтчика; а всѣ другіе случаи самостоятельныхъ воеводскихъ рѣшеній лишь иллюстрируютъ справедливость стараго изреченія, что исключеніями подтверждается общее правило. Въ 1683 году сибирскимъ воеводамъ дано было такое полномочіе: если стрѣльцы, сосланные «за непристойныя и московскаго смутнаго времени похвальныя слова», начнутъ «то дѣло опять заводить и всчинать», то воевода долженъ «чинить имъ указъ по статьямъ, каковы даны въ стрѣлецкіе полки, *не описываясь къ великимъ государямъ*»; а «статьи» эти заключались въ объявленіи стрѣльцамъ, что «буде кто изъ нихъ, презрѣвъ милость, учнетъ въ какомъ мѣстѣ нибудь прежнее дѣло затѣвать», того казнить смертью (Собраніе грамотъ и договоровъ, IV, 472); такимъ образомъ, воеводская юрисдикція ограничена была особеннымъ случаемъ—рецидивомъ стараго преступленія, чѣмъ безъ дальнѣйшихъ разъясненій

доказывается ея исключительный характеръ. Въ самомъ концѣ XVII вѣка нѣкоторымъ воеводамъ по наказу было предоставлено полномочіе вершить собственной властью «измѣнныя дѣла», но условія, которыми обставлено было осуществленіе этого полномочія, также свидѣтельствуютъ объ исключительномъ его характерѣ: а) воевода могъ примѣнять это полномочіе только въ такихъ случаяхъ, когда «за дальнимъ разстояніемъ описываться и вдаль откладывать опасно» или «за причиной скораго измѣннаго дѣла писать не успѣть»; б) но «какіе указы по которымъ дѣламъ учинены будутъ», о томъ воевода обязанъ «немедленно къ великому государю отписать»; в) наконецъ, давая воеводамъ экстроординарное полномочіе, правительство стремится установить и гарантіи справедливости воеводскихъ приговоровъ; въ одномъ наказѣ содержится оговорка, что приговоръ долженъ быть постановленъ «по Уложенію и по статьямъ» (Полное собраніе законовъ, III, 286), а въ другомъ вводится еще болѣе своеобразная гарантія: воевода обязанъ «чинить въ такихъ дѣлахъ по своему разсмотрѣнію», но «*по совѣту съ лучшими тамошними людьми*» (тамъ же, 335). Основаніемъ этихъ исключительныхъ полномочій были въ такой же степени исключительныя обстоятельства: въ одномъ случаѣ передъ государственной властью стояла неотложная надобность быстрой и энергичной расправой усмирить непокорныхъ инородцевъ, а въ другомъ пограничную власть приходилось вооружать чрезвычайными полномочіями въ виду надвигающейся войны со Швеціей[119]).

§ 2.

Государь и дума боярская.

1. Рѣшающая власть въ кругу государевыхъ дѣлъ принадлежитъ органамъ верховной власти: а) въ эпоху безгосударности „всей землѣ“, б) въ исключительно-важныхъ случаяхъ земскому собору, в) при политическомъ возвышеніи патріаршей власти государю и патріарху, г) при двойственности царской власти обоимъ государямъ, д) при условіяхъ обычныхъ и нормальныхъ государю и думѣ боярской; это доказывается текстомъ Уложенія и наблюденіемъ надъ практикой; въ „помѣтахъ“ по государевымъ дѣламъ—формулы московскихъ законодательныхъ органовъ; различіе формулъ; практическая обстановка, имъ соотвѣтствующая.—II. Соотношеніе судебной власти государя и думы боярской: а) самостоятельная компетенція думы, ея объемъ, роль боярской думы въ оправдательныхъ приговорахъ; б) предѣлы единоличной компетенціи государя, запись Шуйскаго объ обязательномъ „судѣ съ бояры“, вопросъ о записи царя Михаила, гипотеза о ея судебномъ содержаніи, подтверждаемая практикой, постоянное участіе думы въ политическихъ дѣлахъ, угрожающихъ смертной казнью и конфискаціей, формула „по приговору всѣхъ бояръ“; соотношеніе государя и думы послѣ Михаила Ѳеодоровича.—III. Роль государя и думы боярской въ розыскѣ по политическимъ дѣламъ: а) руководство сыскомъ воеводы, б) руководство сыскомъ въ Москвѣ, в) непосредственное производство судебнаго слѣдствія государемъ или думой.—IV. Пересмотръ рѣшеннаго политическаго дѣла; архивный примѣръ, иллюстрирующій эту процедуру.

I. Если воевода въ московскомъ государствѣ не располагалъ властью выносить приговоры по политическимъ обвиненіямъ, то какіе же другіе органы осуществляли эту судебную функцію? и практика XVII вѣка и Соборное Уложеніе, въ согласіи другъ съ другомъ, даютъ на это точный и опредѣленный отвѣтъ: рѣшающей инстанціей въ сферѣ политическаго суда выступалъ государь да «бояре». Такъ какъ эти органы въ ту эпоху представляли собой и верховную государственную власть, то мы въ правѣ выдвинуть болѣе общую формулу: функцію политическаго суда осуществляла въ XVII вѣкѣ сама верховная власть московскаго государства; это обобщеніе подтверждается еще и тѣмъ, что за всю эту эпоху не исключительно государь и бояре выступаютъ судебно-рѣшающими органами въ кругу государственныхъ преступленій, а ихъ замѣняютъ или къ нимъ пріобщаются и всѣ иные органы, которыхъ волна исторической жизни поднимаетъ на степень участниковъ или распорядителей верховной государственной власти. а) Такъ, въ эпоху безгосударности, когда вся полнота политической власти естественно стянулась въ сторону самой «земли», именно она-то и выступаетъ въ роли рѣшающаго

органа по государственнымъ преступленіямъ; въ приговорѣ ляпуновскаго ополченія отъ 1611 года было постановлено: «кто на кого скажетъ какое измѣнное земское дѣло, а про то сыскивать въ правду, а по сыску наказанье и смертную казнь чинить бояромъ, *поговоря со всей землей*, а не объявя всей землѣ, смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылать». б) Выдвинутая Смутнымъ временемъ на аванъ-сцену государственной жизни политическая сила «земли» нашла себѣ подходящую внѣшнюю форму въ видѣ земскихъ соборовъ, созываемыхъ въ минуты острыхъ политическихъ надобностей; земскій соборъ, даже не имѣя твердыхъ юридическихъ очертаній, становился могущественнымъ участникомъ верховной государственной власти и въ этомъ качествѣ пріобщался иногда къ функціямъ политическаго суда; такъ, въ 1605 году Лжедимитрій созвалъ соборъ для суда надъ кн. Василіемъ Шуйскимъ, обвинявшемся въ измѣнныхъ происках противъ новаго царя; въ 1613 году важнаго политическаго преступника «Андронова съ товарищи» предполагалось «вершить по его злодѣйствамъ, какъ всякихъ чиновъ и черные люди объ немъ приговорятъ»; а въ 1698 году, по разсказу Корба, царь Петръ далъ порученіе «собору всякихъ чиновъ» вынести приговоръ недавней полновластной правительницѣ, обвиненной въ «подысканіи подъ государство московское». в) Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда «нераздѣльное государское величество» представляется двумя лицами, государемъ и патріархомъ, послѣдній также выступаетъ, какъ судебный органъ въ кругу политическихъ обвиненій, и притомъ не только по такимъ дѣламъ, въ которыхъ затрогивается его собственная особа или въ которыхъ политическій характеръ перемѣшивается съ чертами противоцерковнаго преступленія (Новомбергскій, I, 55; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 33), но и по такимъ, въ которыхъ рѣчь идетъ исключительно объ «измѣнѣ» или объ оскорбленіи государевой чести (тамъ же, 266; Дворцовые разряды, I, 640). г) Наконецъ, когда престолъ московскаго государства занимаютъ два царя, и составъ верховной власти осложняется, сверхъ того, участіемъ правительницы,—формула судебныхъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ включаетъ въ себя указаніе на этихъ трехъ лицъ: «великіе государи и сестра ихъ великая государыня указали» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 301, XI, 308).

Но всѣ эти явленія отмѣчены были временнымъ и исключительнымъ характеромъ; въ обычныхъ и здоровыхъ условіяхъ государственной жизни единственными постоянными органами верховной власти выступаетъ государь и бояре. Поэтому ихъ участіе въ производствѣ государевыхъ дѣлъ, ихъ значеніе рѣшающей инстанціи замѣтнѣе всего окрашиваетъ собой всю картину московскаго политическаго суда; и Уложеніе и судебная практика той эпохи изобилуютъ въ этомъ смыслѣ безспорными и краснорѣчивыми указаніями

Уложеніе во второй главѣ не однажды упоминаетъ о государѣ, какъ органѣ политическаго суда, и пріурочиваетъ его участіе именно къ заключительной стадіи производства — приговору или «вершенію». Государь «жалуетъ на прожитокъ» семьѣ осужденнаго измѣнника (7, II), и онъ же «указываетъ государево жалованье» тому, кто измѣнника, догнавъ на дорогѣ, убьетъ или «приведетъ къ государю» (15, II); наконецъ, ст. 12, II предусматриваетъ непосредственное рѣшеніе государя по такому дѣлу, въ которомъ розыскъ протекаетъ безъ уликъ и безъ свидѣтелей. Но самое важное указаніе на верховную власть, какъ на органъ политическаго суда, содержится не во второй, а въ двадцатой главѣ Уложенія: «будетъ кто измѣнитъ, изъ московскаго господарства отъѣдетъ въ иное господарство, а послѣ его людемъ его *по государеву указу и по боярскому приговору дана будетъ воля*, и съ воли они бьютъ челомъ кому въ холопство, а послѣ того измѣнникъ изъ измѣны воротится, и ему до тѣхъ людей, которымъ безъ него дана будетъ воля, дѣла нѣтъ» (XX, 33). На что указываютъ эти слова: «по государеву указу и по боярскому приговору»? не на законодательный актъ, очевидно, потому что они пріурочиваются къ будущему («дана будетъ воля»), а *на судебный приговоръ*; стало-быть, въ нихъ заключено указаніе на органъ, постановляющій рѣшенія по политическимъ дѣламъ: это есть государь и дума боярская.

Практика XVII вѣка подтверждаетъ этотъ выводъ, основанный на текстѣ Уложенія. Во-первыхъ, изъ нея мы убѣждаемся, что сами участники государевыхъ дѣлъ глубоко проникнуты тяготѣніемъ къ непосредственной царской юрисдикціи: извѣтчики стремятся сообщить свой извѣтъ «государю самому или кому государь укажетъ», обвиняемые неустанно бьютъ челомъ, чтобы «велѣлъ государь доложить себя, государя». Во-вторыхъ, вся роль прика-

зовъ, куда дѣло поступаетъ отъ воеводы или гдѣ оно возникаетъ впервые, сводится послѣ окончанія розыска къ составленію «выписки въ докладъ» безъ тѣни рѣшающаго участія (см. объ этомъ ниже). Въ-третьихъ (и это самое главное), «помѣты» о приговорахъ по государевымъ дѣламъ отпечатлѣваютъ на себѣ неоспоримые слѣды живой и непосредственной дѣятельности двухъ органовъ верховной власти, государя и думы боярской; «помѣта» не есть глухая ссылка на «государевъ указъ и боярскій приговоръ», которой пестрятъ всѣ государевы грамоты и которая отнюдь не служитъ, всегда и непремѣнно, безспорнымъ доказательствомъ личнаго участія верховной власти; «помѣта» въ точности соотвѣтствуетъ самому моменту постановки приговора и, такъ сказать, фотографически запечатлѣваетъ волеизъявленіе власти, дѣйствительно постановляющей приговоръ; поэтому въ «помѣтахъ» по государевымъ дѣламъ одна за другой проходятъ предъ нами традиціонныя формулы московскаго государственнаго права, отражающія въ различныхъ сочетаніяхъ личную и непосредственную дѣятельность двухъ органовъ верховной власти, государя и думы боярской: 1) государь указалъ и бояре приговорили, 2) по государеву указу бояре приговорили, 3) указалъ государь быть по сему боярскому приговору; сверхъ того, столь же часто фигурируютъ и двѣ другія формулы, указывающія на отдѣльное и единоличное рѣшеніе того или другого органа: 4) «государь указалъ», 5) «бояре приговорили»—безъ ссылки на государевъ указъ [120]). Практическая обстановка, соотвѣтствующая первымъ двумъ формуламъ, хорошо изслѣдована Вламірскимъ-Будановымъ (на основаніи болѣе широкаго матеріала): или дѣло рѣшается въ одновременномъ и совмѣстномъ засѣданіи думы и царя, или дума рѣшаетъ одна по предварительному полномочію царской власти (Обзоръ, 172—177, примѣчанія). Что касается третьей формулы, по рѣдкости своей наиболѣе скудно обслѣдованной въ литературѣ, то по нашимъ наблюденіямъ она соотвѣтствуетъ такому судебному или законодательному порядку: государь, не давая полномочій рѣшать, «указываетъ *боярамъ поговорить между собой*» или сами бояре, затрудняясь постановить рѣшеніе безъ государева указу, ограничиваются тѣмъ, что «говорятъ межъ собой»; такимъ образомъ составляется *мнѣніе боярской думы*, которое получаетъ затѣмъ санкцію государя въ формулѣ «указалъ государь

учинить по сему боярскому приговору»; изъ судебно-политическихъ процессовъ той эпохи приведемъ одинъ характерный примѣръ: «по указу великаго государя Ѳедора Алексѣевича бояре всѣ, слушавъ дѣла объ измѣнѣ Прошки Кропотова съ товарищи, въ столовой *говорили*, чтобы Прошку съ братомъ за измѣну казнить смертью, а товарищей его сослать въ Сибирь, а помѣстья и вотчины роздать челобитчикамъ; того жъ числа великій государь, слушавъ боярскаго приговора, *указалъ учинить о томъ о всемъ по тому боярскому приговору*» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 1029, листы 1—3, 74—78). Однако, практическая обстановка, соотвѣтствующая каждой изъ этихъ формулъ, представляется намъ менѣе важной, чѣмъ рядъ другихъ вопросовъ, естественно возникающихъ у изслѣдователя, когда онъ сталкивается съ формулами самостоятельныхъ и раздѣльныхъ рѣшеній государя съ одной стороны (4) и боярской думы съ другой (5): во-первыхъ, замыкается ли какими-либо опредѣленными границами примѣненіе формулы «государь указалъ» и можно-ли, внѣ этихъ границъ, уловить какіе-нибудь слѣды обязательнаго участія думы боярской; во-вторыхъ, означаетъ ли формула «бояре приговорили», безъ ссылки на государевъ указъ,—что существуетъ опредѣленный кругъ случаевъ и дѣлъ, въ которыхъ дума боярская располагаетъ правомъ самостоятельно постановлять рѣшенія безъ предварительнаго уполномочія и безъ послѣдующей санкціи государя?

II. Послѣдній вопросъ разрѣшается всего проще и яснѣе. Если отбросить исключительные случаи, когда дума, естественно и неизбѣжно, становилась единымъ политическимъ центромъ (при междуцарствіи или въ малолѣтство государя), то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ лаконическая формула «бояре приговорили» неопровержимо свидѣтельствуетъ о правѣ боярской думы самостоятельно вершить политическія дѣла. Въ особенности отъ первыхъ годовъ царствованія Михаила Ѳедоровича дошло до насъ не одно такое дѣло, въ которомъ «бояре приговариваютъ за измѣну казнить смертью», и во всемъ производствѣ нельзя уловить ни малѣйшаго указанія ни на предварительный государевъ указъ ни на послѣдующую государеву санкцію (Акты московскаго государства, I, 170, 171, 173); въ позднѣйшіе годы дума самостоятельно рѣшаетъ дѣла по извѣтамъ въ непристойномъ словѣ, изъ которыхъ нѣкоторые кончались

для обвиняемыхъ не только батогами и кнутомъ, но даже ссылкой и урѣзаніемъ языка (Новомбергскій, I, 3, 186, 310, 582); наконецъ, и въ дѣлахъ о прописке государева именованья мы встрѣчаемъ неоспоримые случаи самостоятельныхъ боярскихъ рѣшеній (Акты московскаго государства, III, 331). Однако, нѣкоторыя черты судопроизводственной практики тѣхъ временъ заставляютъ насъ съ осторожностью раздвигать границы самостоятельныхъ судебно-политическихъ рѣшеній этого верховнаго трибунала. Во-первыхъ, въ движеніи государева дѣла мы наблюдаемъ иногда такую картину: розыскъ направляется совмѣстными указаніями государя и думы, напримѣръ: «указалъ государь и бояре приговорили Михайлу Таптыкова въ измѣнѣ пытать»,—а въ окончательномъ рѣшеніи фигурируетъ только «боярскій приговоръ» безъ всякаго упоминанія о государевомъ указѣ: «бояре приговорили Михайла за измѣну повѣсить, и по боярскому приговору онъ повѣшенъ» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 9); этотъ примѣръ (и нѣкоторые другіе) внушаютъ намъ убѣжденіе, что лаконическая формула «бояре приговорили» не всегда указываетъ на самостоятельное боярское рѣшеніе, а въ иныхъ случаяхъ должна разсматриваться, какъ плодъ неточности и погрѣшности московскаго приказнаго языка. Во-вторыхъ, въ практикѣ государевыхъ дѣлъ мы улавливаемъ такую характерную тенденцію: по обвиненіямъ наиболѣе тяжкимъ, угрожающимъ смертной казнью, «боярскому приговору» отводится функція назначенія суровой кары, а «государеву указу» предоставляется благодарная роль смягчать эту суровость проявленіемъ «милости государевой»; эту черту мы извлекаемъ изъ государевыхъ грамотъ, которыя составляются иногда по такому шаблону: «и за ту вину *бояре наши приговорили* казнить его смертью, а мы, великій государь, по своему милосердому разсмотрѣнію на милость положили, казнить его не указали» (Архивъ, новгородскаго стола столбецъ № 272, листъ 25; Полное собраніе законовъ, I, 602); намъ приходилось уже выяснять, что такое помилованіе безъ челобитья было, по существу, составной и даже основной частью приговора, а отнюдь не послѣдующимъ его измѣненіемъ; это заставляетъ предположить, что и самый приговоръ въ такихъ случаяхъ постановлялся не однимъ только боярскимъ разсмотрѣніемъ, а вкупѣ съ государевымъ указомъ. Наконецъ, отмѣтимъ еще одно наблюденіе на-

счетъ самостоятельной компетенціи думы боярской: бояре чувствуютъ себя болѣе связанными въ произнесеніи оправдательныхъ вердиктовъ, чѣмъ вердиктовъ обвинительныхъ; въ 1635 году на дьякона Акима извѣщалъ муромскому воеводѣ тюремный сидѣлецъ Тарховъ, что тотъ дьяконъ «являлъ при немъ государево дѣло»; дьяконъ это отрицалъ, и свидѣтели, имъ указанные, опровергли извѣтъ; бояре, «слушавшіе» это дѣло, вмѣсто того, чтобы постановить рѣшеніе, «*поговорили, какъ государь укажетъ*»; государь вынесъ дьякону оправдательный вердиктъ (Акты московскаго государства, II, 5); по дѣлу Михайлы Таптыкова, гдѣ, кромѣ него самого, замѣшаны были два его холопа и племянникъ, бояре постановили такое рѣшеніе: «Михайлу Таптыкова за измѣну повѣсить, что онъ самъ на себя въ распросѣ и съ пытокъ сказывалъ, *а про умышленіе и отъѣздъ его никто никакъ не вѣдалъ*»; такимъ образомъ, бояре въ своемъ приговорѣ ограничились лишь констатированіемъ *факта*, устраняющаго виновность («не вѣдали»), а произнести оправдательный вердиктъ на основаніи этого факта предоставили государю; дѣйствительно, «по государеву указу» всѣ остальные обвиняемые, кромѣ Таптыкова, были освобождены и не потерпѣли наказанія; не напоминаетъ-ли эта процессуальная картинка XVII вѣка современное намъ раздѣленіе судебныхъ коллегій на «судей факта» и «судей права»? Нѣкоторый свѣтъ на это стѣсненіе боярской юрисдикціи проливаетъ не однажды нами цитированная ст. 12-я второй главы Уложенія: если извѣтчикъ «ничѣмъ не уличаетъ» обвиняемаго, и «свидѣтелей не поставитъ», то «учинить указъ по разсмотрѣнію, *какъ государь укажетъ*»; слѣдовательно, боярская дума не можетъ выносить оправдательнаго вердикта, когда нѣтъ на-лицо неоспоримыхъ и совершенныхъ съ тогдашней точки зрѣнія доказательствъ невиновности, напримѣръ, отсутствуетъ сознаніе затѣйнаго извѣтчика; въ такихъ случаяхъ дѣло поступаетъ на непосредственное усмотрѣніе государя, и онъ «указываетъ», прибѣгнуть ли къ пыткѣ для полученія совершеннаго доказательства или по маловажности дѣла да еще при наличности свидѣтельскихъ показаній въ пользу обвиняемаго можно вынести ему безъ отлагательства оправдательный вердиктъ.

Однако, весь укладъ московскихъ политическихъ отношеній, глубоко-монархическія традиціи московскаго государственнаго строя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самостоятельная ком-

петенція боярской думы опиралась на подразумѣваемое согласіе царя и безъ такого согласія ни одинъ боярскій приговоръ не могъ быть исполненъ. Но, спрашивается, можно ли указать опредѣленный кругъ дѣлъ, по которымъ *царь былъ обязанъ испрашивать согласіе думы* и въ которыхъ, слѣдовательно, послѣдняя выступаетъ, какъ обязательная участница верховной юрисдикціи государя? Этотъ вопросъ приходится выдвинуть потому, что идея такого обязательнаго участія думы не чужда правосознанію XVII вѣка; мы знаемъ, что въ запись царя Василія Шуйскаго введено было обязательство привлекать боярскую думу къ суду по наиболѣе тяжкимъ дѣламъ, угрожающимъ смертной казнью и конфискаціей; мы знаемъ также, что рядъ источниковъ приписываетъ и царю Михаилу подневольную выдачу записи съ такимъ же содержаніемъ (Татищевъ, Фокеродтъ). Если, отбрасывая слишкомъ широкія ея толкованія (объ обязательномъ участіи земскаго собора), мы остановимся на этой послѣдней гипотезѣ о ея судебномъ по преимуществу значеніи, то практику политическихъ дѣлъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича приходится учесть, какъ одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу существованія такой записи: всѣ извѣстные намъ приговоры, назначающіе смертную казнь или конфискацію, постановлены были въ эту эпоху при несомнѣнномъ участіи думы боярской [121]); только по дѣлу Салтыковыхъ, обвиненныхъ въ «измѣнномъ» оклеветаніи царской невѣсты Хлоповой, мы наблюдаемъ какъ бы отступленіе отъ этого порядка: «*государь и патріархъ велѣли* послать васъ по деревнямъ, а помѣстья ваши и вотчины отписать на себя, государя»; но это лишь недомолвка или случайная погрѣшность источника, потому что нѣсколькими строчками выше читаемъ, какъ государь *съ боярами* распрашивалъ, розыскивалъ и съ очей на очи ставилъ (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 257—266). Въ 1624 году о князѣ Иванѣ Голицынѣ, провинившемся въ строптивомъ мѣстничествѣ на государевой свадьбѣ, «велѣлъ государь сказать бояромъ, и *бояре говорили, что князь Иванъ достоинъ всякаго наказанья и разоренья*»; тогда «государь и патріархъ указали вотчины и помѣстья отписать на государя, а князя Ивана сослать въ Пермь» (Дворцовые разряды, I, 64). Въ 1613 году помянутый выше Андроновъ «приказывалъ ко князю Волконскому», чтобы «упросилъ онъ бояръ» позволить ему, Андронову, постричься;

Волконскій отвѣчалъ, что «въ томъ воленъ Богъ да *государь да бояре*» (Соловьевъ, кн. II, 1295). Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ эту именно эпоху встрѣчаемъ ссылку на «*приговоръ всѣхъ бояръ*» (напримѣръ, въ дѣлѣ Шеина), что напоминаетъ намъ объ обязательствѣ королевича Владислава «судить праведнымъ судомъ со *всѣми боярыи*». Однимъ словомъ, какъ общія наблюденія надъ судебно-политической практикой тѣхъ временъ, такъ и мимолетныя указанія, вылавливаемыя изъ отдѣльныхъ дѣлъ, убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ, что дума боярская была неизмѣннымъ и какъ бы необходимымъ органомъ суда по наиболѣе тяжкимъ политическимъ обвиненіямъ. Наоборотъ, въ многочисленныхъ дѣлахъ о непристойномъ словѣ, кончавшихся тюрьмой или кнутомъ, лаконическая формула «государь указалъ» фигурируетъ столь же часто, какъ и всѣ формулы, указывающія на совмѣстную дѣятельность думы и царя.

Съ воцаренія Алексѣя Михайловича и особенно со второй половины XVII вѣка эта картина соотношенія двухъ верховныхъ органовъ въ сферѣ политическаго суда существенно и рѣзко нарушается. Уложеніе, правда отразило еще на своихъ постановленіяхъ взглядъ на думу боярскую, какъ на постоянный органъ въ вершеніи тяжкихъ политическихъ дѣлъ: цитированная уже нами ст. 33, XX предусматриваетъ для дѣлъ объ измѣнѣ «государевъ указъ и боярскій приговоръ»; но практика позднѣйшихъ лѣтъ являетъ намъ уже не одинъ примѣръ назначенія смертной казни и конфискаціи единоличнымъ рѣшеніемъ царской власти безъ всякой ссылки на приговоръ бояръ.

III. Если органы верховной власти, дѣйствуя раздѣльно или совмѣстно, выносили приговоры по политическимъ дѣламъ, то и о сыскѣ приходится сказать, что онъ зачастую, по крайней мѣрѣ, протекалъ не безъ виднаго ихъ участія; можно указать три основныхъ формы, въ которыхъ это участіе проявлялось.

а. Органы верховной власти, государь и дума боярская, руководятъ сыскомъ, производимымъ воеводой; съ формальной стороны это руководство выражается или въ отвѣтахъ на воеводскія отписки, что было чаще всего, или въ резолюціяхъ по челобитьямъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (Новомбергскій, I, 33); а со стороны содержанія руководство это проявляется: въ предписаніи начать розыскъ, когда извѣтъ, напримѣръ, заявленъ непосредственно царю

(Акты московскаго государства, II, 47); въ спеціальномъ назначеніи воеводы для сыска по данному дѣлу (напр., если извѣтъ заявленъ на мѣстнаго воеводу); въ разрѣшеніяхъ воеводѣ на производство отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, чаще всего пытки (см. § 1); въ измѣненіи мѣры пресѣченія обыкновенно на болѣе легкую (см. стр. 219); въ указаніи предметовъ и пунктовъ распроса, что выражалось иногда въ очень подробныхъ наставленіяхъ: «указалъ государь Томилка Михайлова въ измѣнѣ пытать, кто съ нимъ въ думѣ былъ, какъ за рубежъ побѣжалъ, для чего изъ-за рубежа вышелъ, не для лазутчества ли какого» (Акты московскаго государства, I, 271) или—«указалъ государь тюремнаго сидѣльца распросить накрѣпко, для чего онъ про то дѣло многое время молчалъ и не затѣялъ ли про то слово, чтобы изъ тюрьмы выйти, и какихъ десять царей тотъ крестьянинъ Гараська поминалъ, и кто тутъ былъ и тѣ рѣчи слышалъ и кому о томъ подлинно вѣдомо, обо всемъ распросить и сыскать всякими сыски накрѣпко и государю отписать» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 22, листъ 203); съ неменьшими подробностями излагаются иногда въ государевыхъ грамотахъ наставленія воеводамъ о послѣдовательномъ порядкѣ въ примѣненіи розыскныхъ средствъ по отдѣльному дѣлу, о производствѣ повторныхъ распросовъ и пытокъ до полученія совершеннѣйшаго изъ доказательствъ включительно, напримѣръ: «указалъ великій государь, про неистовое слово тюремныхъ сидѣльцевъ распроса, пытать сначала извѣтчика церковнаго татя Лукьянова, впрямь ли Пронька Козулинъ молвилъ такое слово Ивашкѣ Татарину; да будетъ извѣтчикъ скажетъ противъ прежняго своего извѣта, пытать въ неистовомъ словѣ и Проньку и Ивашку; да будетъ Пронька повинится, ему урѣзать языка, а будетъ сыщется, что затѣяли напрасно, отписать къ нему, государю, тотчасъ» (Полное собраніе законовъ, I, 592). Такое дѣятельное и подробное руководительство воеводскимъ розыскомъ осуществляется не только единоличными рѣшеніями царской власти, но и совмѣстными приговорами съ думой боярской (Новомбергскій, I, 169) и даже самостоятельными постановленіями послѣдней (Акты московскаго государства, 170, 173); притомъ нельзя уловить никакихъ обязательныхъ или привычныхъ границъ, раздѣляющихъ область руководства совмѣстнаго отъ руководства единоличнаго.

б. Если производство государева дѣла сосредоточено въ Москвѣ, то органы верховной власти, опять-таки совмѣстно или раздѣльно, осуществляютъ еще болѣе дѣятельное, еще болѣе подробное руководительство сыскомъ, производимымъ въ приказѣ или въ комиссіи особо назначенныхъ къ тому лицъ; послѣдняя мѣра примѣнялась по единоличному рѣшенію государя и, притомъ, лишь для тяжкихъ политическихъ обвиненій (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 1029, листы 1—3, № 9, листы 86—111). Отъ руководительства воеводскимъ розыскомъ эта форма судебно-розыскного участія органовъ верховной власти отличается тѣмъ, что весь сыскъ во всемъ своемъ теченіи, отъ перваго до послѣдняго дѣйствія, подпадаетъ непосредственному руководительству государя и думы боярской, между тѣмъ какъ воевода значительнѣйшую часть различныхъ мѣръ предпринимаетъ по собственной иниціативѣ. Чтобы избавить воеводу отъ необходимости повторныхъ отписокъ и устранить происходящія отсюда затяжки дѣла, государь или бояре въ одномъ формальномъ актѣ, въ одной государевой грамотѣ, опредѣляютъ *наперед* чуть не всю послѣдовательность розыскныхъ дѣйствій; а по дѣлу, производящемуся въ Москвѣ, результаты *каждой мѣры розыска* докладываются верховной власти, и отъ нея исходитъ рѣшеніе о мѣрахъ розыска дальнѣйшаго, напримѣръ: «указали великіе государи распопа Самошку по извѣтному письму распросить въ застѣнкѣ и пытать; того жъ числа Самошка распрашиванъ и пытанъ, а съ пытки говорилъ, что за великихъ государей заказывалъ ему Бога не молить Кирюшка; мая 6-го великіе государи указали во всемъ, что онъ съ пытки говорилъ, дать ему съ Кирюшкой очную ставку» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 210).

в. Наконецъ, въ дѣлахъ исключительной важности или особеннаго интереса мы встрѣчаемъ не руководительство сыскомъ, а *непосредственное производство судебнаго слѣдствія* органами верховной власти; это происходитъ или въ формѣ совмѣстной слѣдственной дѣятельности государя и думы или въ формѣ государева уполномочія думѣ «распросить и розыскать». Что такое уполномочіе дается думѣ, какъ цѣлостному учрежденію, а не отдѣльнымъ ея членамъ, это выясняется изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ 1653 году «указалъ государь вора и самозванца Тимошку Анкидинова распрашивать и пытать, а у пытки *быть бояромъ всѣмъ*» (Дополненія

къ актамъ историческимъ, III, 263); по дѣлу лже-царевича Симеона «государь указалъ везти измѣнника съ товарищи на земскій дворъ *къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ* для распроса и пытокъ» (Дворцовые разряды, III, 1019). Самымъ яркимъ примѣромъ совмѣстной слѣдственной дѣятельности царя и думы можетъ служить дѣло окольничаго Зюзина, обвинявшагося въ «возмущеніи народа» написаніемъ подложнаго письма якобы отъ имени царя бывшему патріарху Никону: «великій государь того письма передъ властьми и *съ бояры слушалъ*, и письмо тебѣ, Никитѣ, изволилъ *казать и распрашивать*, и ты при боярехъ великому государю вину свою принесъ» (Полное собраніе законовъ, I, 602).

IV. Участіемъ органовъ верховной власти въ судѣ по политическимъ дѣламъ обусловливается одна существенная процессуальная особенность этого рода дѣлъ: примѣнительно къ нимъ немыслимо было никакое апелляціонное обжалованіе, и они, стало-быть, вершились въ одной инстанціи. Но *пересмотръ дѣла*, уже рѣшеннаго, допускался въ томъ случаѣ, если въ фазисѣ сыска впослѣдствіи, даже послѣ исполненія приговора, открывалось должностное преступленіе воеводы, производившаго розыскъ; въ этомъ случаѣ приговоръ ставился не въ приговоръ, такъ какъ подвергалась сомнѣнію достовѣрность тѣхъ матеріаловъ, по которымъ инстанція рѣшающая вершила дѣло. *Одно архивное дѣло*, любопытное и по существу и по многимъ подробностямъ, можетъ иллюстрировать намъ картину такого пересмотра. «Писалъ государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи вяземскій воевода князь Иванъ Хованской: по твоему государеву указу приведены въ Вязьму въ съѣзжую избу вязьмитинъ Матвѣй Соѳоновъ и сынъ его Ѳедоръ и человѣкъ его Богдашко и распрашиваны противу извѣта ямщика Ѳедки Жукова и пытаны; а въ распросѣ Матвѣй Соѳоновъ сказалъ, что дорогобужскій шляхтичъ панъ Дукшта присылалъ къ нему, Матвѣю, челядника своего Маршевского съ бѣглымъ его матвѣевымъ человѣкомъ съ Богдашкомъ и спрашивалъ у него Матвѣя тотъ челядникъ, много-ль пришло въ Вязьму твоихъ государевыхъ ратныхъ людей, и онъ-де Матвѣй тому челяднику сказалъ, что будутъ ратные люди, а про иное ни про что къ Дукштѣ онъ не приказывалъ, а сынъ де его Ѳедоръ осенью за рубежъ къ шляхтѣ Дукштѣ ѣздилъ безъ отпуску для управнаго дѣла о краденыхъ лошадяхъ и у Дукшты ночевалъ; а

сынъ Матвѣевъ Ѳедоръ въ распросѣ и съ пытки сказалъ, что онъ за рубежемъ былъ, и шляхтичъ Дукшта про московскія вѣсти его спрашивалъ, а въ великій постъ присылалъ Дукшта къ нему, Ѳедору, и къ отцу его челядника своего и спрашивалъ про нарядъ ратныхъ людей въ Вязьму, и они-де ему сказали, что нарядъ въ Вязьму пришелъ; а человѣкъ Сѳѳоновыхъ Богдашко, который, бѣгая, жилъ за рубежемъ и прихаживалъ отъ пана Дукшты къ Матвѣю Сѳѳонову для вѣстей, въ распросѣ и съ пытки сказалъ, присылалъ де изъ-за рубежа шляхтичъ Дукшта къ Софоновымъ распрашивать про нарядъ, и они сказали, что пришло наряду въ Вязьму семьдесятъ пушекъ, а Ѳедоръ-де Софоновъ за рубежъ къ Дукштѣ ѣздилъ дважды и на пиру у него былъ и одинъ-на-одинъ съ Дукштой сиживали; *а на очной, государь, ставкѣ Ѳедоръ Софоновъ противъ Богдашковыхъ распросныхъ рѣчей во всемъ повинился*, и мы холопи твои Ѳедора и Матвѣя Софоновыхъ велѣли держать за приставомъ до твоего государева указу». На этой воеводской отпискѣ помѣта думнаго дьяка: «мая въ 20-й день бояре приговорили Ѳедку Софонова за измѣну, что онъ ѣздилъ за рубежъ и вѣсти сказывалъ, *а въ распросѣ и съ пытки самъ на себя говорилъ*, давъ ему отца духовнаго и сказавъ вину, казнить смертью, а отца его сослать въ Сибирь на вѣчное житье, а человѣка ихъ Богдашка въ Сибирь же въ пашенные люди». Этотъ приговоръ былъ воеводой исполненъ; но уже въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года отъ сосланнаго въ Сибирь Матвѣя Софонова поступило челобитье государю, что сына его въ Вязьмѣ *безвинно казнилъ воевода* князь Иванъ Хованской, рнясь за то, что просилъ онъ у нихъ, Матвѣя и Ѳедора, двадцать рублевъ, а они, вѣдая свою правду, ничего не дали; и *князь Иванъ за то розыскивалъ неправдой и государю писалъ, въ чемъ его сынъ и не винился;* поэтому челобитчикъ просилъ «воротить изъ ссылки его и человѣка его Богдашку и велѣть розыскать при себѣ, государѣ, всякихъ чиновъ людьми и женами и дѣтьми и отцами духовными, что сынъ его не воръ и не измѣнникъ и что у плахи онъ говорилъ, *неповинной-де смертью умираетъ*». Челобитная была уважена государемъ, и про измѣну Ѳедора Софонова начатъ былъ новый сыскъ; прежде другихъ допрошенъ былъ самъ обвиняемый воевода, и въ распросѣ показалъ, что онъ «великому государю писалъ противъ распросныхъ и пыточныхъ рѣчей, а не-

правды никакой на Софоновыхъ не писывалъ» и что Ѳедоръ Софоновъ во всемъ, дѣйствительно, сознался со второй пытки; затѣмъ допрашивали состоявшаго при воеводѣ дьяка, подлинно ли въ дѣлѣ написано то самое, что Богдашко и Ѳедоръ говорили, и дьякъ подтвердилъ воеводское показаніе; допрошенный далѣе голова вяземскихъ стрѣльцовъ Семенъ Яковлевъ показалъ, что «какъ Ѳедка пытанъ, онъ, Семенъ, стоялъ у пытки да только не близко, и что Ѳедка съ пытки говорилъ, иное онъ слышалъ, а иное не слышалъ»; вяземской съѣзжей избы подъячій, записывавшій пыточныя рѣчи по дѣлу Софоновыхъ, подтвердилъ воеводское показаніе; родственникъ Софонова Патрикѣй показалъ, что думный дворянинъ Иванъ Аѳанасьевичъ Гавреневъ, заинтересованный ходомъ этого дѣла, совѣтовалъ имъ «собрався городомъ, побить челомъ воеводѣ князю Хованскому, чтобы онъ до государева пришествія погодилъ казнить Ѳедора Софонова»; допрошенъ былъ также отецъ духовный, напутствовавшій осужденнаго у плахи, но онъ рѣшительно заявилъ, что «про сына своего духовнаго духовенскихъ его словъ у казни онъ безъ митрополичья вѣдома ничего сказать не смѣетъ, въ томъ-де воленъ государь»; наконецъ, въ повальномъ обыскѣ почти всѣ обыскные люди отозвались невѣдѣніемъ. Конецъ этого дѣла не сохранился, и мы не знаемъ, удалось ли отцу казненнаго добиться реабилитаціи своей и памяти сына своего или удалось воеводѣ доказать правоту своего розыска; но приведенное дѣло характерно, во-первыхъ, какъ иллюстрація *процедуры пересмотра* дѣла, уже рѣшеннаго, во-вторыхъ, какъ показатель тѣхъ формъ, въ которыя отливались воеводскія злоупотребленія по такимъ дѣламъ, гдѣ воеводамъ не только не принадлежала рѣшающая власть, но даже всякій значительный шагъ розыска находился подъ контролемъ Москвы [122]).

§ 3.

Приказы.

. Роль приказа въ стадіи сыска: производство сыска по дѣламъ, переносимымъ въ Москву и возникшимъ въ Москвѣ; руководство сыскомъ воеводы.—II. Роль приказа въ стадіи приговора: переработка государевой помѣты въ государеву грамоту, дополненіе и истолкованіе приговора, отсутствіе рѣшающей власти, случаи самостоятельныхъ приговоровъ приказа, приказныя помѣты.—III. Распредѣленіе государевыхъ дѣлъ между приказами: отсутствіе спеціальнаго приказа для завѣдыванія политическими дѣлами, подсудность по мѣсту и лицамъ, неустойчивость этого принципа, преобладающее значеніе разряда.

I. Если сыскомъ въ областяхъ завѣдуетъ исключительно воевода, а рѣшающей инстанціей выступаютъ органы верховной власти, то границы *приказнаго* участія въ производствѣ государевыхъ дѣлъ очерчиваются сами собой: приказу, во-первыхъ, остается производство розыска по такимъ дѣламъ, которыя возникаютъ въ Москвѣ или переносятся туда изъ областей; а во-вторыхъ ему принадлежатъ функціи посредника между воеводой съ одной стороны и органами верховной власти съ другой.

Воеводы, при затребованіи розыска въ Москву, доносятъ въ своихъ отпискахъ, что отсылаемымъ за поруками или съ приставомъ извѣтчику и обвиняемому «велѣли они явиться въ приказъ». Здѣсь думные или иные дьяки, руководители приказовъ, неотложно приступали къ продолженію воеводскаго розыска: они «распрашивали» извѣтчика и обвиняемыхъ сначала съ простымъ увѣщаніемъ «государева дѣла не таить», а потомъ «распрашивали» у пытки; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда обвиняемый былъ уже пытанъ воеводой, приказъ, по-видимому, самостоятельно рѣшался на повтореніе пытки; наконецъ, приказъ же распоряжался избраніемъ мѣры пресѣченія (Новомбергскій, I, 2, 42, 121, 451). Такую же картину самостоятельной розыскной дѣятельности приказа наблюдаемъ мы и въ тѣхъ случаяхъ, когда политическое обвиненіе начинается непосредственно въ приказѣ (Акты московскаго государства, II, 167). Но самостоятельность приказнаго розыска не шла дальше первоначальныхъ слѣдственныхъ дѣйствій: близость приказа къ органамъ верховной юрисдикціи дѣлала возможнымъ и необходимымъ безотлагательный «докладъ»; къ тому же, самое перенесеніе

дѣла въ Москву уже знаменовало обостренное къ нему вниманіе со стороны органовъ верховной власти.

За вычетомъ этихъ случаевъ, приказу оставались, главнымъ образомъ, функціи передаточной инстанціи: въ него поступаютъ воеводскія отписки по государевымъ дѣламъ, и отъ него же исходятъ государевы грамоты, адресуемыя воеводамъ, но заключающія въ себѣ рѣшеніе государя или думы. На почвѣ этой посреднической роли практика московская выработала нѣкоторыя зародышевыя черты приказной самостоятельности или, вѣрнѣе сказать, отсюда стало развиваться значеніе приказа, какъ вліятельной инстанціи, воздѣйствующей и на направленіе розыска и на конечный результатъ дѣла. Такъ, въ отвѣтъ на воеводскую отписку по государеву дѣлу приказъ иногда по собственной иниціативѣ, безъ доклада государю и думѣ, посылаетъ воеводѣ распоряженіе передать дѣло на подлинный розыскъ въ Москву (Новомбергскій, I, 451; Акты московскаго государства, II, 159); иногда приказъ самостоятельно руководитъ сыскомъ воеводы, напримѣръ, предписываетъ ему передопросить свидѣтелей (тамъ же, I, 178); съ конца царствованія Михаила Ѳедоровича мы наблюдаемъ рядъ случаевъ, когда приказъ самостоятельно распоряжается пыткой упорствующаго извѣтчика; это объясняется тѣмъ, что послѣдовательность розыскныхъ дѣйствій примѣнительно къ такому извѣтчику была уже съ точностью установлена многократными государевыми указами (см. стр. 145), и потому на воеводскихъ отпискахъ, сообщающихъ о такомъ именно случаѣ, встрѣчаемъ помѣты приказа: «послать государеву грамоту, велѣть извѣтчика допросить *противъ прежняго государева указу*, какъ о такихъ указано напередъ сего» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 162, листы 228—29). Во всѣхъ этихъ случаяхъ самостоятельность приказа вытекаетъ изъ его роли *докладчика* передъ органами верховной власти: прежде чѣмъ «выписать въ докладъ» полученную отъ воеводы отписку, думный дьякъ оцѣниваетъ ее, во-первыхъ, со стороны важности сообщаемаго въ ней дѣла, не слѣдуетъ ли его перенести на подлинный розыскъ въ Москву, а во-вторыхъ со стороны ясности и законченности розыска, уже произведеннаго воеводой; такимъ образомъ, нѣкоторая самостоятельность приказа въ руководствѣ слѣдственной дѣятельностью воеводы естественно вытекаетъ изъ его канцелярской, такъ сказать, функціи составленія «выписки въ докладъ».

II. Изъ такой же канцелярской функціи, составленія государевой грамоты на основаніи государевой помѣты, развивается и иная форма судебной самостоятельности приказа. Помѣта о приговорѣ, какъ мы уже упоминали, характеризуется лаконичностью и немногословностью, многое въ ней недосказано, а многое выражено въ такой неопредѣленной формѣ, что нуждается въ ближайшемъ истолкованіи; эти пробѣлы заполняются самодѣятельностью приказа при составленіи государевой грамоты: послѣдняя, во-первыхъ, истолковываетъ смыслъ помѣты, развиваетъ и излагаетъ выводы, въ ней заключенные, но прямо не высказанные; во-вторыхъ, дополняетъ ея содержаніе подробностями и опредѣленіями подчасъ настолько существенными, что ими значительно измѣняется въ ту или другую сторону суровость выраженнаго въ помѣтѣ приговора. Въ первую группу можно отнести такого рода случаи: въ помѣтѣ выносится обвинительный приговоръ одному подсудимому, а о другомъ совсѣмъ не упоминается; приказъ, составляя государеву грамоту, съ полнымъ основаніемъ добавляетъ въ нее распоряженіе освободить или «изъ-за приставовъ выкинуть» другого подсудимаго, потому что до него «государево дѣло не дошло» (Новомбергскій, I, 190, 224); или помѣта, щеголяя краткой выразительностью, распоряжается «за такое слово бить нещадно батоги», но не упоминаетъ при этомъ объ отмѣнѣ принятой противъ подсудимаго мѣры пресѣченія; приказъ заполняетъ этотъ пробѣлъ, вводя въ государеву грамоту такое распоряженіе: «вынявъ изъ тюрьмы, ты бы велѣлъ его бить батоги нещадно, *и бивъ, изъ тюрьмы свободилъ*» (тамъ же, 234); безъ такого добавленія воевода не рѣшался освобождать приговоренныхъ и послѣ наказанія сажалъ ихъ опять въ тюрьму «до государеву указу» (Архивъ, бѣлгородскаго стола столбецъ № 8, листъ 252). Другую группу случаевъ, въ которыхъ сказывается приказная переработка помѣты-резолюціи въ государеву грамоту, можно пояснить слѣдующими примѣрами: къ приговору «свободить» приказъ добавляетъ «свободить съ порукой», т.-е. вводитъ осложняющее условіе для освобожденія подсудимаго изъ тюрьмы (Новомбергскій, I, 208, 495, 570); иногда указанное уже въ помѣтѣ требованіе «порукъ» съ оправданнаго или осужденнаго подсудимаго государева грамота передѣлываетъ въ требованіе «порукъ *крѣпкихъ*» (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 928, листы 1—14), а иногда

распространяетъ это требованіе и на такихъ участниковъ процесса, о которыхъ помѣта-резолюція совсѣмъ не упоминала (Архивъ, тамъ же, листъ 15). Еще существеннѣе такія, напримѣръ, распоряженія государевой грамоты: къ приговору «бить батоги» она добавляетъ «бить нещадно» (Новомбергскій, I, 532); такая же роковая для подсудимаго добавка дѣлается и къ приговорамъ, назначающимъ наказаніе кнутомъ (Архивъ, московскаго стола столбецъ № 15); между тѣмъ, есть свидѣтельства, что распоряженіе «бить кнутомъ нещадно» вызывало у московскихъ исполнителей такое рвеніе, что наказаніе оканчивалось подчасъ смертью осужденнаго. Наконецъ, государева грамота, дополняя содержаніе помѣты, передѣлываетъ иногда неопредѣленный приговоръ въ опредѣленный; такъ, въ помѣтѣ глухо сказано: «указалъ государь доводчика бить батоги и *посадить въ тюрьму*»,—а въ государевой грамотѣ опредѣленъ съ точностью *срокъ* тюремнаго заключенія: «посадить въ тюрьму на день» (Новомбергскій, тамъ же). Эти поучительныя сопоставленія помѣты и грамоты, краткой резолюціи и подробнаго приговора, бросаютъ намъ свѣтъ на позицію, какую сумѣли завоевать московскіе приказные дѣльцы даже въ такомъ кругу дѣлъ, гдѣ имъ не принадлежало право рѣшенія.

Что это послѣднее право, дѣйствительно, не входило въ компетенцію приказовъ, объ этомъ съ достаточной ясностью говоритъ очерченная нами выше роль органовъ верховной власти въ производствѣ политическаго суда; если по самымъ неважнымъ изъ политическихъ преступленій, по «безхитростнымъ непристойнымъ словамъ» вердикты произносились государемъ или думой, то приказу, стало-быть, ни въ какихъ политическихъ дѣлахъ не принадлежала рѣшающая роль; даже изданіе Уложенія не могло внести въ этотъ порядокъ никакихъ существенныхъ измѣненій, такъ какъ «непристойное слово» осталось въ этомъ кодексѣ непредусмотрѣннымъ, а по всѣмъ другимъ политическимъ посягательствамъ Уложеніе подчеркиваетъ судебно-рѣшающую роль органовъ верховной власти. Можетъ быть, практика московская съ половины XVII вѣка, когда успѣлъ уже упрочиться въ этой области нѣкоторый однообразный порядокъ, отступала по отдѣльнымъ дѣламъ отъ принципа верховной юрисдикціи, но источники, при своей неопредѣленности, не позволяютъ намъ съ полной достовѣрностью разрѣшать это сомнѣ-

ніе въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно возникаетъ [123]); а подавляющее большинство дѣлъ хранитъ на себѣ неоспоримые слѣды рѣшающаго участія органовъ верховной власти. Однако, есть и немногія исключенія, въ которыхъ мы съ такой же неоспоримостью улавливаемъ и совершенно самостоятельную роль приказа, его самостоятельные вердикты по государевымъ дѣламъ; къ такимъ исключеніямъ принадлежатъ дѣла, по которымъ извѣтчикъ, сказавшій за собой государево слово, въ первомъ же распросѣ сознается, что за нимъ никакого государева слова нѣтъ, а затѣялъ онъ такое слово «пьянымъ обычаемъ или избывая побоевъ»; стало-быть, въ такихъ извѣтахъ не заключается, въ сущности, никакого указанія на противогосударственное посягательство; поэтому даже воеводы, какъ мы видѣли, самостоятельно рѣшаютъ подобныя дѣла; нѣтъ ничего удивительнаго, что эту функцію усваиваютъ себѣ и учрежденія центральныя; самостоятельность приказа въ рѣшеніи такихъ дѣлъ отчетливо сказывается въ формулахъ помѣты: «по приказу дьяковъ послать государеву грамоту» или «дьяки, слушавъ распросныхъ рѣчей, велѣли» (Новомбергскій, I, 139, 207).

III. Что въ системѣ московскихъ центральныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ въ XVII вѣкѣ, не успѣлъ еще сложиться особенный приказъ, въ исключительномъ вѣдѣніи котораго стягивались бы всѣ государевы дѣла, это съ достаточной подробностью освѣщается историко-юридической литературой послѣднихъ лѣтъ (Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 6—12); существовавшее прежде мнѣніе, что въ роли такой исключительной инстанціи выступалъ приказъ тайныхъ дѣлъ, опровергается детальнымъ изслѣдованіемъ относящихся къ этому учрежденію матеріаловъ: «участіе приказа тайныхъ дѣлъ въ сыскѣ по государственнымъ преступленіямъ нисколько не было интенсивнѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ дѣлахъ; черезъ этотъ приказъ царь велъ лишь весьма немногія дѣла» (Гурляндъ, 301—306). Но рѣшающій аргументъ даетъ тутъ сама практика государевыхъ дѣлъ: въ ней мы встрѣчаемъ, правда, указанія и на приказъ тайныхъ дѣлъ, но неизмѣримо чаще фигурируетъ приказъ разрядный; однако, и онъ не является учрежденіемъ исключительнымъ, такъ какъ наряду съ нимъ въ производствѣ государевыхъ дѣлъ упоминаются и другіе московскіе приказы: стрѣлецкій, аптекарскій, казанскаго дворца, печатный, посольскій, сибир-

скій. Очень важно отмѣтить, что палата объ Уложеніи 1700 года обратилась съ требованіемъ насчетъ «новосостоятельныхъ указовъ», относящихся ко второй главѣ, не къ одному изъ центральныхъ московскихъ учрежденій, а ко многимъ, среди которыхъ упоминаются, кромѣ вышеперечисленныхъ, еще приказъ большого дворца и мастерская палата (Полѣновъ, Палата объ Уложеніи). Итакъ, если государевы дѣла не составляли исключительной юрисдикціи одного какого-либо учрежденія, то какими же основаніями опредѣлялось направленіе дѣла въ тотъ или другой приказъ? нужно думать, тѣми самыми, что вообще опредѣляли дѣятельность московской центральной администраціи—подсудностью по лицамъ и мѣстамъ.

Такъ, дѣла объ иноземцахъ вершились (но не всегда) въ иноземскомъ приказѣ; въ государственномъ посольскомъ приказѣ сосредоточивались политическія дѣла, возникавшія въ Малороссіи; для исполненія приговора, коимъ назначалась ссылка въ Сибирь, политическій преступникъ передавался въ распоряженіе сибирскаго приказа; смертная казнь въ Москвѣ производилась черезъ земскій приказъ. Но насколько случаенъ и неустойчивъ былъ этотъ порядокъ распредѣленія дѣлъ между приказами, обнаруживается изъ многихъ случаевъ, когда политическое дѣло попадало въ стрѣлецкій приказъ, хотя ни извѣтчикъ, ни обвиняемый не принадлежали къ составу стрѣлецкаго войска; это объясняется тѣмъ, что стрѣльцы несли караульную службу въ важнѣйшихъ пунктахъ столицы, и потому, если человѣкъ на улицѣ кричалъ за собой государево слово, стрѣльцы задерживали его и доставляли, разумѣется, къ своему непосредственному начальству, т.-е. въ стрѣлецкій приказъ, и тамъ дьяки тотчасъ приступали къ распросу и розыску. Но господствующее положеніе въ судебно-политической юрисдикціи занималъ, несомнѣнно, разрядный приказъ; это доказывается не только обиліемъ государевыхъ дѣлъ, сохранившихся въ его столбцахъ, но и тѣмъ еще, что воеводы неизмѣнно посылаютъ въ разрядъ отписки даже по такимъ политическимъ дѣламъ, по которымъ они получили указанія и инструкціи изъ другихъ приказовъ; этимъ же вскрывается и основаніе, на которомъ зиждилась преобладающая роль разряднаго приказа: онъ, главнымъ образомъ, направлялъ дѣятельность воеводъ, а воевода въ Москвѣ былъ основнымъ стержнемъ ея областной правительственной организаціи и исключительнымъ

мѣстнымъ органомъ по производству государевыхъ дѣлъ; съ другой стороны давно отмѣчена въ исторіи московскаго разряда (Ключевскій, Боярская дума, 424) та знаменательная черта, что онъ находился въ особенной близости къ органамъ верховной власти, что онъ былъ какъ бы важнѣйшимъ отдѣленіемъ «думской канцеляріи»; а дума и государь — вѣдь это были инстанціи непосредственнаго суда для политическихъ дѣлъ.

Этой главой мы заканчиваемъ наши очерки процессуальныхъ порядковъ по государевымъ дѣламъ. Оглядываясь на все, что продумано и написано въ этой книгѣ, мы рѣшаемся безъ колебаній утверждать, что изслѣдованіемъ нашимъ оправдались всѣ тѣ мысли, которыя дали намъ толчекъ къ этой работѣ: анализомъ ограничительныхъ записей Смутнаго времени вскрылась тѣснѣйшая связь исторіи политическаго суда съ исторіей верховной власти и политическаго движенія; изслѣдованіемъ практики государевыхъ дѣлъ подтвердилась мысль о постоянномъ и заурядномъ участіи органовъ верховной власти въ производствѣ политическаго суда, чѣмъ еще разъ оказалась подчеркнутой связь этой проблемы съ вопросами государственнаго права; наконецъ, детальнымъ, подчасъ мелочно-кропотливымъ сопоставленіемъ судопроизводства по государевымъ дѣламъ съ прочно установившимися нормами разбойно-татебнаго процесса выяснились различія между ними настолько существенныя, что не приходится уже сложную и разнообразную картину московскихъ процессуальныхъ порядковъ охватывать двумя широкими и другъ друга исключающими понятіями «розыска» и «суда»; между этими крайними точками обрисовывается такая сфера судопроизводственныхъ порядковъ, которая къ «суду» примыкаетъ характернымъ институтомъ извѣта, какъ порядкомъ частнаго обвиненія, да древней состязательной формой очной ставки, а къ «розыску» тянется общими слѣдственными пріемами и, главнымъ образомъ, щедрымъ примѣненіемъ пытки. Но и въ общіе слѣдственные пріемы практика государевыхъ дѣлъ привнесла рядъ существенныхъ особенностей: осложнила «распросъ» угрозами пыточныхъ истязаній, выдвинула свидѣтелей, какъ заурядныхъ участниковъ процесса съ рѣшающимъ иногда значеніемъ, облегчила всѣ ограничительныя условія для при-

мѣненія пытки, умалили до крайности значеніе повальнаго обыска, этого господствующаго средства въ процессѣ уголовно-розыскномъ. Однимъ словомъ, та мысль, которая служила для автора основной предпосылкой этой работы, мысль о томъ, что судъ политическій въ своемъ прошломъ не сливается съ исторіей суда уголовнаго, а складывается въ формы особенныя и своеобразныя — эта мысль нашла себѣ неоспоримое подтвержденіе на страницахъ нашей книги; это позволяетъ намъ положить перо съ успокоительнымъ убѣжденіемъ, что книга эта, каковы бы ни были ея пробѣлы и ошибки, не останется трудомъ безплоднымъ и безполезнымъ, что ею пріоткрывается еще одна непрочтенная страничка въ той безконечной книгѣ, которую листъ за листомъ переворачиваетъ русская историческая наука; это же сознаніе поднимаетъ нашу энергію къ продолженію изслѣдованія за тѣ хронологическія рамки, которыми оно ограничено въ этихъ очеркахъ. Передъ нами стоитъ XVIII вѣкъ, причудливая и во многихъ отношеніяхъ загадочная эпоха русской исторической жизни; она такъ богата условіями и событіями, при которыхъ расцвѣтаетъ всякая потаенная расправа и неумолимая политическая месть; въ какую же сторону измѣнились въ ней старые московскіе порядки—въ худшую или въ лучшую? вѣдь какъ ни суровъ былъ московскій розыскъ по политическимъ дѣламъ, какъ ни хрупки были его обычаи и нормы, колеблемые властнымъ вмѣшательствомъ верховной власти, однако въ немъ обвинитель, отвѣтственный и никакой тайной не прикрытый, ставился лицомъ къ лицу съ обвиняемымъ, въ немъ слѣдствіе производили общіе административно-судебные органы государства, а рѣшающей инстанціей выступало не исключительное судилище, созданное велѣніемъ верховной власти, а обычное и старинное коллегіальное учрежденіе съ привычками судебныхъ формъ и слѣдами исторической независимости; итакъ, въ какую же сторону измѣнилъ восемнадцатый вѣкъ эти старые процессуальные порядки и что новаго привнесъ вслѣдъ за нимъ девятнадцатый, тотъ самый, знаменательный вѣкъ, который начался упраздненіемъ тайной экспедиціи и торжественными словами новаго царя: «*всѣ* преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общей силой закона?» отвѣтъ на этотъ вопросъ мы надѣемся дать въ слѣдующей книгѣ...

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) „Какъ ни велики были въ средніе вѣка успѣхи политической свободы, Англія не ушла отъ опасности превратиться въ абсолютную монархію; въ теченіи полутора вѣковъ, при Тюдорахъ и двухъ первыхъ Стюартахъ, Англія стоитъ лицомъ къ лицу передъ этой опасностью". Эпоха Тюдоровъ—„полоса наибольшей силы и чистоты абсолютизма; при Стюартахъ королевская прерогатива идетъ уже на ущербъ". Савинъ, Англійскій парламентъ при Тюдорахъ, въ „Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени", II, 2.

[2]) „Les jugements par commissaires constituaient un acte plus arbitraire encore, quoique respectant mieux en apparence les formes de la justice. En effet, le roi, par une commission extraordinaire, donnait à une ou plusieurs personnes le droit de trancher souverainement une affaire determinée. Les commissaires n'avaient que les pouvoirs que leurs conféraient les lettres du roi... C'était, en réalité, un tribunal d'occasion, constitué en vue d'une affaire spéciale. Des vives réclamations s'élevèrent contre cette pratique, surtout de la part des Etats généraux. Presque tous les procès politiques dans l'ancienne France, du XVI-e au XVIII-e siècle, ont été jugés par commissaires". Esmein, Cours d'histoire du droit francais, Paris, 1895, 441—442.

[3]) Впрочемъ, это уже не судъ, а внѣ-судебная личная расправа короля. „Les lettres de cachet pouvaient contenir toutes sortes de commandemends et en particulier un ordre d'exile ou d'emprisonnement: le roi, étant consideré comme la source de toute justice, avait le singulier privilège de pouvoir disposer de la liberté et des proprités des citoyens *sans jugement*". Esmein, Histoire de la procedure criminelle, 257.

[4]) Мы имѣемъ въ виду статьи Урысона въ „Правѣ", а также его работу „Das Verbrechen des Hochverrats im russischen Strafrecht", Breslau, 1906. Послѣдняя работа (въ исторической своей части почти конспективная и не чуждая многихъ и многихъ ошибокъ) представляетъ все же интересъ въ томъ отношеніи, что составляетъ попытку провести *спеціальную параллель* между законодательствомъ Соборнаго Уложенія по предмету государственныхъ преступленій и относящимся къ этому же предмету законодательствомъ XIX вѣка. Общая же связь Соборнаго Уложенія съ Уложеніемъ 1845 года нашла себѣ оцѣнку въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго русскаго криминалиста: „Несмотря на прошествіе слишкомъ двухъ вѣковъ, Уставъ царя Алексѣя не есть въ настоящее время законодательство отжившее, мертвое; XV-й томъ свода

законовъ есть ни что иное, какъ тотъ же самый Уставъ, только болѣе выполированный и переодѣтый, согласно духу времени, вмѣсто ежовыхъ рукавицъ въ лайковыя перчатки, вмѣсто духовной мантіи — въ чиновническій вицъ-мундиръ; цитатами изъ Соборнаго устава испещрены всѣ подъ-статейныя мѣста нынѣ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ". Неклюдовъ, Учебникъ Бернера, II, 201.

[5]) Приведенныя въ текстѣ цитаты взяты изъ сочиненій: Ланге, Древне-русское уголовное судопроизводство, 135 и др.; Сокольскій, Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска, въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, 1871, X, 6—7; Н. Судъ и государственныя преступленія, въ „Юридическомъ вѣстникѣ", 1880, XI, 335. Если сюда прибавить еще изслѣдованіе Шалфеева объ Уставной книгѣ разбойнаго приказа, то этими указаніями и будетъ почти исчерпана интересующая насъ литература по исторіи русскаго уголовнаго процесса до-петровской эпохи. Нѣсколько замѣчаній есть въ названной выше нѣмецкой книгѣ Урысона (спеціально о процессѣ политическомъ): въ согласіи съ цитированными выше историками русскаго уголовнаго процесса авторъ удостовѣряетъ, что „процессъ по политическимъ дѣламъ былъ процессомъ въ полной мѣрѣ инквизиціоннымъ" (ausschliesslich Inquisitionsprocess); авторъ считаетъ опричнину учрежденіемъ политическаго правосудія, а въ эпоху Алексѣя Михайловича отводитъ такое значеніе „приказу тайныхъ дѣлъ"—два утвержденія, на опроверженіе которыхъ можно не тратить много аргументовъ. Въ 1910 году явилась книга В. И. Веретенникова, Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени; первыя двадцать страницъ этой книги посвящены описанію розыскного производства по государевымъ дѣламъ въ XVII вѣкѣ. Автора, впрочемъ, больше всего интересуетъ вопросъ объ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ политическій судъ; поэтому то, что онъ говоритъ о процессѣ, не чуждо существенныхъ ошибокъ; напримѣръ, выраженіе „распросить съ очей на очи" авторъ толкуетъ, какъ указаніе на тайну въ розыскѣ, между тѣмъ эти слова указываютъ на очную ставку; авторъ утверждаетъ, что „выраженій „слово и дѣло" и ему подобныхъ мы не встрѣчаемъ въ Уложеніи", хотя именно эти выраженія встрѣчаются въ ст. 14, II и въ ст. 103, XX; помимо этихъ неправильностей, авторъ вообще не уловилъ своеобразной конструкціи московскаго политическаго процесса и не отмѣтилъ ни одной его характерной черты (напримѣръ, значеніе извѣта, участіе верховной власти); если сюда добавить, что авторъ совершенно отождествляетъ „сыскъ" по государевымъ дѣламъ съ сыскомъ въ дѣлахъ уголовно-губныхъ (стр. 12), то мы должны будемъ признать, что и послѣ книги г. Веретенникова въ русской историко-юридической литературѣ остается непоколебленнымъ мнѣніе о полномъ совпаденіи процесса политическаго съ процессомъ уголовно-губнымъ. Болѣе подробный разборъ книги Веретенникова мы сдѣлали въ „Юридическихъ запискахъ", 1911, I.

[6]) Относительно политической расправы въ до-московскія времена встрѣчаемъ у Сергѣевича слѣдующее замѣчаніе: „слабое при своемъ возникновеніи государство не успѣло еще прійти къ сознанію своихъ

спеціальныхъ интересовъ и подумать объ установленіи особыхъ мѣръ для ихъ охраненія; съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ того, какъ развивалась идея государственности, такая особая охрана возникла... какъ же появилось понятіе государственныхъ преступленій и опредѣлилась мѣра ихъ наказуемости? Князья наказываютъ преступниковъ этого рода по усмотрѣнію; здѣсь господствуетъ такой же произволъ, какъ въ былыя времена въ частной мести; по этимъ преступленіямъ и судъ не всегда имѣлъ мѣсто, дѣло нерѣдко рѣшалось безъ всякихъ формъ— князь опалялся и назначалъ по произволу своему наказаніе".

[7]) „Бродяга Петръ донесъ царю, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю, что у нихъ уже написана и грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ... Говорятъ, что этотъ бродяга, наказанный новгородцами, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ". Соловьевъ, Исторія, 1887, VI, 204.

[8]) „Послѣ отца его бояре и всѣ приказные люди его государства людямъ много убытковъ дѣлали и казны его государскія расхитили, земли его государскія себѣ разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали; держа за собою помѣстья и вотчины великія, получая жалованья государскія, о государѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ не желая радѣть и отъ недруговъ оборонять, вмѣсто того христіанъ притѣсняли и сами отъ службы начали удаляться; а захочетъ государь бояръ своихъ или приказныхъ или служивыхъ людей понаказать, духовенство, сложась съ боярами и со всѣми приказными людьми, государю по нихъ же покрываетъ; и царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ". Соловьевъ, VI, 195—196.

[9]) Эта черта „записей"—ихъ связь съ суровыми расправами Грознаго—подчеркивается Котошихинымъ: „какъ прежніе цари *послѣ царя Ивана Васильевича* обираны на царство, и на нихъ иманы записи".

[10]) Совершенно неправильное толкованіе выраженію „истинный судъ" даетъ Строевъ: „сей истинный судъ... есть не что иное, какъ для всѣхъ справедливый судъ или тоже, что современная идея гражданскаго равенства" (Строевъ, Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, 37). Помимо этого толкованія, неправильность котораго совершенно равна его необоснованности, намъ не приходилось встрѣчать въ литературѣ яснаго и продуманнаго отношенія къ требованію „истиннаго суда"; только у Богословскаго. (Изъ исторіи верховной власти въ Россіи), встрѣчаемъ мимолетное указаніе, что Шуйскій обязался „не предавать смертной казни безъ *законнаго* суда".

[11]) „Судъ бояръ существовалъ одинаково во всѣ времена московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ" (Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, 301).

[12]) По мнѣнію Богословскаго гости и торговые люди упоминают-

ся въ записи Шуйскаго потому, что среди нихъ была популярна фамилія Шуйскихъ, и они „поддерживали эту фамилію и выдвигали кандидатуру Василія на престолъ“. Если бы гости и торговые люди были единственными, о которыхъ упоминаетъ запись, то это соображеніе можно было бы считать справедливымъ; но такъ какъ на ряду съ ними запись упоминаетъ и „черныхъ людей“, а выше говоритъ о „всякихъ людяхъ“, то ясно, что гости и торговые люди попали въ запись просто какъ дань старой московской привычкѣ перечислять всѣ разряды населенія вмѣсто того, чтобы охарактеризовать ихъ однимъ общимъ наименованіемъ.

[13]) Послѣ Уложенія, какъ и до Уложенія „личную расправу московскихъ государей и народъ и они сами продолжали считать наилучшей“. Сергѣевичъ, Древности, II, 414.

[14]) Мысль, что расправа, чинимая верховной властью (кому бы она ни принадлежала), не должна быть произволомъ, а должна, какъ и расправа всякаго другого судьи, протекать въ законныхъ формахъ судебнаго процесса,—выражена также и въ приговорѣ Ляпуновскаго ополченія отъ 30 іюня 1611 года: „смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора бояромъ не по винѣ не казнити и по городамъ не ссылати... а кто учнетъ ходити скопомъ и заговоромъ или на кого кто скажетъ измѣнное земское дѣло,—и про то сыскивать въ правду, а по сыску смертную казнь и наказаніе чинить бояромъ, поговоря со всей землей, смотря по винѣ“. Памятники исторіи смутнаго времени, 69. Мысль о томъ, что судъ государя долженъ протекать въ согласіи съ нормами обычнаго права, есть частный выводъ изъ той общей идеи, что московскій государь не стоитъ надъ правомъ, а подчиняется праву. Было бы любопытно и поучительно изслѣдовать слѣды проявленія этой идеи въ провосознаніи московскихъ людей XV — XVII вѣковъ. Намъ приходитъ на память разсказъ лѣтописца объ инцидентѣ, которымъ сопровождался обрядъ публичной присяги Шуйскаго: новый царь будто бы хотѣлъ крестъ цѣловать на томъ, что ему ни надъ кѣмъ „*безъ собору* никакого дурна не дѣлать“; но „бояре и всякіе люди говорили ему, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ московскомъ государствѣ *того не повелось*“. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе отчетливо высказало ту правовую идею, что дѣйствія царя должны подчиняться нормамъ обычая: царь не долженъ дѣлать того, что „не повелось“.

[15]) По словамъ Татищева, избраніе Михаила Ѳеодоровича состоялось съ такой же записью, какая взята была и съ Шуйскаго. Ключевскій, Боярская дума, 1882, 387. Вообще, если стать на точку зрѣнія о чисто-судебномъ характерѣ записи царя Михаила, то существованіе ея подтверждается практикой политическаго суда въ его царствованіе; а дѣло Шеина, выдвигаемое какъ аргументъ противъ этой гипотезы, при внимательномъ изученіи перестаетъ быть таковымъ (см. главы VI и VII этой книги).

[16]) Нельзя-ли предположить, что между записями и второй главой Уложенія существуетъ еще болѣе тѣсная и близкая связь? если запись

царя Михаила существовала, не была-ли она привлечена къ составленію второй главы и не можетъ-ли она разсматриваться, какъ ея непосредственный источникъ? Близость нѣкоторыхъ статей второй главы къ Литовскому статуту не служитъ рѣшительнымъ аргументомъ противъ этой гипотезы: статутъ могъ оказать вліяніе *на запись* царя Михаила, и только *черезъ нее*—на текстъ Уложенія; при такой гипотезѣ удовлетворительно разъясняется загадочный вопросъ, почему лишь *одна* статья второй главы (ст. 1) отмѣчена на подлинномъ столбцѣ взятой изъ статута, а другія, столь же близкія къ послѣднему, не содержатъ такой отмѣтки; не значитъ-ли это, что онѣ взяты изъ другого источника, который самъ испыталъ на себѣ вліяніе статута? Если запись царя Михаила была такая же, какъ и Шуйскаго, то она во всякомъ случаѣ должна была отличаться отъ послѣдней большей подробностью своихъ постановленій; слѣд. за счетъ этой записи можно отнести тѣ статьи второй главы, которыхъ никакъ нельзя объяснить позаимствованіемъ изъ статута; среди такихъ статей важна ст. 11, предусматривающая послѣдствія помилованія; условія, на которыя расчитана эта статья, развились именно въ Смутное время, когда „поисшатавшіеся“ русскіе люди перебѣгали изъ Москвы въ Тушино или къ полякамъ, московское правительство отбирало у нихъ „за измѣну“ потѣстья и вотчины, но когда они возвращались, то съ радостью принимало ихъ; тутъ-то и возникали конфликты между возвратившимися и тѣми, кому ихъ помѣстья были розданы послѣ конфискаціи; замѣтимъ, что редакція этой статьи такова, что она хранитъ на себѣ какъ бы нѣкоторый слѣдъ политическаго ограниченія: „въ вотчинахъ его государь *воленъ*, а прежнихъ помѣстій ему *не отдавать*“, т.-е. въ нихъ государь *не воленъ*. Мы не хотимъ останавливаться на этомъ вопросѣ съ бо́льшими подробностями и не вводимъ его въ изложеніе нашей работы потому, во-первыхъ, что онъ не имѣетъ непосредственной важности для нея; во-вторыхъ, если бы даже удалось доказать выставленную сейчасъ гипотезу, то при отсутствіи текста записи мы лишены возможности сличеніемъ ея со статьями второй главы сдѣлать какіе-либо плодотворные выводы къ истолкованію этихъ послѣднихъ; въ третьихъ, на всемъ этомъ вопросѣ приходится, кажется, начертать роковое ignorabimus: запись, нужно думать, была написана въ одномъ или двухъ экземплярахъ, въ подкрестную запись она не занесена, публичнаго оглашенія не получила; когда династія укрѣпилась, то въ интересахъ царствовавшихъ ея представителей было уничтожить всякій слѣдъ этого документа; слѣд., трактовать снова и снова этотъ вопросъ, какъ ни тянетъ къ нему историческая любознательность, представляется дѣломъ столь же безплоднымъ, какъ ломать голову надъ содержаніемъ ларца, ключъ отъ котораго давнымъ-давно заброшенъ и затерянъ въ безконечномъ морѣ историческаго бытія.

[17]) Въ особенности любопытно для изслѣдователя Уложенія раскрыть смыслъ, который вкладывали въ его статьи московскіе приказные дѣльцы, примѣнявшіе этотъ кодексъ; большой интересъ должны представлять пріемы толкованія, ими допускаемые, уклоненіе отъ истиннаго смысла закона и причины, вызывавшія такое уклоненіе; важно выяснить степень „вольнаго обращенія“ практики съ кодексомъ;

однимъ словомъ, важно выяснить, какъ примѣнялось Уложеніе въ судебныхъ и не—судебныхъ дѣлахъ. Драгоцѣнное облегченіе въ исполненіи этой задачи было бы достигнуто маленькой реформой въ системѣ описанія архивныхъ документовъ: при составленіи описанія по методу, принятому въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, слѣдовало бы дополнить описаніе лаконическимъ указаніемъ на статью Уложенія, которая цитируется или на которую ссылается описываемое дѣло.

[18]) „А которыхъ порубежныхъ городовъ въ уѣздахъ государевы дворцовыя села и черныя волости и всякихъ чиновъ людей вотчины и помѣстья сошлися съ литовскими и нѣмецкими порубежными землями... а государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ волостей крестьяне и помѣщики и вотчинники и ихъ люди и крестьяне черезъ тѣ порубежныя земли ѣздятъ изъ города въ городъ безъ проѣзжихъ грамотъ,—и имъ того въ вину не ставити для того, что они съ литовскими и съ нѣмецкими порубежными людьми живутъ смежно". Уложеніе, VI, 5.

[19]) Уложеніе, XXI, 45. Сибирскимъ ясачнымъ инородцамъ, за благонадежностью которыхъ трудно было установить дѣйствительный и постоянный надзоръ, правительство московское также стремилось навязать обязанность „имать и приводить": „сказать ленскимъ ясачнымъ людямъ, чтобъ они, въ комъ почаютъ шатость и воровство, не укрывали, а имая приводили къ воеводѣ". Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 155. См. также Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 598.

[20]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 264. Однако, въ 1687 году малороссійская старшина вынуждена уже практиковать другой порядокъ: „Били намъ челомъ запорожскіе старшины въ измѣнѣ и во многомъ неистовствѣ къ намъ, великому государю, гетмана Самойловича; и по тому ихъ челобитью мы, великій государь, указали—буде онъ имъ негоденъ, войсковые клейноды отобрать и послать его въ наши великороссійскіе городы за крѣпкой сторожей" Тамъ же, IV, 542.

[21]) Правительство „цѣнитъ въ частномъ человѣкѣ особенную тонкость сочувствія къ государственному началу и живое участіе въ предупрежденіи общественной опасности, съ другой стороны... опредѣляетъ награду въ видахъ политической цѣли". Колосовскій, Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію, въ Архивѣ Калачова, 1859, III, 98.

[22]) „Подъ именемъ измѣнника разумѣется тотъ, кто признанъ таковымъ отъ правительства; въ противномъ случаѣ, если лицо не получило такой репутаціи по всеобщему убѣжденію, то само собой разумѣется, что поступившій съ нимъ какъ съ измѣнникомъ, долженъ доказать справедливость своего обвиненія". Колосовскій, тамъ же, 97. Неизвѣстно, на чемъ авторъ основываетъ это послѣднее утвержденіе.

[23]) Подъ „государскимъ убойцой", упоминаемымъ въ этой же статьѣ, нужно разумѣть холопа, виновнаго въ убійствѣ господина. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 1899, 348. Влдм.-Будановъ, Обзоръ, 1905, 358. Это преступленіе требовало особаго упоминанія потому, что убійство, совершенное свободнымъ человѣкомъ, не при всякихъ условіяхъ наказывалось смертью.

[24]) Современное польское слово „Rokosz“ означаетъ „бунтъ, мятежъ, возмущеніе, возстаніе“. См. Дубровскій, полный словарь польскаго и русскаго языка, Варшава, 1876.

[25]) „Великій государь указалъ и бояре приговорили: будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьёмъ имени или въ прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто о, а или вмѣсто а, о... и иныя нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить и судовъ въ томъ не давать“. Именной указъ 1665 года въ Полномъ собраніи законовъ, I, 1000.

[26]) По древнѣйшей Правдѣ (Акад. ст. 5) увѣчье въ полной мѣрѣ приравнивается къ преступленіямъ противъ жизни: за него назначается вира въ сорокъ гривенъ и допускается кровная месть; Правда позднѣйшей редакціи уменьшаетъ наказаніе на-половину, но все же не выводитъ увѣчья изъ разряда посягательствъ на жизнь, такъ какъ облагаетъ его „полувирьемъ“, а не продажей.

[27]) И позднѣйшее законодательство называло словомъ „умыселъ“ приготовительныя дѣйствія и даже ранніе акты неоконченнаго покушенія: „*умысломъ* къ преступленію почитается обнаруженное какимъ-либо *дѣйствіемъ* намѣреніе учинить оное“ (ст. 8 ч. I т. XV свода законовъ изд. 1845 года).

[28]) Примѣръ взятъ изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи, но по непоправимой оплошности на карточкѣ, куда онъ былъ выписанъ авторомъ этой книги, не оказалось указанія ни на номеръ столбца, ни на листъ дѣла, ни даже на столъ разряда, въ дѣлахъ котораго онъ отысканъ.

[29]) Это мнѣніе согласуется съ истолкованіемъ, которое далъ разобранной сейчасъ статьѣ Уложенія Владимірскій-Будановъ (Обзоръ исторіи русскаго права, 350). Мнѣніе, высказанное Сергѣевичемъ и приведенное выше, раздѣляется также Тихтинымъ, который высказываетъ такое положеніе: „въ преступленіяхъ противъ личности государя Уложеніе, какъ и византійское право, признаетъ одинъ только голый умыселъ наказуемымъ въ высшей степени“. Тихтинъ, Византійское право, какъ источникъ Уложенія, 48. Въ извѣстномъ спорѣ относительно наказуемости изъявленія умысла, разгорѣвшемся среди русскихъ юристовъ въ семидесятыхъ годахъ, къ разсмотрѣнной нами статьѣ Уложенія обращались за подтвержденіемъ своихъ выводовъ тѣ, которые придерживались точки зрѣнія наказуемости (см. Судебный вѣстникъ, 1876, № 83). Изложенныя выше разсужденія и примѣры показываютъ, что изъ нея больше пользы могли бы извлечь тѣ, кто защищалъ противоположную позицію.

[30]) Измѣна въ записяхъ XVI вѣка упоминается въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: „не ссылатися съ польской и литовской радой и съ государьскими измѣнники“; „царю Ивану Васильевичу не учну прямити и измѣню; „ни въ которыя государства мнѣ не отъѣхати и лиха и измѣны никоторыя не учинити“; „въ которомъ городѣ лучитца мнѣ быти, и мнѣ того города не сдати и никоторыя измѣны въ немъ не учинити и не

отъѣхати". Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 484, 504, 561, 563, 588, 589.

[31]) „Будетъ которые князцы и улусные люди учнутъ великому государю измѣнять и ясаку платить не учнутъ". Полн. собр. законовъ, III, 244. Якутскій воевода Головинъ посадилъ въ тюрьму товарища своего Глѣбова „въ государевомъ измѣнномъ дѣлѣ, что онъ якутовъ научилъ побить нашихъ служилыхъ людей". Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 275. „Переяславскіе казаки государю измѣнили, полковника Ермоленку убили, выбрали полковникомъ Хоменка". Тамъ же, V, 86.

[32]) Выставленный нами признакъ, умыселъ на власть, можетъ быть истолкованъ еще съ другой стороны: всякій умыселъ, направленный противъ власти московскаго государя, служитъ въ то же время на пользу какой-либо иной власти, будь этой властью самъ преступникъ или другой государь, которому преступникъ содѣйствуетъ въ завоеваніи московскихъ городовъ или къ которому онъ „отъѣзжаетъ"; даже исходящее отъ боярина непризнаваніе нѣкоторыхъ правъ власти московскаго государя знаменуетъ тѣмъ самымъ борьбу за принадлежность этихъ правъ боярству.

[33]) „Статутъ имѣетъ въ виду спеціальный видъ политическаго преступленія, свойственный только Литовско-русскому государству— отдѣленіе этого государства отъ династіи польскихъ королей; неясныя слова объ этомъ Литовскаго статута увлекли Уложеніе къ излишней и непонятной фразѣ: при державѣ царскаго величества". Мнѣніе Владимірскаго-Буданова въ „Сборникѣ государственныхъ знаній", IV, 9.

[34]) Акты археографической экспедиціи, III, 388. Что московское право, вообще говоря, неодинаково относилось къ различнымъ видамъ измѣны и обособляло среди нихъ квалифицированныя формы отъ менѣе тяжкихъ, это видно изъ наказа астраханскому воеводѣ отъ 1700 года, по силѣ коего воеводѣ разрѣшается пытать мурзъ въ „большой измѣнѣ". Полное собраніе законовъ, IV, 35.

[35]) Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 165, листъ 19. Еще примѣръ: въ 1617 году „въ Дорогобужѣ посадскіе люди и казаки великому государю измѣнили, городъ Дорогобужъ сдали королевичу". Дворцовые разряды, I, 299.

[36]) „Будетъ кто нѣкія ради вражды и разграбленія зажжетъ у кого дворъ и послѣ того онъ будетъ изыманъ, и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ: и такого зажигальщика казнити, зжечь". Уложеніе, X, 228.

[37]) „Будетъ въ сыску объявится, что онъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжіе грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, и ему за то учинити наказаніе, бити кнутомъ, чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлати". Уложеніе, VI, 4.

[38]) Нападеніе на думныхъ и ближнихъ людей Котошихинъ (О Россіи, 1840, 24) объясняетъ цѣлью—„учинить въ государствѣ смуту для грабежу домовъ и животовъ".

[39]) Иногда московскій приказный языкъ пользовался и выраженіемъ

„мятежъ“ для обозначенія „скопа и заговора“; но подъ „мятежомъ“ разумѣлось, кажется, *всякое* народное движеніе, даже направленное къ низверженію верховной власти, т.-е. окрашенное признакомъ „измѣны“.

[40]) Въ 1623 году „по государеву указу велѣно пушкаря Потапова бить кнутомъ по торгомъ, чтобъ неповадно было непригожихъ словъ говорить“; непригожія слова Потапова относились къ государеву отцу патріарху Филарету: „самъ онъ воръ и ворамъ спущаетъ“—сказалъ пушкарь въ пьяномъ видѣ. Архивъ, бѣлгородскаго стола столбецъ № 8, листъ 249.

[41]) Вотъ еще примѣръ непристойнаго „измѣннаго“ слова. Въ 1672 году черкашенинъ Тимошка сказалъ въ шинкѣ непристойное слово: „какъ-де кланялся польскій король турскому царю, также и московскій царь будетъ кланяться турскому же царю“. Акты южной и западной Россіи, XI, 107.

[42]) Этому разряду „непристойныхъ словъ“ соотвѣтствуетъ извѣстное московской практикѣ оскорбленіе государевой чести на письмѣ — прописка государева именованья. Оно подводилось подъ общее понятіе непристойнаго слова, такъ какъ разсматривалось, какъ „непристойная рѣчь на письмѣ“. Субъектомъ преступленія выступаетъ, обыкновенно, должностное лицо; наказаніе выражается въ отставкѣ отъ должности, краткосрочной тюрьмѣ и битьѣ батогами; въ случаяхъ важныхъ всѣ эти наказанія соединяются вмѣстѣ; притомъ наказывается не только тотъ, кто сдѣлалъ или допустилъ „прописку“, но и тотъ, кто прочиталъ грамоту, не исправивъ ошибки. Акты московскаго государства, III, 331; Полное собраніе законовъ, I, 584; Акты историческіе, III, 372. Любопытна „прописка“, въ которой обвинялся московскій вольнодумецъ XVII вѣка князь Иванъ Хворостининъ: „ты жъ, князь Иванъ, государево именованье написалъ не по достоинству деспотомъ, а деспота слыветъ греческою рѣчью владыка, а не царь; а ты не иноземецъ, московскій природный человѣкъ, и тебѣ было такъ про государьское именованье писать непристойно“. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 321. Наказывалась, впрочемъ, не только прописка государева именованья, но и помѣщеніе непристойныхъ словъ въ документѣ, въ которомъ упоминается государево имя: „подалъ бѣлевецъ Назаръ Глазовъ въ съѣзжей избѣ челобитную о судѣ, а въ той челобитной твоего царскаго величества подъ именемъ надъ строкой и ниже строки приписаны непригожія слова, которыя къ твоему государеву имени не пристоятъ“; по сыску оказалось, что Назаръ Глазовъ подалъ воеводѣ черновикъ челобитной, а черновикъ писанъ его братомъ Лукьяномъ, и тотъ, „отвѣдывая пера безъ хитрости, писалъ на ней тѣ непригожія слова“. Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 162, л. 194.

[43]) „Когда бы кто заочно о насъ, государѣ, дерзко говорилъ или кто бы безъ околичности чрезъ письма свои собственноручно писанныя или собственной рукой подписанныя особу нашу поносилъ, таковый уличенный за сіе преступленіе, долженъ будетъ сидѣть въ заключеніи шесть недѣль“. Литовскій статутъ, раздѣлъ первый, IV, § 3.

[44]) Въ 1692 году по государеву указу производился сыскъ по

дѣлу лебединскаго воеводы Ляпунова: воевода обвинялся въ томъ, что скрылъ извѣтъ, поданный ему тамошними стрѣльцами, на нѣкоего Трошку Чаплыгина, который говорилъ при народѣ непристойныя слова. Веретенниковъ, 16.

[45]) Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 682, листы 557—568. Истецъ, какъ видимъ, проситъ „дать сыскъ и очную ставку", т. е. хочетъ придать дѣлу характеръ розыска; это для него важно въ томъ отношеніи, что оскорбитель его понесъ бы тогда куда болѣе суровое наказаніе, на основаніи ст. 17, II Уложенія; но отвѣтчикъ, отрицая брань, рѣшительно уходитъ отъ грознаго „розыска". Бранный попрекъ „измѣной" см. еще въ слѣдующихъ примѣрахъ: Дворцовые разряды, III, 1080; Акты московскаго государства, III, 500; Русская историческая библіотека, XI, 203.

[46]) Примѣры возбужденія политическаго обвиненія по оговору: Акты московскаго государства, I, 170; Полное собраніе законовъ, I, 592; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1890, III, 195; Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 985.

[47]) Ссылка извѣтчика на государево крестное цѣлованье: Акты московскаго государства, III, 527; Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 153. Оба случая относятся къ эпохѣ послѣ Уложенія, когда обязанность извѣта, стало-быть, была уже провозглашена въ законѣ. Изъ архивныхъ дѣлъ до-уложенной эпохи вотъ два примѣра подобной ссылки: „извѣщалъ воеводѣ сынъ боярскій Купай Реутовъ на курченина Исайку Семенова, что тотъ про государя говорилъ непригожее слово"; и онъ, Реутовъ, про то сказалъ воеводѣ, потому что „на томъ мы государю крестъ цѣловали, что слыша про него, государя, сказывать" (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 22, листы 306 — 307); другой извѣтчикъ по аналогичному же дѣлу такъ мотивируетъ свой извѣтъ: „мы государю крестъ цѣловали на томъ, что, слыша про него, государя, какого дурна, про то сказывать въ городѣ воеводамъ" (тамъ же, столбецъ № 162).

[48]) „Сыновья измѣнника совершенныхъ лѣтъ (a synowi takowego draycé dorośli), кои вѣдали объ отцовской измѣнѣ и будутъ въ томъ надлежаще уличены, чести и живота да лишатся; но сыновья несовершеннолѣтніе чести и живота лишены не будутъ, однако же за преступленіе отца ихъ всѣхъ имѣній отческихъ навсегда лишатся". Статутъ, 1811, разд. I, арт. III, § 6. Лишеніе отцовскихъ имѣній не есть наказаніе дѣтей: это—естественное послѣдствіе конфискаціи, упавшей на голову отца; слѣдовательно, несовершеннолѣтніе дѣти, по литовскому праву, не несутъ никакой отвѣтственности за недонесеніе объ измѣнѣ отца.

[49]) „А учнутъ мнѣ говорити братья моя князь Дмитрей и Семенъ о литовскомъ отъѣздѣ или о вестехъ, чтобъ въ Литву вестьми держати и ссылатися, или на государя моего великого князя Васильево каково лихо учнутъ думати,— и мнѣ того никакъ не утаити, сказати то все своему государю великому князю въ правду безо всякія хитрости" (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 424).

[50]) Въ 1554 году князь Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ дать

на себя такую запись: „Если мать моя княгиня Евфросинья станетъ подучать меня противъ сына твоего, царевича Ивана, или противъ его матери, то мнѣ матери своей не слушать, а пересказать ея рѣчи сыну твоему царевичу Ивану и его матери въ правду безъ хитрости; если узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-нибудь зло надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, надъ его матерью, надъ его боярами и дьяками, то мнѣ объявить объ этомъ сыну твоему безъ хитрости". (Соловьевъ, VI, 203).

[51]) Въ практикѣ государевыхъ дѣлъ встрѣчаемъ извѣтъ братьевъ, извѣтъ жены, даже извѣтъ матери противъ сына (Архивъ, столбцы приказнаго стола № 60, 77, 88). Нѣкоторые случаи родственнаго извѣта любопытны по тѣмъ разнообразнымъ бытовымъ соображеніямъ, которыя составляютъ ихъ побудительную причину: напримѣръ, пусторжевецъ Романъ Карамышевъ извѣщалъ воеводѣ, что сынъ его хочетъ государю измѣнить, съѣхать въ Литву, а потомъ онъ же подалъ челобитную, что онъ такое слово сказалъ, чтобы помѣшать браку сына своего на литовской дѣвкѣ полонянкѣ (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 60, листъ 175).

[52]) Различныя формы извѣта въ крестоцѣловальныхъ записяхъ: Памятники исторіи Смутнаго времени, 19; Акты Западной Россіи, IV, 318; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 440, 421, 15; Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 76. Шертная запись сибирскихъ племенъ въ Памятникахъ сибирской исторіи, I, 24.

[53]) Это не обмолвка кодификатора, такъ какъ въ той же главѣ въ слѣдующей же статьѣ законодатель говоритъ о скопѣ и заговорѣ на царское величество и на государевыхъ думныхъ и приказныхъ людей, сливая оба эти вида скопа и заговора въ одномъ постановленіи, а обязанность извѣта онъ съ полной опредѣленностью пріурочиваетъ къ скопу и заговору только на „царское величество". Это вполнѣ согласно и съ содержаніемъ подкрестныхъ записей, изъ которыхъ только въ одной обязанность извѣта распространяется и на „лихо противъ государевыхъ бояръ", а именно въ записи новгородцевъ на вѣрность шведскому королю; это расширеніе обязанности извѣта объясняется, нужно думать, вліятельнымъ и господствующимъ положеніемъ боярства въ древнемъ торговомъ городѣ, его правительственнымъ значеніемъ и тѣми благопріятными для него условіями, при которыхъ подготовлялось и совершалось отпаденіе Новгорода Великаго отъ державы московскаго государя.

[54]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 615. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древности россійскихъ, 1890, III, 192. Это непристойное слово, что государь Алексѣй Михайловичъ—„не прямой государь", разсматривалось, какъ проявленіе умысла къ измѣнѣ, такъ какъ свидѣтельствовало о томъ, что, по мнѣнію говорившаго, кто-то другой имѣетъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Алексѣй Михайловичъ. Въ обоихъ примѣрахъ недоносители, какъ видимъ, не были наказаны смертной казнью, какъ бы слѣдовало по ст. 18, II Уложенія; но единомышленникамъ Шакловитаго приговоръ былъ смягченъ „милостью великихъ государей", а дѣло князя Юсупова разбира-

лось тогда, когда надъ недоносителями не висѣла еще суровая угроза Уложенія; къ тому же, князь Юсуповъ въ концѣ концовъ выполнилъ свою обязанность извѣта (съ опозданіемъ на четыре мѣсяца), правда, въ формѣ не совсѣмъ обычной: онъ явился въ приказъ къ боярину князю Черкасскому и объяснилъ, что „человѣкъ его Любимко хочетъ на него извѣщать государево дѣло, а онъ за собой никакого государева дѣла не знаетъ, и потому государь бы велѣлъ про то сыскать". Можно вообще предположить, что практика смягчала суровую угрозу Уложенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ неизвѣщеніи было съ очевидностью доказано отсутствіе элементовъ пособничества. Устрашить всякаго чину людей страхомъ смертной казни (иногда даже „непрощаемой"), а на практикѣ систематически замѣнять эту казнь менѣе суровыми и не столь рѣшительными карами—было почти правительственнымъ обычаемъ въ московскомъ государствѣ.

[55]) Какъ любопытный штрихъ, отмѣтимъ одинъ случай, когда нѣкій „Ивашка Стрига" въ 1625 году извѣщалъ въ разрядѣ на рязанскаго крестьянина Пріѣзжейка въ непригожихъ словахъ, которыя тотъ Пріѣзжейко говорилъ за три года до того; притомъ въ распросѣ извѣтчикъ объяснилъ, что „того крестьянина Пріѣзжейка съ годъ какъ не стало". Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 14, листы 685—688. Такимъ образомъ, передъ нами—примѣръ *извѣта на мертваго.*

[56]) Изъ установленной въ Уложеніи обязанности извѣта практика сдѣлала одинъ важный и логически неоспоримый выводъ: такъ какъ неисполненіе обязанности извѣта, въ виду суровой угрозы законодателя, само по себѣ должно было разсматриваться, какъ тяжкое политическое преступленіе, то практика усвоила особую форму извѣта — извѣтъ въ недоносительствѣ, извѣтъ въ томъ, что такой-то знаетъ противъ третьяго лица государево дѣло или слово, а самъ на него не извѣщаетъ. Эта форма извѣта намѣчена въ Уложеніи: „кто свѣдаетъ на царское величество злой умыселъ, а про то не извѣститъ, а государю вѣдомо будетъ, что онъ зналъ, а не извѣстилъ"... т.-е. вѣдомо будетъ отъ другого извѣтчика. Но эта форма извѣта не имѣетъ самостоятельнаго значенія и не характеризуется существенными юридическими особенностями.

[57]) Только въ одномъ случаѣ упоминаетъ XXI глава объ извѣтѣ, какъ поводѣ для начала розыскного процесса: „которые дворяне и приказные люди и дѣти боярскіе приведутъ людей своихъ или крестьянъ или дворниковъ своихъ и скажутъ на нихъ разбой или татьбу или подводъ имянно, а языки на нихъ въ томъ не говорятъ,—и тѣхъ людей по приводу распрашивати и безъ обыску пытати". XXI, 48.

[58]) Обязанность извѣта относительно тяжкихъ уголовныхъ преступленій, сопровождаемая угрозой смертной казни за ея неисполненіе, вводится только, какъ временная и исключительная мѣра, указомъ 4 апрѣля 1695 года (Полное собраніе законовъ, № 1510); въ этомъ указѣ спеціально говорится о большихъ разбояхъ, развившихся въ Москвѣ около этого времени, и назначается смертная казнь тѣмъ, кто „про тѣ разбои вѣдалъ и, вѣдая, не извѣстилъ".

[59]) Въ гл. III (о чести государева двора) Уложеніе описываетъ преступленія противъ частныхъ лицъ, квалифицируя ихъ по мѣсту ихъ совершенія; здѣсь на-лицо потерпѣвшій, и объ извѣтѣ здѣсь не упоминается; такія же посягательства содержатся отчасти и въ первой главѣ (ст. 4—7).

[60]) При отсутствіи доказательствъ и при краткости просительнаго пункта извѣтная челобитная принимаетъ весьма лаконическую форму, что составляетъ ея внѣшнее отличіе отъ многословныхъ московскихъ челобитенъ иного содержанія. Для иллюстраціи привожу одну изъ извѣтныхъ челобитенъ: „царю государю Михайлу Ѳедоровичу бьетъ челомъ и извѣщаетъ твой боровскій казачишка Познячко Семеновъ; въ нынѣшнемъ, государь, во 124 году въ великій постъ шелъ я, холопъ твой, мимо боровскаго ряду, а на дорогѣ сталася со мной Андрей Хода пьянъ и учалъ меня лаять и бранить и, бранясь, учалъ говорить неподобныя слова про тебя, государя, и я, слыша про тебя неподобное слово, извѣщалъ воеводѣ; милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, вели мое челобитье записать“. Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 2, листъ 89 и слѣд. Отмѣтимъ, что челобитчикъ не бьетъ челомъ о своемъ безчестьи, хотя обвиняемый его „бранилъ и лаялъ“, а ограничивается извѣтомъ въ неподобныхъ словахъ.

[61]) Такимъ толкованіемъ ст. 20, X удовлетворительно объясняется, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ челобитчики, подававшія свои челобитныя непосредственно царю, не наказывались. Нѣтъ нужды прибѣгать къ объясненію, данному Гурляндомъ (Приказъ тайныхъ дѣлъ, 112), что запрещеніе, формулированное въ этой статьѣ, имѣло „весьма условный смыслъ: если дѣло не заслуживало вниманія, могли вспомнить о запрещеніи; если дѣло, наоборотъ, заинтересовало царя, могли не дѣлать изъ этого запрещенія никакого вопроса“.

[62]) Даже на повальномъ обыскѣ отъ дѣтей не принимались показанія противъ родителей: „которыя дѣти на отцовъ своихъ и на матерей учнутъ въ обыскѣхъ сказывати, и тому не вѣрить“. Изъ новоуказныхъ статей 1699 года.

[63]) „Сказалъ воеводѣ Петрушка: приходилъ къ нему новокрещеный князь Алексѣй и говорилъ, что хочетъ отъѣхать за рубежъ, такъ какъ ему съ сыновьями прокормиться нечѣмъ; а для побѣгу будетъ онъ челомъ бить, чтобъ отпустили его въ монастырь для молбы; и онъ-де, Петрушка, для полнаго обличенья поѣдетъ съ нимъ, а какъ князь повернетъ къ рубежу, и онъ его съ новгородцемъ Ларкой поимаетъ“. Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 199, листы 58—64. Этотъ извѣтчикъ не представилъ свидѣтелей на свой извѣтъ и боялся, что его „пытать будутъ“; поэтому онъ „для полнаго обличенья“ и рѣшился на такую мѣру; описанный случай относится къ 1653 г.

[64]) Примѣры пытки извѣтчика: Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 4 и 15; Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 121, листъ 111; Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина, 2—3; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, III, 195; Акты московскаго государства, I, 178; Полное собраніе законовъ, I, 592. Пытка аноним-

наго извѣтчика: кузнецъ Васька и человѣкъ Артамона Матвѣева обвинялись въ составленіи воровского подметнаго письма и въ томъ, что они говорили, что дѣвка Матвѣева взята на верхъ, но ей царицей не бывать; „и великій государь указалъ бояромъ роспрашивать ихъ у пытки, а буде изъ нихъ кто доведется, то и пытать". Послѣ пытки государь пожаловалъ, велѣлъ всѣхъ „свободить"; стало-быть, пытка была примѣнена къ нимъ безъ всякихъ предварительныхъ уликъ (Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 15). Пытка извѣтчика, отказывающагося давать показанія: Архивъ, столбцы приказнаго стола № 12, листы 306 и 722, № 22, л. 312.

[65]) Если извѣтчикъ объявлялъ за собой государево дѣло съ конкретными указаніями на опредѣленное лицо и опредѣленный фактъ, а въ первомъ же распросѣ слался на то, что сказалъ онъ это пьянымъ обычаемъ,—дѣло все-таки могло сложиться такъ, что ему грозило наказаніе по ст. 17: „октября во второй день извѣщали стрѣльцы на тюремнаго сидѣльца Янку Поцылова, что онъ изъ тюрьмы кричалъ—голова де Боевъ хочетъ переѣхать къ Стенькѣ Разину; а въ распросѣ Янка сказалъ, что не вѣдаетъ, кричалъ ли или нѣтъ, былъ де пьянъ"; его пытали, добились сознанія, что голову Боева онъ „поклепалъ напрасно", и повѣсили за воровскія затѣйныя слова (Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2).

[66]) Акты московскаго государства, I, 188. Котошихинъ разсказываетъ: „который человѣкъ учнетъ на господина своего бить челомъ ложно или затѣетъ на него какое воровское государственное дѣло, не хотя у него служити,—и по сыску бываетъ такому наказаніе кнутомъ и отдадутъ назадъ въ слуги, не затѣвай на господина ложно" (Котошихинъ, о Россіи, 95). Это утвержденіе Котошихина идетъ въ разрѣзъ съ выводами, изложенными въ текстѣ и основанными на толкованіи ст. 14, II Уложенія: по Котошихину, холопъ послѣ сыска наказывается кнутомъ за то, что затѣялъ напрасно; между тѣмъ, по Уложенію такой затѣйный извѣтъ, опровергнутый сыскомъ, наказывается по принципу, установленному въ ст. 17, II, т. е. чаще всего смертной казнью. Мнѣніе Котошихина сложилось, нужно думать, на почвѣ широкой практики помилованія, примѣнявшагося къ холопьимъ извѣтамъ (можетъ-быть, не безъ воздѣйствія самихъ господъ, не желавшихъ утрачивать экономическую силу, представленную холопомъ).

[67]) Встрѣчаемъ еще такой случай наказуемости извѣтчика: „лучанину Семену Петрову сыну Прохорову за ево затѣйныя слова, что онъ лучанина жъ Степана Алексѣева называлъ измѣнникомъ, а не довелъ, велѣно учинить наказанье—бить батоги" (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 30, листъ 206). Незначительность наказанія идетъ, кажется, въ разрѣзъ со всѣми статьями Уложенія (II, 17, 14, 13); разгадка этого лежитъ въ томъ, что здѣсь предъ нами не извѣтъ, заявленный власти, а простая брань: „называлъ измѣнникомъ".

[68]) Эта система имѣла, впрочемъ, одну хорошую сторону: благодаря ей могъ поощряться наградой только извѣтъ доказанный, только извѣтъ, закончившійся обвинительнымъ приговоромъ, такъ какъ един-

ственно при такомъ исходѣ дѣла имущество того, на кого сдѣланъ былъ извѣтъ, отнималось у него, переходило въ руки правительства и могло быть по его усмотрѣнію передано третьему лицу, въ данномъ случаѣ—извѣтчику.

[69]) Слѣдующее „государево великое дѣло“ отчетливо иллюстрируетъ эту послѣдовательность сыскныхъ задачъ: въ 1647 году „извѣщалъ Савва Скобельцынъ на дядей своихъ, что они хотятъ государя извести“; воевода допросилъ извѣтчика, обвиняемыхъ и свидѣтелей; обвиняемые говорили, что „то дѣло нестаточное и невмѣстимое, что они въ воровствѣ никакомъ не бывали, и на чемъ государю крестъ цѣловали, въ томъ ни въ чемъ не измѣняли, и въ томъ они шлются на его Саввину спину“; свидѣтели, указанные Саввой, не подтвердили его извѣта; тогда Савва подвергается новому распросу: воевода и дьяки „говорили Саввѣ съ большимъ пристрастіемъ и пыткой его стращали, чтобъ онъ про государево великое дѣло сказалъ правду; и Савва винился, что на дядей своихъ взвелъ напрасно“. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1890, III, 116, 175.

[70]) Примѣры привлеченія родныхъ и семейныхъ къ сыску въ государевомъ измѣнномъ дѣлѣ въ до-уложенную эпоху: Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 275; Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 9, листы 86—111, 113—137; № 928, листы 1—15; № 8, листы 1—87; изъ эпохи послѣ Уложенія: Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 299; III, 274; Архивъ, новгородскаго стола столбецъ № 239, листъ 191. Сюда нужно прибавить еще извѣстное дѣло боярина Шеина.

[71]) „А тотъ выходецъ на Москвѣ — вѣдомой воръ, многожды въ Литву бѣгивалъ и многожды королю крестъ цѣловалъ“.—„Филька вѣдомой воръ и напередъ того въ Литвѣ бывалъ“. Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 928, листы 1—15.

[72]) Наоборотъ, въ процессѣ по разбойному и татебному дѣлу сыскъ выходитъ за предѣлы того преступленія, изслѣдованіемъ котораго онъ начинается, или по замѣчанію Линовскаго „учиненіе одного преступленія давало поводъ къ изслѣдованію преступленій неизвѣстныхъ, т.-е. такихъ, признаки которыхъ не были въ виду слѣдователя“ (О слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ, 75).

[73]) Новомбергскій, Слово и дѣло государевы, № 14. Приведенные въ текстѣ примѣры дополнимъ указаніемъ на нѣкоторыя дѣла, напечатанныя въ матеріалахъ Новомбергскаго: томъ I, № 30, 38, 44, 80. Многочисленность примѣровъ, введенныхъ въ текстъ, оправдывается тѣмъ, что эта форма розыскной процедуры—„распросъ у пытки“—до сихъ поръ оставалась совершенно неотмѣченной въ литературѣ.

[74]) Это видно изъ слѣдующихъ выраженій законодателя: „а на котораго человѣка *въ роспросѣ и съ пытки* языкъ говоритъ“ (XXI, 38); „а котораго человѣка приведутъ съ поличнымъ или по язычной молкѣ или по лихованнымъ обыскомъ въ разбоѣ или въ татьбѣ, а онъ на себя *въ распросѣ, а не пытанъ* скажетъ“... XXI, 58.

[75]) Вотъ примѣръ отчетливаго обособленія извѣтнаго челобитья

отъ распросныхъ рѣчей. Въ 1623 году извѣщалъ оскольскому воеводѣ стрѣлецъ Минка Глазунъ на стрѣльца Ивашку Хлоповскаго въ государевомъ дѣлѣ; воевода прислалъ въ разрядъ: а) извѣтную челобитную Глазуна, б) распросныя его рѣчи; сравнивая первую съ послѣдними, находимъ, что въ распросныхъ рѣчахъ извѣтчика повторяется содержаніе извѣтной челобитной, но съ большей подробностью и съ указаніемъ на свидѣтелей. Акты московскаго государства, I, 185.

[76]) „Великіе государи, слушавъ статейнаго списка, указали: князя Василія Голицына противъ извѣту поляка Силина распросить и сказать ему, что онъ царевну Софію съ ними, великими государи, велѣлъ писать обще, да на него же показалъ Шакловитовъ при смерти, и въ грамотахъ изъ крымскаго походу про патріарха писалъ непристойныя рѣчи; и сказать князю Василію, что за тѣ вины довелся онъ казни, а если онъ вину принесетъ, то великіе государи казнить не велятъ". Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 626.

[77]) Акты московскаго государства, I, 178. Это подозрѣніе возникало тогда, когда свидѣтели, воздерживаясь отъ удостовѣренія или отрицанія инкриминируемаго факта, давали въ распросѣ такое показаніе, что они „не слыхали"; въ виду лежащей на всѣхъ безъ исключенія обязанности политическаго извѣта положеніе свидѣтелей, подтверждавшихъ своими показаніями извѣтъ, было до нѣкоторой степени щекотливое, въ особенности если не было предварительно „запослушиванія", и если преступленіе отъ извѣта было отдѣлено значительнымъ промежуткомъ времени, — ибо свидѣтелямъ тогда могли бы предложить грозный вопросъ: если видали, почему не извѣстили? Поэтому ссылку свидѣтелей, что они „не слыхали", розыскная власть склонна была объяснять боязнью отвѣтственности за недонесеніе.

[78]) Уложеніе, II, 16. Редакція этой статьи наводитъ на такой вопросъ: а если не сыщутъ того, на кого сдѣланъ извѣтъ, какое процессуальное послѣдствіе отсюда вытекаетъ? нужно думать, что неотысканіе разсматривается, какъ симптомъ укрывательства и бѣгства обвиняемаго, а бѣгство есть доказательство виновности; изъ ст. 15, II видно, что бѣжавшаго измѣнника разрѣшалось убить при поимкѣ, и убійство это поощрялось наградой.

[79]) „И тюремные сидѣльцы Мишка Гнутой съ товарищи ставлены съ нимъ, Демкой, съ очей на очи; и на очной ставкѣ Мишка съ товарищи сказали: *говорилъ де ты, Демка*, про государя то непригожее слово? И Демка сказалъ: я де такого непригожаго слова про государя не говаривалъ". Новомбергскій I, 198.

[80]) Архивъ, бѣлгородскаго стола столбецъ № 190, дѣло по извѣту попа Моисея на сына боярскаго Полянскаго. Еще примѣры челобитія объ очной ставкѣ. „Чернавецъ Якушка бьетъ челомъ на чернавца же Василья, что бранилъ-де его Василій непотребной бранью и называлъ измѣнникомъ, а онъ на государевой службѣ былъ и никогда государю не измѣнялъ"; на этомъ основаніи челобитчикъ проситъ „дать сыскъ и очную ставку" (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 682, листы 557 — 563). Любопытенъ слѣдующій примѣръ: „билъ челомъ великому

государю епископъ Меѳодій, чтобъ боринъ Шереметевъ съ товарищи противъ Иванова письма, что онъ, епископъ, былъ до измѣны у Брюховецкаго на радѣ и про бунты и измѣну вѣдалъ, дать съ Иваномъ очную ставку; и бояринъ Шереметевъ велѣлъ ему сказать, что на очную ставку съ головой стрѣлецкимъ Иваномъ въ приказъ тебя взяти и судити непристойно, потому что ты человѣкъ духовнаго чину и намъ то не належитъ" (Акты южной и западной Россіи, VII, 81).

[81]) Акты историческіе, III, 262. Цитированныя въ текстѣ статьи наказовъ относятся прямо къ пыткѣ въ преступленіяхъ политическихъ, почему мы ихъ и предпочли для доказательства нашей мысли. Однако изъ наказа новгородскому воеводѣ конца XVII вѣка мы можемъ привести слѣдующее принципіально важное наставленіе: „а будетъ какіе люди приходить и пріѣзжать учнутъ, ему, боярину и воеводѣ, велѣть тѣхъ людей распрашивать, для чего пріѣхали или пришли, и знатцы на нихъ есть ли; и если на нихъ знатцовъ не будетъ, велѣть сыскивать про нихъ накрѣпко, а будетъ кто до пытки доведется, пытать; а что въ распросѣ и съ пытки скажутъ, о томъ великому государю писать, а ихъ въ тюрьмѣ держать; *а безъ сыску ни кого не пытать*". Полное собраніе законовъ, III, 686. Это распоряженіе, прямо стѣсняющее свободу примѣненія пытки, едва ли относится къ губнымъ дѣламъ, въ которыхъ пыточное производство и безъ того уже было регулировано закономъ; упоминаніе о „пріѣзжихъ и прихожихъ людяхъ" въ связи съ близостью Новгорода къ сѣверному рубежу государства заставляетъ отнести это распоряженіе къ порядкамъ политическаго суда.

[82]) Примѣры пытки въ „непристойныхъ словахъ": Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 272, листы 11—25; книга записная приказнаго стола № 30, листъ 209; Акты археографической экспедиціи, IV, 70; Новомбергскій, I, № 1, 6, 30, 32, 33, 50, 120, 201.

[83]) При тяжкой болѣзни обвиняемаго пытка откладывалась (Новомбергскій, I, 354). Она откладывалась также въ томъ случаѣ, когда не было „мастера": „а пытать тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ въ твоемъ государевѣ дѣлѣ некому"—пишетъ въ Москву одинъ воевода—„потому что у осаднаго воеводы и у губного старосты мастера нѣтъ" (тамъ же, 197). Другой воевода жалуется, что онъ пытать не можетъ, потому что „осадная голова ему непослушна". Акты московскаго государства, III, 576.

[84]) Отписка смоленскаго воеводы Репнина по дѣлу объ измѣнѣ гродненскаго воеводы: „противъ извѣту они (т. е. обвиняемые) во всемъ запирались и съ извѣтчиками имались за пытку, а безъ пытки сыскать межъ ими нечѣмъ, и мы послѣ очныхъ ставокъ и распросу велимъ ихъ пытать". Однако въ Москвѣ и при такихъ условіяхъ нашли пытку неумѣстной и предписали воеводѣ обратиться къ повальному обыску. Акты московскаго государства, III, 43.

[85]) Архивъ, столбецъ приказнаго стола, № 936. Приведемъ здѣсь одинъ яркій примѣръ особенно безпощадной пытки. По дѣлу о непристойныхъ словахъ тюремнаго сторожа Васьки Ермолина велѣно можайскому воеводѣ „пытать накрѣпко всѣхъ, кого доведется" (непристойное

слово затрогивало извѣстную исторію сватовства государя съ Маріей Хлоповой). Воевода Ваську „пыталъ, клещами разжегши велѣлъ жечь“; эта *пытка повторена была четыре раза*; „а сторожъ Васька все одни рѣчи говорилъ, въ непристойномъ словѣ не винился“; тогда воевода велѣлъ извѣтчика „пытать накрѣпко“, и тотъ передъ пыткой повинился, что „такое дурное слово затѣялъ на Ваську собою“. Но воевода все-таки велѣлъ его „пытать накрѣпко и клещами жечь“; эта пытка повторена была трижды, и извѣтчикъ трижды говорилъ однѣ рѣчи; тогда воевода велѣлъ извѣтчику „въ четвертые, розжегши клещи, жечь у ноги перстъ“; затѣмъ „въ пятые“ воевода велѣлъ „подымать его на пытку и пытать крѣпко“; на всѣхъ пыткахъ извѣтчикъ продолжалъ настаивать, что „затѣялъ напрасно“; но черезъ три дня его снова „пытали накрѣпко и жгли“; къ сожалѣнію, не сохранился приговоръ по этому дѣлу. Новомбергскій, I, 36—40.

[86]) Если не было челобитья, то не было и обыска: а на которого человѣка языкъ говоритъ въ распросѣ и съ пытки въ разбоѣ или въ татьбѣ, и на очной ставкѣ его познаетъ, а учнетъ на него говорити съ очей на очи тоже, а тотъ будетъ человѣкъ бродящей, а о обыску бити челомъ не учнетъ,—и того человѣка по язычной молкѣ пытати“. XXI, 38.

[87]) Помимо этихъ случаевъ, Уложеніе узаконяетъ еще обращеніе къ повальному обыску въ дѣлахъ о подлогѣ государевыхъ грамотъ: „будетъ кто, воровскія письма здѣлавъ, умретъ, а послѣ его тѣ письма объявятся у племени или у прикащиковъ его, и то его племя и прикащики учнутъ по тѣмъ письмамъ о какомъ дѣлѣ государю бити челомъ, — и про нихъ сыскати, какимъ обычаемъ тѣ имъ письма достались; да будетъ *про нихъ въ сыску скажутъ*... Гл. IV, 3.

[88]) Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ въ роли свидѣтеля по такимъ дѣламъ другого переѣщика за рубежъ, который, за рубежемъ будучи, видалъ тамъ обвиняемаго и слыхалъ, что онъ крестъ цѣловалъ государеву недругу; такой свидѣтель самъ, очевидно, судится за измѣну, но показаніе его не есть оговоръ однимъ обвиняемымъ другого, такъ какъ онъ изобличаетъ не соучастника по своему преступленію, а человѣка, совершившаго такое же преступленіе, но независимо отъ него, безъ уговора и связи съ нимъ.

[89]) „Билъ намъ челомъ дорогобужскій подъячій Матвѣевъ на стольника Ѳефилатьева, что онъ, мимо государева указа, ѣздилъ по пиромъ ночью къ шляхтѣ отъ города верстъ 15; и вамъ бы, воеводамъ, противъ того челобитья Ѳефилатьева распросить и съ подьячимъ дать очную ставку, а послѣ распросу и очной ставки Ѳефилатьева отпустить къ Москвѣ и подъячаго выслать за поруками въ Москву же; а отпустя Ѳефилатьева и выславъ подъячаго, сыскати въ Дорогобужѣ противъ подъячаго челобитья тутошними всякихъ чиновъ людьми“. Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 85. Итакъ, сначала извѣтчика и обвиняемаго отсылаютъ въ Москву, а потомъ обыскиваютъ.

[90]) Въ дополнительныхъ къ Уложенію статьяхъ о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, изданныхъ въ 1699 году, объ

обыскахъ говорится: „сыскивати людьми, которые сами про то вѣдаютъ подлинно или видѣли и скажутъ имянно“. Этимъ постановленіемъ обыскные люди приравниваются свидѣтелямъ. Статья ссылается на градскіе законы, но гражданскіе законы знаютъ только свидѣтелей. Эта ссылка ясно опредѣляетъ направленіе законодательства: оно не желаетъ видѣть въ обыскныхъ людяхъ сколько-нибудь своеобразнаго средства сыска, это тѣ же свидѣтели. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 1899, 476.

[91]) Матеріаломъ для выводовъ, сдѣланныхъ въ этомъ параграфѣ насчетъ повальнаго обыска въ государевыхъ дѣлахъ, послужили слѣдующіе собранные нами случаи его примѣненія въ политическомъ процессѣ: Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 318; V, 84—85; Русская историческая библіотека, XI, 203; Акты воронежскіе, I, 94; Акты московскаго государства, III, 41; Памятники сибирской исторіи, I, 323; Архивъ, столбцы приказнаго стола № 32, листъ 401, № 1136; столбецъ новгородскаго стола № 10, листы 468—469; Новомбергскій, I, 529 и 538. Въ дѣлахъ о непристойномъ словѣ повальный обыскъ примѣнялся, помимо случаевъ ссылки на болѣзнь и „сумасбродство“, тогда, когда непристойное слово сказано было въ условіяхъ публичности и многолюдства. Новомбергскій, I, 25. У Сокольскаго, Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска, приведенъ любопытный примѣръ повальнаго обыска по дѣлу Стеньки Разина: „розыскать въ Астрахани старцы и попы и дьяконы, къ воровскимъ записямъ и ко всякимъ воровскимъ письмамъ они руки прикладывали ль“; стало-быть, обыскные люди допрашиваются, въ сущности, о томъ, не принимали ли они участія въ томъ самомъ преступленіи, о которомъ производится розыскъ; этотъ примѣръ иллюстрируетъ отмѣченное въ текстѣ щекотливое положеніе обыскныхъ людей въ государевыхъ дѣлахъ.

[92]) Въ 1645 году, въ виду многочисленныхъ жалобъ на произволъ и насилія якутскаго воеводы Головина, противъ него начато было слѣдствіе, и въ Якутскъ посланъ былъ нарочнымъ сынъ боярскій, чтобы „свободить изъ тюрьмы всѣхъ, кого Головинъ посажалъ безъ государева указу, а какіе посажены за большія государевы дѣла, тѣхъ велѣно давать *до сыску* на поруки“. Предполагалось, очевидно, что сначала будетъ разобрано дѣло самого воеводы, которое прольетъ свѣтъ на истинную цѣнность многихъ извѣтовъ, а послѣ того будетъ произведенъ розыскъ по самымъ извѣтамъ.

[93]) Въ 1708 году остякъ Ама Васкинъ, содержавшійся въ приказной избѣ въ караульнѣ по обвиненію въ шатости и измѣнѣ, „посѣкъ себя по горлу топоромъ до смерти“. Памятники сибирской исторіи, I, 323. Въ 1639 году литвинъ изъ Полоцка, побраняся на Опочкѣ съ посадскимъ человѣкомъ на литовскомъ гостиномъ дворѣ, говорилъ „межъ государствы ссорныя и непригожія рѣчи“; за это онъ былъ взятъ подъ стражу на гостиномъ же дворѣ и тамъ зарѣзался; животы его были выданы женѣ его, пріѣхавшей за нимъ изъ Литвы. Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 72, листъ 324.

[94]) Губной староста извѣщалъ воеводѣ: „сказывалъ за собой разбойной тюрьмы сидѣлецъ монастырскій крестьянинъ государево слово,

а имъ-де, губнымъ старостамъ, онъ не скажетъ, какое-то слово"; воевода поставилъ его къ распросу въ приказную избу, а послѣ распроса перевелъ его въ *опальную тюрьму*. Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 96, листъ 353. Тюремнаго сидѣльца, обвиняемаго въ разбоѣ, сына боярскаго Ѳедьку Овсянникова бѣлевскій воевода распрашивалъ въ государевомъ дѣлѣ, а распросивъ, велѣлъ „посадить въ иную тюрьму". Новомбергскій, I, 297. Обвиняемый въ государевомъ дѣлѣ Аѳонька Нѣмой посаженъ былъ до государева указу „въ разбойную тюрьму", но воевода въ отпискѣ государю счелъ нужнымъ объяснить причину этого отступленія отъ общихъ порядковъ: „а опальная тюрьма, государь, худа и вся развалилась". Новомбергскій, I, 444.

[95]) Приводимъ здѣсь указанія на такія государевы дѣла, въ которыхъ сохранилась и помѣта и государева грамота; слѣдовательно, оба формальныхъ момента въ приговорѣ выступаютъ съ полной отчетливостью: Новомбергскій, Слово и дѣло государевы, I, 160, 189, 234, 294. См. также Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 1029, листы 1—3, 74—78.

[96]) Осужденнымъ по дѣлу Шеина приговоръ вычитывался сначала у приказа сыскныхъ дѣлъ, а потомъ „у плахи"; „у плахи" же объявлялся приговоръ самозванцу лже-царевичу Симеону (Акты историческіе, IV, № 247). Салтыковымъ „неправду ихъ и измѣну челъ въ посольскомъ приказѣ дьякъ Грамотинъ" (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 266)

[97]) Такъ, если преступленіе заключалось въ произнесеніи непристойнаго слова, то осужденный, послѣ отбытія наказанія, долженъ былъ представить поручителей въ томъ, что „ему впредь такъ не воровать, непригожихъ словъ не говорить" (Новомбергскій, I, 18); если непристойное слово носило „измѣнный" характеръ, то требовалось поручительство въ томъ, что „ему не измѣнить, въ иныя государства не отъѣхать" (тамъ же, 62); съ осужденныхъ за бунтъ брали послѣ наказанія поручную запись въ томъ, что имъ „не бунтовать, скоповъ и заговоровъ не заводить" (Памятники сибирской исторіи, I, 541); даже осужденные за ложный политическій извѣтъ не избѣгали необходимости представить поручителей въ томъ, что имъ впредь „своимъ умысломъ государева дѣла не сказывать" (Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 201, листъ 88—89). Эта форма поручительства не есть мѣра пресѣченія въ процессѣ, какъ намъ пришлось уже отмѣтить, но не есть также и мѣра карательная; съ исторической точки зрѣнія она имѣетъ прямую связь съ поручительными записями на служебную вѣрность, которыми богата была первая половина XVI вѣка.

[98]) Въ XVII вѣкѣ (правда, во второй его половинѣ) издается рядъ указовъ, которыми ограничивается у мужа право распоряженія вотчинами, полученными въ приданое: см. Ланге, О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву, 70—71. Уложеніе (XVII,I) предусматриваетъ возвращеніе приданаго женѣ послѣ смерти мужа, если бракъ остался бездѣтнымъ.

[99]) Повѣшеніе въ приговорахъ по политическимъ преступленіямъ:

Акты московскаго государства, I, 170, 171, 173; Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 310, V, 86; Русская историческая библіотека, II, 199; Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2, 3, 32; Архивъ приказнаго стола столбецъ № 143, листъ 82, № 9, дѣло Михайлы Таптыкова. Четвертованіе: Котошихинъ, 91; Дворцовые разряды, III, 1019. Отсѣченіе головы: Акты археографической экспедиціи, III, 382; Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 210. Сожженіе: Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II; Полное собраніе законовъ, III, 49.

[100]) Урѣзаніе языка въ соединеніи со ссылкой: Акты московскаго государства, III, 527; Акты археографической экспедиціи, IV, 70, Архивъ, бѣлгородскаго стола столбецъ № 296, листъ 90; въ соединеніи съ наказаніемъ кнутомъ: Котошихинъ, 92; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II; урѣзаніе языка соединяется одновременно и со ссылкой и съ тѣлеснымъ наказаніемъ: Полное собраніе законовъ, III, 35.

[101]) „Орловскаго губного старосту Некрасова, что онъ въ отпискѣ своей великаго государя именованье прописалъ, посадить въ тюрьму на недѣлю, а губного дьяка Коробова, который ту отписку читалъ передъ приказомъ, бить батоги нещадно". Полное собраніе законовъ, I, 584.

[102]) Ссылка за политическія преступленія „на вѣчное житье": Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 204; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 77; Полное собраніе законовъ, III, 52. Ссылка въ службу: Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 32; Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 301; Русская историческая библіотека, X, 560.

[103]) Цитировано по Максимову, Политическіе ссыльные, въ Отечественныхъ запискахъ, т. 185; вообще, по мнѣнію этого изслѣдователя „непремѣнная принадлежность политической ссылки—ограниченная дача пищи".

[104]) Общія нормы насчетъ порядковъ политической ссылки почерпаемъ изъ слѣдующихъ источниковъ: Дополненія къ актамъ историческимъ, VI, 325; XI, 285; Полное собраніе законовъ, III, 89; Архивъ Калачова, 1859, IV, 69; Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 189. Въ отдѣльныхъ производствахъ по государевымъ дѣламъ: Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 204; XII, 301; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 289; Акты археографической экспедиціи, III, 384; Архивъ, бѣлгородскаго стола столбецъ № 296, листъ 90. Неоднократно цитированное въ текстѣ постановленіе 1673 года приводимъ здѣсь въ извлеченіи: „ссыльныхъ, которые по нашему указу присланы за измѣну, давать на крѣпкіе поруки, что имъ жить въ уѣздѣ, гдѣ указано; а по комъ порукъ не будетъ, велѣть ихъ беречь и пересматривать недѣльно; а будутъ сибирскіе жители сказывать на нихъ воровство или что имъ вѣрить не мочно, и по комъ порукъ не будетъ, тѣхъ метати въ тюрьму до нашего указу; а у нашихъ великаго государя дѣлъ ссыльнымъ, которые сосланы за великія вины, быть не велѣть и къ Москвѣ ихъ не отпускать; за по-

бѣгъ ихъ бить кнутомъ и ссылать ихъ въ дальніе сибирскіе городы; въ чины ихъ безъ указу не верстать". Дополненія къ актамъ историческимъ, VI, 325.

[105]) Это расширеніе конфискаціи развилось, нужно думать, изъ взгляда на движимость, какъ на принадлежность недвижимости; напримѣръ, по дѣлу Шеина встрѣчаемъ такое указаніе: государь „указалъ и бояре приговорили вотчины и помѣстья ихъ отписать на государя *со всѣми животы и съ хлѣбомъ*".

[106]) Отмѣтимъ, что и въ книгѣ Н. Д. Сергѣевскаго не приводится примѣровъ угрозы или примѣненія конфискаціи за другія политическія преступленія, кромѣ измѣны (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, стр. 259—262).

[107]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1890, III, 192; Акты археографической экспедиціи, III, 384. Если непристойное слово, истолкованное сначала, какъ проявленіе измѣннаго умысла, по дальнѣйшему розыску оказывалось лишеннымъ такого тяжкаго характера, то конфискація не примѣнялась, а принятыя въ обезпеченіе ея мѣры отмѣнялись: по дѣлу „попа Кондратья и дьячка Гаврилка", обвиняемыхъ въ неподобномъ словѣ, сѣвскій воевода, заподозривъ тутъ измѣнный умыселъ, „животы ихъ послалъ переписать и запечатать"; но въ дальнѣйшемъ сыскѣ оказалось, что обвиняемые „промолвилися въ томъ словѣ со пьяна, а отъ рубежа живутъ они далече, и ссылки у нихъ съ литовскими людьми никакой не бывало"; тогда „указалъ государь вкинуть ихъ въ тюрьму до указу, а животовъ ихъ отписывать на себя, государя, не велѣлъ". Новомбергскій, I, 61—62.

[108]) Конфискація соединяется со смертной казнью за измѣну: Акты археографической экспедиціи, III, 388; Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 214; Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 844, листъ 675. Конфискація соединяется со ссылкой: Акты московскаго государства, III, 527; Дворцовые разряды, III, 1423; Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 1029, листы 1—3, 74—78; Полное собраніе законовъ, III, 33. Конфискація при бѣгствѣ за рубежъ: Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 928, листы 1—15.

[109]) Архивъ приказнаго стола столбецъ № 844, листъ 675. Деньги упоминаются подъ именемъ „животовъ", какъ предметъ конфискаціи: Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Импер. археологич. общества, 1861, II, 737; „рухлядь": Акты южной и западной Россіи, IX, 760; „пожитки": Полное собраніе законовъ, II, 879.

[110]) „Дворъ", какъ предметъ конфискаціи въ до-уложенную эпоху: Акты археографической экспедиціи, III, 382—383; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 192; Дворцовые разряды, I, 835; см. также запись Шуйскаго. Изъ послѣ уложенной эпохи: Полное собраніе законовъ, III, 33; Архивъ, столбецъ бѣлгородскаго стола № 296, листъ 90.

[111]) Впрочемъ, точка зрѣнія на дворъ, какъ на собственность городской общины, оказалась настолько неустойчивой, что уже скоро

послѣ Уложенія законодательство начинаетъ склоняться къ уступкамъ въ пользу держателей городскихъ участковъ (Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, 562—563). Да и въ самомъ Уложеніи эта точка зрѣнія проведена не безъ противорѣчій, напримѣръ, ст. 3, XXV устанавливаетъ конфискацію „дворовъ“ на государя за рецидивъ корчемства.

[112]) Любопытно отмѣтить мнѣніе Сперанскаго: онъ полагалъ, что въ московскомъ государствѣ „полные холопи причислялись къ *животамъ* господина“. Планъ всеобщаго государственнаго образованія, 299.

[113]) XX, 33. Въ 1682 году въ государеву грамоту стрѣльцамъ съ восхваленіемъ ихъ заслугъ внесено было слѣдующее постановленіе: „буде боярскіе люди, *похотя изъ холопства быть свободны*, учнутъ на бояръ своихъ затѣвать, и тому извѣту не вѣрить“ (Акты археографической экспедиціи, IV, 365); очевидно, такіе расчеты складывались у холоповъ подъ прямымъ воздѣйствіемъ существовавшей тогда практики.

[114]) Архивъ, приказнаго стола столбецъ № 844, листъ 675; № 1029, листы 74—78. Въ этомъ пунктѣ слѣдуетъ отмѣтить различіе московской практики отъ постановленій Статута ьеликаго княжества Литовскаго, въ которомъ сказано: „имѣнія, послѣ измѣнниковъ отписанныя, мы никогда и никому жаловать не будемъ, дабы и на грядущія времена такового преступника измѣна была явна“. Статутъ, раздѣлъ I, артикулъ 6.

[115]) Уложеніе, какъ мы видѣли, формулируетъ въ видѣ общаго правила, что изъ конфискованныхъ вотчинъ и помѣстій оставляется семьѣ казненнаго измѣнника „на прожитокъ, что государь пожалуетъ“ (II, 7); въ практикѣ государевыхъ дѣлъ намъ не приводилось встрѣчать случаевъ выдачи этой „прожиточной“ части.

[116]) Встрѣчаемъ еще одинъ случай самоустраненія воеводы отъ розыска, когда извѣтчикомъ передъ нимъ выступаетъ его собственный холопъ (Новомбергскій, I, 170—171); но по изложенію неясно, противъ кого направленъ былъ извѣтъ: противъ самого воеводы или противъ другого лица.—Въ 1680 году якутскій воевода Андрей Барнешелевъ „пыталъ казака Силку Дехтерева, что онъ, Силка, сказалъ на него, Андрея, государево полатное дѣло“. Дополненія къ актамъ историческимъ, VIII, 266; нужно думать, что это было злоупотребленіе въ богатой злоупотребленіями практикѣ сибирскихъ воеводъ.

[117]) Новомбергскій, I, 55—59. Характерныя также строчки читаемъ въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, XI, 208: „писалъ великимъ государемъ изо Пскова бояринъ и воевода Шереметевъ, что извѣщалъ ему Герасимъ Станищевъ на чернеца Іосафа Печерскаго монастыря въ государевомъ словѣ, а онъ, воевода, *безъ великихъ государей указу посылать по того чернеца и распрашивать его не смѣетъ*“.

[118]) Домогательства тюремныхъ сидѣльцевъ въ этомъ смыслѣ были особенно безнадежны: имъ не помогали даже ссылки на „тайное великое дѣло“. Новомбергскій, I, 326. Въ одномъ изъ дѣлъ, въ отвѣтъ на челобитье извѣтчика (тюремнаго сидѣльца) „взять его къ Москвѣ“, читаемъ такую инструкцію: „будетъ до него татиное дѣло дошло, его распросить

и *распросныя рѣчи къ Москвѣ прислать*; а будетъ татиное дѣло не дошло, *прислать къ Москвѣ его самого*". Тамъ же, 341.

[119]) Чичеринъ, Областныя учрежденія въ XVII вѣкѣ, 140 и слѣд. Относительно права воеводъ рѣшать дѣла по государственнымъ преступленіямъ Чичеринъ (тамъ же, 144) говоритъ, что приговоръ по этимъ дѣламъ „произносился не иначе, какъ по государеву указу, это правило наблюдалось даже для самыхъ отдаленныхъ воеводъ"; почти то же самое высказываетъ и Градовскій, Исторія мѣстнаго управленія, 442: „дѣла по государственнымъ преступленіямъ разрѣшались всегда въ Москвѣ, воеводѣ же поручалось производство слѣдствія и исполненіе приговора". Но Андреевскій, О намѣстникахъ, 102, держится иного мнѣнія: „слѣдствіе и судъ надъ преступниками государственными производились вездѣ воеводой".

[120]) Въ обоснованіе дальнѣйшихъ выводовъ приводимъ здѣсь сводъ „помѣтъ" по государевымъ дѣламъ, въ которыхъ выражается участіе органовъ верховной власти въ постановкѣ приговора. I. „Государь указалъ и бояре приговорили": Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2—3; Новомбергскій, I, 189; Акты археографической экспедиціи, III, 383; Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 301, X, 66; Собраніе государственныхъ грамотъ, IV, 611; Полное собраніе законовъ, III, 40, 47; Архивъ, приказнаго стола № 936, листы 142 и слѣд. II. „По государеву указу бояре приговорили": Акты московскаго государства, I, 185, II, 274; Дворцовые разряды, III, 2019, I, 200; Новомбергскій, I, 8, 47, 112, 294; Архивъ, приказнаго стола № 327, № 844, листъ 675, № 143, листы 81—82, № 2623, листъ 115 III. „Бояре приговорили", до Уложенія: Акты московскаго государства, I, 170, 171, 173; Новомбергскій, I, 3, 186, 310; послѣ Уложенія—Акты московскаго государства, III, 331; полное собраніе законовъ, I, 602, III, 453; Архивъ, новгородскаго стола № 272, листы 11—25; IV. „Государь указалъ": Полное собраніе законовъ, I, 592, III, 89; Дворцовые разряды, III, 1164, 1423; Русская историческая библіотека, X, 560; Акты южной и западной Россіи, V, 34; Архивъ, бѣлгородскаго стола § 21, листы 401—407; приказнаго стола № 385, листы 271—278, № 143, листъ 135; Новомбергскій, I, 41, 62, 121, 130, 293, 312.

[121]) Приговоры къ смертной казни и конфискаціи за политическія преступленія, постановленные въ царствованіе Михаила Ѳедоровича: Дворцовые разряды, I, 200, 835; Акты археографической экспедиціи, III, 383, Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 257—267; Новомбергскій, I, 112; Архивъ приказнаго стола столбецъ № 9, листы 86—137, столбецъ № 143, листъ 82. Такіе же приговоры послѣ Михаила Ѳедоровича, постановленные безъ участія боярской думы: Дворцовые разряды, III, 1423; полное собраніе законовъ, III, 33; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II.

[122]) Высказанная и обоснованная въ этомъ параграфѣ мысль о постоянномъ и заурядномъ участіи органовъ верховной власти (главнымъ образомъ, власти царской) въ рѣшеніи политическихъ дѣлъ имѣетъ въ историко-юридической литературѣ своихъ противниковъ и своихъ за-

щитниковъ (впрочемъ, безъ систематическаго обоснованія); сводъ литературныхъ указаній см. въ моей „Замѣткѣ о московскомъ судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ“ въ Юридическихъ запискахъ Демидовскаго лицея, 1911, I. Нужно добавить еще, что въ изслѣдованіе наше не входитъ Малороссія, которая пользовалась въ XVII вѣкѣ, какъ автономная провинція, правомъ самостоятельнаго вершенія политическихъ дѣлъ до примѣненія смертной казни включительно. Этотъ порядокъ съ отчетливостью уясняется изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ. По царской грамотѣ 1675 года „буде въ малороссійскихъ городахъ учнутъ какіе люди вмѣщать плевосѣятельныя рѣчи, ихъ отсылать гетману и чинить имъ по войсковымъ правамъ“ (Акты южной и западной Россіи, XII, 66). Практика соотвѣтствовала этой инструкціи: въ 1677 году нѣжинскому протопопу Адамову и полковнику стародубскому Петру Рословцу за „злыя намѣренія противъ престола царскаго величества судъ былъ передъ полнымъ судомъ войсковымъ и къ смертной казни приговорены“ (тамъ же, XIII, 232). Въ 1672 году черкашенинъ Тимошка, сказавшій про государя непристойное слово, отосланъ былъ по царской грамотѣ къ гетману, чтобы онъ ему „казнь учинилъ по войсковымъ правамъ“ (тамъ же, XI, 107). Даже свой суровый судъ надъ гетманомъ Москва стремилась оправдать ссылкой на ходатайство малороссійской старшины: въ приговорѣ Многогрѣшному указывалось на то, что „хотѣлъ государь прислать бывшаго гетмана на раду, а старшина била челомъ, чтобы государь на раду его не присылалъ, а учинилъ ему казнь въ Москвѣ“, чтобы избѣжать „смятенія великаго“ (тамъ же, IX, 889). Но насколько своеобразно Москва понимала автономію малороссійскаго суда и какъ она относилась къ его приговорамъ, видно изъ слѣдующей помѣты на докладной выпискѣ гетмана Брюховецкаго: „указалъ великій государь, которые люди у гетмана сидятъ за карауломъ, и онъ бы ихъ судилъ и каралъ по ихъ войсковымъ правамъ, а будетъ виноватымъ по ихъ войсковымъ правамъ будетъ свобода, а отъ нихъ чаять впредь какого дурна, и тѣхъ бы присылалъ къ Москвѣ“ (тамъ же, VI, 86); а въ Москвѣ ихъ ждала ссылка въ Сибирь (иногда, по ходатайствамъ самихъ гетмановъ).

[123]) Сомнѣнія насчетъ того, не есть ли приговоръ результатъ самостоятельнаго рѣшенія приказа, возникаютъ у изслѣдователя тогда, когда въ производствѣ государева дѣла отсутствуетъ прямое указаніе на органъ, постановившій рѣшеніе; всѣ такіе случаи могутъ быть разбиты на слѣдующія категоріи. 1) Въ дѣлѣ совсѣмъ отсутствуетъ помѣта, а есть только государева грамота; можетъ ли это служить указаніемъ на самостоятельное рѣшеніе приказа? отнюдь нѣтъ, ибо а) и приказное рѣшеніе должно было бы найти себѣ выраженіе въ приказной же помѣтѣ, б) отсутствіе помѣты можетъ быть результатомъ пробѣла въ документахъ или можетъ служить указаніемъ, что ее слѣдуетъ искать въ столбцахъ другого приказа, куда воевода также посылалъ отписку по этому дѣлу и гдѣ оно было рѣшено; в) наконецъ, государево дѣло могло быть доложено верховной власти въ порядкѣ „статейнаго списка“, т.-е. вмѣстѣ съ другими дѣлами; по крайней мѣрѣ, такія указанія изрѣдка встрѣчаемъ (Архивъ, прик. ст. № 22, листъ 303); въ этомъ слу-

чаѣ помѣта не сохраняется въ производствѣ самаго дѣла, а попадаетъ въ соотвѣтствующій пунктъ статейнаго списка. 2) Въ дѣлѣ не только не сохранилось помѣты, но и сама государева грамота не ссылается на то, что „государь указалъ“ или „бояре приговорили“, а просто предписываетъ: „какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, вы бы велѣли“. Однако, это опять-таки не служитъ указаніемъ на самостоятельное рѣшеніе приказа, такъ какъ мы встрѣчаемъ государевы грамоты, составленныя по такому типу, но основанныя на неоспоримой помѣтѣ „государь указалъ“. Новомбергскій, I, 136.—3). Не можетъ служить указаніемъ на самостоятельное рѣшеніе приказа и та чрезвычайная иногда скорость, съ которой государева грамота, излагающая приговоръ, слѣдуетъ за воеводской отпиской, потому что мы имѣемъ примѣры, когда политическое дѣло докладывается государю въ день полученія воеводской отписки (Новомбергскій, I, 185) или когда между полученіемъ отписки и написаніемъ въ отвѣтъ ея государевой грамоты проходитъ одинъ день, а за этотъ срокъ все дѣло было доложено боярской думѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣта. Акты московскаго государства, I, 185.—4) Наконецъ, въ дѣлѣ можетъ фигурировать помѣта, но безъ всякихъ указаній на тотъ органъ, чье рѣшеніе въ ней выражено (напр., „велѣть послать государеву грамоту“); по мнѣнію Рожкова (происхожденіе самодержавія въ Россіи, 210), такія помѣты можно безъ всякихъ колебаній принимать за свидѣтельство о самостоятельныхъ рѣшеніяхъ приказа; мы бы не рѣшились поддержать это утвержденіе, во-первыхъ, потому, что для рѣшеній приказа приняты были въ Москвѣ особенныя приказныя помѣты, примѣры которыхъ мы приводили въ текстѣ; во-вторыхъ, потому, что намъ извѣстны случаи, когда въ помѣтѣ стоитъ „послать государеву грамоту“, а сама грамота ссылается на то, что „бояре приговорили“. Новомбергскій, I, 279. Поэтому мы полагаемъ, что подъ такими глухими помѣтами лишь *могли* скрываться самостоятельныя рѣшенія приказа, но вопросъ этотъ для каждаго дѣла долженъ быть окончательно разрѣшаемъ по соображеніямъ всѣхъ особенностей дѣла.

УКАЗАТЕЛЬ

важнѣйшихъ статей и изслѣдованій, упоминаемыхъ въ этой книгѣ и имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи русскаго процесса.

1. Веретенниковъ. Исторія тайной канцеляріи. 1910.

2. Гурляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ.

3. Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій. Сочиненія, I.

4. Кавелинъ. Основныя начала русскаго судоустройства отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ. Сочиненія, 1859, I.

5. Кистяковскій. Изслѣдованіе о смертной казни. 1896.

6. Колосовскій. Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію Алексѣя Михайловича. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859, III.

7. Ланге. Древне-русское уголовное судопроизводство. 1884.

8. Линовскій. Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. 1847.

9. Линовскій. Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. 1849.

10. Максимовъ С. Политическіе ссыльные. Отечественныя записки, томъ 185*.

11. Н.—Судъ и государственныя преступленія. Юридическій вѣстникъ. 1880*.

12. Неклюдовъ. Примѣчанія, приложенія и дополненія къ учебнику уголовнаго права А. Ф. Бернера. 1866.

13. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи.

14. Сергѣевскій. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. 1887.

15. Смирновъ А. Предварительный арестъ и заключеніе. Очеркъ изъ исторіи русскаго процессуальнаго права. Юридическій вѣстникъ, 1878*.

16. Сокольскій. Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска. Кіевскія университетскія извѣстія, 1871.

17. Суховъ А. Историческая характеристика древнерусскаго уголовнаго права до XVII столѣтія. Юридическій вѣстникъ, 1874*.

18. Фойницкій. Наказуемость изъявленія умысла по русскому праву. Судебный вѣстникъ, 1876.

19. Чебышевъ-Дмитріевъ. О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву. Ученыя записки казанскаго университета, 1862, I.

20. Шалфеевъ. Объ уставной книгѣ разбойнаго приказа. 1868.

21. Ясинскій. Главный литовскій трибуналъ.

22. Urysohn. Das Verbrechen des Hochverrats im russischen Strafrecht, geschichtlich und dogmatisch dargestellt. Breslau. 1906.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА